А. Г. ШИРОКОВА

ЧЕШСКИЙ ЯЗЫК

Допущено
Министерством высшего
и среднего специального образования СССР
в качестве учебника
для филологических факультетов
государственных университетов
и педагогических вузов СССР

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЛИТЕРАТУРЫ НА ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКАХ
Москва 1961

ОГЛАВЛЕНИЕ

стр.

Введение (Графика, алфавит, общие сведения) 7

Фонетика 12

I. Фонетика современного чешского языка 12
§ 1. Гласные фонемы 12
§ 2. Замечания к образованию гласных фонем 13
§ 3. Смыслоразличительная роль долгих и кратких гласных фонем 18
§ 4. Дифтонги 18
§ 5. Слоговые согласные 19
§ 6. Согласные фонемы 20
§ 7. Замечания об отдельных согласных фонемах . . . 22
§ 8. Таблица согласных фонем чешского языка 30
§ 9. Мягкие и твердые согласные фонемы 31
§ 10. Глухие и звонкие согласные. Ассимиляция согласных по глухости и звонкости 33
§ 11. Ассимиляция согласных по месту и способу образования. Произношение групп согласных 34
§ 12. Придыхание 36
§ 13. Произношение и правописание иностранных слов . . 37
§ 14. Ударение и интонация 38

II. Историческая фонетика 43
§ 15. Чешский язык и западнославянская группа языков . . 43
§ 16. Чешский язык и его связи с языками восточно- и южнославянской групп 46
§ 17. Звуковой состав древнечешского языка 48
§ 18. Характеристика звукового качества гласных фонем в древнечешский период 50
§ 19. Количество древнечешских гласных 53
§ 20. Ударение 56
§ 21. Характеристика звукового качества согласных фонем древнечешского языка (IX—X вв.) 58

Фонетические процессы исторической эпохи . 61
§ 22. История носовых ǫ и ę 61
§ 23. История редуцированных гласных 63
§ 24. Слогообразующие согласные. Судьба сочетаний редуцированных с плавными и плавных с редуцированными 66
§ 25. Стяжение гласных 70
§ 26. Перегласовка a>ě>e 72
§ 27. Перегласовка 'u>i 76
§ 28. Изменение звука y 79
§ 29. Изменение долгих гласных 80
§ 30. Изменение aj>ej 88
§ 31. История согласных 90
§ 32. Возникновение фонологической парной мягкости согласных 95
§ 33. История мягкости и твердости согласных 95
§ 34. Уподобление согласных по звонкости и глухости . . . 99
§ 35. Изменение групп согласных 100

Морфология 102

§ 36. Существительные 102
§ 37. Формирование системы склонения в чешском языке . . 104
§ 38. Существительные мужского рода 109
§ 39. Склонение существительных мужского рода твердой и мягкой разновидности 110
§ 40. Существительные мужского рода на -a, -(c)e . . . 123
§ 41. Непродуктивные типы склонения существительных мужского рода 125
1. Существительные мужского рода на -í 125
2. Существительные мужского рода на -en 127
§ 42. Судьба склонения существительных мужского рода прежних ĭ-основ 128
§ 43. Склонение существительных среднего рода 129
§ 44. Склонение существительных среднего рода твердой разновидности 129
§ 45. Склонение существительных среднего рода мягкой разновидности 132
§ 46. Склонение существительных среднего рода на -í . . . 133
§ 47. Склонение существительных среднего рода с неравносложными основами 135
§ 48. Судьба существительных старых n- и s-основ 137
§ 49. Склонение существительных женского рода 138
§ 50. Склонение существительных женского рода твердой разновидности 139
§ 51. Склонение существительных женского рода мягкой разновидности 140
§ 52. Существительные женского рода на согласный . . . 141
§ 53. Судьба склонения существительных прежних -ьja-основ и основ на согласные 145
§ 54. Сокращение долгих корневых гласных у существительных мужского, женского и среднего рода 146

§ 55. Остатки форм двойственного числа 147
§ 56. Склонение существительных, употребляющихся только в форме множественного числа. Склонение собственных местных имен 149
§ 57. Склонение иностранных слов 150
§ 58. Имена прилагательные 153
§ 59. Краткие прилагательные 154
§ 60. Притяжательные прилагательные 158
§ 61. Склонение притяжательных прилагательных 160
§ 62. Существительные, восходящие к притяжательным прилагательным 162
§ 63. Притяжательные прилагательные на -í 162
§ 64. Полные (местоименные) прилагательные твердой и мягкой разновидности 163
§ 65. Степени сравнения прилагательных 169
§ 66. Местоимения 172
§ 67. Личные местоимения и возвратное se 173
§ 68. Склонение личных местоимений 1-го и 2-го лица и возвратного местоимения se 174
§ 69. Склонение местоимения 3-го лица (on, ona, ono) . . 176
§ 70. Указательные местоимения 179
§ 71. Притяжательные местоимения. 183
§ 72. Склонение притяжательных местоимений náš, váš . . 186
§ 73. Притяжательные местоимения 3-го лица единственного и множественного числа 187
§ 74. Вопросительные местоимения 188
§ 75. Относительные местоимения 190
§ 76. Неопределённые местоимения 192
§ 77. Отрицательные местоимения 193
§ 78. Определительные местоимения 193
§ 79. Числительные 195
§ 80. Количественные числительные 196
§ 81. Порядковые числительные 200
§ 82. Числительные видовые и собирательные 201
§ 83. Кратные числительные 202
§ 84. Глагол 203
§ 85. Виды глаголов 204
§ 86. Основы глагола 210
§ 87. Классы глаголов 211
§ 88. Настоящее время. Типы спряжения 216
§ 89. I класс 217
§ 90. II класс 218
§ 91. III класс 219
§ 92. История личных окончаний глаголов настоящего времени 220
§ 93. Спряжение прежних нетематических глаголов . . . 223
§ 94. Будущее время 224
§ 95. Действительное причастие прошедшего времени на -l . 225
§ 96. Прошедшее время 226
§ 97. Вышедшие из употребления прошедшие времена . . . 228
§ 98. Повелительное наклонение 230

§ 99. Условное наклонение 233
§ 100. Деепричастие и причастие 236
§ 101. Страдательные причастия 241
§ 102. Страдательный залог (форма пассива) 244
§ 103. Инфинитив 246
§ 104. Наречие 247
§ 105. Образование наречий 248
§ 106. Степени сравнения наречий 251
§ 107. Предлоги 252
§ 108. Союзы 255
§ 109. Междометия 256

Краткий очерк развития литературного чешского языка . . . 258

Краткий очерк чешской диалектологии 287
Диалектологические тексты 306

История чешской графики 318

Тексты для чтения 321
Древнечешские тексты 321
Тексты XIX и XX вв. 333

Словарик к текстам 340

ВВЕДЕНИЕ

Чешский язык является национальным языком чехов и, наряду со словацким, одним из государственных языков Чехословацкой Социалистической Республики. Из 13 млн. 650 тыс. человек, населяющих территорию Чехословакии, на чешском языке говорит около 9 млн. человек. Кроме того, чешским языком пользуется около 1 млн. человек, проживающих за пределами Чехословакии.

Чехи и мораване занимают Чехию, Моравию и часть Силезии (Опавский округ и Тешинский край), всего около 80 тыс. кв. км, словаки — восточные области страны площадью в 48,9 тыс. кв. км.

Чехословакия граничит с шестью государствами: на северо-западе — с Германской Демократической Республикой (по Рудным горам), на юго-западе — с Федеративной Республикой Германии (граница — Чешский лес), на юге — с Австрией, на севере — с Польшей (естественной границей являются Судеты), на юго-востоке — с Венгрией и на востоке (естественная граница — Карпаты) — с СССР (граничит только Словакия).

Столицей Чехословацкой республики является г. Прага. Из прочих крупных городов Чехословакии следует назвать Братиславу (столица Словакии), Остраву (в Силезии), Брно, Оломоуц, Простеёв (в Моравии), Пльзень, Ческе Будеёвице, Табор (в Чехии).

Чешский язык вместе со словацким, польским, кашубским, верхне- и нижнелужицким языками входит в

западнославянскую группу языков. Из всех славянских языков чешский язык ближе всего к словацкому языку, с которым он составляет одну языковую группу — чехословацкую.

Некоторые ученые даже считают, что словацкий язык является диалектом чешского языка. Однако для подобного утверждения нет оснований. Словацкий язык — это самостоятельный язык со своей особой грамматической структурой. Единство языковых процессов объясняется общностью культурной, общественной и языковой жизни чешских и словацких племен еще до X века, широким общением населения в период бурных общественно-политических движений (гуситское движение), употреблением до XIX в. в словацких областях чешского языка в качестве литературного, широкими культурными связями чехов и словаков в XX в.

ЧЕШСКИЙ АЛФАВИТ

Буква	Название	Приблизительное звуковое соответствие в русском языке	Буква	Название	Приблизительное звуковое соответствие в русском языке
A a	a *krátké*	а	O o	o *krátké*	о
Á á	á *dlouhé*	а	Ó ó	ó *dlouhé*	о
B b	bé	б	P p	pé	п
C c	cé	ц	Q q	kvé	кв
Č č	čé	ч	R r	er	р
D d	dé *tvrdé*	д	Ř ř	eř	рж, рш
Ď ď	dě *měkké*	дь	S s	es	с
E e	e *krátké*	э	Š š	eš	ш
É é	é *dlouhé*	э	T t	té *tvrdé*	т
Ě ě	ije	е	Ť ť	tě *měkké*	ть
F f	ef	ф	U u	u *krátké*	у
G g	gé	г	Ú ú	ú *dlouhé*	у
H h	há	г	Ů ů	ů *kroužkované*	у
Ch ch	chá	х	V v	vé	в
I i	i *měkké krátké*	и	W w	vé *dvojité*	в
Í í	í *měkké dlouhé*	и	X x	iks	кс
J j	je, jot	й	Y y	y (ypsilon) *tvrdé krátké*	и
K k	ka	к	Ý ý	ý (ypsilon) *tvrdé dlouhé*	и
L l	el	л	Z z	zet	з
M m	em	м	Ž ž	žet	ж
N n	en	н			
Ň ň	eň	нь			

ЧЕШСКАЯ ГРАФИКА И ОРФОГРАФИЯ

Чехи, как и все западные славяне, пользуются латинским алфавитом. Для обозначения некоторых чешских звуков используются диакритические (надстрочные) значки: ´(čárka) для обозначения долготы гласных á, ó, ú, é, í; ° (kroužek) для обозначения долгого ů; ˇ (háček) для обозначения шипящих согласных š, ž, č и специфически чешского звука ř; ˇ служит также для обозначения мягкости прописных Ň, Ť, Ď в положении перед согласными или перед гласными **a**, **o**, **u** и для обозначения мягкости строчного ň перед гласными **a**, **o**, **u** и в конце слога.

Для обозначения мягкости строчных t и d в конце слов, перед согласными и перед гласными a, o, u используется значок ´: ť, ď.

Значок ˇ над **e** (ě) указывает на мягкость согласных n, t, d или на особый характер произношения губных согласных m, p, b, v, f (обычно губной согласный +j) (см. подробнее § 9).

На мягкость согласных n, t, d указывают также буквы i, í, на их твердость — y, ý. Буквы q (в буквосочетании qu), w и x встречаются только в иностранных словах, обычно в собственных именах.

Чешская орфография базируется на следующих принципах: фонетическом, морфологическом и историко-этимологическом. Основным является принцип фонетического правописания, согласно которому точно воспроизводятся произносимые звуки. Например: mám, ten, dále.

Однако нередко написание тех или иных слов не соответствует произносимым звукам. Так, следуя морфологическому принципу, в чешской орфографии сохраняется написание звонких согласных там, где вместо них произносятся глухие согласные, и наоборот, а также написание групп согласных, в произношении сливающихся в один звук. Напр., dub [dup], svatba [svadba], lidský [lickȳ].

Кроме того, в соответствии с историко-этимологическим принципом, по традиции пишутся те буквы, которые в настоящее время не соответствуют особым звукам. Так, для обозначения долгого [ū] служат две буквы: ú и ů, обозначавшие ранее различные звуки [ū] и [ō].

Буква ú употребляется обычно в начале слов и после приставок: ústa *рот*, neúroda *неурожай*; буква ů — в середине и в конце слов: stůl *стол*, můj *мой*, domů *домой*.

Звук [i] также передается двумя буквами: **i** и **y**, а [ī] — **í**, **ý**, т. к. раньше этим двум буквам соответствовали различные звуки. Ср. чеш. bil *бил* и byl *был*, bíti *бить* и býti *быть*.

Написание **i** и **y**, **í** и **ý** в окончаниях служит нередко (особенно у прилагательных и существительных) для различения форм. Ср. им. пад. ед. ч. mladý hoch и им. пад. мн. ч. mladí hoši; им. пад. мн. ч. psi и вин. пад. мн. ч. psy и т. д.

После k, h, ch, r пишется всегда **y**, **ý**; chyba, ryba, suchý, drahý (за исключением заимствованных слов: kilo, chirurg); после j, ž, š, č, c и ř пишется только **i**, **í**: jitro, žíti, žil, šíti, šil, čisto, cíl, říčka и т. п.

I. ФОНЕТИКА СОВРЕМЕННОГО ЧЕШСКОГО ЯЗЫКА ЗВУКОВОЙ СОСТАВ СОВРЕМЕННОГО ЧЕШСКОГО ЯЗЫКА (СОСТАВ ФОНЕМ)

В звуковой системе современного чешского языка представлено 35 гласных и согласных фонем. Гласных фонем 10, кроме того особой отдельной фонемой можно считать дифтонг ou. Согласных фонем 25, причем согласные **r** и **l** могут быть и слогообразующими (вариантами неслоговых r и l).

§ 1. Гласные фонемы

В звуковой системе современного литературного чешского языка различаются следующие долгие и краткие гласные фонемы:

По степени подъема языка	По месту подъема языка				
	Переднего ряда		Среднего ряда	Заднего ряда	
Верхнего подъема	[ī] [ĭ]				[ū] [ŭ]
Среднего подъема		[ē] [ĕ]		[ō] [ŏ]	
Нижнего подъема			[ă] [ā]		
Гласные по участию губ	Нелабиализованные			Лабиализованные	

Таким образом, в литературном чешском языке находим 10 гласных фонем: 5 кратких и 5 долгих, соотносительных по образованию.

Краткие гласные фонемы чешского языка a, o, u, e, i близки по своему образованию к соответствующим гласным русского языка, но не полностью совпадают с последними, отличаясь от них более энергичной и четкой артикуляцией (см. ниже замечания об образовании гласных).

Долгие гласные фонемы отличаются от соответствующих кратких своей длительностью (они тянутся примерно вдвое дольше кратких) и напряженностью, а также более закрытым характером образования, за исключением [ā], являющегося более открытым, чем [ă].

§ 2. Замечания к образованию гласных фонем*

1. Гласный **i**.

[ĭ] — гласный переднего ряда, высокого подъема, нелабиализованный. По образованию и акустическому впечатлению чешское [i] [*граф.* i и y] близко русскому [и]. Из среднечешского наречия в литературный язык нередко проникает произношение широкого, открытого [ï], близкого к [e], которое, однако, является диалектным.

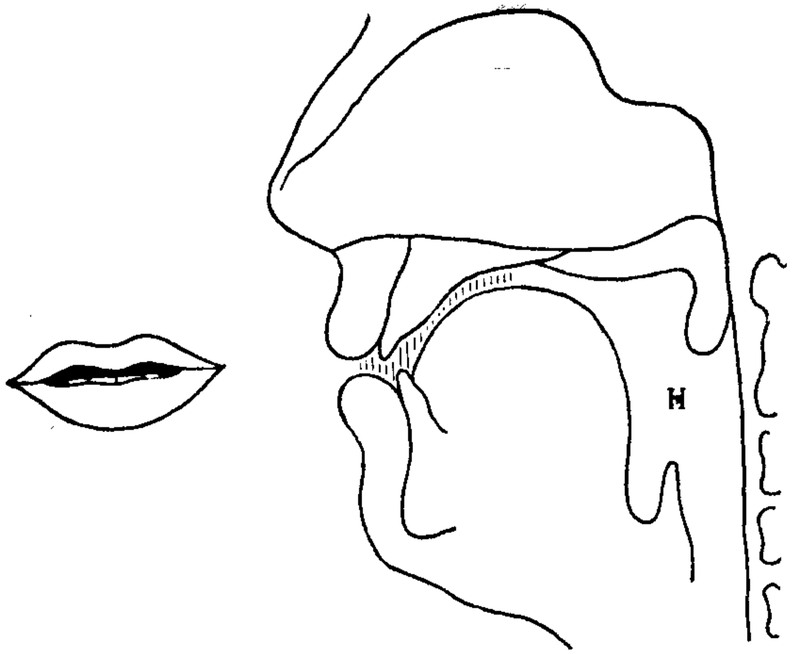
[ī] — звук более закрытый, чем [ĭ], и в этом отношении больше напоминает русское ударенное [и].

2. Гласный **e**.

[ĕ] — гласный переднего ряда, среднего подъема, нелабиализованный. В отношении закрытости и открытости чешское литературное [e] является средним, но по сравнению с русским более закрытым.

При артикуляции [ē] щель между губами меньше, чем при [ĕ], а язык более продвинут вперед и вверх. Гласный

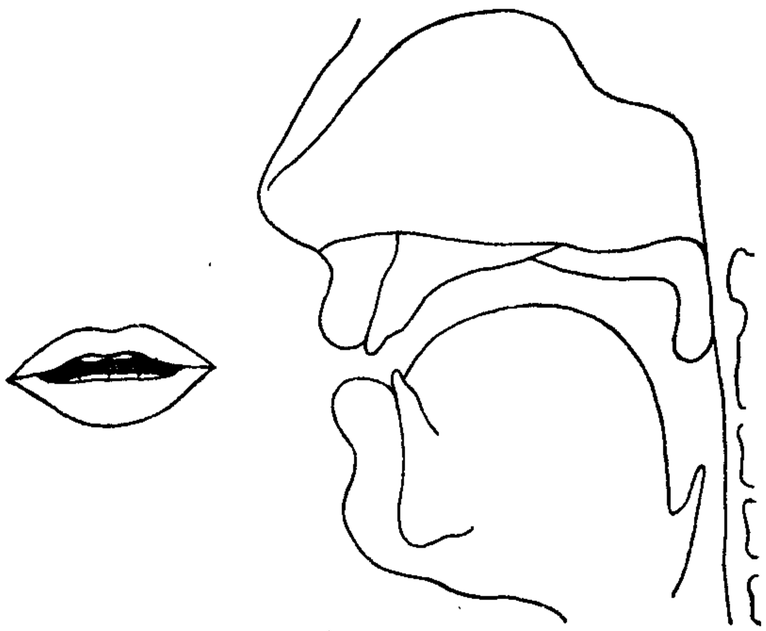
* Подробнее см. в работах: 1) B. Hála. *Výslovnost spisovné češtiny*, Praha 1955 и 2) F. Daneš, B. Hála, A. Jedlička, M. Romportl. *O mluveném slově*, Praha 1954. Отсюда же взята вышеприведенная таблица и палатограммы (см. ниже).



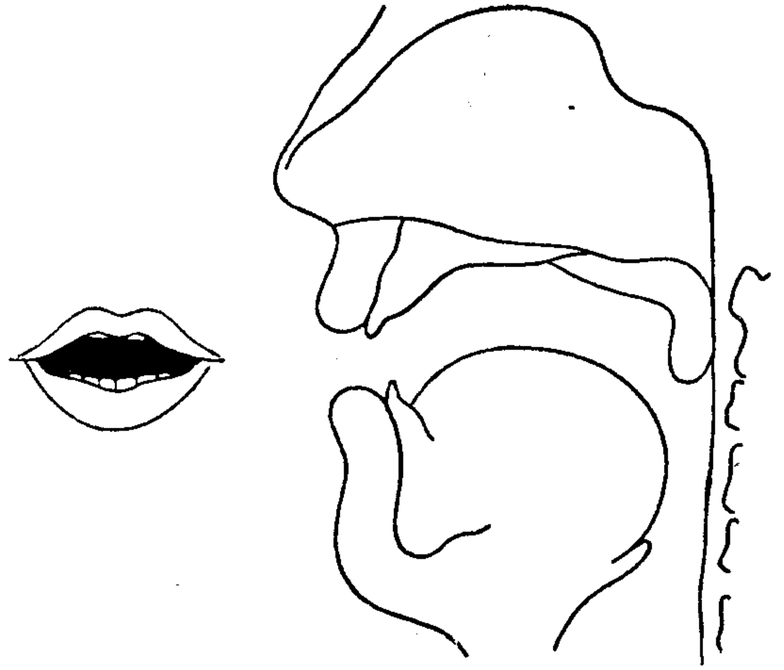
1. Положение губ при произношении [i]
2. Положение органов речи при артикуляции [i]

[ē] отличается от [ĕ] не только продолжительностью, но и большей напряженностью и более высоким образованием.

Произношение [ē] как закрытого, узкого гласного, близкого к [i], свойственное моравским говорам, проникает и в литературный язык. Произношение широкого открытого [e] характерно для речи пражан и вообще для среднечешских областей.



1. Положение губ при артикуляции [e]
2. Положение органов речи при артикуляции [e]



1. Положение губ при артикуляции [a]
2. Положение органов речи при артикуляции [a]

3. Гласный **a.**

[ă] — гласный среднего ряда, нижнего подъема, нелабиализованный. При образовании [ă] язык находится за нижними зубами, почти в нейтральном положении, рот раскрыт шире, чем при образовании других гласных, так что между губами образуется довольно широкая щель. При образовании долгого [ā] рот раскрыт еще шире, а кончик языка находится ниже, опираясь о выступ нижней десны, языковое тело более отодвинуто назад, чем при [ă]. Вследствие этого [ā] является гласным более открытого образования и более низким, чем [ă].

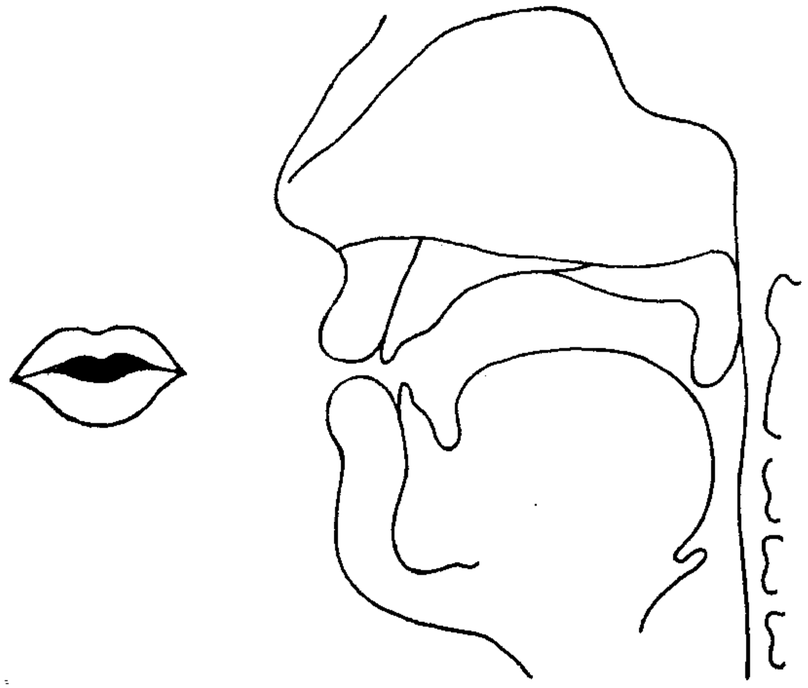
В индивидуальном произношении, а также в юго-западных чешских говорах можно услышать на месте [ă] звук [ä] (т. е. продвинутое вперед [a]): prävo).

4. Гласный **o.**

[ŏ] — гласный заднего ряда, среднего подъема, лабиализованный. При образовании [ŏ] язык поднимается несколько вверх, отодвигаясь при этом назад; губы сближаются, немного округляются и слегка выпячиваются вперед.

В отношении закрытости и открытости чешское литературное [ŏ] является средним, хотя в Праге и в Средней Че-

хии обычным является широкое, открытое [ŏ], приближающееся по произношению к гласному [a]: po^{a}koj. Последний вариант значительно отличается от русского [o] как по образованию, так и по акустическому впечатлению.



1. Положение губ при артикуляции [o]
2. Положение органов речи при артикуляции [o]

В собственно чешских словах встречается только [o] краткое, т. к. [ō] в словах славянского происхождения изменилось в [ū] (см. § 29).

Долгое [ō] отличается от [ŏ] своей продолжительностью (оно тянется в два раза дольше), а также более высоким, напряженным и закрытым образованием.

В современном языке [ō] встречается, как правило, в иностранных словах (tón, móda) или при эмфатическом продлении (bóže).

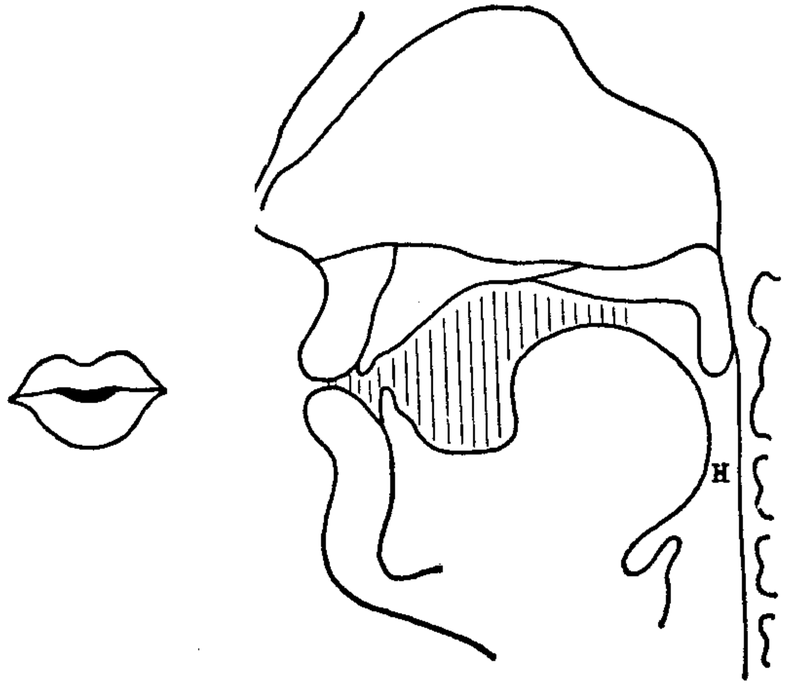
5. Гласный **u**.

[ŭ] — гласный заднего ряда, верхнего подъема, лабиализованный. При артикуляции [ŭ] язык высоко поднимается к мягкому нёбу, отодвигаясь одновременно назад. Губы сближаются, значительно округляются и вытягиваются вперед больше, чем при артикуляции [o].

Произношение [ŭ] в чешском языке однородно, оно почти совпадает с произношением этого звука в русском языке,

хотя часто можно услышать [u], склонное к [o], т. е. более открытое [u].

Долгое [ū], как и прочие долгие гласные, является звуком более напряженным и высоким.



1. Положение губ при артикуляции [u]
2. Положение органов речи при артикуляции [u]

6. Описанные выше гласные фонемы чешского языка в зависимости от фонетической позиции могут иметь варианты. Так, в положении между мягкими согласными и после мягких согласных гласные **i**, **e** являются более высокими и закрытыми (děti, nic), гласный **a** — более высоким и передним (ňadra), гласные **o** и **u** — более передними (ťukati).

7. Произношение ударенных и безударных гласных в чешском языке значительно отличается от произношения подобных же гласных в русском языке. В русском языке гласные, находящиеся под ударением, отличаются от безударных большей длительностью, большей силой и более энергичной артикуляцией органов речи, а безударные гласные характеризуются не только краткостью, меньшей силой и менее энергичной артикуляцией, но и редукцией. В чешском же языке гласные под ударением и в безударных слогах произносятся одинаково отчетливо и ясно, ударенные гласные не удлиняются, а безударные не подвергаются

редукции. Долгота и краткость чешских гласных не связана с ударением. В чешском языке как под ударением, так и в безударном слоге, могут быть и долгие и краткие гласные: vrána, dobrá, krásná.

§ 3. Смыслоразличительная роль долгих и кратких гласных фонем

В отличие от русского языка, где различия гласных по долготе и краткости (ср. под ударением и в безударном положении) не играют смыслоразличительной роли, в чешском языке долгие и краткие гласные являются самостоятельными фонемами и играют в языке смыслоразличительную роль:

rada *совет*	ráda *рада, с удовольствием*
sraz *сбор, собрание*	sráz *обрыв, крутой скат*
cár *лоскут*	car *царь*
této *этой*	teto! *тетя!* (*зват. ф.*)
pas *паспорт*	pás *пояс, кушак; географический пояс, зона*
domu *дома* (*род. ед.*); *дому* (*дат. ед.*)	domů *домой*; *домов* (*род. мн.*)
šiji *я шью*	šijí *они шьют*
mýti *мыть*	mytí *мытьё, умывание*
kosti *кости*	kostí *костью* (*тв. ед.*), *костей* (*род. мн.*)
dráha *дорога*	drahá *дорогая*

Число подобных примеров можно увеличить. Однако и приведенных достаточно, чтобы убедиться в том, что долгота и краткость одних и тех же гласных звуков может служить для различения смысла разных слов и форм, т.е. что долгие и краткие гласные могут быть носителями как лексического, так и грамматического значения слова.

§ 4. Дифтонги

1. Кроме гласных слоговых, в звуковой системе чешского языка имеется неслоговой гласный звук [u̯], который входит в состав дифтонгов [ou̯], [au̯], [eu̯], образуя их вторую часть.

О дифтонгах можно говорить лишь в том случае, когда оба звука (слоговой гласный плюс неслоговой) находятся в одном слоге. Например, moucha *муха* [mou̯cha], koupiti *купить* [kou̯piti], louka *луг* [lou̯ka], soud *суд* [sou̯t].

Примечание. Неслоговой характер u̯ в составе дифтонгов на письме не обозначается.

В том случае, когда сочетания ou, au, eu относятся к разным слогам, дифтонг не образуется. Напр., do|učiti *доучить*, po|učný *поучительный*, na|uka *наука, учение*. В словах славянского происхождения в чешском языке встречается только дифтонг [ou̯]; дифтонги [au̯] и [eu̯] встречаются в словах иностранного происхождения: soused *сосед*, pouta *путы, оковы*, mouka *мука*, kroupy *град* и auto, autor, pauza, pseudonym.

Примечание. В некоторых ранних заимствованиях [u̯] в составе дифтонгов au и eu было заменено v: ср. Evropa, Kavkaz.

Дифтонг [ou̯] можно считать самостоятельной фонемой, которая играет в языке смыслоразличительную роль: kouř *дым* — kuř *кури!* soud *суд* — sud *бочка*.

2. Так как граница между неслоговым i̯ и j очень невелика и нередко условна (различная степень приближения спинки языка к среднему нёбу дает то артикуляцию [i̯], то [j]), а употребление их по отношению друг к другу не всегда разграничено, — можно с некоторыми оговорками говорить о [i̯] в составе дифтонгов: [oi̯], [ai̯], [ui̯] и т. д., хотя фактически в одном и том же положении можно услышать то [j], то [i̯]: Так, слово kroj *покрой, национальный костюм* может произноситься то как [kroj], то как [kroi̯].

Примечание. На письме неслоговой i̯ передается только как j: pij *пей*, dej *дай*, máj *май*.

§ 5. Слоговые согласные

В чешском языке носителями слога, т. е. слогообразующими, могут быть не только гласные и дифтонги, но в определенном фонетическом положении и согласные r, l, а иногда также и m, n.

Слоговые [r̩] и [l̩] отличаются от подобных же неслого-

вых большей длительностью и несколько бо́льшим участием голоса.

Слогообразующие [r̥] и [l̥] появляются в положении между двумя согласными, а также в конце слов после согласных: prst *палец* произносится как [pr̥st], vlk как [vl̥k]; bratr как [bra-tr̥], nesl как [ne-sl̥]. Так же произносятся: vrba *верба*, krm *пища, корм*; krk *шея*, vlna *волна, шерсть*; slza *слеза* и др. слова.

В единичных случаях слогообразующими могут быть и согласные m, n — в конце слога, т. е. в положении после согласных в конце слова, или в середине слова перед согласными: osm *восемь* [o-sm̥], sedm *семь* [se-dm̥].

Примечание. Слова sedm, osm чаще произносятся как [sedum], [osum].

§ 6. Согласные фонемы

1. В звуковой системе литературного чешского языка имеется 25 согласных фонем: b, c, č, d, ď, f, g, h, ch, j, k, l, m, n, ň, p, r, ř, s, š, t, ť, v, z, ž.

Примечание. На письме каждая фонема, кроме ch (c+h), обозначается одной буквой.

Все чешские согласные фонемы можно разделить на ряд групп, в зависимости от способа и места их образования, от степени участия шума и голоса, а также в зависимости от их твердости или мягкости.

По способу образования согласные чешского языка можно разделить на 5 групп:

1. Смычные (образуются смыканием органов речи и взрывом воздуха при быстром их размыкании): p, b, t, d, ť, ď, k, g.

2. Щелевые (образуются трением выдыхаемого воздуха о края щели, получающейся в результате сближения органов речи): f, v, s, z, š, ž, ch, h, j.

3. Слитные (сначала происходит смыкание органов речи, затем выдыхаемый воздух размыкает их, в результате чего образуется щель, через которую с шумом проходит воздух): c, č.

4. Смычно-проходные:

1) Носовые m, n, ň. При образовании их в полости рта

происходит полное смыкание органов речи (губы — при m, язык и нёбо — при n), но так как нёбная занавеска бывает опущена, то воздух проходит через полость носа.

2) Боковой l (кончик языка смыкается с нёбом, но воздух проходит через рот по опущенным бокам языка).

5. Дрожащие, или вибранты (образуются в результате дрожания, вибрации кончика языка, который ритмически смыкается с нёбом или чаще приближается к нему): r, ř.

Об образовании ř см. ниже, § 7.

По месту образования согласные можно делить по активному артикулирующему органу (губы, язык, голосовые связки) и по пассивному (зубы, альвеолы, нёбо). Общая классификация производится нами по активному органу, более дробная — по пассивному.

Итак, по месту образования согласные делятся на 3 группы:

1. Губные:

1) Губно-губные (нижняя губа приближается к верхней губе и образует затвор): p, b, m.

2) Губно-зубные (нижняя губа сближается с верхними зубами, образуя щель): f, v.

2. Язычные:

1) Переднеязычные: t, d, n, s, z, l, r, ř, c, č, š, ž, ť, ď, ň, j. По пассивному артикулирующему органу их можно разделить на более дробные группы:

а) альвеолярно-зубные и переднеальвеолярные (при образовании их кончик языка или передняя часть языка смыкается или приближается к передней части альвеол и отчасти к зубам): n, t, d, s, z, l, r, ř, c;

б) средне- и заднеальвеолярные (кончик и передняя часть языка приближаются к задним альвеолам): č, š, ž;

в) передненёбные (передняя часть спинки языка приближается к переднему нёбу): ť, ď, ň и j.

2) Заднеязычные, или задненёбные (задняя часть спинки языка приближается к заднему нёбу): k, g, ch.

3. Гортанный, или голосовой (образуется трением выдыхаемого воздуха о сближенные голосовые связки): h.

По твердости и мягкости в чешском языке различаются только три пары согласных: n—ň, t—ť, d—ď; остальные согласные или только твердые (их бóльшая часть), или только мягкие (см. § 9).

По участию шума и голоса согласные в чешском языке делятся на шумные и сонорные. Сонорные образуются с преимущественным участием голоса при весьма слабых шумах, к ним относятся m, n, ň, r, l, а также отчасти ř.

Шумные согласные состоят только из шума (p, t, s, k, ch...) или из шума и голоса с преобладанием шума (b, d, z, ž...). Многие шумные согласные в чешском языке, как и в русском, образуют пары по звонкости и глухости (t—d), (š—ž) и др. (см. § 10).

§ 7. Замечания об отдельных согласных фонемах

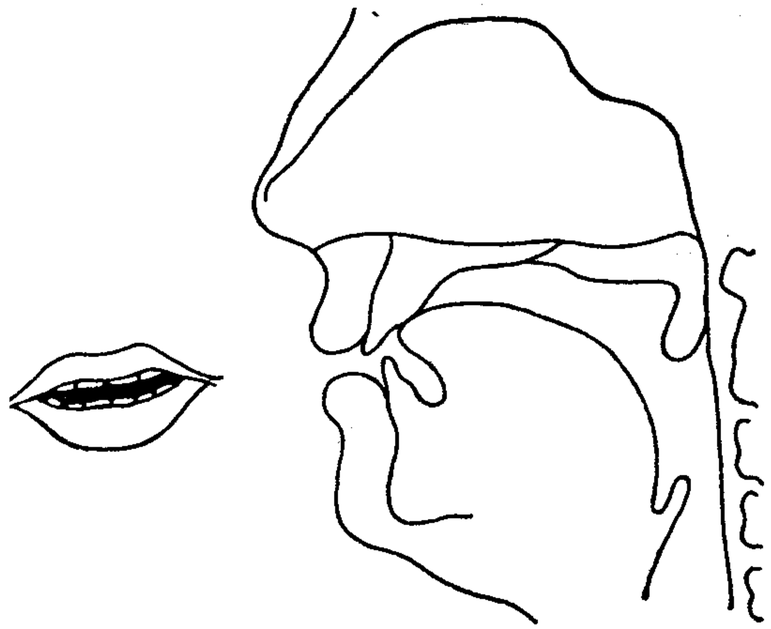
Многие согласные фонемы чешского языка по своему образованию близки соответствующим согласным русского языка: n, t, d, s, z, k, g, ch, r, p, b, v, f, m.

Однако в чешской звуковой системе имеются такие звуки, которые значительно отличаются по своему образованию от звуков русского языка.

1. Согласный **l**.

При артикуляции согласного звука [l] кончик языка образует затвор на альвеолах. Языковое тело сосредоточено в средней части полости рта, язык не прогибается и не поднимается к верхнему нёбу. Чешское [l] мягче твердого русского [л] (ср. лук, лак, лыко), которое образуется смыканием кончика языка с верхними зубами при поднятой задней части спинки языка к мягкому нёбу, но тверже русского [л'] (соль, лист), которое образуется прижатием передней части спинки языка к зубам и альвеолам при поднятой средней части спинки языка к твердому нёбу.

Следует отметить, что чешское [l] не приспосабливается к артикуляции следующего гласного звука в той степени, в какой мы это находим в русском языке. Ср. les, lid, louka, lampa и русское: лапа, лес. Чешское [l] называют обычно «средним», европейским.



Артикуляция чешского l

2. Согласный **ř**.

При артикуляции раскатистого звонкого [r] происходит приближение передней части языка к твердому нёбу. Кончик языка вибрирует в направлении альвеол, ритмически приближаясь, а иногда и соприкасаясь с ними и производя характерные раскаты. Чешское [r] близко по артикуляции к русскому.

По артикуляции и акустическому впечатлению [ř] значительно отличается от [r]. При артикуляции [ř] образуемые в результате вибрации кончика языка раскаты (как при [r]) сопровождаются шипящим шумом, который возникает в результате разбивания выдыхаемой струи воздуха о сближенные зубы. Раскаты и шипящий (свистящий) шум сливаются в один звук. Таким образом получается особый звук типа [r͡ž] или [r͡š]. Следует помнить, что оба звуковых компонента нужно произносить одновременно, а не последовательно, как это часто можно услышать в произношении не чехов.

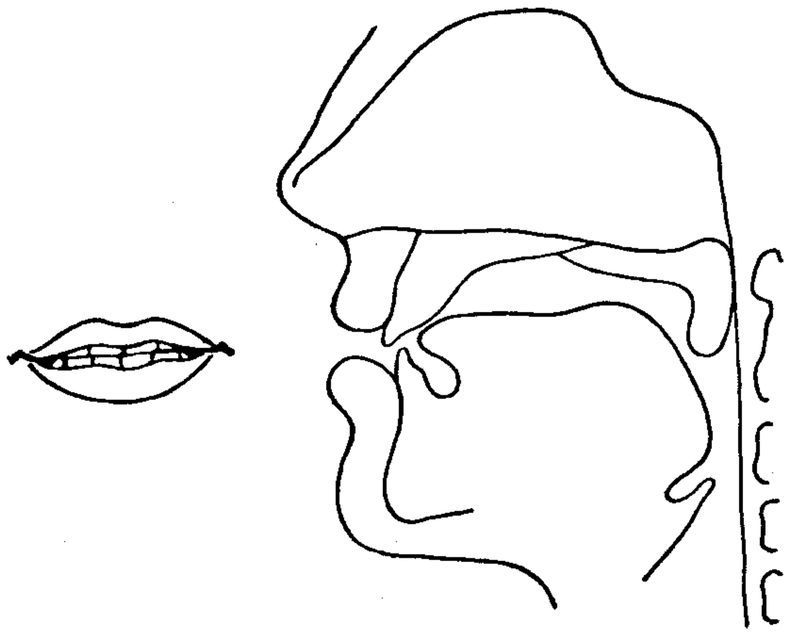
В отличие от [r], язык при артикуляции [ř] более напряжен, струя выдыхаемого воздуха сильнее, вибрация кончика языка чаще и быстрее. Зубы сближены, губы вытянуты как при [s], [z].

[ř] — звонкий согласный, но в определенном положении он может произноситься глухо. Глухо, т. е. как [r͡š], ř произносится в конце слова, перед глухими согласными,

а также после глухих: perř *перец* произносится как [perr̂š]. Так же произносится ř в словах při *при*, tři *три*, takřka *так сказать*. Во всех остальных положениях ř произносится звонко, т. е. как [r̂ž]. Ср. řeka *река*, řeč *речь, язык*, Řím *Рим*, řada *ряд, очередь* řváti *кричать, орать*.

Примечание. В русском языке [ř] соответствует мягкий [р']. Ср.: řeka — *р*ека, řemen — *р*емень.

Артикуляция **ř**



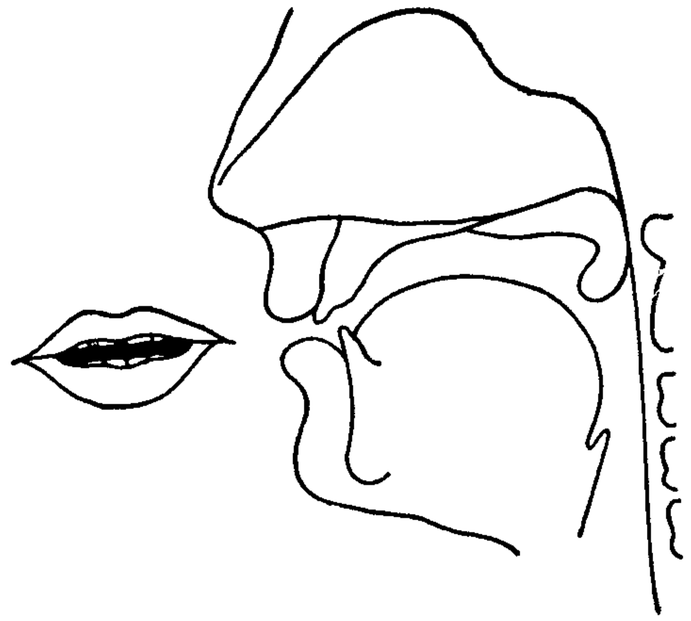
3. Согласный **h**.

[h] — звонкий гортанный щелевой согласный. Шум, образуемый при артикуляции [h], возникает в результате трения выдыхаемой струи воздуха о сближенные голосовые связки. Щель между голосовыми связками у́же, чем при образовании гласных, а сами связки менее напряжены, поэтому образуемый звук глубокий, но в отличие от гласных не чистый.

При артикуляции [h] нужно следить за тем, чтобы шум, возникающий в результате трения, не исчезал, т. к. при ослаблении его [h] часто перестает быть слышимым и выпадает совсем. Ср. toho > too.

Примечание. В словах славянского происхождения чешскому **h** соответствует в русском языке *г*. Ср. **noha** — **нога**, **husa** — *г*усь, **hra** — *и*гра, **host** — *г*ость (см. § 31).

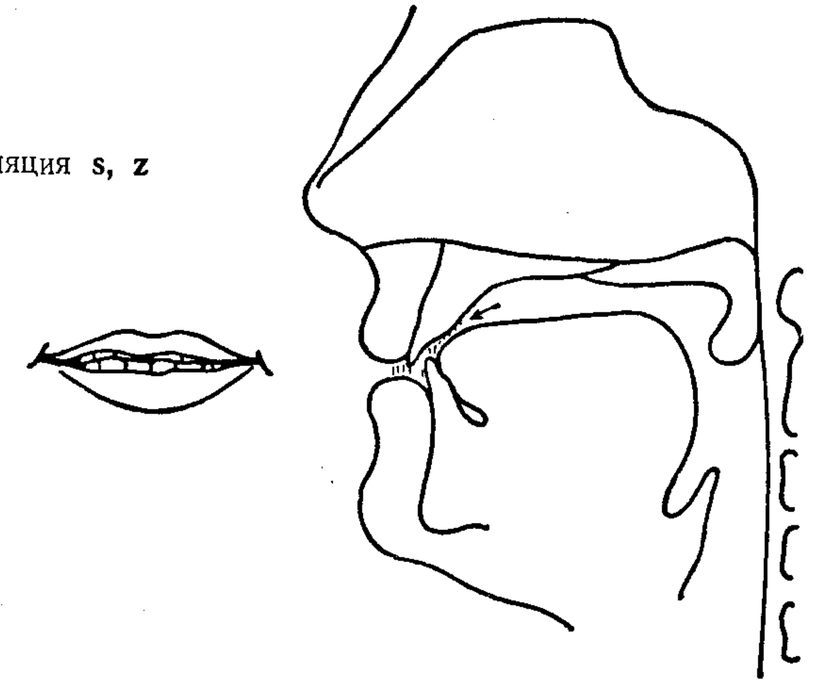
Артикуляция **h**



4. Согласные **s**, **z**.

[s] и [z] по своему образованию близки к соответствующим согласным русского языка. При их артикуляции передняя часть спинки языка приближается к передним альвеолам, губы вытянуты, зубы сближены, кончик языка находится за нижними зубами. Образуется щель, через которую проходит выдыхаемая струя воздуха,

Артикуляция **s**, **z**

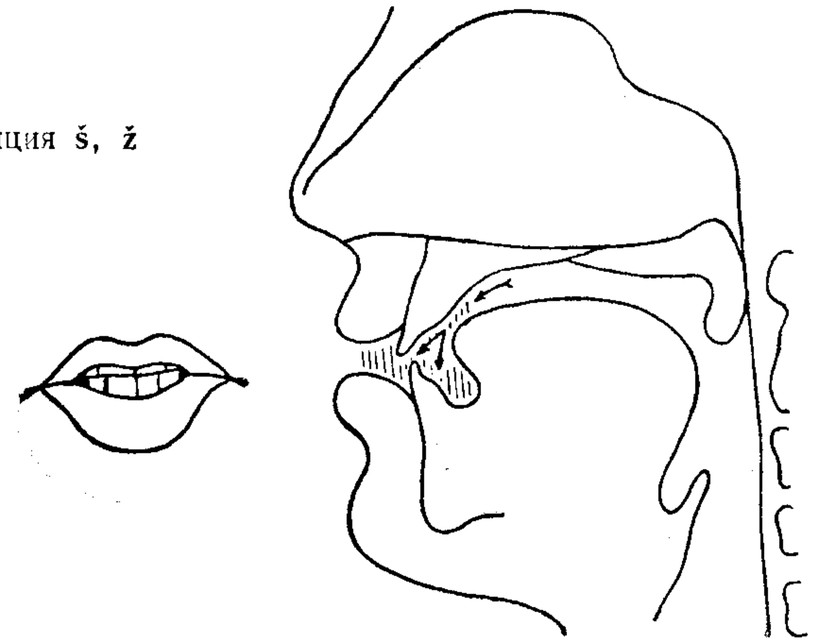


разбивающаяся о концы верхних и нижних зубов. В результате энергичного трения выдыхаемой струи воздуха и разбивания его о зубы возникает высокий свистящий звук, причем при артикуляции [s] более высокий, чем при [z].

5. Согласные **š, ž.**

[š] и [ž] образуются несколько дальше, чем [s], [z]. Кончик языка и передняя часть его приближаются к задним альвеолам, образуя щель, которая при артикуляции [š], [ž] шире, чем при [s], [z]. Губы несколько округляются и вытягиваются вперед. Выдыхаемая струя воздуха разбивается о зубы и частично уходит вниз. В результате возникает более глубокий и низкий звук, чем при [s], [z].

Артикуляция š, ž



По акустическому впечатлению и по образованию чешские [š] и [ž] значительно отличаются от русских [ш] и [ж]. В русском языке при образовании [ш] и [ж] кончик языка больше отодвинут назад, образуя щель на границе альвеол и твердого нёба, губы более округлены и вытянуты, а задняя часть спинки языка приподнимается к переднему краю мягкого нёба. Средняя часть спинки языка всегда бывает опущена, что и обуславливает твердость русских [ш] и [ж].

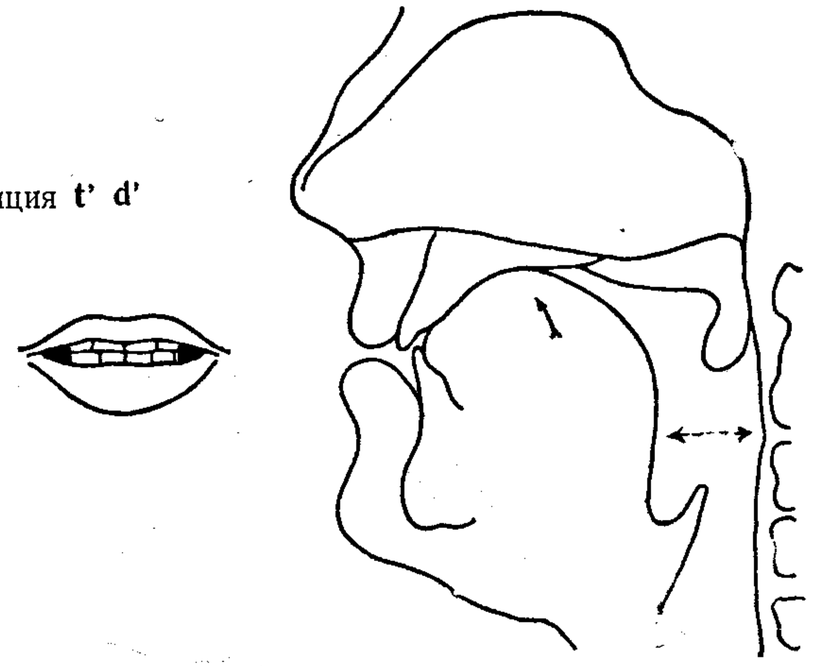
Чешские [š], [ž] значительно мягче русских. Ср.: žena — *ж*ена, *ж*енщина, **ž**ivot — *ж*изнь, škola — *ш*кола, šest — *ш*есть, širokу́ — *ш*ирокий.

6. Согласные **t, d, n** и **ť, ď, ň.**

Между чешскими [t], [d], [n] и русскими [т], [д], [н] существует акустическое и артикуляционное различие. Меньше отличаются [t] и [т], при артикуляции которых кончик языка образует затвор на передней части альвеол и верхних резцов. Чешские [d] и [n] больше отодвинуты назад, чем [t], при их артикуляции кончик языка образует затвор на границе десен (русские [н] и [д] артикулируются там же, где [т]).

Различия между мягкими [n'], [t'], [d'] и [н'], [т'], [д'] являются еще более заметными. При образовании русских [н'], [т'], [д'] кончик и передняя часть языка артикулируют там же, что и при образовании [н], [т], [д].

Артикуляция **t' d'**

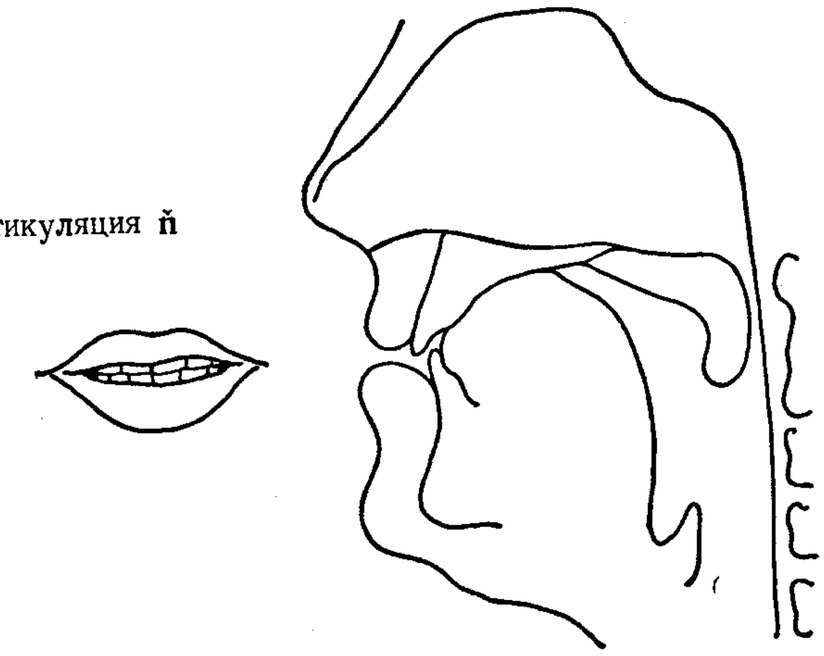


Чешские [ť], [ď], [ň] образуются иначе. При их артикуляции кончик языка опирается о нижние зубы, а передняя и средняя часть спинки языка примыкает к твердому нёбу, причем площадь соприкосновения языка с нёбом шире, чем при [n], [t], [d], а артикуляция более энергичная.

Чешские [n'], [ť], [ď] мягче соответствующих русских; они отличаются от [н'], [т'], [д'] не только местом

образования, но и тем, что взрыв при их артикуляции происходит быстро, при русских же, напротив, медленно, в результате чего развивается дополнительная свистящая артикуляция: [з'] и [с'], т. е. русские [т'], [д'] имеют оттенок [ц'], [д'з'].

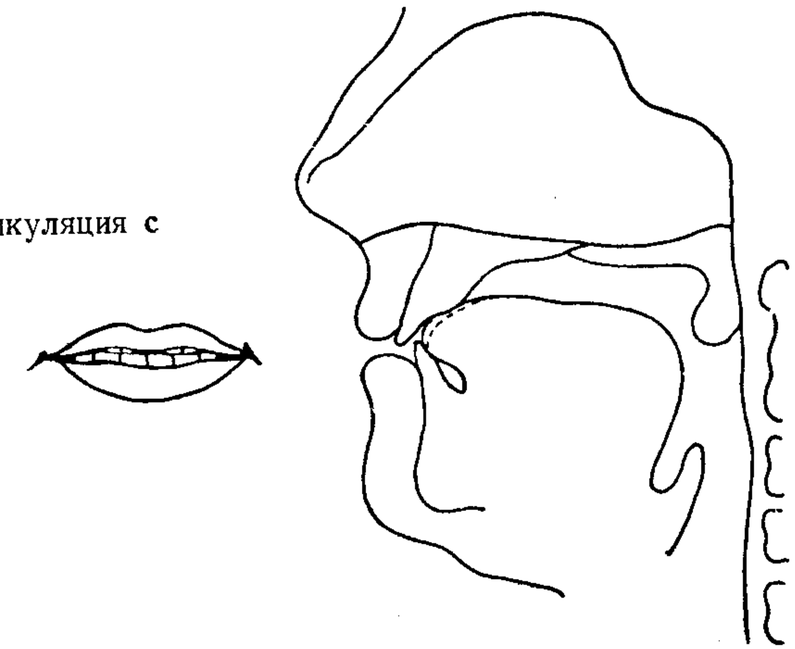
Артикуляция ň



7. Аффрикаты **c**, **č**.

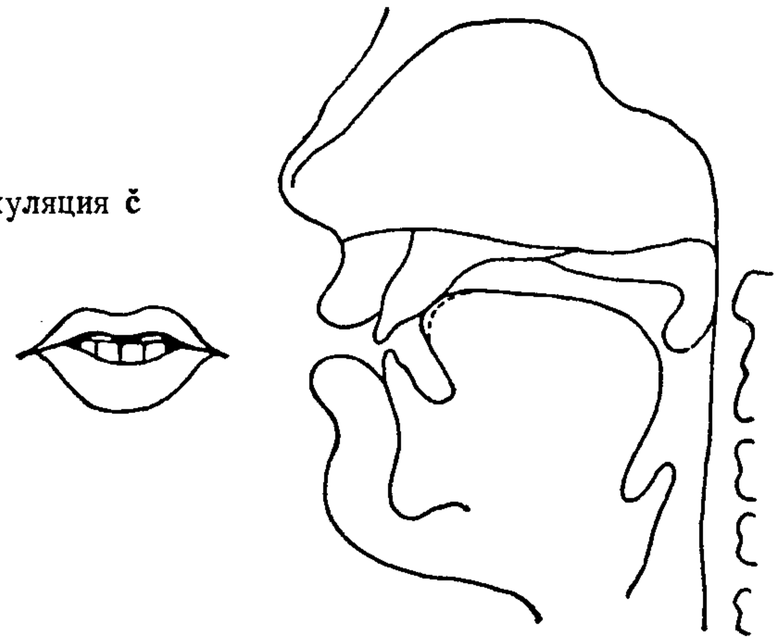
При артикуляции слитного звука (аффрикаты) [c] образуется затвор (как при [t]), который постепенно ослабляется, так что выдыхаемый воздух начинает проходить

Артикуляция c



через узкую щель между спинкой языка и нёбом. Возникают свистящие шумы. При артикуляции [c] кончик языка (в отличие от [t]) упирается в нижние зубы, а затвор образуется на передней части альвеол, не захватывая области передних зубов, в отличие от русского [ц], при котором затвор образуется на границе зубов и десны. Чешское [c] — твердый звук. Но его произношение перед [i] из-за отсутствия в чешском языке звука [ы] значительно отличается от русского [цы], производя акустически впечатление более мягкого звука. Ср.: cesta *дорога*, cukr *сахар*, car *царь* и cit *чувство*, cizí *чужой*, cíl *цель*.

Артикуляция č



При артикуляции аффрикаты [č] затвор образуется (в отличие от артикуляции [c]) на задней части альвеол. Ослабление затвора здесь также менее ощутимо, чем при артикуляции [c]. Кончик языка поднят кверху, а верхние и нижние зубы сближены, губы округлены и немного выпячены вперед, как при [š]. Чешское [č] близко по образованию к русскому [ч], но несколько тверже последнего. Составные компоненты чешского [č] — [t + š], русского [ч] — [т' + ш'].

§ 8. Таблица согласных фонем чешского языка

По способу образования	По участию голоса		По месту образования: губные: губно-губные	губные: губно-зубные	язычные: альвеолярно-зубные	язычные: средне- и заднеальвеолярные	язычные: передненёбные	язычные: заднеёбные	гортанный (голосовой)
смычные	шумные	глух. звонк.	[p] [b]		[t] [d]		[ť] [ď]	[k] [g]	
щелевые	шумные	глух. звонк.		[f] [v]	[s] [z]	[š] [ž]	[j]	[ch]	[h]
слитные (полувзрывные)	шумные	глухие			[c]	[č]			
смычно-проходные: носовые	сонорные	звонкий	[m]		[n]		[ň]		
смычно-проходные: боковые	сонорные	звонкий			[l]				
дрожащие (вибранты)	сонорные	звонкий			[r]				
					[ř]				

Кроме приведённых в таблице 25 согласных фонем, можно отметить комбинаторные варианты некоторых фонем, появляющиеся в результате ассимиляции согласных по звонкости и глухости, а также по месту и способу образования. Это аффрикаты [dž], [dz], задненёбный согласный [ŋ], [r̥] — глухой вариант фонемы [ř] и некоторые другие комбинаторные варианты (см. § 10, 11).

§ 9. Мягкие и твердые согласные фонемы

В отличие от русского языка, где бóльшая часть согласных возможна и в мягком и в твердом варианте ([п—п'], [б—б'], [м—м'] и т. д.), в чешском языке многие согласные являются только твердыми.

1. Всегда твердыми (перед всеми гласными переднего и непереднего ряда) являются согласные s, z, m, p, b, v, f, k, g, ch, h, r, c.

Ср. следующие примеры:

1) на **s, z**: **s**en *сон*, **s**estra *сестра*, **s**íla *сила*, **z**ítra *завтра*, **z**ima *зима*, **z**elený *зеленый*, **z**ábsti *зябнуть*.

2) на **m, p, b, v, f**: **m**y *мы*, **m**i *мне*, **b**ýti *быть*, **b**íti *бить*, **m**aso *мясо*, **v**ádnout *вянуть*, **m**ůj *мой*.

Перед [ě] губные произносятся как твердые (pero, med, bez, vésti) или (только перед кратким) как сочетание губной +[j]: pět [pjet], běh [bjech], věk [vjek] (в последнем случае после губных пишется ě). Согласный [m] перед ě произносится или как [mn'e], или как [mje] (моравское произношение): město [mn'esto] и [mjesto], měsíc [mn'esīc] и [mjesīc]).

3) на **r**: **r**et *губа*, **r**yba *рыба*, **r**ýže *рис*.

4) на **c**: **c**ena *цена, премия*, **c**o *что*, **c**ukr *сахар*, **c**it *чувство*.

Задненёбные согласные [k], [g], [ch] и гортанный [h] также перед всеми гласными выступают как твердые, но перед гласным [ĭ] испытывают незначительную передвижку к среднему ряду. Ср.: havran *ворон*, kámen *камень*, drahé *дорогое*, velkého *большого* (род. ед.), suchého *сухого*, но kilo, kino, gigant, suchý, drahý, široký, chýše *хижина*, hynouti *гибнуть*.

2. Согласные [n], [t], [d] по твердости и мягкости являются парными [n—n'], [t—ť], [d—ď]. Однако, в отличие от русского языка, где перед гласными переднего ряда

возможны только мягкие согласные, в чешском языке перед всеми гласными возможны как твердые, так и мягкие согласные.

Ср. следующие примеры:

твёрдые		мягкие	
nad	*над*	— ňadra [n'adra]	*грудь*
tuk	*жир*	— ťukati [t'ukat'i]	*стучать*
doba	*пора, время*	— d'obati [d'obat'i]	*клевать*
mnouti	*мять*	— mňoukati [mn'oukat'i]	*мяукать*
den	*день*	— dělo [d'elo]	*орудие, пушка*
ten	*тот*	— tělo [t'elo]	*тело*
nemoc	*болезнь*	— někdo [n'egdo]	*кто-то*
nýti [nīt'i]	*ныть, изнывать*	— nit [n'it]	*нить*
dým [dīm]	*дым*	— díl [d'īl]	*часть*
týl [tīl]	*затылок*	— tisk [t'isk]	*печать, пресса*
krásný [krāsnī]	*прекрасный*	— zimní [zimn'ī]	*зимний*

Примечание. На мягкость согласных [n], [t], [d] перед [i] и [e] указывают буквы **i, í, ě**, на твердость — буквы **y, ý, e, é.**

В группах согласных [tň], [dň], [nt'], [nd'] возможна (но необязательна) прогрессивная ассимиляция по мягкости: špatně *плохо* произносится [špat'n'e], но возможно и [špatn'e]; vodník *водяной* — [vod'n'ik] и [vodn'ik], pondělí *понедельник* — [pon'd'elī] и [pond'elī].

3. Согласные [č], [š], [ž], хотя и не являются собственно мягкими, однако значительно отличаются от подобных же твердых. Ср. произношение [ш], [ж] в русском: *шила, жила* и в чешском: šila, žila (см. § 7 п. 5). Ср. также польское твердое [cz] и чешское [č]: czas — čas *время*.

[l] в отношении мягкости и твердости является средним согласным (см. § 7).

[j] — непарный мягкий согласный.

§ 10. Глухие и звонкие согласные. Ассимиляция согласных по глухости и звонкости

1. Большая часть чешских согласных составляет пары по глухости и звонкости:

v	b	d	ď	z	ž	g	h
|	|	|	|	|	|	|	|
f	p	t	ť	s	š	k	ch

Согласные [m], [n], [ň], [r], [l], [j] являются непарными звонкими согласными. Согласные [c], [č] являются глухими. Их звонкие варианты [dz] и [dž] не являются самостоятельными фонемами, поскольку они появляются лишь в определенных фонетических условиях и поскольку в чешском языке нет слов, которые бы различались согласными c — dz, č — dž.

Согласный [ř] звонкий. О глухом варианте фонемы [ř] см. выше, § 7.

Парные звонкие и глухие согласные в позиции для оглушения и озвончения выступают в своих глухих и звонких вариантах.

Так, в конце слов и перед глухими согласными парные звонкие согласные оглушаются (ср. то же явление в русском языке): dub *дуб* [dup], nůž *нож* [nūš], vůz *воз, вагон* [vūs], sníh *снег* [snīch]; zpév *пение* [spjeſ], všecko *всё* [ſšecko], obchod *торговля, магазин* [opchot].

Оглушение также наступает на стыке двух слов: bez tebe *без тебя* [bestebe].

Глухие согласные перед звонкими озвончаются: prosba *просьба* [prozba], kde *где* [gde], k dubu *к дубу* [gdubu], sbírat *собирать* [zbīrat].

Так же как и в русском языке, глухие и звонкие парные согласные различаются перед гласными, сонорными и согласными [v] и [j]: например, tvoje *твоя*; *твоё* — dvoje *двое*; sníti *мечтать* — zníti *звучать*; změna *перемена* — směna *смена*; ten *этот* — den *день*.

2. Звонкий согласный [ř] оглушается не только в конце слова и перед глухими согласными, но и после глухих согласных; keř *куст* [keř̊], tři *три* [tř̊i], při *при* [př̊i].

3. Глухим парным согласным к звонкому [h] является [ch], который от [h] отличается не только отсутствием

голоса, но и местом образования ([h] — гортанный, [ch] — задненёбный): nehty *ногти* [nechti], lehký *легкий* [lechkī].

4. Глухие согласные [c] и [č] перед звонкими парными согласными выступают в звонком варианте [dz] и [dž]: leckdo *кое-кто* [ledzgdo], léčba *лечение* [lēdžba].

5. Группа согласных [sh] может произноситься двояко: или как [sch] (звонкий согласный [h] оглушается под воздействием предшествующего глухого согласного), или как [zh] (глухой согласный озвончается перед звонким). Первый тип произношения можно услышать в Чехии, второй — в Моравии, но оба типа произношения являются литературными: shoda *согласие* — [schoda] или [zhoda]; shromáždění *собрание* — [schromāžďen'ī] или [zhromāžďen'ī].

Группа [zh] повсеместно произносится в словах shora *сверху*, shluk *толпа, скопление* и на стыке двух слов: s hor [zhor].

6. Предлог **s** перед словами, начинающимися непарными звонкими согласными (m, r, l, n, ň, j) или **v**, может произноситься как [s] и как [z]. Например: s Janem произносится [zjanem] и [sjanem], s matkou *с матерью* [zmatkoų] и [smatkoų], s lavice *с лавки* [zlavice] и [slavice]. Как [s] этот предлог всегда звучит перед местоимениями s ním, s námi, s nimi и т. д.

Перед парными по звонкости и глухости согласными предлог **s** подвергается ассимиляции, как и прочие согласные: s bratrem [zbratrem], но s tetou [stetoų].

Предлог **přes** произносится так, как если бы на конце у него было [z]: přes luka *через луга* [přezluka], но přes pole [přespole].

§ 11. Ассимиляция согласных по месту и способу образования. Произношение групп согласных

1. Согласные [t], [d] в сочетании с последующими свистящими и шипящими согласными [s], [z], [š], [ž] произносятся нередко как аффрикаты [c], [č]. Например:

а) **ts** (<ts и ds)> [c]: dětský *детский* [d'eckī], lidský *человеческий* [lickī];

б) **tš** (<tš и dš)> [č]: většina *большинство* [vječina], mladší *младший, моложе* [mlačī] и т. д.

Примечание. В словах префиксальных, а также на стыке двух слов указанные группы согласных произносятся обычно раздельно. Например: podstavec *подставка*, pod stolem, podšívka *подкладка* и пр.

2. Перед задненёбными согласными [k], [g] альвеолярное [n] произносится как задненёбное [ŋ]. Например: venku *снаружи* [veŋku], tenký *тонкий* [teŋkī], Anglie [aŋglije], okénko *окошко* [okēŋko], Kongo [koŋgo].

3. Внутри несложных слов, а также в словах префиксальных и суффиксальных двойные согласные произносятся обычно как одиночные:

Anna [ana], činnost *деятельность* [činost], ssavec *млекопитающее* [savec], babiččin *бабушкин* [babičin], vyšší *более высокий* [vyšī], oddech *отдых* [odech].

Раздельное произношение двойных согласных представлено на стыке двух слов (pod dubem) и в тех случаях, когда это требуется в целях смысловой дифференциации, т. е. при совпадении со звуковым видом другого слова, а также тогда, когда два одинаковых согласных одной формы слова находятся в чередовании с группой согласных других форм этого же слова. Так, например, в слове рессе *косточке* (*дат. пад. ед. ч.*) произносится двойное [cc], так как, с одной стороны, им. пад. ед. ч. этого слова звучит pecka, т. е. ck‖cc, с другой — род. пад. ед. ч. от слова рес *печь* звучит [pece].

Так же различаются слова nejasnější *не более ясный* и nejjasnější *самый ясный*, poddaný *подданный* и podaný *поданный*.

4. В отличие от разговорной речи, в литературном языке произносятся группы согласных [stk], [stn], [zdn]: prázdný *пустой*, švestka *слива*, vlastní *собственный*.

Группы согласных [tť], [dď], [ťt], [ďd], [šš], [žž], [šs], [žz], [čč], [čc], как правило, произносятся без изменений и упрощений. Например: oddělení *отдел*, mužský *мужской*, babičce *бабушке* и пр.

5. [j] в начале слов перед согласными в литературном языке произносится: jdu *я иду*, jho *иго*, jméno *имя*, в разговорной речи — не произносится. В формах настоящего времени глагола býti — jsem, jsi, jsme, jste, jsou — начальный [j] произносится в тех случаях, когда указанные фор-

мы находятся под ударением (Jste to vy? — Jsem!), после отрицания (nejsem), а также после гласных (кроме i) предшествующего слова (byla jsem). Во всех прочих случаях обычным является произношение без [j]. Например: byl jsem [bylsem], když jsme [gdišsme].

§ 12. Придыхание (ráz)

Гласный в начале слова после абсолютной паузы, после гласного, а иногда и согласного предшествующего слова, может произноситься с придыханием. Физиология этого явления заключается в том, что артикуляции гласного звука в указанных выше положениях предшествует глухой гортанный взрыв, который образуется следующим образом: голосовая щель вначале закрыта, а голосовые связки плотно сомкнуты. Под давлением выдыхаемой струи воздуха происходит взрыв. Звук, получающийся в результате, представляет собой взрывной (глухой) гортанный согласный, только шум его слабее, чем при обычных взрывных согласных [t], [p]. Придыхание не является самостоятельным звуком и не влияет на значение слов. Произношение придыхания в значительной мере индивидуально, оно колеблется как в речи одного говорящего, так и в речи носителей литературного языка вообще.

Как правило, придыхание появляется в словах, начинающихся с гласного, после абсолютной паузы. Например: Udělejte to, prosím! 'Ano, 'udělám. *Сделайте это, пожалуйста! Да, я сделаю.*

Примечание. В транскрипции придыхание передается значком '.

Придыхание является факультативным в следующих случаях:

1) После конечных гласных предшествующего слова: celá 'Evropa || celá Evropa *вся Европа*; matka'i dcera || matka i dcera *мать и дочь.*

2) После конечного согласного предшествующего слова: soud uznal [sout'uznal] и [soutuznal] *суд признал.*

3) После слоговых и неслоговых предлогов, оканчивающихся на согласный звук: v okně [f'okn'e] и [fokn'e], pod oknem [pot'oknem] и [potoknem], z Ameriky [s'ameriki] и [sameriki].

Примечание. Звонкий согласный, предшествующий придыханию, оглушается. В некоторых случаях придыхание отсутствует, но следы его сохранились в глухости предшествующего согласного: [fokn'e] и пр.

4) На стыке сложных слов и после префиксов nej-, pod-, bez-, nad-, s-, z-, v-: nejobtížnější — [nej'optīžn'ejšī] и [nejoptīžn'ejšī] *самый трудный*, bezútěšný — [bes'ūťešnī] и [bezūťešnī] и т. д.

§ 13. Произношение и правописание иностранных слов

1. В иностранных словах нередко произносятся, но не обозначаются на письме долгие звуки. Например, aktiv произносится как [aktīv], recidiva как [recidīva], kultura как [kultūra], literatura как [literatūra], jod как [jōt] и т. д.

Однако в ряде случаев узаконено фонетическое правописание: analýza, téma, téze (хотя параллельно сохраняется и старое правописание: analysa, thema, theze).

2. В отличие от собственно чешских слов согласные [n], [t], [d] в иностранных словах произносятся перед i всегда твердо: kritika [-ty-], aktiv [-tȳ-], organizace [-ny-], kandidát [-dy-].

3. **x** произносится или как [gz] или как [ks]; [gz] звучит в некоторых словах перед гласными и h: existence, exemplář, exaktní, exhibilé, в прочих положениях произносится [ks]: text, praxe, textil и т. д.

4. **s** между гласными, а также перед или после r, l, m, n, часто произносится как [z]. Однако в правописании указанное произношение передается непоследовательно. В словах, прочно вошедших в чешский язык, пишется **z**: dóza, fáze, krize, sezóna, garnizóna и пр. В большинстве случаев допускается двоякое написание: báze || base, buržoazie || buržoasie, epizóda || episoda, izolace || isolace. В латинских словах с суффиксом **-ismus**, в словах, не получивших в чешском языке широкого распространения, и в некоторых других случаях пишется s: césura, spasmus; komunismus, romantismus; universita, president, filosofie, gymnasium.

5. В произношении иностранных слов, имеющих сочетание **i** + гласный (ia, ie, io, iu) появляется вставной звук [j]: fialka [fijalka], historie [historije], radio [radijo] и т. п.

Замечания к правописанию иностранных слов

Правописание иностранных слов в чешском языке зависит прежде всего от степени их употребительности. Так, у слов, редко употребляемых, а также у слов, являющихся принадлежностью специальной, профессиональной лексики, сохраняется, как правило, орфография того языка, из которого они заимствованы. Ср: abbé, grandezza, rendez-vous и т. д.

Первоначальная орфография сохраняется также у тех слов, у которых произношение значительно расходится с их орфографической передачей. Это касается прежде всего английских и французских слов: bulletin, causerie, foyer, interviеu, nuance.

Передача заимствованных слов, прочно вошедших в систему чешского языка и получивших в нем широкое распространение, а также передача общеупотребительной профессиональной терминологии подчинена принципам чешского правописания.

Поэтому, в зависимости от сферы употребления, одно слово часто имеет два написания. Так, в популярном издании можно встретить téze, téma, organizace, popularizovat, próza, esej, splín и т. п. — в научном же, специальном употреблении будет these, thema, organisace, popularisovati, prosa, essay, spleen и т. д.

Правописание собственных имен и географических названий зависит от языка, из которого пришло слово. Если имя или название перешло из языка, в котором используется латинская графика, сохраняется первоначальное правописание. Ср.: William Shakespeare, Frédéric Joliot-Curie, Jorge Amado, Ludwig van Beethoven, Chicago, Bordeaux.

Наиболее распространенные имена и многие географические названия передаются в чешской орфографии, приспособленные до некоторой степени к звуковому виду собственно чешских слов: Karel Marx, Bedřich Engels; Alžír, Budapešť, Curych, Neapol, Itálie, Dánsko, Švýcarsko и т. д.

Собственные имена и географические названия, взятые из языков, не пользующихся латинской графикой, транскрибируются и передаются средствами чешской графики: Majakovskij, Mao Ce-tung, Nizámi, Džaváharlál Néhrú; Leningrad, Peking, Dillí, Pákistán и т. д.

§ 14. Ударение и интонация

1. В чешском языке, так же как и в русском, ударение экспираторное, или выдыхательное, хотя ударяемые и безударные слоги в чешском языке по экспираторной силе отличаются друг от друга гораздо меньше, чем в русском

языке, где ударяемые слоги произносятся с бóльшей силой, а ударяемые гласные отчетливее и дольше, чем гласные в безударных слогах. В чешском же языке безударные гласные произносятся так же отчетливо и с такой же длительностью, как ударяемые гласные, т. е. в отличие от русского языка длительность гласных в чешском языке не зависит от их положения в слоге. Долгие и краткие гласные могут быть как в ударенном, так и в безударном слоге.

В чешском языке ударение всегда падает на первый слог слова. Например: škola ['škola] *школа*, vláda ['vlāda] *правительство*, voják ['vojāk] *солдат, военнообязанный*, krásná ['krāsnā] *красивая*.

В словах многосложных (четырехсложных и более) наряду с главным ударением на первом слоге появляется дополнительное побочное ударение на третьем или четвертом слоге. Обычно дополнительное ударение бывает на нечетных слогах (третий, пятый), но возможно и на четных (четвертый). Например: kolovrátek ['kolo″vrātek] *прялочка*, nařízení ['nařī″zen'ī] *распоряжение*, ustanovení ['usta″noven'ī] и ['ustano″venī] *постановление*, devadesátý ['deva″desātī] или ['devade″sātī] *девяностый*.

Примечание. Значок ' обозначает главное ударение, ″ — побочное.

Если слову предшествует один из односложных предлогов o, u, na, za, po, při, pro, od, do, bez, то основное ударение переносится на предлог, который в фонетическом отношении является как бы первым слогом слова: do řeky ['do-řeky], od něho ['odn'eho], na stole ['nastole], bez vás ['bez-vās], po Volze ['povolze].

Однако, если за указанными предлогами следуют слова, на которые падает логическое ударение, или многосложное слово, предлоги теряют свое ударение и примыкают к последующему слову: na velmi důležitou věc [na'velmi...] *на очень важное дело*; na nejpříjemnější práci [na'nejpřījemn'ejšī...] *на приятнейшей работе*.

Двусложные предлоги (mimo, mezi, vedle, kromě и др.), а также односложные, получившиеся из двусложных в результате отпадения конечного гласного (krom, skrz), являются проклитиками и примыкают к следую-

щим за ними словам: podle rozkazu [podle'roskazu] *согласно приказу*, mezi kameny [mezi'kameni] *среди камней*.

Неслоговые предлоги v, k, s, z произносятся вместе с тем словом, к которому они относятся. Однако при вокализации они имеют главное ударение: ve škole ['veškole], ze strany ['zestrany].

В потоке речи многие слова (особенно односложные) могут терять свое собственное ударение и примыкать в отношении ударения к последующему или предшествующему слову (энклитики и проклитики).

Например: co děláš? [co'ďelāš] *что ты] делаешь?*; přines mu ['přinesmu] *принеси ему*.

Кроме слов, которые становятся энклитиками в определенном положении, в чешском языке имеются постоянно безударные слова (постоянные энклитики). К ним относятся краткие формы местоимений: mi, ti, si, ho, mu, mě, tě, se, вспомогательные формы глагола býti в настоящем времени: jsem, jsi, jsme, jste, вспомогательные формы, входящие в образование сослагательного наклонения — bych, bys, by, bychom, byste, некоторые частицы и союзы: a, i, -li, že, prý.

Например: vrátil jsem se ['vrāťilsemse] *я вернулся*, dej mu ['dejmu] *дай ему*, vrať ho ['vrat'ho] *верни его*, přál bych mu zdraví ['přālbichmu...] *я бы желал ему здоровья*, bratr a sestra [bratr a'sestra] *брат и сестра*, řekl, že přijde ['řeklže'přijde] *он сказал, что придет*.

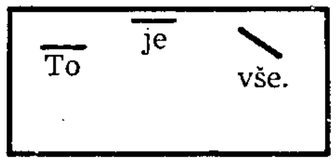
Примечание. Постоянно безударные слова находятся в предложении за первым ударенным словом или синтаксически неделимой группой слов. Например: vrátil jsem se včera *я вернулся вчера*; když jsem se vrátil... *когда я вернулся*...; Co si přeješ? *Что ты хочешь?*

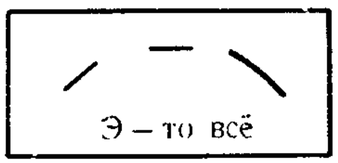
2. Типы интонации в чешском языке в различных предложениях (утвердительных, восклицательных и вопросительных), а также в определённых отрезках предложения, различны. Характер интонации зависит от смыслового значения предложения. Чешский язык отличается от русского не особыми интонациями, а их различной реализацией, т. е. одни и те же интонации в русском и чешском языках могут быть по-разному использованы,

могут служить средством выражения различных отношений.

Для чешского предложения можно отметить следующие основные типы интонаций.*

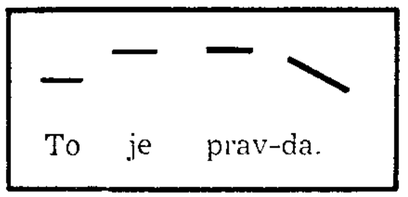
I. В законченных невопросительных эмоционально не окрашенных предложениях (утвердительных, повелительных, а иногда и вопросительных с вопросительным словом) интонация нисходящая к концу предложения, т. е. примерно такая же, как и в русском языке:



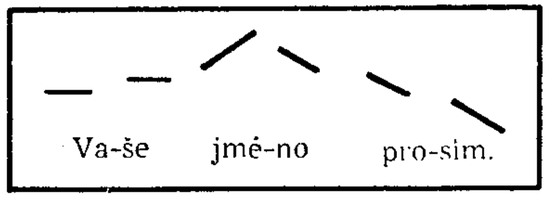


Выделяемый слог произносится выше остальных; он является как бы мелодической вершиной всего предложения. Ср. примеры:

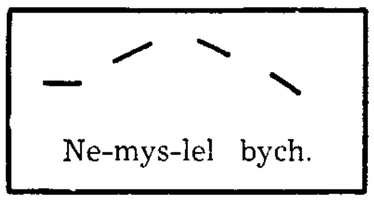
1) утверждение



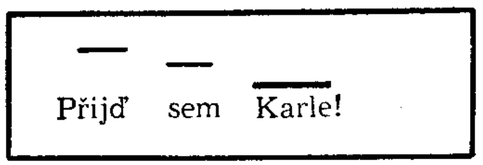
2) выражение побуждения



3) выражение сомнения



В повелительном предложении возможна интонация:

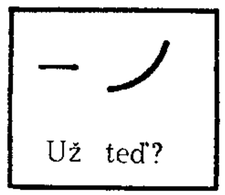


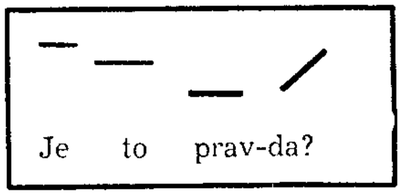
(как в повествовательном предложении) или

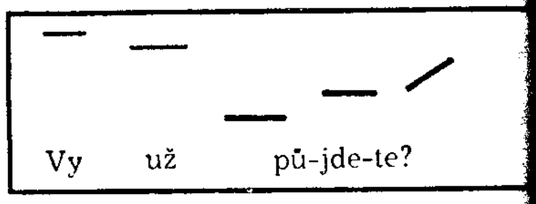
* См. Milan Romportl. *Stručná fonetika ruštiny*, Praha 1959, серия *Učebné texty vysokých škol* и В. Hála. *Úvod do fonetiky*, Praha 1958.

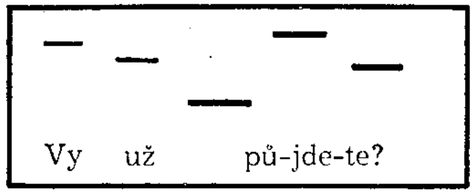


II. Интонация вопросительного предложения. Здесь возможны две мелодические формы: а) восходящая интонация к концу предложения; б) восходяще-нисходящая интонация к концу предложения. Первый интонационный тип имеет распространение по всей территории чешского языка, но в собственно Чехии распространен меньше, чем второй.



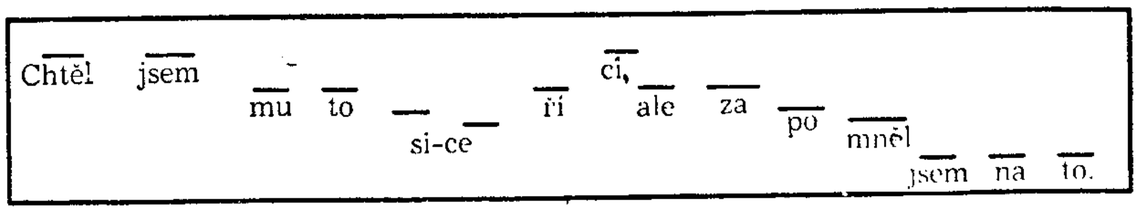






Примечание. В русском языке вопросительное предложение нередко имеет нисходящую интонацию, поэтому чешское вопросительное предложение в произношении русского часто не воспринимается как вопрос.

III. Интонация незаконченного отрезка предложения. В чешском языке в этом случае обычной является восходящая интонация, в отличие от различных интонационных типов, встречающихся в русском языке:



Кроме указанных основных типов интонационного выражения, внутри каждого из них возможны различные вариации и изменения.

II. ИСТОРИЧЕСКАЯ ФОНЕТИКА ИСТОРИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ЧЕШСКОГО ЯЗЫКА

§ 15. Чешский язык и западнославянская группа языков

Уже в праславянский период была представлена диалектная дробность единого славянского целого. Сравнительно-историческое изучение славянских языков и диалектов, а также изучение памятников письменности позволяют установить некоторые черты, характеризовавшие развитие больших диалектных групп, которые затем послужили основой для развития отдельных славянских языков. Так, несомненно, что уже в древнейший доисторический период языковая западнославянская группа имела ряд особенностей, отличавших ее от языковой группы восточных и южных славян. Эти особенности были унаследованы предками чехов и словаков, как и предками других западных славян (поляков, кашубов, лужицких сербов и рано вымерших полабских и поморских славян). Черты эти следующие:

1. Группы kvě-, gvě- в соответствии с cvě-, zvě- (с последующей заменой ě на почве отдельных славянских языков), представленными в прочих славянских языках: *чеш.* květ, hvězda; *слов.* kvet, hviezda; *польск.* kwiat [kv'at], gwiazda [gv'azda]; *н.-луж.* kwět, gwězda (ср. *рус.* цвет, звезда).

Указанная черта является одной из древнейших диалектных черт праславянского языка.

2. tl, dl в соответствии с l, получившимся в других славянских языках в результате упрощения указанной группы:

чеш.	mýdlo,	sádlo,	šídlo,	vedl,	metla
слов.	mydlo,	sadlo,	šidlo,	viedol,	metla
польск.	mydło,	sadło,	szydło [šydło],	wiódł	[v'udł]
в.-луж.	mydło	—	—	wjedł,	wjedła

(Ср. *рус.* мыло, сало, шило, вёл, мела)

Изменение dl>l находим в некоторых чешских (напр., в северо-восточных) и среднесловацких (šilo, krílo, salo) наречиях. Но это упрощение относится уже к более позднему периоду.

3. Наличие c и z (<dz) в соответствии со звуками š и ž, šť и žď и др., находимыми в восточных и южных славянских языках.

Так же как и прочие согласные, t и d в сочетании с j в праславянский период переживали процесс ассимиляции. Но долгота палатальных согласных t̄, d̄' утрачивалась не бесследно, как это было у палатальных согласных n̄', r̄', l̄, а за счет развития дополнительной фрикативной артикуляции, которая сопровождала взрыв. Этот дополнительный элемент был неодинаковым по славянским языковым группам. В славянских группах, легших в основу восточных и южных славянских языков, фрикативным элементом был š, ž, в западнославянской языковой группе — ś, ź.

Усиление фрикативного элемента приводило к образованию палатальных аффрикат ć, dź — в западнославянской языковой группе; č, ž (<žd) — в восточнославянских языках, št (<šč) и žd в болгарском языке, ć [ħ] и đ [ɧ] в сербском.

В некоторых западнославянских языках (в чешском, лужицком, кашубском) произошла утрата затвора в звонкой аффрикате dz, так что в этих языках мы находим z.

Ср.	*světja	*vortjēti	*medja	*nǫdja	*sadjēti
чеш.	svíce	vraceti	meze	nouze	sázeti
слов.	svieca	vracať	medza	núdza	sádzať
польск.	świeca	wracać	miedza	nędza	sadzać
рус.	свеча	ворочáть (*диал.*)	межа	нýжа (*диал.*)	сажать
болг.	свещ [свешт]		межда	нужда	посаждам
серб.	свéħа		мèђа		

Аналогично изменению групп tj, dj у предков западных славян происходило изменение групп kť и gť (перед гласными переднего ряда). Указанные группы ассимилировались в tt>t̄, которое затем изменялось так же, как и t̄, получившееся из tj. Ср.: *pekti: *чеш.* péci, *слов.* piecť (ť присоединилось позже под влиянием глаголов на

ť), *польск.* piec, *рус.* печь, *серб.* пећи, *ст.-слав.* **пєшти**; *mogti: *чеш.* moci, *слов.* môcť, *польск.* móc, *рус.* мочь, *серб.* моћи, *ст.-слав.* **мошти**.

Ср. также:

чешский	*русский*
noc	— ночь
téci	— течь
dcera (*др.-чеш.* dci)	— дочь

4. š в соответствии с палатальным ś в остальных славянских языках, получившимся из ch в результате второй и третьей палатализации.

Ср., напр.:

чеш. mouše, *польск.* musze — и *серб.* муси *мухе* (*дат.-местн.*);

чеш. mniši, *польск.* mniszy — и *серб.* монаси *монахи*;

чеш. Vlaši — и *серб.* Власи;

чеш. všechen, všecek, *слов.* všetok, *польск.* wszystek — и *рус.* весь (*vьsь);

чеш., *слов.* však, *польск.* wszak *однако* — и *рус.* всяк (*vьs'akъ);

чеш., *слов.* šedý, šedivý — и *рус.* седой (*šěd-).

5. Отсутствие эпентетического l в положении не начала слова на месте более раннего сочетания губного согласного + j. В соответствии с сочетанием губного согласного + эпентетическое l в южнославянских и восточнославянских языках в языке западных славян представлен мягкий губной согласный или его позднейшая замена.

Ср.: *zemja: *чеш.* země (<zem'a), *слов.* zem, zemegul'a, *польск.* ziemia (źem'a), но *рус.* земля.

*kupja: *чеш.* koupě (<kūp'a), *слов.* kúpa, но *рус.* купля.

*kupiti — *kūpien: *чеш.* koupen (<kūp'en), *слов.* kupený, *польск.* kupıony [kup'ony], но *рус.* куплен, купленный.

В начальном слоге перед гласным у всех славян на месте сочетания губной согласный + j находим сочетание губного согласного с l эпентетическим.

Ср.: *чеш.* pliji<pl'uju, plíti, plivati, *слов.* pl'ujem (*1 л. ед.*), pl'uvať, *польск.* pluć, plwać, *рус.* плюю, плевать.

Некоторые лингвисты*, основываясь на данных топонимики — в местных названиях типа Davle, Vidovle, Litovel, возводимых к *Davja, *Vidovja, *Lutovja, — считают исчезновение эпентетического l в неначальном положении явлением позднейшим (как и в болгарском языке).

6. К периоду западнославянской общности относится, вероятно, также начало процесса выпадения неслогового i̯ между двумя гласными, ассимиляции и стяжения гласных в один долгий звук.

Ср.: *чеш.* dobrá (<dobraja), *слов.* dobrá, *польск.* dobra, но *рус.* добрая (см. § 25).

Все вышеописанные черты сформировались на разных этапах праславянской истории (например, переход ś>š и стяжение относятся к более позднему периоду).

§ 16. Чешский язык и его связи с языками восточно- и южнославянской групп

1. Некоторые фонетические изменения западные славяне пережили вместе с восточными славянами. Это является свидетельством того, что диалектное дробление в праславянский период не означало изолированного развития отдельных славянских языковых групп. Процесс проходил значительно сложнее. Наряду с различиями, обусловленными историческим развитием славянских племен, славянские языковые группы (или определённая часть их) могли переживать и общие языковые процессы, которые являются отражением их более или менее тесных связей в отдельные периоды праславянской истории.

Так, доисторические сочетания *ort, *olt (т.е. or, ol в начале слов перед согласными) в зависимости от интонации не одинаково изменялись у предков западных и восточных славян, с одной стороны, и у предков южных славян — с другой. Под восходящей (акутовой) интонацией в языковых группах западных и восточных славян появилось rat, lat; под нисходящей (циркумфлексной) интонацией — rot, lot. Например:

1) *чеш.* rámě || rameno(<*orm-) *плечо*; rádlo<*ordlo *соха*; lakomý (<*olk-) *алчный, жадный*; lákati (<*olk-) *манить*; *др.-чеш.* rataj (<*ort-) *пахарь*.

* См., напр., Komárek. *Historická mluvnice česká*, díl I, *Hláskosloví*, Praha 1958 стр. 32.

2) *чеш.* rokytí, rokytný, Rokycany (<*ork-), rovný, *польск.* równy (<* orvъn-) *ровный*; *чеш.* loket *локоть*, lod' *корабль*, rozum *разум* (<*orz-), robota *подневольная работа*, *польск.* robić, robota (<* orb-), *чеш.* loni *в прошлом году*, *польск. арх.* łoni (<*olni) (ср. *сев.-рус.* лонись), *чеш.* růsti (<rōsti), *польск.* róść (<*orst-) *расти*.

В группе языков южнославянских lat, rat представлено независимо от характера интонации: *серб.* раме, *болг.* рамо *плечо*, *серб.* рáвнӣ, *болг.* равен *ровный*, *серб.* рáсти, *болг.* раста, расна *расти*.

В чешской языковой области также встречаются местные имена с rat на месте *ort под нисходящим ударением: Rasochy, Raveň, в моравских говорах — raztoka *развилка*, ratolest *побег* (отсюда и в литературном); во всех положениях дают rat и lat среднесловацкие говоры: rakyta, raľa *поле*, raz-, lakeť и др.

2. Отражением связей чешско-словацкой языковой группы с наречиями южнославянской группы в праславянский период является судьба доисторических сочетаний or, ol, er, el между согласными (условно *tort, *tolt, *tert, *telt). Изменения в этих сочетаниях, обусловленные действием закона открытого слога, по славянским языковым группам проходили неодинаково. Слоги с or, ol, er, el между согласными были долгими. В речи предков южных славян и в чешско-словацкой языковой группе долгота слога сосредоточивалась на гласном, вследствие чего сочетания tōrt, tōlt изменялись в tart, talt, а tērt, tēlt—в tĕrt, tĕlt.

От побочной слоговости, которая возникала в результате перераспределения слоговых элементов ta-r̥t, tĕ-r̥t, освобождались посредством перестановки гласного и плавного: trat, tlat, trět, tlět. Ср.: *golva: *чеш.* hlava; *korva: *чеш.* kráva; *berza: *чеш.* bříza<br'ěza; *berg: *чеш.* břeh <br'ěgъ; *melko: *чеш.* (*лит.*) mléko (*разг.* mlíko).

В русском языке (как и в других восточнославянских языках) в соответствии с южнославянскими и чешско-словацкими сочетаниями типа trat, tlat представлены полногласные сочетания, которые появились в результате развития вторичных гласных после плавных. Ср. следующие соответствия:

чешский	*русский*	*чешский*	*русский*
kráva	коро́ва	bříza	берёза
sláma	соло́ма	dřevo	де́рево

чешский	*русский*	*чешский*	*русский*
vrána	ворóна	před	пéред
vlas	вóлос	břeh	бéрег
chlad	хóлод	mlíti	молóть
draho	дóрого	vléci	волóчь

Примечание. Долгота и краткость слогов в чешском языке связана с прежними интонационными различиями. Под восходящей интонацией в чешском языке представлена долгота (в русском языке ударение падает на вторую часть полногласного сочетания: орó, олó); под прежней нисходящей интонацией — краткость (в русском языке ударение падает на первую часть полногласного сочетания: óро, óло, éре) (см. § 19).

При изменении сочетаний *čelt, *želt (из *kelt, *gelt) гласный е лабиализировался в ö: čelt>čölt, želt>žölt, так что процесс шел по типу tolt: čelt>čölt>čālt>člat; želt>žölt>žālt>žlat.

Так появилось чешское član, článek из *čelnъ, žlab из *želbъ *желоб* и др.

Хронология изменения групп *tort, *tolt и др. определяется на основании изменения имени Карла Великого, которое по разным славянским языкам дало разные формы: *чеш.* král, *польск.* król, *рус.* король. Это свидетельствует о действии данного закона еще в IX в.

* * *

Кроме черт, свойственных чешскому языку как западнославянскому, а также тех, которые переживались им вместе с группами восточных и южных славян, следует отметить одну собственно чешскую черту: отличный результат II палатализации групп согласных sk и zg. Напр., dъskě>*др.-чеш.* dъšče (ср. *ст.-слав.* дъсцѣ), vojsko — ve vojště, mězga>*др.-чеш.* mieždě.

§ 17. Звуковой состав древнечешского языка

Древнейшие памятники собственно чешской письменности относятся к концу XIII в. В связи с этим многие ученые считают XIII в. началом исторического периода в развитии чешского языка. Однако нет никакого сомнения, что эти памятники фиксируют не начальный период в развитии собственно чешского языка, а последующие его эта-

епы, т. к. некоторые специфически чешские языковые явления (деназализация носовых, изменение редуцированных гласных, стяжение групп гласных, перегласовка а>е и др.) прошли раньше написания первых чешских памятников.

Восстановить звуковую систему древнечешского языка IX—X вв. помогают памятники старославянского языка моравского извода (Киевские листки и Пражские глаголические отрывки X—XI вв.), содержащие ряд богемизмов, многочисленные глоссы* в документах, написанных на латинском языке, данные самых древних чешских памятников (напр., духовная песнь „Hospodine, pomiluj ny", найденная в списках XIV в., но бесспорно написанная раньше XII века), сравнение со звуковой и грамматической системой других родственных славянских языков и диалектов, и прежде всего старославянского языка, данные современных чешских, моравских и словацких диалектов, а также чешской исторической диалектологии.

В фонетическом отношении язык чешско-моравских племен IX—X вв. значительно отличался от современного чешского языка. Так же как в древнейшей звуковой системе других славянских языков, в древнечешском языке рассматриваемого периода были следующие гласные фонемы, унаследованные от праславянского языка:

подъем \ ряд	передний	средний	задний
верхний	i ě	y	u ǫ
средний	e ь	ъ o ę	
нижний			a

* Чешский перевод латинских слов, оборотов и даже целых предложений, различные приписки на чешском языке.

Кроме гласных a, u, i, o, e, по-видимому, сходных с современными, в древнечешском языке были носовые ǫ и ę, ě(«ять»), y («ы»), а также два редуцированных звука: переднего ряда [ь] и среднего ряда [ъ]. Следует учесть, что в древнечешском языке гласные различались не только по качеству, т. е. по своему образованию, но и с количественной стороны, т. е. по долготе и краткости. Однако это соотношение было иным, чем в современном языке (см. § 19).

Кроме гласных, носителями слоговости были также r и l, получившиеся на месте сочетаний *tъrt, *tьrt, *tъlt, *tьlt (см. § 24). В древнечешском языке они были долгими и краткими и могли иметь различную интонацию. От слогообразующих согласных современного языка древнечешские r̥ и l̥ отличались тем, что их артикуляцию сопровождал, по-видимому, неопределённый гласный элемент, который был вариантом ъ или ь (pʰrstъ, vʰlkъ, tʰrgъ, chʰlmъ).

Древнечешский язык IX—X вв. характеризовался следующим составом согласных фонем:

губные: p, b, m, v (твердые, мягкие и смягченные);
переднеязычные: t, d, n, r, l, s, z (твердые и смягченные);
č, c, ʒ (z), š, ž, ľ, r', n' (мягкие);
среднеязычный: j;
заднеязычные: k, g, ch (только твёрдые).

§ 18. Характеристика звукового качества гласных фонем в древнечешский период

1. Носовые ǫ и ę.

В языке чехов и словаков до X в. были носовые гласные ǫ и ę.

Об этом свидетельствует, с одной стороны, судьба заимствованных чешским языком слов с сочетаниями гласный + m или n перед согласным, передававшимися по-чешски носовыми гласными. Так, в конце IX века в Подунавье появились племена, которые в латинских документах назывались ungari, Hungari, в немецких — Ungarn, а в греческих — οὔγγαροι. В современном чешском языке имеется

слово Uhři *венгры*, бесспорно восходящее к Qgri (ср. *польск.* Węgrzy).

С другой стороны, свидетельством существования носовых гласных у предков чехов, мораван и словаков является передача чешских слов с носовыми ǫ и ę в латинских, немецких и других документах посредством сочетания гласный + m. Так, имя чешского короля Svętopl̥k в латинских документах IX века передается как Suentopulkus (873 г.), Sfentopulkus (880 г.), Zventopolcus (885—891 гг.). Имя св. Вацлава передается также с носовым звуком: латинское Venceslaus соответствует древнечешскому Vęceslav.

Передача заимствованных слов в чешском языке с носовыми гласными может служить (хотя и не совсем точным) свидетельством произношения носовых. Так, например, немецкое название реки и поселения Kamb передается в «Хронике» Космы (1-ая пол. XII в.) как Chub и Kamb. Написание Chub свидетельствует о том, что чехи воспринимали сочетание -am- как близкое по звучанию к ǫ: kamb>chǫb>chūb. Об этом же свидетельствуют старые венгерские заимствования географических наименований из словацкого языка: Dumba (*совр.* Dubová), Krumpa (Krupá).

Но более надежным свидетельством произношения ǫ и ę в указанный период могут служить позднейшие замены носовых по разным славянским языкам. В языковых группах, легших в основу восточнославянских языков, а также чешского, словацкого, сербохорватского и серболужицких языков, носовой заднего ряда был сильно лабиализованным, близким по произношению к носовому ǫᵘ. После утраты носового образования, т. е. когда в момент произнесения гласного нёбная занавеска перестала опускаться, на месте ǫ в чешской и словацкой языковой группе появился гласный **u**, дальнейшая судьба которого зависела от количества слога и от качества предшествующих согласных (см. § 29).

Носовой гласный переднего ряда ę был гласным довольно широкого, открытого образования. Этот гласный произносился как ä, перед которым, однако, предшествующие согласные смягчались. После утраты носового образования дальнейшая судьба гласного ä зависела от дол-

готы и краткости слога, а также от мягкости или твердости последующего согласного (ср. §§ 22, 26, 29).

2. Звук ě («ять»).

По вопросу о звуковом качестве ě в рассматриваемый нами период (IX—X вв.) среди языковедов нет единой точки зрения. Почти все чешские ученые и некоторые русские (А. А. Шахматов*) считают, что ě произносился в древнечешском языке как дифтонг i͡e. Это утверждение основывается главным образом на графической передаче звука ě в древнечешских памятниках, на передаче отдельных чешских слов в латинских документах и на графической передаче и произношении ě после губных в современном чешском языке (věřiti как vjeřiti). На основании этого Гебауер**, а вслед за ним и другие ученые определили характер ě как восходящего дифтонга ie, ié.

Русские ученые, среди которых следует отметить проф. А. М. Селищева***, полагают, что в тех языковых группах, которые легли в основу языков восточнославянских, а также словацкого и чешского, ě был монофтонгом. Это был гласный переднего ряда, напряженный, с повышенным подъёмом языка, перед которым была представлена высокая мягкость согласных. Мягкость согласных перед ě была такой же, как и перед i. Дифтонг i͡e представляет результат позднейшей замены ě в долгом слоге.

Полагаем, что в IX—X вв. ě в древнечешском языке прозносилось как высокое, напряженное ê, значительно отличающееся от **е**, которое однако довольно рано изменилось в долгом слоге в дифтонг i͡e (viera), как это можно наблюдать и в истории других славянских языков.

Для краткого ě трудно предположить дифтонгическое произношение, т. к. дифтонг не может быть кратким. Уже в XI — XII вв. краткое ě было близко по своему произношению к гласному **е**, с которым оно затем полностью совпало.

---

* См. его рецензию на книгу Я. Гебауера *Historická mluvnice jazyka českého* в Сборнике отделения русского языка и словесности, АН, т. 66, С.-Петербург 1900.

** См. J. Gebauer. *Historická mluvnice jazyka českého*, d. I., Praha 1894.

*** См. А. М. Селищев. Славянское языкознание, т. I, М. 1941 и Старославянский язык, ч. I, М. 1951.

3. Редуцированные **ъ, ь** и **ў, ĭ.**

Редуцированные гласные ъ и ь в количественном отношении были неполными: они были короче нормальных кратких гласных **о** и **е**.

На основании дальнейшей судьбы ъ полагаем, что в чешском языке, так же как и в польском, этот гласный был не заднего образования, как у восточных славян, а среднего: ə, так как в сильном положении он изменился в гласный **е**; ь был гласным переднего ряда (о судьбе ъ и ь см. § 23).

Кроме указанных гласных фонем, следует сказать о комбинаторных вариантах фонем ъ и ь, о редуцированных ў и ĭ.

Редуцированные ў и ĭ — фонетически обусловленные звуки, появившиеся на месте ъ и ь перед j или j̨, а также перед конечным i. Появление ў и ĭ в указанных положениях, видимо, объясняется воздействием последующего гласного высокого образования:
1 л. ед. mъjǫ>mўjǫ, šьjǫ>šĭjǫ; *им. мн.* dobrъi>dobrўi, pěšьi>pěšĭi̯.

4. Звук **у.**

В звуковой системе древнечешского языка был также звук **у** (ср. русское ы) — гласный среднего ряда, верхнего подъема, нелабиализованный (о дальнейших изменениях этого звука см. § 28).

* * *

Не делаем особых замечаний об образовании прочих гласных, так как в отношении своего звукового качества они, вероятно, мало чем отличались от известных нам славянских звуков.

§ 19. Количество древнечешских гласных

В отношении количества древнечешский язык представлял уже не то состояние, которое характеризовало праславянский язык; с другой стороны, его система долгих и кратких гласных значительно отличалась от современной.

1. В праславянский период гласные a, u, ě, i, y, ǫ, ę по происхождению были долгими, т. к. они появились на месте

праиндоевропейских долгих гласных или дифтонгов. Так, напр., ā могло возникнуть из ā, ō, а также из ē после мягких согласных; ū появилось на месте долгих и кратких дифтонгов au, ou (ju — на месте ĕu); ĕ получилось из ē или же из дифтонгов oi, ai; i появлялось на месте ī, дифтонга ei и дифтонгов oi, ai (при определенной интонации). Носовые ǫ и ę появились на месте сочетаний гласных с носовыми согласными m, n.

Ср. некоторые соответствия из индоевропейских языков: *чеш.* máti — *др.-инд.* mātā, *арм.* mair, *греч.* μήτηρ, *лат.* māter, *лит.* motē, *латыш.* māte; *чеш.* ucho — *лат.* auris (<*ausis), *лит.* ausis, *готск.* ausō; *чеш.* dým — *др.-инд.* dhūmas, *греч.* θυμός, *лат.* fūmus, *лит.* dūmai, *прусск.* dumus; *чеш.* cena (*др.-чеш.* cěna) — *греч.* ποινή, *лит.* kaina; *чеш.* símě (<sěmę) — *лат.* sēmen, *лит.* sēmuo (*мн.ч.* sēmens), *нем.* Same; *чеш.* živ — *лат.* vīvus; *чеш.* uhel (<*ǫgъlъ) — *лат.* angulus, *др.-нем.* angul; *чеш.* deset (<desęti) — *лит.* dẽšimt.*

Однако долгие по происхождению гласные в определенных условиях могли сократиться еще в праславянский период.

2. Краткими по происхождению гласными были **о** и **е**.

о получилось в праславянский период из ŏ или ă. Ср. *др.-чеш.* domъ — *др.-инд.* dámas; *лат.* dŏmus, *греч.* δόμος; *чеш.* oko — *лат.* ŏcŭlus, *др.-инд.* akši, *лит.* akìs.

е возникло из ĕ или из ’о (после палатальных согласных). Ср. *чеш.* beru — *лат.* fero, *греч.* φέρω; *чеш.* med—*лит.* medùs.

Однако краткие по происхождению гласные еще в праславянский период могли в определенных условиях становиться долгими (например, под новоакутовой интонацией).

3. Гласные ъ и ь были короче нормальных кратких **о** и **е**.

ъ получился в праславянском языке из ŭ:

Ср. *др.-чеш.* synъ — *лит.* sūnùs, *др.-чеш.* mъchъ — *лит.* mŭsaì, *лат.* mŭscus, *нем.* Moos (<musa).

ь получился из ĭ. Ср. *др.-чеш.* vьdova — *лат.* vidua.

4. Условия, при которых происходило сокращение первоначально долгих гласных и продление первоначально кратких, еще в праславянский период были следующие:

* О происхождении долгих и кратких гласных в славянских языках см. подробнее А. М. Селищев. Старославянский язык, ч. I, §§ 44—93, М. 1951.

1) В открытом конечном слоге под ударением и вне ударения: brāzda, rāna, chvāla, žena, chlapa (*род. ед.*), māti.

2) Многочисленны случаи сокращения перед ударенным слогом с долгой гласной: dǭbína>dǫbína (*совр. чеш.* dubina); mālína>malína (*совр. чеш.* malina); gūbíti>gubíti (*совр. чеш.* hubiti); jāzy̆kъ>jazy̆k (*совр. чеш.* jazyk); ūčíti>učíti (*совр. чеш.* učiti).

3) Долгие слоги сокращались и под ударением в многосложных словах, если они находились в третьем или четвертом слоге от конца: jā́goda>jagoda (*чеш.* jahoda), stā́rostь>starost, plā́kati>plakati, rā́dovati se>radovati se.

4) Происходило сокращение перед конечным ударенным гласным: glǫbīná>hlubina, planīná>planina.

5) Сокращались долгие гласные и под ударением: *чеш.* malína>*чеш.* malina, nedḗl’a>*чеш.* neděle, sǭsḗdъ>*чеш.* soused, chodíti>choditi, česā́ti>česati и т. д.

6) Сокращались заударные долгие гласные: vídēti — *чеш.* viděti, slýšāti — *чеш.* slyšeti, sýpāti — *чеш.* sypati*.

Рассмотренная система долгих и кратких гласных в праславянском языке была унаследована древнечешским языком.

5. Кроме того, количество чешских гласных находилось в зависимости от старых интонационных отношений. Общеизвестно, что в праславянском языке слоги с долгими и краткими гласными имели неодинаковую интонацию. Долгие слоги (слоги с долгими гласными i, y, a, u, ǫ, ę, ě или с сочетаниями or, ol, er, el, ъr, ъl, ьr, ьl) имели интонацию либо восходящую (акутовую), либо нисходящую (циркумфлексную), краткие слоги, т. е. слоги с краткими гласными (o, e, ъ, ь, y̆, i̯), имели только нисходящую интонацию.

Следы давних интонационных различий представлены в чешском языке в виде долготы или краткости гласных. Под восходящей интонацией долгота у чехов сохранилась, под нисходящей же — сократилась. Ср.: kráva *корова*, bříza *береза*, vrána *ворона*, síla *сила*, bláto *грязь* (старый акут) и — břeh *берег*, hlas *голос*, druh 1. *друг*; 2. *сорт, вид*; pole, moře (старый циркумфлекс).

* Значок ’ означает в пп. 1)—6) место ударения в праславянский период.

В русском языке старые интонационные различия нашли отражение в месте ударения. Так, полногласные сочетания, восходящие к сочетаниям *tort, *tert, *tolt, *telt с акутовой интонацией, имеют ударение на второй части полногласного сочетания, а восходящие к tort, tolt и т. д. с циркумфлексной интонацией— на первой. Ср.: коро́ва (*чеш.* kráva), соло́ма (*чеш.* sláma), ко́лос (*чеш.* klas), пе́ред (*чеш.* před).

Еще в праславянский период в ряде случаев произошли изменения старых интонаций (метатония), в результате которой акутовая интонация изменилась в интонацию циркумфлексную (ее принято называть новым циркумфлексом), а старая циркумфлексная интонация изменилась в акутовую (новый акут).

Новоакутовая интонация в чешском языке совпала со старым акутом, а новоциркумфлексная интонация — со старым циркумфлексом. Вследствие этого под новоакутовой интонацией в чешском языке представлена долгота, а под новоциркумфлексной — краткость.

Ср. след. примеры: kůže<kōža<*kozja, vůle<vōl'a<<*volja, nůše<nōša<*nosja, můžeš<mōžešь и пр. (корневое **о** стало долгим под новым акутом). Напротив, в примерах типа kráva — *род. мн.* krav, dílo — děl, síla — sil долгий корневой гласный сократился под новоциркумфлексной интонацией.

6. В результате указанных изменений в количестве гласных в древнечешском языке IX—X вв. находим следующие долгие и краткие гласные фонемы:

ā, ō, ū, ē̆, ī, ȳ, ē, ǭ, ę̄
| | | | | | | | |
ă, ŏ, ŭ, ĕ, ĭ, ў, ě, ǫ, ę

В дальнейшей истории чешского языка появлялись новые долготы, связанные с исчезновением редуцированных в слабом положении, со стяжением гласных и с некоторыми другими явлениями (подробнее см. §§ 23, 25, 29).

§ 20. Ударение

Ударение в чешском языке как по своему характеру, так и по месту значительно отличается от праславянского. В праславянской акцентологической системе тонические различия преобладали над динамическими, т. е. по существу

в ней было тоническое ударение. Праславянское ударение было свободным (т. е. оно не было закреплено за определённым местом в слове) и подвижным (могло переходить с одного слога на другой).

Вначале праславянское слоговое ударение имело интонацию двух типов: восходящую (акутовую) и нисходящую (циркумфлексную), затем, в результате метатонии, — четырех типов: акутовую, циркумфлексную, новоакутовую и новоциркумфлексную. Вся акцентологическая система праславянского языка находилась в тесной зависимости от интонационных отношений.

В чешском языке различные типы прежних интонационных отношений отразились в виде долготы и краткости гласных. Так, слоги, находившиеся под акутом (старым или новым), сохранили долготу (kráva, bříza, vůle), слоги со старым и новым циркумфлексом пережили сокращение долгих гласных (břeh, hlas, krav).

В чешском языке установилось экспираторное ударение. Однако сила экспирации ударенного слога в чешском языке значительно слабее, чем в русском. Вообще чешское ударение незначительно по своей интенсивности.

Чешский язык пережил также изменения, касающиеся места ударения. Место ударения в чешском языке закрепилось за начальным слогом слова.

По вопросу о причинах стабилизации чешского ударения среди специалистов нет единой точки зрения. Одни придают решающее значение влиянию немецкого и венгерского языков, другие считают, — и это более правдоподобно, — что чешское постоянное ударение является результатом внутреннего развития чешского языка и представляет собой явление собственно славянское. Аналогичное явление представлено и в истории словацкого, польского, верхнелужицкого языков.

Трудно сказать что-либо определённое о времени стабилизации чешского ударения. Вероятно, этот процесс проходил постепенно и занял значительный промежуток времени. Однако на основании ритмических факторов в некоторых древнечешских поэтических произведениях можно предположить, что этот процесс завершился уже к концу XIII в.

§ 21. Характеристика звукового качества согласных фонем древнечешского языка (IX—X вв.)

Система согласных фонем древнечешского языка по соотношению твердости и мягкости, по звонкости и глухости, а также по образованию и звуковому качеству некоторых согласных значительно отличается от системы современного чешского консонантизма.

1. Задненёбные согласные k, g, ch в указанный период были только твердыми, так как могли находиться только перед согласными и гласными непереднего ряда a, o, ǫ, y, u и ъ. Ср. примеры: ł̷yko, rǫka, noga, mūcha, gł̷ava.

Перед гласными переднего ряда различного происхождения и после них, а также в сочетании с j задненёбные согласные изменили свое качество еще в праславянский период.

2. Согласные j, ž, š, č, c были только мягкими, так как шипящие согласные š, ž, а также аффрикаты c, č получились в праславянскую эпоху в результате изменений различных согласных (k, g, ch, s, z, t, d) в сочетании с j, а также в результате палатализации задненёбных согласных в положении перед гласными переднего ряда и после них.

Например: *duchja>duša>duše; *lugja>lūža>louže; *nosja>nōša>nůše; *kozja>kōža>kůže; *svętja>svēc'a>>svíce; *medja>medz'a>meze; ucho — uši; mogǫ — možešь, vьlkъ — vьlče, otьcь — otьče и т. д.

3. Прочие согласные, в зависимости от фонетической позиции, могли быть твердыми, мягкими (палатальными) и полумягкими (палатализованными).

Так, согласные r и l в древнейший период развития чешского языка были твердыми, если они находились перед гласными непереднего ряда (a, u, o, y, ǫ, ъ): stołъ, ł̷yko, ryba, berǫ; мягкими, если они еще в праславянский период получились из сочетания rj>r', lj>l': *morjo>mor'e, *созр.* moře; *burja>būr'a, *совр.* bouře; volja>vōl'a, *совр.* vůle; *chvaljenъ>chvāl'enъ, *совр.* chválen. Перед гласными переднего ряда r и l были палатализованными или смягченными: chvál'iti, l'ípa, l'ьnъ, l'ěsъ.

Примечание. О том, что древнечешскому языку IX—X вв. были свойственны все три вида l (ɫ, l, l'), свидетельствует современное состояние чешско-словацких говоров, в которых до настоящего времени представлены [l] и [l'], [ɫ] и [l] (см. историю звука [l] в § 31).

4. Зубные согласные t, d, а также n в древнейший период развития чешского языка могли выступать или как твердые согласные (перед гласными непереднего ряда), или как смягченные, палатализованные (перед i, e, ě, ę, ь): nitь, dьnь, bǫdete.

Кроме того, согласный n мог быть палатальным на месте доисторического сочетания nj: *vonja>vōn'a, *совр.* vůně *запах.*

Примечание. Согласные t и d в сочетании с j еще в период диалектного деления праславянского языка изменились в c, dz> z (см. § 15).

Степень палатализации согласных n, t, d перед гласными переднего ряда была в рассматриваемый период, по-видимому, неодинаковой. Наибольшая степень мягкости была представлена перед гласными i и ě как перед гласными самого высокого образования. Впоследствии перед этими гласными развилась полная мягкость, такая же, какую мы находим на месте прежнего сочетания nj.

5. Согласные s и z. Кроме твердых вариантов s, z, так же как и для других согласных, можно отметить палатализованные s, z, появившиеся перед гласными переднего ряда: zima, síla, sěno (*созр.* seno).

Кроме того, согласный z мог быть палатальным, если он возник в результате палатализации задненёбного согласного g после гласных переднего ряда и перед гласными переднего ряда дифтонгического происхождения, а также на месте сочетания dj: *nogě>nodz'ě>noz'e >*совр.* noze; *medja>medz'a>mez'e> *совр.* meze.

Палатальное s' еще в период западнославянской общности изменилось в š (см. § 15).

6. Губные согласные m, p, v, b могли быть твердыми: mǫka (*совр.* mouka); *vołъ (*совр.* vůl); bobъ (*совр.* bob); *pǫto (*совр.* pouta *путы, оковы*), палатализованными (перед гласными переднего ряда i, e, ě, ь, ę): píti, měra (*совр.* míra), věkъ (*совр.* věk) и палатальными (на месте доисторических сочетаний губной + j): *zemja>zem'a (*совр.* země); kupja>kūp'a (*совр.* koupě), *1 л. ед.* *tьrpjǫ>trp'u (*совр.* trpím); *lovjenъ>lov'enъ (*совр.* loven).

Наиболее высокая палатализация была представлена перед гласными переднего ряда i, ě, ę.

7. Качество согласного v. В начале исторического периода в чешском языке был губно-губной звук w, губно-зубная его замена появилась позднее. Свидетельством губно-губного характера звука w в указанный период являются:

1) Данные памятников письменности. Так, в памятнике XIV столетия (Евангелие от Матвея) писец передавал звук w девятью способами, главными из которых были wu, uw (prawuda, prauwda). Писец чувствовал артикуляционную общность звуков u и w, а поэтому и употреблял обе буквы.

2) Данные современных чешских диалектов и различные переходы w в другие согласные (историю звука v см. в § 31).

8. Одной из важнейших особенностей чешского консонантизма в этот древнейший период является смягчение твёрдых согласных (m, p, b, v, t, d, n, s, z, r, l) перед гласными переднего ряда. Однако указанное смягчение согласных не играло смыслоразличительной роли, т. к. оно было позиционно обусловлено. Возможно, что мягкие и смягченные губные, а также r' (из rj) и r′ совпадали в одном качестве или были близки по своему произношению.

9. Систему согласных фонем в древнечешском языке IX—X вв. можно представить в следующей таблице:

по месту образования	по мягкости и твердости		
	твёрдые	мягкие, или палатальные	смягченные, или палатализованные
губные	p, b, m, w	p', b', m', w'	(p′), (b′), (m′), (w′)*
переднеязычные	t, d s, z r, ł, n	j, [ị]* c, č, š, ž, z' [<ʒ], [ǯ]* r', l', n'	(t′), (d′) (s′), (z′) (r′), (l′), (n′)*
заднеязычные	k, g, ch	—	—

* В круглые скобки взяты смягченные, как варианты фонем. В квадратные скобки взяты аффрикаты: ʒ (dz), которая к тому времени, по-видимому, уже утратила затвор, и ǯ (dž), встречавшаяся только в сочетании ždž (<*zdj*, zgj, *zg' и т. д.).

Чешским языком было унаследовано от праславянского периода чередование согласных, возникшее в результате изменений задненёбных согласных в положении перед гласными переднего ряда и после них, а также из сочетания согласных k, g, ch, t, d, s, z + j: kj>č, gj>ž, chj>š, tj>c, dj>z, sj>š, zj>ž.

чередующиеся согласные			примеры (из современного чешского языка)
k	č	c	ruka ‖ ručka ‖ ruce (*дат.-местн. ед.*)
g>h*	ž	z (<ʒ)	noha ‖ nožka ‖ noze
ch	š	—	ticho ‖ tiše; hluchý ‖ hluší (*им. мн. м. р.*)
t	—	c	svítiti ‖ svíce; vrátiti ‖ vrácen
d	—	z (<ʒ)	probuditi ‖ probuzen; choditi ‖ chůze
s	š	—	česati ‖ češu (*1 л. ед.*); nositi ‖ nůše
z	ž	—	mazati ‖ mažu (*1 л. ед.*)

группы чередующихся согласных		примеры
sk, st	št (<šč)	pustiti—(od-, pro-)puštěn (*др.-чеш.* puščen) vojsko — ve vojště (*др.-чеш.*)
zd	žď (<ždž)	jezditi ‖ odjížděti (<-jěždžati)
sl	šl	mysliti ‖ rozmýšleti (<-mýšľati) se

ФОНЕТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ ЭПОХИ

§ 22. История носовых ǫ и ę

Уже в самом начале исторического периода в развитии чешского языка носовые ǫ и ę пережили деназализацию, т. е. нёбная занавеска в момент их образования перестала опускаться и они стали произноситься как чистые, неносовые звуки. Неносовые звуки на месте прежних носовых находим уже в XI—XII вв. в отдельных чешских словах и выражениях, вписанных в латинские документы.

* Звук g, унаследованный чешским языком от праславянского языка, изменился затем в h (см. § 31).

Замена носовых гласных неносовыми представлена также в некоторых старославянских памятниках моравского извода. Так, в Пражских отрывках, глаголическом старославянском памятнике XI в., содержащем большое количество чехизмов, носовые гласные ǫ и ę передаются нередко неносовыми **u** и **'a**. Ср. modlitvu (**модлитвоу**), udariša (**оударишa**). Это является свидетельством того, что в языке писца-чеха носовых гласных уже не было. Можно полагать, что утрата носового произношения произошла у чехов до XI в., но после IX в., поскольку, как указывалось выше (см. § 18), чешские слова с носовыми гласными передавались в латинских документах этого времени при помощи сочетания гласного с носовым согласным (ср. Václav — Venceslaus).

На месте ǫ, как звука сильно лабиализованного, близкого по артикуляции к ų, после утраты носового произношения появился гласный **u**, который мог быть как кратким, так и долгим.

Дальнейшая судьба **u** была такой же, как и исконного **u**: в кратком слоге после твердых согласных он оставался без изменения, в долгом слоге изменился в дифтонг ou: trǫba>>trūba>trouba (подробнее см. §§ 27, 29).

На месте ę, который был звуком широкого, открытого образования, после деназализации появился ä. Согласные перед этим заменителем носового были мягкими.

Некоторые чешские ученые (Я. Гебауер и др.) считают, что на месте ę появилось йотированное а, которое с течением времени утратило свою йотацию. Однако нет необходимости допускать стадию i͡a, так как из нее не выводятся все чешско-моравские замены носового и, главным образом, звук ä, который находим в словацком языке в кратком слоге после губных. Ср. mäso <męso, päta<pęta.

Кроме того, ä из ę характеризовало не только чешско-словацкую языковую группу, но и другие славянские языки, в частности русский. Однако допущение стадии i͡a для русского языка невозможно, так как в противном случае возникло бы сочетание ja.

Дальнейшая судьба ä в чешской языковой группе была тождественна судьбе исконного 'a, находившегося после мягких согласных, т. е. она зависела от долготы и краткости слога и от мягкости и твердости последующих согласных (см. §§ 26, 29).

§ 23. История редуцированных гласных

1. Редуцированные гласные ъ и ь в чешском языке, так же как и в других славянских языках, на определенном историческом этапе развития языка либо утратились, либо перешли в гласные полного образования. В конце и в середине слов перед слогом с гласными полного образования редуцированные гласные, вероятно, уже в доисторический период были сильно ослабленными. В начале исторического периода они подверглись дальнейшему ослаблению и полной утрате.

Ср.: mostъ>most, kostь>kost, lьnǫti>lnūti>lnouti *льнуть*, sъchnǫti>schnūti>schnouti *сохнуть*, ovьca>ovca>>ovce.

Перед слогом, в котором находился слабый, подлежащий исчезновению редуцированный, ъ и ь переживали некоторое продление, усиление артикуляции и переходили в гласный полного образования **e**.

Ср.: dьnь>den, pьsъ>pes, sъnъ>sen, rъtъ>ret *губа*.

Но редуцированные были слабыми и исчезали не только перед слогом с гласным полного образования, но и перед слогом, в котором редуцированный находился в сильном положении: dьnьsь>dnes *сегодня*. В приведенном примере слабый конечный редуцированный исчез, а предшествующий ему редуцированный перешел в гласный полного образования. Редуцированный, находящийся в первом слоге, также исчез, т. к. он находился перед сильным редуцированным (отсчёт слабых и сильных редуцированных производится с конца слова к началу).

Ср. также: šьvьcь>švec *сапожник*, но šьvьca (*род. ед.*) >ševca (*совр.* ševce).

Неодинаковый звуковой вид разных форм следующих слов также объясняется различным положением редуцированных:

lež (<lъžь), но lži (<lъži), len (<lьnъ), но lnu (<lьnu), domek (<domъkъ), но domku (<domъku).

2. Можно думать, что в период, предшествовавший изменению сильных редуцированных в **e**, звуки ъ и ь были по своему образованию близки к гласному **e**, во всяком случае являлись вариантами этой фонемы.

Однако согласные перед заменой редуцированного непереднего ряда не были смягченными, поэтому о совпадении обоих редуцированных в звуковом качестве переднего ь, по-видимому, говорить нельзя.

Таким образом, в соответствии с двумя заменами сильных редуцированных в русском языке посредством гласных *о* (на месте ъ) и *е* (на месте ь) в чешском языке на месте ъ и ь представлен один гласный **e**. Ср. мох — mech, сон — sen, день — den, отец — otec.

3. О времени перехода редуцированных в гласные полного образования трудно говорить определенно, так как древнейшие собственно чешские памятники относятся к концу XIII в. Однако написание отдельных чешских слов и собственных имен в латинских документах свидетельствует о том, что в XII в. редуцированных уже не было. Так, в латинских документах XI в. отдельные собственные имена Chlmec, Tynec (Hlmecs, Tinecs — 1057 г.) представляют замену сильного редуцированного через e (Tynec<Тупьсь). Слабые редуцированные в XI в. уже не обозначались. Это может служить свидетельством того, что слабые редуцированные или совсем исчезли, или же произносились как очень слабые, так что писец считал возможным вообще не обозначать их.

В более поздних памятниках (напр. Хроника Космы, XII в.) уже последовательно представлена замена сильных ъ и ь через **e**: напр., Satec, Hlymec, Ozzel (osel), Gvozdec, обозначение слабых редуцированных отсутствует: Belecz (<Bělьcь), Bobr (<Bobrъ) Kladsko (<Kladьsko) и т. п.

На основании этого можно полагать, что слабые редуцированные в чешском языке исчезли, а сильные перешли в гласные полного образования в XI в.

4. Последовательная замена редуцированных в сильном положении гласными полного образования с течением времени во многих случаях была нарушена вследствие действия аналогии, стремления к обобщению звукового вида форм и слов.

Так, например, по аналогии с формой им.-вин. пад. ед. ч. mech в косвенных падежах вместо основы mch- (mcha, mchu и т. д.) начала употребляться основа с **e**: mechu и т. д.; по аналогии с četl (<čьtlъ) был образован женский род četla, по аналогии с инфинитивом sebrati

(<*sъbьrati) — seberu (фонетически закономерны были бы čtla, sberu) и т. д.

Напротив, в словах dvoreček, domeček, zvoneček и т. п. форма именительного падежа имеет суффиксальное -eč- по аналогии с косвенными падежами. Фонетически закономерной формой им. ед. была форма domček (из domъčьkъ), которая под влиянием форм других падежей (напр., род. п. domečka<domъčьka и т. д.) изменила свою основу. Таким образом, в результате контаминации двух основ в им. п. ед. ч. получилась новая основа на -eček.

Аналогические образования возникали не только у разных форм одного и того же слова, но и у разных слов. Так, под влиянием форм типа zámek — zámku (с беглым e) появилось mozek — mozku (вместо старого mozgъ). Так же, как služba — služeb (služьbъ), появилось bitva — bitev (на месте более старого bitvъ).

5. После прояснения и падения редуцированных первоначальные предлоги vъ, kъ, sъ имели двоякий звуковой вид v ‖ ve, k ‖ ke, s ‖ se, в зависимости от того, находился ли в первом слоге следующего слова гласный полного образования, или слабый редуцированный. Перед слогом с исчезнувшим редуцированным предлоги выступали в форме ve, ke, se: ke vsi (<kъ vьsi), ve vsi, ze (jzъ) vsi, se mnou (<sъ mъnojǫ), se psem (sъ pьsem); перед слогом с гласным полного образования — в форме v, k, s: k lesu (<kъ lesu), z lesa (<jzъ lesa), s tebou (<sь tebojǫ). Однако с течением времени вокализованный вид предлога, в целях облегчения произношения групп согласных, стали употреблять и в сочетании с теми словами, в первом слоге которых никогда не было редуцированного гласного: ve středu, ze školy, ke stolu и т. д.

6. Исчезновение редуцированных в конце слова вызвало, видимо, изменение интонационной волны, что привело к продлению гласного **o**, находившегося перед сонорными и звонкими фрикативными согласными. Это изменение аналогично изменению под новым акутом (ср. § 19, п. 5): domъ> dōm>dūom>dům; vozъ>vōz>vūoz>vůz (ср. §§ 29 и 34).

7. Утрата редуцированных в слабом слоге привела к сокращению числа слогов в слове и появлению закрытых слогов, к появлению новых групп согласных, ранее разделенных редуцированными. Оказавшиеся рядом согласные начинают влиять друг на друга, наступает ассимиляция по

звонкости и глухости, по способу образования, отвердение согласных, появление парной мягкости согласных, упрощение групп согласных и ряд других процессов (см. §§ 34,35).

Исчезновение слабых редуцированных и переход сильных редуцированных в гласные полного образования повлияли также на структуру слова: появилось множество слов с неодинаковым звуковым видом в форме им. ед. и в формах прочих падежей.

Ср.: lev — lva, orel — orla, nehet *ноготь* — nehtu и т. п. Появилось новое чередование e ‖ нуль звука.

8. Редуцированные ŭ и ĭ, появившиеся у славян на месте ъ и ь перед j, i̯ и i, претерпели в чешском языке следующие изменения. В сильном положении, т. е. в начальном ударенном слоге, а также перед слогом, в котором происходила редукция гласного, редуцированные ŭ и ĭ перешли в гласные полного образования **y** и **i**. Ср. krъjǫ>krŭju>kryji, mъjǫ>mŭju>myji, šьjǫ>šĭju>šiji, pьjǫ>pĭju>piji и т. д.

В слабом положении, т. е. перед слогом с гласным полного образования, ĭ в чешском языке, как и в других западнославянских языках, претерпело дальнейшие изменения. Так, в сочетаниях ĭje, ĭja, ĭju и пр. после выпадения интервокального **j** ĭ в результате ассимиляции стянулось с последующим гласным в один гласный: ĭje>ie>í и т. д. (подробнее см. § 25).

§ 24. Слогообразующие согласные. Судьба сочетаний редуцированных с плавными и плавных с редуцированными

1. Доисторические сочетания редуцированных с плавными между согласными (*tъrt, *tьrt, *tъlt, *tьlt) в чехословацкой языковой группе утратили редуцированные еще до перехода сильных редуцированных в гласные полного образования. Доказательством этого служит отсутствие примеров типа k semrti, что неизбежно получилось бы из исходного *kъ sъmьrti.

Мы вправе полагать, что уже к началу исторического периода на месте указанных сочетаний были представлены или слоговые r̥ и l̥ или, скорее всего, — сочетания плавного с гласным элементом, который мог находиться как перед плавным, так и после него.

Ср.: *др.-чеш.* mirkev, syrdce ‖ srydce, naplyn ‖ napiln.

2. В древнейший период развития чешского языка слогообразующие согласные были долгими и краткими (r̥, l̥, r̥̄, l̥̄), а также твердыми или мягкими, в зависимости от качества редуцированного, который предшествовал ранее плавному. Однако ł в древнечешском языке было распространено значительно больше, чем в праславянском языке, т. к. оно находилось не только на месте сочетания редуцированного непереднего ряда с l (ъl), но и на месте сочетания редуцированного переднего ряда с l (ьl) во всех положениях, кроме положения после губных. В этом случае ł выделяло гласный элемент u (ū).

Таким образом, *vьlkъ>vl̥k, *pьlnъ>pl̥n, *vьlna>vl̥na, *mьlčati>ml̥čati>ml̥četi, но *žьlt->žł̥t-> *др.-чеш.* žłutý, *совр.* žlutý; *sьlnьce>sł̥nce> *др.-чеш.* słunce, *совр.* slunce; *čьlnъ>čl̥n> *др.-чеш.* člun, *совр.* člun *чёлн*; *dьlg- > *др.-чеш.* dłūhý, *совр.* dlouhý *долгий, длинный*; *слов.* dĺžka *долгота*; *stъlpъ>stł̥p, *др.-чеш.* stłūp, *совр.* sloup *столб*, *слов.* stĺp; *tьlkti, *др.-чеш.* tłūci, *совр.* tlouci *толочь, стучать*; а также *chъlmъ>chl̥m>chłum>chlum; *pъlkъ > pl̥k>płuk>pluk.

Сопровождающий артикуляцию l гласный элемент u вначале мог стоять перед плавным и после него (Svatopulk ‖ Svatopluk, но к концу XIII в. закрепился в положении после плавного (dłuh, žłutý). В том случае, когда слоговое l̥ было долгим, сопровождающий его гласный элемент также был долгим; как каждое долгое ū, он изменился в ou (см. § 29). Поэтому в современном языке находим dluh, mluva, člun, но dlouhý, sloup, tlouci.

3. На месте сочетаний *tъrt, *tьrt (с плавным r) находится, как правило, слогообразующее r̥ (с незначительной сопровождающей его гласной артикуляцией): *vьrba >vrba, *sьrpъ>srp, *sьrdьce >srdce, *pьrstъ>prst, *gъrbъ >gr̥b>hrb, *gъrstь>gr̥sť>hrst, kъrmiti>krmiti.

Сочетания žr, čr из žьrt, čьrt со временем изменились в žer и čer. Так, črný, črt, črv, žrď, žrnov, находимые в чешских памятниках XIII—XIV столетий, изменились затем в černý *черный*, čert *чёрт*, červ *червь*, žerď *жердь*, *шест*, žernov *жернов*.

Слогообразующее r̥' (pr̥'st, tr̥'pěti, pr̥'vý) отвердело до конца XIII в., о чем можно судить на основании того, что в

указанных словах не наступало изменения ŕ>ř. В литературном чешском языке и во всех чешских говорах долгие l̥̄ и r̥̄ сократились. Однако следы прежней долготы l̥̄ сохранились в сочетании lū, которое затем изменилось в lou (примеры см. выше).

В отличие от современного языка, где слогообразующие r̥ и l̥ являются вариантами фонемы r и l (употребление их позиционно обусловлено), в древнечешском языке r̥ и l̥ были самостоятельными фонемами, т. к. они могли употребляться в тех же условиях, что и r, l. Ср.: pr̥vé (2 слога) и krve (тогда еще был один слог).

4. В окраинных чешских областях, как правило, представлены не слогообразующие плавные, а сочетания гласного с плавным. Так, в крконошском говоре на северо-востоке Чехии: smert, perší *первый*, pelno, velna, skerze, deržet. В доудлебском говоре на юге Чехии слогообразующий имеет мягкий призвук, который иногда переходит в гласный полного образования (^{i}r, ^{e}r, ^{i}l, ^{e}l): skerz, pelno, sirp, pilno. Подобное же явление представлено и в окраинных словацких говорах, напр., в восточнословацких.

Наличие в окраинных чешских и словацких говорах плавного с сопровождающим его гласным элементом, который обычно находится перед r, l, а иногда и после них, может объясняться, с одной стороны, влиянием соседней языковой группы, в фонетической системе которой отсутствуют слогообразующие плавные, с другой стороны тем, что архаические окраинные говоры сохраняют древнейшие фонетические особенности. Очевидно, наряду со слогообразующими плавными в системе древнечешского языка были сочетания плавных с сопровождающими их большей или меньшей силы гласными элементами. Вероятно, это были гласные типа редуцированных, отличающиеся и количественно и качественно от нормальных i, e, u, но которые затем в некоторых окраинных говорах перешли в гласные полного образования.

5. Слогообразующие r̥, l̥ в чешском языке были возможны не только на месте доисторических сочетаний *tъrt, *tьrt, *tьlt. Позже они появились и на месте сочетаний, в которых редуцированный следовал за плавным: trъt, trьt, tlъt, tlьt.

Судьба редуцированных в указанных сочетаниях была такой же, как и судьба прочих слабых и сильных редуцированных: *slьza>slza, *glъtati>hltati, jablъko>jablko, krъve>krve; но krъvь>krev *кровь*, plъtь>pleť *кожа на лице*.

В ряде случаев представлено обобщение звукового вида разных форм одного и того же слова. Так, род. п. мн. ч. от существительного slza начал образовываться со слогообразующим l̥, хотя фонетически должна была возникнуть форма slez (<slьzъ). У существительного blecha, напротив, по форме род. п. мн. ч. были образованы формы прочих падежей: ср. blъcha> blcha, но в современном языке blecha как blech (<blъchъ). То же явление представлено в слове hlt (<glъtъ) *глоток*.

В отдельных случаях слоговой l заменялся неслоговым, который затем начинал произноситься без голоса и утрачивался совсем. Ср. jabl̥ko>jablko>japko. Последняя форма представлена в народно-разговорной речи и в чешских диалектах.

6. В более позднее время новые слогообразующие r̥ и l̥ появлялись в чешском языке также после исчезновения слабых редуцированных, находящихся в конце слова после сонорных согласных. Сонорные согласные в результате исчезновения редуцированных стали носителями слога: moglъ>mohl̥, vezlъ>vezl̥, bratrъ>bratr̥, myslь>mysl̥ и т. д.

Однако во многих случаях по чешским говорам происходила утрата слогового свойства конечных сонорных, которые становились неслоговыми, утрачивали свое голосовое образование и могли исчезать совсем, как это представлено в народно-разговорной чешской речи и в чешских диалектах. Ср., напр., формы причастий прошедшего времени на -l: nesl>nes, vedl>ved [vet], lezl>lez [les]. Это же явление широко представлено и в русском языке. Ср.: нёс, вёз, лез и др.

Иногда перед сонорными развивался вторичный гласный, который был подобен гласному, заменившему редуцированный. Так объясняется звуковой вид современного чешского слова oheň, получившегося из первоначального *ognь (ср. в русском языке аналогичное изменение в «огонь»), звуковой вид слов píseň (<*pě̄snь) *песня*, báseň (<*bāsnь)

стихотворение, *поэма*, blázen (из blāznъ) *сумасшедший*, bāzeň (<*bojaznь) *боязнь*.

Этим же объясняется произношение числительных sedm и osm как [sedum] и [osum] не только в чешских диалектах и народно-разговорной речи, но и в литературном языке.

Особенно широкое распространение получило развитие вторичной гласной артикуляции при сонорных в словацком литературном языке и в словацких диалектах. Ср.: niesol (<*neslъ), plietol, viedol. В среднесловацких говорах vietor (<*větrъ), smysel (<*smyslъ) и т. д.

§ 25. Стяжение гласных

Под стяжением гласных мы разумеем целый комплекс последовательных процессов: утрату неслогового j между гласными, ассимиляцию двух оказавшихся рядом гласных и стяжение их в один долгий гласный.

Выпадение интервокального j было характерно не только для чешско-словацкой языковой группы, но и для других западнославянских языков (напр., для польского). Это же явление известно диалектам русского языка.

В чешском языке стяжению подверглись следующие группы гласных (назовем важнейшие из них):

aja>ā. В результате стяжения двух одинаковых гласных возникал долгий гласный того же качества: lajati>láti *лаять*, dobraja>dobrá *хорошая*, kajati sę>káti se.

Если после выпадения j рядом оказывались два неодинаковых гласных, происходила ассимиляция в сторону того или иного гласного и стяжение в один долгий гласный:

aje>á: dělaješь>děláš; znaje>zná
oja>á: stojati>státi, pojasъ>pás, moja>má
ěja>á: smějati sę>smáti se, vějati>váti, sějati>*др.-чеш.* šáti, *совр.* síti
oje>é: dobroje>dobré, mojego>mégo>mého, mojemu>mému, moje>mé
eje, ěje > ē>îe>í: pěšeje>pěšîe>pěší; uměješь>umîcš>umíš
ojǫ>ǭ>ū>ou: *тв. ед.* ženojǫ>ženū>ženou; tvojǫ>tvǭ>tvū>tvou
ǫjǫ>ǭ>ū>ou: *вин. ед.* dobrǫjǫ>dobrǭ>dobrū>dobrou

ijǫ>'ǭ>'ū>í: *твор. ед.* kostĭjǫ>kostǭ>kostú (*др.-чеш.*)>kostí
ějǫ>ǭ>ú>í: *твор. ед.* ulicejǫ>ulicǭ>ulicú>ulicí
ojejǫ>ǭ>ú>ou: mojejǫ>mǫ>mú>mou

Сочетания с редуцированным ĭ (<ь)—ĭje, ĭja, ĭju, ĭji — после выпадения j изменялись в í:

ĭe>îe>í: znamenĭje>znamenîe>znamení (*им. ед.*)
ĭa>'ā>îe>í: znamenĭja>znameňā>znamenîe>znamení (*род. ед.*, *им. мн.*)
listьja>listĭja>lisťā>listîe>listí (*собир.*)
ĭu>'ū>í: znamenĭju>znameňū>znamení (*дат. ед.*)
ĭi>í: znamenĭji>znamení (*предл. ед.*)
iji>í: dobriji>dobŕi>dobří (*им. мн.*)
pěšiji>pěší
eji>ei>í: našeji>naší (*дат.-местн. ед.*)
yjě>é: dobryjě>dobré (*им. мн. жен. р.* и *муж. р. неодуш.*)
ŭi (<ъjь)>ý: dobrъ+jь>dobrŭi>dobrý (*им. ед.*)
ĭi (<ьjь)>í: pěšь+jь>pěšĭi>pěší (*им. ед.*)
yji>ý: dobryjimi>dobrými, dobryjichъ>dobrých и т. д.

В ряде случаев, когда в первой части сочетания находились гласные y, u, ассимиляции и стяжения гласных не наступало: myješ, myje, kupuješ, kupuje. Нестяженными остались также группы ějǫ, ajǫ: *1 л. ед.* dělajǫ>dělaju>dělaji (*др.-чеш.*), uměǰǫ>uměju>uměji (*др.-чеш.*)

В отдельных словах изменения не коснулись и таких сочетаний, которые обычно изменялись. Так, например, сохранилось laješ, laje и т. д., хотя znaješь>znáš, znaje>>zná и т. д.

Ассимиляция и стяжение гласных — одно из ранних фонетических изменений в чешско-словацкой языковой группе. Несомненно, что оно произошло до XII в., так как в противном случае такие слова как stojati и bojati se изменились бы в stojeti, bojeti se (см. § 26), а последние в результате стяжения дали бы stéti, béti. Возможно, что стяжение прошло до падения редуцированных, так как иначе такие слова как lakomьstvьje дали бы lakomeství.

В отдельных группах (ie) процесс стяжения закончился довольно поздно (XV—XVI вв.).

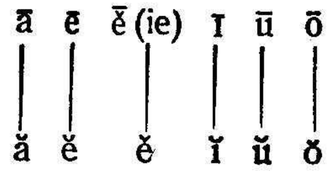
Стяжение гласных имело огромное значение для развития парной мягкости согласных, т. к. после стяжения гласные непереднего ряда оказались в положении после мягких согласных. Ср.: dáti и ďáti (<ďějati) и др.

Тем самым противопоставление твёрдых и мягких согласных стало играть смыслоразличительную роль, т. е. смягченные согласные (находившиеся перед гласными переднего ряда) перестали быть вариантами фонем и стали самостоятельными фонемами (см. подробнее § 32).

Стяжение групп гласных имело большое значение и для морфологии языка. Так, в настоящем и будущем времени глаголов появились новые основы (děláš<dělaješь, umíš<uměješь), вызвавшие изменение типа спряжения глаголов (см. §§ 86, 90). Стяжение вызвало также появление новых типов склонения существительных (znamení, paní, Jiří), которые не совпадали ни с одним из известных типов склонения (§§ 41, 46, 53). Стяжение гласных сыграло значительную роль в формировании падежных флексий у полных прилагательных и местоимений (см. §§ 64, 71).

* * *

В результате проведенных изменений (деназализации носовых, стяжения гласных, исчезновения слабых редуцированных и перехода сильных редуцированных в **e**, а также в связи с развитием парной фонологической мягкости согласных, изменившей соотношение гласных **y** и **i** (см. § 32), система гласных фонем стала иметь следующий вид (до XIII в.):



§ 26. Перегласовка a>ě>e

1. В чешско-словацкой языковой группе под палатализующим воздействием предшествующего мягкого согласного а изменилось в ä. В этой стадии оно совпадало с ä из ę (см. § 22). В дальнейшем его судьба зависела от долготы и краткости слога и от мягкости и твердости последующего согласного.

В кратком слоге перед следующим мягким согласным,

а также в конце слова гласный ä стал более переднего образования, т. е. изменился в звук, близкий к ě, который затем изменился в **e**: ulica>ulicä>ulicě> *совр.* ulice; *род. ед.* и *им. мн.* pol'a>pol'ě>*совр.* pole (ср. *рус.* по́ля *и* поля́); mor'a>mor'ě> *совр.* moře (ср. *рус.* мо́ря *и* моря́); kraja> krajě>*совр.* kraje; běžati>běžěti>*совр.* běžeti; ležati>ležěti > *совр.* ležeti.

Ср. аналогичный результат изменения ä из ę: *devętь> ďev'äť> *совр.* devět, *pętь>p'äť > *совр.* pět, *kurę>kur'ä > *совр.* kuře *цыпленок*, *tęg-: těžký *тяжелый, трудный.*

Перед следующим слогом с гласным непереднего ряда, т. е. перед твердым согласным, в артикуляции ä снова произошла передвижка назад, в результате чего оно изменилось в **a**. Ср. čäsъ >*совр.* čas, *kuręta>kur'äta>*совр.* kuřata, *pętý>p'ätý> *совр.* pátý, *męso>mäso> *совр.* maso, *vęzati>v'äzati>*совр.* vázati, *desętь>des'äť>deset, но ďes'ätý>desátý и т. д.

Иной результат перегласовки ä>ě представлен перед задненёбным согласным k; 'a перед k не перегласовалось, ä (из ę) — в большинстве случаев перегласовалось. Ср. jako, jaký, но: měkký (<mękъký), děkovati (<dękovati), lekati (<lękati) *пугать*, klekati (<klękati) *становиться на колени.*

Обычно перегласовку a>ě>e в вышеприведённых словах объясняют не результатом фонетического изменения, а влиянием форм родственных слов.

Так, hledati появилось под воздействием hleděti, děkovati как vděčiti, měkký как měkčiti.

Однако M. Комарек* считает, что старое ā<ę депалатализовалось в a во всех положениях, кроме положения перед k. Интересную точку зрения выдвигает Комарек по вопросу о причине перехода a>ě. Он считает, что причиной перегласовки a>ě послужило противоречие между структурой консонантизма и вокализма. Древнечешский язык характеризовался следующей корреляцией гласных: i—u, e—o, ā—a. В языках с парной мягкостью согласных (древнечешский язык был таким) противопоставление между гласными переднего и заднего ряда бывает ослаблено тем, что гласные переднего ряда после твёрдых согласных испытывают передвижку назад, и, наоборот, гласные заднего ряда после мягких согласных продвигаются вперед. Наиболее сильно это ослабление

* M. K o m á r e k. *Historická mluvnice česká*, d. I, *Hláskosloví*, Praha 1958, стр. 52.

проявлялось у гласных открытых. Указанное противоречие между структурой древнечешского консонантизма и вокализма разрешилось перегласовкой a>ě в пользу корреляции парных мягких согласных. В системе гласных основным признаком стала лабиализация (а в этом отношении было нейтральным).

2. Изменение a>ě — один из древнейших процессов чешской исторической фонетики. Первые примеры мы находим уже в старославянских памятниках Моравского извода — в Пражских глаголических отрывках, где формы cělenie, pjetikostĭe представлены на месте более древних cělenija, pętikostija. К концу XII в. относится уже довольно значительное количество примеров, но повсеместно результаты перегласовки представлены в XIII в. Следовательно, перегласовку 'a, ä>ě можно отнести к XII в.

3. Перегласовка 'a>ě носила всеобъемлющий характер, охватывая все грамматические категории.

Нередко вследствие проведенной в чешском языке перегласовки формы одного и того же слова и родственных слов приобретали различный звуковой вид. Так, напр., собственное имя Jan в звательной форме звучит Jene, а уменьшительное образование от этого слова — Jeník. Ср. также древнечешские формы čas, но česě (*местн. ед.*), słyšeti (<słyšati), słyšeli (<słyšali), но słyšał, słyšała; třasu (*1 л. ед.*), но třeseš (*2 л. ед.*), třese (*3 л. ед.*) и т. д.

Современное состояние чешского литературного языка, чешских и моравских говоров свидетельствует о нарушениях результатов перегласовки.

Стремление к уподоблению звукового вида разных форм одного и того же слова и разных слов привело к многочисленным образованиям по аналогии.

Так, в литературном чешском языке по аналогии с формами инфинитива и причастий прошедшего времени муж. рода мн. ч., где была проведена перегласовка a>e, стали образовываться и прочие формы причастий на -l, -la, -lo. Ср. slyšeti: slyšeli и slyšel, slyšela, slyšely; mlčeti: mlčeli и mlčel, mlčela, mlčelo. И, наоборот, под влиянием фонетически закономерных форм začal (<začęłъ), začala была образована форма začali; так же как třásl, třásla (<tręsłъ,-ła) стало třásti и třásli.

От прилагательных časný, jasný в древнечешском языке были наречия česně, jesně. Но под влиянием указанных

прилагательных в корнях наречий в современном языке находится гласный а: časně, jasně. Форма местн. п. česě (от čas) под влиянием прочих падежных форм также стала образовываться с а: čase.

Образования по аналогии проходили чаще во флексиях и суффиксах, чем в корнях. Так, перегласованные ранее формы собственных имен Káče, Váně, Stáně под влиянием имен на а (типа Bára, Franta) снова стали звучать как Káča, Váňa, Stáňa.

Неперегласованный вид таких слов как čaj, šál и пр., а также существительных с суффиксом -ař (-ář) типа lyžař, объясняется тем, что они появились в языке после того, как перестал действовать закон перегласовки гласного a>ě.

Колебания в звуковом виде перегласованных и неперегласованных слов по памятникам чешской письменности можно наблюдать до XVI в. После XVI века в языке установилось примерно современное состояние.

4. В отношении результатов перегласовки и аналогических образований интересны данные чешских и моравских говоров.

В северо-восточных чешских говорах обобщение в причастиях прошедшего времени на -l проходило по основам с неперегласованным а: držal, držala — držali, ležal — ležali, slyšal — slyšali, běžal — běžali и т. д. Под влиянием этих форм возникли формы viďal, seďal, sleťal, где а никогда не было.

В юго-западных чешских говорах, с одной стороны, представлены результаты, сходные со среднечешскими говорами и литературным языком, с другой стороны, здесь находим больше обобщений по основе с е или с í (как результат продления): rozesmít se (*лит.* rozesmát se) *рассмеяться*; držíla (*лит.* držela) *держала*; slyšíli (*лит.* slyšeli) *слышали*; vzel (*лит.* vzal) *взял*, začel (*лит.* začal) *начал* (*см.* раздел *Краткий очерк чешской диалектологии*, стр. 287—305).

В моравских говорах имеется множество неперегласованных форм, особенно во флексиях: *им. ед.* duša, slepica; *род. ед.* muža, pola, *дат. мн.* slepicám, *предл. мн.* slepicách, *тв. мн.* slepicama.

Однако, о перегласовке в моравских говорах свидетельствует относительная закономерность в употреблении перегласованных и неперегласованных форм.

Гебауер в доказательство проведенной перегласовки приводит такие формы, как hráz (<gráz'a), mez (<mez'a), zem (<zem'a), где отсутствие окончания указывает не на **a**, которое никогда не исчезало в окончаниях, а на **e**, которое возникло в результате перегласовки a>e: zem'a>zem'e.

Следует думать, что в моравских говорах перегласовка была проведена, но что там более широко действовала аналогия с формами, в которых **a** не подвергалось перегласовке (т. е. ulica стало как žena и пр.).

Вообще следует сказать, что в говорах перегласовка 'a, ä>ě была последовательно проведена только в западной части чешской диалектной области, т. е. в собственно чешских говорах, хотя и там результаты перегласовки во многих случаях были нарушены аналогией. Очень сильно действовала аналогия в говорах ганацких и чешско-моравских. В ляшских говорах, а также в переходных моравско-словацких говорах, перегласовки a>ě вообще не было.

5. Явление перегласовки находим и в русских говорах. Так, в северно-великорусских говорах **a** между мягкими согласными под ударением изменилось сначала в ä, а затем в **e**. Ср. гр'ес' (*лит.* грязь), п'ет' (*лит.* пять), пр'ен'ик (*лит.* пряник), вз'ел'и (взяли), з'ет' (зять). Это явление перегласовки a>e довольно далеко заходит на юг, особенно в некоторых словах: оп'ет' (опять).

6. Перегласовка 'a, ä>ě имела очень большое значение для развития морфологической системы чешского языка. Прежде всего она отразилась на системе склонения имен существительных, где значительно углубились различия между склонением существительных мягких и твердых типов (o-/jo-основ, a-/ja-основ и т. д. Ср.: bratra — muže, města — pole и т. д.). Перегласовка a>ě отдалила друг от друга склонение прилагательных твердой и мягкой разновидности (dobrá—pěší). В результате перегласовки появились новые глагольные основы и типы спряжения: sázeti (<sázáti<*sādjēti), vraceti (<vracati<*vortjēti).

§ 27. Перегласовка 'u>i

1. После мягких согласных в середине и в конце слов **u** (из исконного **u** и из ǫ)-в чешском языке изменилось в **i**. При этом качество последующего согласного не играло

роли, перегласовка проходила как перед мягким, так и перед твердым согласным. Например, l'ud>lid *народ*, juh>jih, čel'usť>čelist, cuzí>cizí *чужой*, l'utovati>litovati *жалеть*, píšu>píši (*1 л. ед.*), čuju>čiji *я чую*, kraju>kraji (*дат. ед.*) (ср. *рус.* краю), pol'u>poli (ср. *рус.* полю).

Долгое ū (из ū и ǫ) изменилось в í. Ср. kl'ūč>klíč, pl'ūce>plíce *легкие*, pīšū>píší *они пишут*, dělajū>dělají *они делают*.

Сущность перегласовки u>i заключается в передвижке гласного заднего ряда высокого образования в передний ряд под палатализующим воздействием предшествующего мягкого согласного, т. е. u>ü. В дальнейшем лабиализация была утрачена, что привело к изменению ü в гласный **i**. Таким образом, u>ü>i, ū>ǖ>ī.

Чешские ученые (Гебауер, Травничек, Гуйер и др.) полагают, что **u** после мягких согласных изменилось не в ü, а в ju, т. е. что перед **u** развился неслоговой элемент, который и обусловил изменение u>i. В своих выводах указанные ученые опираются на древнечешскую графику, где **u** после мягких согласных передавалось сочетанием iu, yu, за исключением положения после согласных j, l: kazaniu, otczyu (otcu), mysleniu.

Однако подобная передача в древнечешском и польском языках указывала на мягкость согласных, предшествующих гласному. Это тем более очевидно, что уже в старых латинских грамотах XI—XII вв., когда перегласовки еще не было, встречаются написания Liutomerici, Liube [l'ube], Liubichas и т. д.

2. Появление **i** на месте **u** относится к началу XIV столетия. Но широко это явление представлено в чешских памятниках 2-ой половины XVI века.

Перегласовка u>i охватила все собственно чешские говоры. В моравских говорах результаты перегласовки представлены неодинаково: в западноморавских говорах перегласовка прошла почти в том же объеме, что и в чешских. В чешско-моравских говорах находим очень сильное влияние твёрдых типов склонения во флексиях (oráču, dušu, dušou, kost'ou). В ганацких говорах неперегласованное **u** (которое произносится как ō) находим не только в окончаниях (slepicô, slepicó, dělajó и т. д.), но в большом количестве и в корневых слогах: klóč, plóca (хотя встречаются слова с í: klíč, plíca). В восточноморавских говорах результат перегласовки находим всего лишь в нескольких словах: lid, cizí *чужой*, cítit *чувствовать*.

3. Древнейшие памятники чешской письменности указывают на перегласовку u>i и в тех случаях, когда в современном чешском языке результаты ее не представлены. Так, например, в памятниках XIV в. находим формы praciješ, kraliješ из prac'uješ и kral'uješ. Однако в XV в. снова появляются формы pracuješ, kraluješ, возникшие под влиянием форм, в которых **u** следовал за твердым согласным (типа daruješ *даришь*, miluješ *любишь*).

Вообще, начиная с XV в. количество перегласованных форм в чешском языке значительно убывает. Довольно быстро появились образования по аналогии в глагольных формах с основой на губные согласные и l. Ср. *1 л. ед. ч.* lžu *лгу*, stelu *стелю*, dřímu *дремлю* и т. д., где **u** в окончании появилось под влиянием глаголов типа beru *беру*, nesu *несу* и др.

В современном литературном чешском языке, в народно-разговорной речи и в чешских диалектах распространилось окончание **-u** у таких глаголов, как píšu (параллельно книжной форме píši) *пишу*, pláču || pláči *плачу*, mažu || maži *мажу*, vážu || váži *вяжу* и т. д.

В разговорной речи и в диалектах окончание **-u** закрепилось в 1 л. ед. ч. и за глаголами типа piju *пью*, pracuju *работаю*.

4. Кроме аналогических образований, **u** в современном чешском языке в положении после мягких согласных представлено в иностранных словах, которые, очевидно, были заимствованы уже тогда, когда перегласовка перестала быть актуальной. Ср.: jubileum, jurista — из латинского языка; žurnalista — из французского; jupka *кофта*, *куртка*, šunka *ветчина*, žula *гранит*, cukr *сахар* — из немецкого; šuba, šum — из русского.

Во многих случаях **u** после мягких согласных находим в словах ономатопоэтического, звукоподражательного характера. Ср. ťukati *постукивать*, šuškati *шушукаться*, šust *шмыг*, *шасть*, cucati *сосать*, kňučeti *визжать*, *скулить*.

В слове všudy (*др.-чеш.* všidy) **u** появилось под влиянием tudy и kudy.

5. Перегласовка 'u>i имела большое значение для морфологии. Она способствовала углублению различий в склонении существительных твердой и мягкой разновидности (ср. *местн. ед.* bratru, но muži, koni; *вин. ед.* ženu, но duši,

ulici). В спряжении глаголов появилась новая флексия -i. Ср. nesu, vedu, но piji, šiji, myji, kupuji (*1 л. ед.*); nesou, vedou, но pijí, šijí, myjí, kupují (*3 л. мн.*).

§ 28. Изменение звука у

В системе древнечешского языка, чешско-моравских и словацких говоров до XV в. (а по областям и до XVI в.) был представлен гласный **y**, который был, по-видимому, гласным среднего ряда, высокого подъема (согласные перед ним были только твердые) и который по своей артикуляции значительно отличался от гласного i. С течением времени в артикуляции гласного **y** произошло изменение; он передвинулся вперед и совпал с гласным i. (Первоначально это был, по-видимому, гласный ï, т. е. широкое i). Совпадение в артикуляции с гласным i происходило по различным областям неодновременно. В XIV в. оба гласных еще различались, судя по строгой графической передаче их в памятниках того времени, но в среднечешских говорах и в Праге результат изменения был налицо уже в конце XIV — начале XV в. Это дало повод Яну Гусу учить пражан правильному произношению звука **y** (см. его сочинение De Orthographia Bohemica, 1411 г.), который они уже произносили как [i] и который на юге Чехии, откуда был родом Гус, артикулировался иначе. На протяжении XV—XVI вв. **y** совпадает с **i** повсеместно — во всех чешских и словацких говорах (в среднечешской языковой области, конечно, не позже XV в.).

Можно полагать, что ранее всего гласные **y** и **i** совпали в одной артикуляции тогда, когда после согласных s, z, ž, š, c, č произношение гласного i стало более открытым и широким [ï]. Позже произошло совпадение артикуляции **y** и **i** и в других положениях.

Артикуляция старого **y** или близкого к нему по образованию гласного (ъ) удерживается местами в окраинных чешских говорах: на северо-востоке, на юге (в Доудлебском крае), на западе (у ходов).

Различия в артикуляции старых **i** и **y** наблюдаются также в ляшских говорах. В ганацких говорах **y** изменилось в **e** различного образования (bêl, bel).

В современном литературном языке **i** и **y** полностью

совпали в одной артикуляции, хотя следы прежних различий выражаются в твердости и мягкости парных согласных. Так, согласные n, t, d перед исконным i произносятся мягко, а перед i<y — твердо: ср. ti *тебе* — ty *ты*, dým *дым* — dím *говорю*. Прочие согласные перед i (из i и y) не различаются (см. § 9).

Долгий гласный ý по чешским и моравским диалектам изменился в ej, а в литературном чешском и словацком языках совпал с í (долгим).

Результатом совпадения звука **y** с **i** явилось исчезновение противопоставления **y** и **i** как смыслоразличительных гласных в литературном языке и во всех собственно чешских говорах.

Однако как самостоятельная фонема **y** в своей истории претерпело интересные изменения. С появлением парной мягкости согласных **y** стало вариантом фонемы **i** (**y** могло быть только после твердых согласных), с исчезновением же парной мягкости согласных (см. §§ 32, 33) **y** снова стало самостоятельной фонемой, совпав далее в звуковом качестве фонемы **i**.

§ 29. Изменение долгих гласных

Долгие гласные в чешском языке претерпели значительные изменения. Качественным изменениям подверглись гласные ā (из ę и 'a), ē, ě̄, ō, ū, ȳ, а также ī (после некоторых согласных).

Характерной особенностью долгих гласных в чешском языке на определенных этапах их развития была дифтонгизация, обусловленная тем, что в долгом слоге гласные получали более закрытое и напряженное образование. При этом гласные верхнего подъёма (ū, ȳ, ī) выделили в первой части своего образования более низкую артикуляцию, а гласные среднего подъема (ā, ē, ě̄, ō) — более высокую артикуляцию. Указанное явление в отношении некоторых гласных наблюдается и в других славянских языках и диалектах (ср. польский, сербский, северно-великорусские говоры и др.).

1. Изменение ā.

Гласный ā мог появиться в долгом слоге на месте прежнего носового ę, а также на месте 'a после мягких согласных.

ā выделил гласный элемент высокого образования i: ā>îā. Дальнейшая судьба этого дифтонга зависела от качества последующего согласного. Перед слогом с гласным переднего ряда îā изменилось в îe>ī, перед слогом с гласным непереднего ряда, т. е. перед следующим твердым согласным, îa>ā. Ср. devęt-: devā̄tý>devátý, но devęti>devîāti>devíti, čāāš>čîāšě>číše, но čāra>čîāra>čára.

О существовании дифтонгического образования îā может свидетельствовать словацкий литературный язык и его говоры, где этот дифтонг сохранился до настоящего времени. О стадии дифтонга îe свидетельствует также и древнечешская графика.

Ср.: *měsęc: *др.-чеш.* měsiec, *совр.* měsíc, *слов.* mesiac; *prosę(tь) *3 л. ед.*: *др.-чеш.* prosie, *совр.* prosí, *слов.* prosia; *vęzati: *чеш.* vázati, *слов.* viazať.

2. Гласный ě̄.

В долгом слоге ě, по-видимому, очень рано выделил в первой части своего образования гласный элемент i и произносился как дифтонг îe, который затем в чешских и моравских говорах изменился в í, а в словацких говорах в je. Написание ie удерживается в памятниках до XV в., затем постепенно заменяется í, которое в XVI в. является обычным.

Такого происхождения í в словах síť *сеть*, stín *тень*, hřích *грех*, dítě *дитя*, sníh *снег*, vítr *ветер* и др.

В кратком слоге ě в конце концов совпал по своему звуковому качеству с гласным e. Ср. věra>vîera>víra, но věřiti, měra>mîera>míra, но měřiti, bělý>bîelý>bílý, но bělostný *белоснежный*, pěsъkъ>pîesek>písek *песок*, rěčьka>řîečka>řička, но řeka.

В словацком языке до сих пор сохранилась стадия дифтонга je: viera, piesok, biely, stieň, sieť.

Дифтонг îe на месте ě находим также в северно-украинских говорах и в некоторых русских говорах (в Вологодской, Костромской, Рязанской, Воронежской и Тульской областях): напр. лиéс.

В украинском языке и в северно-русских говорах ě, так же как и в чешском языке, изменился в і: л'ис, хл'иб.

На основании произношения губных с j перед e из ě чешские ученые полагают, что ě и в кратком слоге произносилось всегда как дифтонг îe и что в некоторых случаях (после n, t, d, s, z, r, l)

этот гласный утратил свою «йотацию», а после губных — сохранил ее. Наличие į после губных является не свидетельством исконного дифтонгического характера ě, а результатом отвердения губных и выделения губными своей мягкости в особый йотовый элемент. Это явление широко распространено в славянских диалектах (напр., в польских и украинских говорах мягкие губные согласные выделили особый палатальный элемент (į, j, ch', s', n'), а сами произносятся твердо: mjasto, mn'asto и т. п.).

3. Изменение ē.

Гласный ē любого происхождения (из исконного **е** в долгом слоге и из стяжения (напр. dobré<dobroje), так же как и ě, выделил в первой части своего образования высокий гласный элемент i. Появилось îe, которое затем также изменилось в í: říci из říci<r'ēci (*rēk-ti) *сказать*; límec< lémec *воротник*, kamínek<kamének *камушек*, líp< lépe *лучше*.

Первые следы указанного изменения относятся к XIV в., но процесс шел медленно, и даже в XV в. примеры на изменение ie>í встречаются еще довольно редко. В XVI в. находим многочисленные случаи этого изменения. В чешских говорах результаты изменения ē>ie>í представлены более последовательно, чем в литературном языке (исключение представляют ляшские говоры). Так, например, в говорах находим dobrý mlílo <dobré mléko *хорошее молоко*, chlív<chlév *хлев*, nýst< nésti *нести*, výst<vésti *вести*, dýlka<délka *длина, долгота*; в литературном же языке во всех подобных случаях находится é: mléko, chlév, nésti, délka и т. д.

Преобладание в литературном чешском языке форм с é не является продолжением древнейшего состояния. Хотя в некоторых памятниках XVI в. в падежных окончаниях пишется é (dobrého, dobrému и т. д.), а после l написание é имеет место не только в памятниках XVI в., но и в XVII и даже в XVIII в. (podlé, lépe), однако указанное явление вряд ли может служить отражением действительного произношения, так как бесспорно, что в XVI в. на месте é повсеместно было í.

В современном языке употребление форм с í и с é определилось следующим образом: после мягких согласных — í (řici, čípek, čílko и т. п.), после твёрдых согласных — как правило é (nésti, péci, stéblo и т. п.). У ряда слов представлены параллельные формы с í‖é: kamének ‖ kamínek, světélko ‖ světýlko, okénko ‖ okýnko, plamének ‖ plamínek и др.

Интересное соображение высказал М. Комарек*, что изменение é>í было обусловлено не только фонетически, т. е. закрытым произношением é долгого, но и тем, что изменению é>i способствовало положение é в системе гласных. После дифтонгизации ó>uo é осталось без противопоставления гласному заднего ряда, поэтому оно также проявило склонность к изменению в дифтонг.

4. История ō.

Гласный ō в долгом слоге также получил более закрытое и напряженное образование. Связанное с этим усиление лабиализации привело к развитию в первой части артикуляции высокого лабиализованного гласного элемента **u**, следствием чего явилось возникновение дифтонга u͡o. В дальнейшем, в результате уподобления **о** гласному **u** и последующего стяжения, получился долгий гласный ū (*граф.* ů). Таким образом ō>u͡o>ū.

Например: vōz>vu͡oz>vůz, vōľa>vůle, mōj>můj, mōžeš>můžeš, vōbec (<vъobecь)>vůbec *вообще* и т. д.

По происхождению краткий гласный **о** становился долгим под новоакутовой интонацией (*kozja>kōž'a, *nosja> nōš'a, domъ>dōm), а также в префиксах, получившихся в результате стяжения гласного предлога (ъ) с начальным гласным **о** следующего слова: vъ-oči>vōči>vůči *по отношению к ...*, vъ-okolъ>vōkol>vůkol *вокруг*, jzъ-ostati>zōstati>zůstati *остаться*.

Первые примеры с дифтонгом uo относятся к XIV в., хотя, как правило, в этот период представлено еще ó. В XV в. преобладает дифтонг uo, в XVI наряду с uo появляется ů. В живом языке изменение uo>ů, вероятно, было проведено уже в конце XV в.

Результаты изменения ō>ů находим во всех чешских и во многих моравских говорах.

В словацком языке сохранился дифтонг u̯o (*граф.* ô): kôň [ku̯óň], vôl'a, vôbec, nôž.

Краткое **о** осталось в литературном языке и во всех говорах без изменения.

---

* M. K o m á r e k . Цит. соч., стр. 152

Однако в истории языка оно также в некоторых случаях подвергалось лабиализации, о чем свидетельствуют написания в памятниках vuoda (voda), slovuo, ruosa. Довольно часто uo встречается при соединении предлога с именами или глаголами, начинающимися с o: kuotci. В этом случае вследствие ассимиляции ъ и **o** могло возникать ō.

5. Судьба ū.

Гласный ū (из ǫ и ū), сохранивший свою долготу под акутовой интонацией (mūcha, sūd), а также получивший ее в результате ассимиляции и стяжения гласных (dobrū<<dobrojǫ), в положении после твердых согласных подвергся дифтонгизации (после мягких согласных ū>ī). Будучи гласным верхнего подъема, ū выделил в первой части своего образования гласный низкого подъема **a**. Так возник дифтонг a͡u, который довольно скоро изменился в o͡u.

Примеры: mūcha>maucha>moucha; kūpiti>kaupiti>koupiti, kūsek (<*kǫsъkъ) >kousek, slūžiti>sloužiti, berū (<berǫ *3 л. мн. ч.*) >berou.

Предположение о том, что ū изменилось в au, основывается на правописании. О том, что в XV в. было не ou, а au, свидетельствует написание слова doufati (do+ufati) *верить, надеяться*, в то время как в словах с исконным ū пишется au: nad hlawau, kraupa, mavky (=mouky) и т. д. Однако правописание au могло означать, как говорит Комарек*, не **a**, а какой-нибудь задний, нелабиализованный переходный гласный ə, который затем в результате ассимиляции с сильно лабиализованным гласным **u** изменился в **o**, образовав с ним дифтонг o͡ǔ.

Начало изменения ū относится к XIV в. Так, в памятниках XIV в. наряду с ū изредка встречается и au. В XV в. наряду с ū довольно часто встречается au, а иногда и ou (пишется как au). Изменение au>ou, бесспорно, завершилось в XVI в., хотя и в XVI в., и позднее, вплоть до 1849 г. в орфографии употребляется au (позже это консервативное правописание приспособилось к произношению).

В XVI в. слова типа doufati могли писаться как daufati, следовательно, в произношении au и ou уже не различались.

* M. Komárek. Цит. соч., стр. 148

В современном литературном чешском языке дифтонг ou на месте ū встречается только внутри и в конце слова, в то время как в начале слова употребляется ū (*орф.* ú). Ср. rukou (*тв. п.*), louka *луг*, trouba *труба*, но úmysl *умысел*, útok *наступление, атака*, úspěch *успех*, úroda *урожай*, ústa *рот*, únor *февраль* и др. Уже в старых памятниках чешской письменности в начале слов писалось иногда ú || u, иногда ú || ou, что свидетельствует о колебании в произношении. В литературном языке в этом положении закрепилось ú, которое повлияло затем и на произношение.

В народно-разговорной речи и в литературном разговорном языке во всех положениях употребляется дифтонг ou: ouroda *урожай*, ouzkej *узкий*.

Изменение ū>ou было проведено во всех чешских областях. В юго-западной части языковой чешской области (окраинные доудлебские говоры) наряду с ou иногда представлено без изменения ū долгое: kūsek, lūka, sūd, rukū (*тв. ед.*), rostū (*3 л. мн.*)

В ляшских, моравско-словацких и собственно словацких говорах, а также в литературном словацком языке, представлено ú без результатов каких-либо изменений.

Ср. *лит. слов.*: kúsok, súd, vedú (*3 л. мн.*), berú (*3 л. мн.*), múka *мука́*, dobrú (*вин. ед. жен. р.*).

6. Изменение звука ȳ.

Изменение долгого ȳ было аналогично изменению ū; ȳ изменяется в дифтонг ej: dobrý>dobrej, pýcha *гордость*>>pejcha, být *быть*>bejt, strýc *дядя*>strejc, týden *неделя*>>tejden, mlýn *мельница*>mlejn, tvým dobrým>tvejm dobrejm.

М. Комарек считает, что изменение ý>ej нельзя отрывать от изменения ú>ou и что ý первоначально изменилось в əj, как ú >əu. Затем ə приспособилось к артикуляции следующего за ним звука и перешло в e. Предположение вполне правдоподобное.

Отдельные примеры с ej на месте ý, как указывает Травничек*, относятся к концу XIII в., больше примеров находим в памятниках XIV в. Однако даже в памятниках

* F. Trávníček. *Historická mluvnice*, стр. 91.

XV, XVI и XVII вв. число примеров на дифтонгизацию ý> >ej увеличивается постепенно. Литературные чешские памятники в большинстве случаев представляют ý, что, разумеется, не отражает того состояния, которое характеризовало живой, разговорный язык. Есть основания предполагать, что к началу XVI в., а может быть и раньше, дифтонгизация ý>ej была проведена в Чехии и в Моравии (в ганацких говорах на месте ej находим é). В народно-разговорной речи дифтонгизация ý>ej представлена в очень широком масштабе.

В литературном языке, нормы которого уже отдалялись от норм живого языка, колебание в правописании ý ‖ ej закончилось победой ý, которое из письменного языка проникло и в произношение.

Примечание. В памятниках XV—XVI вв. на месте старого ý нередко находим ay (swatay). Одним из возможных объяснений этого может быть то, что (как утверждают Травничек* и Кашик**) с XV в. началось изменение aj>ej. Колебание в произношении и в правописании aj ‖ ej на месте aj привело к колебаниям в написании ej ‖ aj на месте ý.

7. Изменение ī.

В некоторых чешских говорах и в народно-разговорной чешской речи дифтонг ej появился на месте í после согласных свистящих и шипящих (s, z, š, ž, c, č, ř).

Распространение этого явления по говорам неравномерно, наиболее последовательно оно проведено в северо-восточных чешских говорах. Ср. pod lavicej (*lит.* pod lavicí), cejtit (*lит.* cítit), sejto (*lит.* síto), vozejk (*lит.* vozík), nožejk (*lит.* nožík).

Причины дифтонгизации í заключаются в том, что во второй половине XIV в. гласный í изменился в определенном положении в гласный более открытый, близкий к ý. Вследствие этого им были пережиты такие же изменения, как и гласным ý, т. е. í>ei̯.

* * *

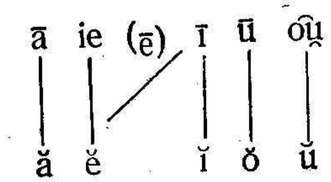
Таким образом, для судьбы почти всех долгих гласных в чешском языке была характерна дифтонгизация, причем у гласных верхнего подъема (ū, ī, ȳ) появлялась в первой

* F. Trávníček. *Historická mluvnice*, стр. 91
** Kašík. Listy filologické XLI, 1814, стр. 212

части образования более низкая артикуляция (**a**, **e** или ə), у гласных среднего подъема выделялся более высокий элемент — **u** или **i** (u͡o, i͡e, i͡a).

Часть образовавшихся дифтонгов подверглась затем монофтонгизации в чешском литературном языке и в чешских и моравских диалектах. Монофтонгизировались дифтонги, имеющие в первой части своего образования более высокий элемент: u͡o>ů, i͡e>í, i͡a>i͡e>í, сохранились дифтонги в тех случаях, когда в первой части их образования был более низкий элемент (ou (<au), ej).

Таким образом, систему гласных фонем для XV — XVI вв. можно представить следующим образом:



Дифтонг **ou** выступал в то время как самостоятельная фонема; долгая фонема ī соотносилась с краткими ĕ и ĭ.

Изменение гласных ĕ, e, o, u, ä в долгом слоге привело к появлению в литературном чешском языке новых качественно-количественных чередований, изменение долгих гласных **a, i, y** в литературном языке дало только количественные чередования, а в говорах — качественно-количественные (за исключением **a**).

Новые качественно-количественные чередования гласных отчасти известны и другим славянским языкам (напр., польскому), но не были известны общеславянскому языку.

Возникнув как результат фонетических изменений, чередования долгих и кратких гласных приобрели в дальнейшем морфологический характер. Например, в словах sníh, vítr, vůz, sůl долгий гласный является характеристикой формы им.-вин. п. ед. ч., в то время как в формах других падежей выступает краткий гласный (ср. род. ед. этих же слов: sněhu, větru, vozu, soli). У инфинитивов на -iti с долгим корневым гласным формы повелительного наклонения характеризуются кратким гласным: kouřiti — kuř! chváliti — chval! и т. д.

ТАБЛИЦА ЧЕРЕДОВАНИЙ ГЛАСНЫХ, ВОЗНИКШИХ В ИСТОРИИ ЧЕШСКОГО ЯЗЫКА

Гласный, подвергшийся изменению	Результаты изменений		Примеры
	Краткий слог	Долгий слог	
ě	e	í	víra ‖ věřiti, sníh ‖ sněhu (*род. ед.*)
e	e	í	říci ‖ řekl, kámen ‖ kamínek
o	o	ů	stůl ‖ stolu, sůl ‖ soli (*род. ед.*)
u (<u, ǫ)	u	ou	trouba ‖ trub (*род. мн.*) kouřiti ‖ kuř! (*позел.*)
a	a	á	kráva ‖ krav (*род. мн.*) chváliti ‖ chval! (*повел.*)
i	i	í (ej—*диал.*)	síla ‖ sil (*род. мн.*) psík ‖ psejk (*диал.*)
y	y [i]	ý [ī] (ej — *диал.*)	býti ‖ byl, bejt ‖ byl (*диал.*)
ã (<ę, 'a)	e, a	í, á	ředitel ‖ řada ‖ řád ‖ říditi

§ 30. Изменение aj > ej

Кроме перегласовки a>ě>e, которая прошла в XII—XIII вв. в положении между мягкими согласными в середине слова и после мягких согласных в конце слова, гласный **a** в более поздний период пережил еще одно изменение в **e** — в закрытом слоге перед j.

Обычно изменение aj>ej объясняют палатализующим воздействием следующего за **a** и составляющего с ним один слог j. Примеры этой регрессивной ассимиляции следующие: vajce>vejce *яйцо*, krajčí>krejčí *портной* (ср. krájeti *резать*), stajný>stejný *одинаковый*, daj>dej (*2 л. ед. повел.*). Префикс naj- в превосходной степени прилагательных

и наречий изменился в nej-: najlepší>nejlepší *наилучший, самый лучший*, najvíce>nejvíce *наиболее, более всего*.

М. Комарек связывает изменение aj в ej с изменением ý>ej. Он полагает, что aj, составлявшее один слог, начало восприниматься как реализация одной фонемы əj, которая дальше развивалась так же, как и əj, получившееся на месте ý.

Изменению в ej подвергалось aj любого происхождения. Ср., например, hejtman<hajtman (из немецкого Hauptmann).

Изменению не подвергалось недифтонгическое, относящееся к разным слогам aj. Напр. dělej (<dělaj), но dělají (*3 л. мн.*) *они делают*; dej, но dají (*3 л. мн.*) *они дадут*; vejce, но vajec (*род. мн.*).

Перегласовка aj>ej прошла во всех чешских, чешско-моравских и моравских говорах. В последних ej изменилось в é различного образования. Изменение aj>ej не коснулось ляшских и словацко-моравских говоров.

Перегласовка aj>ej проходила на протяжении XV—XVI столетия. В памятниках XV в. ej встречается наряду с aj, в XVI в. ej является обычным, с конца XVI — начала XVII века — правилом.

В современном чешском языке и в говорах представлено большое количество неперегласованных форм, которые возникли в результате стремления к обобщению звукового вида слов, ибо перегласовка aj>ej отдаляла друг от друга родственные слова. Так, древнечешское tejný изменилось снова в tajný под влиянием глагола tajiti, hejný в hajný, как hájiti, háj (долгое **a** не подвергалось изменению), nejde (<najde) *он найдет* под влиянием форм типа našel (и, наверное, для различения с nejde *не идет*) снова изменилось в najde. Существительные типа kraj восстановили неперегласованную форму под влиянием форм косвенных падежей, где j отходил к следующему слогу: kra-je, kra-ji (ганацкая форма kré свидетельствует о проведенной перегласовке). В глаголах nelaj *не лай*, kaj se *кайся*, hraj ‖ hrej *играй* и т. д. aj появилось под влиянием форм настоящего времени: laje, laješ, kaje se, kají se, hraješ, hraje. У существительного prodej *продажа* в формах косвенных падежей произошло обобщение звукового вида основы по форме им.-вин. ед. prodej — prodeje.

§ 31. История согласных

В истории развития чешского языка происходили следующие изменения согласных: а) изменение звукового качества отдельных согласных (r', w, g, l' и ł) и б) изменение степени палатализации и отвердение согласных.

Изменение звукового качества согласных

1. История звука h.

В древнейшей звуковой системе чешского языка звука h не было. Он появился на месте задненёбного взрывного согласного, т. е. g>h. Однако гортанный согласный появился не непосредственно из g, а через стадию звука γ — задненёбного звонкого фрикативного согласного. Так, gora>γora>hora; gorěti>γořěti>hořeti; gad>γad>had *змея*; grách>γrách>hrách *горох*.

О стадии γ свидетельствует тот факт, что в позиции, где наступает оглушение, на месте h появляется звук ch — глухой фрикативный задненёбный согласный, который мог появиться как глухой вариант не к взрывному g, а к звонкому фрикативному звуку γ. Ср. произношение слов lehký как [lechkī], nehty как [nechti] *ногти*, sníh как [snīch].

Можно согласиться с мнением Фринты*, что на месте γ звук h появился прежде всего перед гласными в результате передвижки артикуляции в область гортани.

Первые свидетельства об изменении g>h относятся ко второй половине XII столетия. В XIII столетии встречаются многочисленные случаи написания h. С конца XIII столетия, как правило, пишется только h.

В связи с тем, что в правописании фонетические изменения находят отражение позже, чем в произношении, можно полагать, что переход g>h осуществился в конце XII — начале XIII столетия.

Это подтверждается особенно примерами типа [lechkī], [roch]: оглушение после падения редуцированных происходило уже в стадии γ, а не g, т. к. в противном случае было бы lekýа не lehký (*lьgъkýа> leγkýа>lechkýа).

h на месте g представлено также в словацком литературном языке и диалектах.

Результат изменения g>γ>h или g>γ представлен и в других славянских языках и диалектах (в украинском, белорусском, южно-русских и, местами, в северно-русских говорах). На основании этого некоторые ученые делают вывод об изменении g>γ по диалектам еще в праславянский период (Трубецкой**). Это утверждение, однако, опровергается ранними заимствованиями из чешского языка венгерским и немецким языком, а также передачей g в латинских памятниках письменности. Так, в ранних латинских документах находим Praga, в венгерских заимствованиях XI—XIII вв. из словацкого Waag (*совр. чеш.* Váh), Bogdan (*совр. чеш.* Bohdan), в немецком Iglau (*совр. чеш.* Jihlava). Приведенные заимствования из чешского языка свидетельствуют о том, что в XI—XII вв. в чешском языке было еще g. Это подтверждается и тем фактом, что ранние заимствования из латыни и немецкого со звуком g подверглись таким же изменениям, как и собственно чешские слова, т. е. g>γ>h. Ср. pohan (*лат.* poganus), hrabě (из *др.-в.-нем.* grāvio), řehole (*лат.* regula), hrot (*ср.-в.-нем.* grāt). В словах, заимствованных позднее, нередко можно найти замену g близким по образованию звуком k. Ср. kytara (из gitara), Markéta (из *нем.* Margarette). Возможно, что существование заимствований, где g передается ch, свидетельствует о стадии γ: choť (*нем.* Gatte).

Процесс изменения g>h проходил в различных славянских языковых группах независимо и в разное время **.

В современных чешском и словацком языках наличествует и звук g, который появился в истории этих языков в разное время и при различных обстоятельствах. Во-первых, g находим в поздних заимствованиях, когда изменение g>h перестало быть актуальным. Ср.: agent, guma, generál, gigant, genius и т. д. Во-вторых, g появляется как

---

* A. Frinta. *Fonetická povaha a historický vývoj souhlásky v ve slovanštině*. Praha 1916.

* N. Trubeckoj. Zur Entwicklung der Gutturale in den slavischen Sprachen, Sbornik v čest na prof. L. Miletič, Sofia 1933.

** См. А. М. Селищев. Славянское языкознание, т. I, Западнославянские языки, стр. 107.

звонкий вариант фонемы k в положении перед звонкими согласными. Ср., напр.:

jakživ> [jagžif] k řece> [g řece]
kde> [gde] k domu > [g domu]

2. Изменение r' >ř.

Мягкое r', получившееся из rj (*morjo>mor'e), довольно рано совпало в чешской языковой группе с палатализованным r', которое появлялось в положении перед гласными переднего ряда: tři, řěč, řemeń, kuřä (<*kurę) и т. д.

С течением времени мягкое r' существенно изменило свою артикуляцию. Дополнительный фрикативный элемент (j), сопровождающий образование мягких согласных, усилился и развился при r' в согласный элемент ž (š), который стал произноситься одновременно с раскатами, получающимися в результате вибрации кончика языка. Так получился сложный звук, состоящий из двух компонентов: [rž] или [rš] (о произношении см. § 7). Ср. tři, řemen, kuře, řeč, při, řeka.

Изменение r'>ř свойственно всем чешским, моравским и силезским говорам.

Изменение, аналогичное r'>ř, находим и в некоторых других славянских языках: в польском, где этот звук претерпел дальнейшее изменение — rž>ž (š), и в лужицком.

Первые свидетельства изменения r'>ř относятся к XIII столетию. Так, в грамоте 1237 г. написание собственного имени Lukohaſany с ſ указывает уже на особый характер звука r'. В другой грамоте этого же времени находим Orſechow (Ořechov). В XIII в. ř часто передается сочетаниями rz, rs, которые указывают на то, что произносился уже не мягкий r'. Таким образом, можно считать, что изменение r'>ř произошло в XIII столетии. Употребление буквы ř для обозначения этого специфического звука относится к более позднему времени — к XV—XVI вв.

В некоторых словах в результате ослабления вибрации стал произноситься только согласный ž. Так, žebro *ребро* получилось из первоначального řebro. Такого же происхождения ž в слове žebřík *лестница*. Многочисленные примеры можно привести из чешских говоров. В старом чешском языке и в чешских говорах представлено и обратное

явление: замена первоначальных ž и š посредством ř, свидетельствующая о близости артикуляций согласных ř и ž. Ср. *др.-чеш.* krádeř (вм. krádež), mládeř (mládež), *диал.* drůbeř (*лит.* drůbež).

3. История 1.

В древнейший период развития чехословацкой языковой группы было, по-видимому, 3 вида l: ł твердое, велярное, которое находилось перед гласными непереднего ряда: chvā.a, łūka, łyko, łovъ; l' смягченное, палатализованное, появившееся перед гласными переднего ряда: chvāl'iti, l'evý, l'ist; и ľ мягкое, возникшее из доисторического сочетания lj: poľe (<*poljo), chváľenъ (<*chvāl̨en), ľudъ (<*leudъ).

Однако в древнечешском языке l' и ľ, вероятно, довольно рано совпали в звуковом качестве смягченного l'. Различие между l и ł, как это видно из сочинений Я. Гуса (De Orthographia bohemica), несомненно удерживалось до конца XIV в. Ян Гус, поучая пражан правильному произношению, указывал на 2 оттенка l: ł и, видимо, l среднее. Однако упреки Гуса в адрес пражан о том, что они говорят наполовину по-чешски, наполовину по-немецки и произносят вместо łyko — liko, вместо tobołka — tobolka и пр., являются свидетельством того, что в Праге различие между l и ł в это время уже стиралось. В XV в. различие между l и ł окончательно утратилось: они совпали в звуковом качестве l среднего. Указанные результаты находим в чешском литературном языке, в чешских и западно-моравских говорах. Только в окраинных чешских говорах, сохраняющих архаические языковые особенности, можно найти ł или его замену u̯. Ср. в ходском наречии (на западе): bułо, był, в доудлебском (на юге) — vypłatił, в кладском (на северо-востоке) — koř̆a̯ka (*лит.* kořalka), šeu̯ (šel). Мягкое l' находим в словацком литературном языке и среднесловацких говорах.

Примечания. 1. Переход ł>u̯ (dau̯, brau̯)—явление, широко представленное и в других славянских языках и диалектах.

2. Написание l и ł в грамматиках XVII—XVIII вв. является чисто традиционным, не отражающим живых произносительных норм.

4. Переход w>v.

При рассмотрении звукового состава древнечешского языка указывалось (см. § 21), что в древнейший период развития языка был губно-губной (билабиальный) согласный w. Об этом свидетельствует: а) графическая передача этого звука в памятниках письменности, б) данные современных чешских диалектов и в) различные замены w.

В современных северо-восточных чешских говорах можно еще услышать w: kráwa или чаще u̯, которое является заменой более древнего w. Ср.: prau̯da, kau̯ka *галка*, leu̯ *лев*, zrou̯pa *прямо, как раз*.

Примечание. Неслоговое u̯ представлено на месте v в украинском и белорусском языках, а также в большей части южно-великорусских говоров (праўда, лаўка).

О билабиальном характере древнечешского w свидетельствует также выпадение w в сочетаниях -owi, -awi, -ewi: pānoj <pánowi, psoj<psowi, rukajce<rukawice, примеры которого находим в говорах.

Выпадение w могло быть только в случае его губно-губного произношения, так как при w было труднее настроиться на артикуляцию гласного i, чем при v.

Об этом же свидетельствует переход в древнечешском языке w в u: u Praze, u vodě, uprostřed, uvěřiti (<vъvěřiti), а также в h и b. Ср.: příbuzný<přívuzný (*-vǫz-), modlitba<modlitwa, hastrman<wasserman (*др.-нем.* Waßermann); по диалектам последние замены представлены шире: hběhnout (*лит.* vběhnout), Babor (<Bawor) и др.

В последних случаях губно-губная щель изменяется в губно-губной затвор.

В литературном чешском языке и в большей части чешских и моравских говоров губно-губное w изменилось в губно-зубное.

Изменение w>v в чешском языке можно отнести к периоду после XIV в., вероятнее всего к XV в., т. к. еще в памятниках XIV в. сочетание vu нередко передается как w: živ býti=živu býti, modlitw=modlitvu и т. п., что отражает подлинное произношение, т. е. слияние лабиального w с последующим u.

§ 32. Возникновение фонологической парной мягкости согласных

После стяжения групп гласных ěja, ьjǫ, ьju смягченные согласные, находившиеся ранее перед гласными переднего ряда, могли оказаться перед гласными заднего ряда. Ср.: s'ějati>s'áti (*совр.* síti), dějati>d'áti (*совр.* díti) и т. д.

И наоборот, после стяжения групп oje, ojě, yjě>é перед гласным переднего ряда появились твёрдые согласные: dobré (<dobroje, dobryjě).

После падения редуцированных смягченные согласные в конце слова перед исчезнувшим редуцированным стали выступать как смыслоразличительные звуки. Ср.: braň (<branь) *защищай* и bran (*род. мн.*) *ворóт*.

Таким образом, смягченные согласные утратили свою позиционную зависимость от гласных переднего ряда и из вариантов фонем превратились в самостоятельные фонемы. То обстоятельство, что перед **e** из редуцированных согласные были и смягченными, и твёрдыми (d'en'<d'ьn'ь — ten<tъnъ), также сыграло роль в повышении смыслоразличительной роли смягченных согласных.

В связи с развитием парной фонологической мягкости согласных существенно изменилось взаимоотношение между гласными **i** и **y**: **y** стало вариантом фонемы **i** в положении после твёрдых согласных.

Мягкие губные согласные (p', m', v', b'), а также мягкие ľ, r' и z' (<dz) по своей функции совпали со вновь появившимися смягчёнными фонемами. Совершенно новыми фонемами стали t', d', n' и s', возникшие в результате фонологизации прежних смягченных вариантов (ср. § 33).

§ 33. История мягкости и твердости согласных

При сравнении системы согласных современного чешского языка с системой древнечешских согласных становится очевидным, что многие мягкие и смягченные согласные в истории чешского языка отвердели, а некоторые смягченные согласные в определенных положениях усилили свою мягкость. Однако, в отличие от русского языка, в чешском языке различия между твердыми и мягкими согласными не развились полностью.

Полагают, что первая депалатализация согласных произошла еще до перехода сильных редуцированных в е. Это отвердение коснулось прежде всего, как указывает М. Комарек*, слога te, находившегося перед твёрдым губным или зубным согласным, а также перед r и ł. Свидетельством отвердения t перед e в указанном положении является то, что перед ним не была проведена перегласовка ä, 'a>ě. Ср. p'ätero>patero, přātel (<prijateľъ)>přátel (*род. мн.*), d'äteľъ>datel и пр.

Акад. Б. Гавранек** предполагает также, что приблизительно в это же время депалатализации подверглось сочетание мягкий согласный + ä перед твёрдыми зубными и свистящими согласными, а также перед ł и r: m'äso>maso, p'ätý>pátý.

Однако одной из основных причин, вызвавших изменение в соотношении твердости и мягкости согласных, было исчезновение слабых редуцированных, в результате чего мягкие и твердые согласные оказались в непосредственной близости и начали влиять друг на друга. В результате произошла депалатализация мягких парных согласных, а также c' и n', находящихся перед твёрдыми согласными (кроме губных и заднеязычных) и перед мягкими согласными c', č, š и n'. Ср. примеры: věřьný>věrný, plát'ьno>plátno, t'ьru>tru, ořьla>orla (по аналогии и *им. ед.* orel), bratřьsky>bratrský, stařьca>starca (*совр.* starce), meńьší>menší и т. д.

Полагают, что перед губными и задненёбными согласными указанная депалатализация или вообще не имела места, или же была проведена частично, о чем свидетельствуют данные ляшских говоров: pro:ba, haṅba, ťma и т. д.

Следующая депалатализация согласных относится уже ко времени после перегласовки a>ě, т. е. приблизительно к XIII в. В этом случае утрата мягкости согласных произошла перед гласными (e, i), на конце слов и перед всеми согласными. Ср.: z'el'ený>zelený; z'ima>zima, ot'ec>otec, dvořček>dvorček и т. д.

Несомненно, что последняя депалатализация согласных

* Цит. соч., стр. 45

** B. Havránek. *K depalatalisaci v oblasti českého jazyka*, Listy filologické LXVII. 1940.

прошла после перегласовки a>ě, т. к. в противном случае не было бы результатов перегласовки в таких словах, как Jene<Jane и пр.

Таким образом, в результате ряда депалатализаций к концу XIV в. в чешском языке исчезает парная мягкость согласных. Бóльшая часть парных мягких согласных совпадает с соответствующими твердыми (о судьбе новых фонем n', ť, ď см. ниже).

ł и l' совпадают в звуковом качестве l (см. § 31, п. 3).

Остановимся более подробно на судьбе мягких и твердых согласных.

1. n, t, d. Изменение этих согласных шло в двух направлениях: а) утрата мягкости и б) развитие полной мягкости у палатализованных согласных n', t', d'.

Степень мягкости согласных n, t, d перед гласными переднего ряда была неодинаковой. Наибольшая степень мягкости была представлена перед i и ě, как перед гласными более высокого образования. Впоследствии перед указанными гласными (а также перед í и e из ę) согласные n, t, d развили полную мягкость. Ср.: ticho [t'icho] *тишина*, nic [n'ic] *ничего*, dítě [ď'ť'e], dělati [ď'e-], těšiti [ť'e-], kotě [-ť'e] *котенок*, štěně [šťen'e] *щенок* и т. д.

Перед исконным e и e<ь, на конце слов перед исчезнувшим слабым редуцированным, а также перед a (á)<ę, согласные утратили свою мягкость, изменившись в твердые согласные. Ср. oťьc'ь>oťec'>otec, ďьn'ь>ďen'>den; bǫďeťe>buďeťe>budete; kosťь>kosť>kost; tęgъ>tah; ďętlъ>datel.

Однако в современном чешском языке во многих случаях наблюдается мягкость согласных n, t, d на конце слов перед исчезнувшим редуцированным ь, а также перед a, á, появившимися на месте прежнего носового ę. Например: zeť (<zętь), síň (<sèn'ь), loď (<loďь), síť (<sěťь) и koťata (<koťęta), mláďata (<mlādęta), jehňata (<jagnęta). Конечный мягкий согласный у некоторых существительных прежних ĭ- основ, видимо, обязан влиянию форм косвенных падежей, где мягкость указанных согласных объясняется фонетически: loď—lodi, zeť—zetě. У существительных типа koťata и пр. мягкость согласных n, t, d появилась по аналогии с формами единственного числа. Ср. kotě—kotěte—kotěti.

Перед e<ъ и i<y согласные n, t, d были всегда твердыми: ten (<tъnъ), ty [ti], dým [dīm].

2. Мягкие s и z утратили свою мягкость перед всеми гласными переднего ряда и их заменами: s'ěno>seno, s'edm'ь >sedm, z'ima>zima, s'í.a>síla, na voz'ě>na voze. Ср. также: zábsti (<*zę̇bsti), sáhnouti (<*sęgnǫti).

Следы их прежней мягкости сохранились в незначительном объеме в ляшских говорах: z'ima, vz'al, nos'a *они носят*.

3. m, p, b, v. Мягкие губные согласные отвердели во всех положениях. Ср. vítr, trpí *они терпят*, pití *питьё*, vedu *я веду*, beru *я беру*, pero *перо*, vesnice (<vьsь-) *деревня*, maso (<mę̇so) *мясо*, vázati (<vęzati) *вязать*. Однако следы прежней мягкости губных перед **e** (из ę и ě) сохранились в литературном чешском языке в виде j, который появился в указанных положениях после губных в процессе их отвердения. Ср. pět (<pę̇ťь) произносится как [pjet], běh (<běgъ) как [bjech] и т. д.

После согласного m мягкость выделилась и в виде согласного n' (это же явление широко представлено в польских, украинских и белорусских говорах). Ср. město — произносится как [mn'esto] и как [mjesto].

По чешским и моравским говорам следы прежней мягкости губных представлены более широко. Так, в юго-западных чешских говорах до последнего времени можно было услышать сочетания pji, bji, mji, vji на месте старых p'i, b'i, m'i, v'i: bjič, pjivo, mjilost, lavjička. Йотация губных широко представлена также в чешско-моравских и ганацких говорах. Ср. *ганацк.* holóbjata, hřibjata и т. д.

4. r. Мягкое r' (<rj) и смягченное r′ (перед гласными переднего ряда) совпали в артикуляции r' (мягкого), который изменился в ř (см. § 31, п. 2). Но перед **e** из ъ и **i** из **y** согласный r сохранил свою твердость: ср. rež<rъžь, ret *губа* из rътъ, bratrem — *тв. ед. ч.* (<bratrъmъ), ryba.

Всегда твердое r в заимствованных словах: redakce, referát, ring.

Во многих случаях r не сохранило своей мягкости перед исчезнувшим ь: ср. stařec, но starce (<starьce), kovář *кузнец*, но kovárna (<kovárьna) *кузница*, bratrský (<bratrьský).

Можно считать, что в приведенных и прочих подобных примерах r' перед твердыми согласными отвердело раньше изменения r'>ř.

В ряде случаев твердое r на месте r' появилось по аналогии. Так, в формах bereš (*2 л. ед.*), bere (*3 л. ед.*) и ber! (*2 л. ед. повел.*) r твердое появилось по аналогии с формами beru (*1 л. ед.*), berou (*3 л. мн.*).

Иногда отмечается обратное явление: появление ř на месте исконного r. Ср. *1 л. ед.* mřu *я умираю*, где ř появилось под влиянием форм mřeš, mře и пр. Аналогичное явление представлено в формах třu, třeš, tře и пр.

5. c, č, š, ž, l. Палатальные аффрикаты c и č отвердели. В современном языке c — твердое, č — тверже русского **ч**, но значительно мягче твердого польского cz (см. § 9).

Палатальные согласные š, ž несколько отвердели, но не достигли той степени твердости, которая представлена в русском языке (см. § 9).

О согласном l см. § 31.

Таким образом, бóльшая часть мягких и смягченных согласных изменилась в истории чешского языка в направлении отвердения, что привело к значительному сокращению количества мягких согласных и соотносительных по мягкости и твердости пар согласных.

§ 34. Уподобление согласных по звонкости и глухости

Начало уподобления согласных по звонкости и глухости восходит к периоду после падения редуцированных. Звонкие согласные, оказавшиеся в конце слов и в середине слов перед глухими согласными, стали произноситься без участия голоса, т. е. как соответствующие глухие. Напротив, глухие согласные перед звонкими начали произноситься как соответствующие звонкие. Ср. sъde>sde>zde *здесь*, vъšdy>všdy>vždy *всегда*, sъdrāvъ>sdrāv>zdráv *здоров*, kъde>kde [gde] *где*, dubъ>dub [dup], vъšecko>všecko [všecko] *всё*.

Примечание. Однако нельзя сказать, что процесс ассимиляции согласных по глухости и звонкости следовал непосредственно за падением редуцированных. Об этом свидетельствует, например, тот факт, что продление краткого o, происходившее после и в результате падения редуцированных, было обусловлено звонкостью последующих согласных (сонорных и фрикативных). Ср.: vozъ>vōz > vūz, но nosъ > nos (ср. § 23, п. 6).

Интересна в связи с этим история предлога od, возникшего из исконного ot в результате озвончения конечного согласного перед звонким согласным следующего слова и закрепившегося в таком виде. По говорам до сих пор встречаются формы с -d во всех положениях (и перед глухими согласными).

Уподобление согласных по звонкости и глухости существует в языке уже со второй половины XIII в.

§ 35. Изменение групп согласных

1. В ряде случаев группы согласных ts, ds, čs, cs и др. изменились в **c**. Ср. dvacet<dvadset, nic<ničьso; Václav< Vácslav, otecký<otečьský, prorocký<proročьský.

2. Группы согласных sr, sř изменились в str, stř. Например, středa *среда*, stříbro *серебро*, straka *сорока*.

Аналогичное явление представлено в русских говорах (ср.: струб, стретенка).

3. Сочетание čře (<*čer) изменилось в tře. Например, třešeň *черешня*, třída *улица*; *класс* (ср. *рус.* череда). Во многих случаях перед начальным t появляется s: střep *черепок*, střevo *кишка* (ср. *рус.* чрево), střevíc *туфля* (ср. *укр.* черевик, черевичка), střemcha *черемуха*, *чеш. диал.* střešně *черешня*.

4. cš. cš>čš>tš: věcší>věčší>větší [věčī] *больший*.

5. Группы согласных šč (štš) и ždž, получившиеся еще в праславянский период из сочетаний stj, skj, sk', zdj, zgj, zg', утратили в чешском языке второй фрикативный элемент, т. е. šč>šť, ždž>žď: ср. jezditi *ездить* — odjížděti *уезжать*, pustiti *пустить* — pouštěti *пускать*, město *город* — měšťan *горожанин*, ještě *еще*, štěrbina *щель*, *трещина*, dešť *дождь*, štika *щука* и др.

Таким же образом изменилось сочетание šč, которое возникло в истории чешского языка после утраты слабых редуцированных. Например, *sъčęstьje>sčestí>ščestí>štěstí [šťesťī].

В ряде чешско-моравских и во многих моравских говорах сохранилось šč: ešče, ščerbina и т. п.

Примечание. Интересную картину произношения šč, ždž представляют русские говоры и русский литературный язык. В русском литературном языке произносятся долгие мягкие ш' и ж': [плаш'], [дож'ик], т. е. в приведенных сочетаниях произошла утрата затвора. Во многих говорах ш' и ж' отвердели: [шука], [вожы], в некоторых северных говорах произносятся сочетания ш'ч, ж'дж' [ш'чука], [пр'иеж'дж'ай], в некоторых же говорах, как и в чешском языке, представлены сочетания шт', жд'.

6. Изменение jь в начале слова. jь в начале слова перед следующим слогом с гласным полного образования в чешском языке в ряде случаев утратилось. Ср. jьměti>jměti> míti *иметь*, jьmamь>jmamь>mám, jьgra>jgra>hra, jьmę > *др.-чеш.* jmę (*совр.* jméno), jьz>jz>*совр.* z (напр., z okna).

Перед слогом со слабым редуцированным ь в сочетании jь переходил в гласный полного образования. Ср. jьgla>jehla *игла*.

Примечание. В русском языке были обобщены сочетания с начальным i. Ср.: имя, игра, игла и пр.

МОРФОЛОГИЯ

СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ

§ 36. Существительные в современном чешском языке характеризуются категориями рода, числа и падежа.

1. Большинство существительных относится к одному из трех родов: мужскому, женскому или среднему.

К мужскому роду относятся существительные, оканчивающиеся в форме им. ед. на твердый или мягкий согласный основы (bratr, muž, stůl, kraj), а также на **-a, -ce, -í** (předseda, soudce, průvodčí).

К среднему роду относятся существительные на **-o** с предшествующим твердым согласным основы (okno, město), на **-e** с предшествующим мягким (или отвердевшим) согласным основы (pole, moře, srdce) и с неравносложными основами (tele<telę — telete<telęte) и существительные на **-í** (znamení, čtení).

К женскому роду относятся существительные на **-a** с предшествующим твердым согласным основы (žena, ryba, ruka), на **-e** (<'a) с предшествующим мягким или отвердевшим согласным основы (ulice<ulica, nůše<nōša) и существительные, оканчивающиеся в им. ед. на твердый или мягкий согласный (kost, věc, píseň, loď).

2. Существительные всех трех родов изменяются по числам. В современном языке различаются два числа: единственное и множественное.

Формы только единственного числа имеют собирательные существительные: listí *листья, листва*, obyvatelstvo *население*, mládež *молодежь* и др. Формы единственного числа имеют часто также многие существительные с отвлеченным значением (utrpení *страдание*; umění *искусство*, komunismus *коммунизм*), а также существительные с вещественным значением (mouka *мука́*, máslo *масло*).

Ряд существительных имеет только формы множественного числа. К ним относятся: а) названия предметов, в которых ясно выражена составность: nůžky *ножницы*, sáně *сани*, kalhoty *брюки*, dveře *дверь*; б) временны́е, местные и некоторые другие названия: prázdniny *каникулы*, narozeniny *день рождения*, křtiny *крестины*, Košice *Кошице*, Čechy *Чехия* и т. п.

3. Склоняемые существительные изменяются по падежам.

В чешском языке различается 7 падежей (собственно, 6 падежей и звательная форма). В отличие от русского языка, имена существительные мужского и женского рода сохранили в единственном числе особую звательную форму, употребляющуюся при обращениях: synu! otče! matko! sestro!

Именительный	1. (první) pád, или Nominativ	kdo? co?
Родительный	2. (druhý) pád, или Genitiv	koho? čeho?
Дательный	3. (třetí) pád, или Dativ	komu? čemu?
Винительный	4. (čtvrtý) pád, или Akusativ	koho? co?
Звательная ф.	5. (pátý) pád, или Vokativ	— —
Предложный	6. (šestý) pád, или Lokál	(o) kom? (o) čem?
Творительный	7. (sedmý) pád, или Instrumentál	kým? čím?

4. В зависимости от твердости или мягкости конечного согласного основы в склонении существительных всех трех родов различаются существительные твердой и мягкой разновидности.

К существительным твердой разновидности относятся существительные, основа которых оканчивается на твердые согласные n, t, d, h, ch, k, g, r, p, b, v, f, m и бóльшая часть существительных на z, s, l.

Например:

dům, bratr, vůz, stůl, syn (муж. р.);
žena, ryba, kráva, sláma, ruka, noha (жен. р.);
město, slovo, okno, divadlo (ср. р.).

К мягкой разновидности относятся существительные с основой на мягкие и отвердевшие (прежние мягкие) согласные: j, ň, ť, ď; c, č, ž, š, ř и некоторые существительные на l, z, s:

kraj, kůň, otec, muž, meč, král (муж. р.);
nůše, kůže, ulice, košile, hospodyně (жен. р.);
moře, pole, vejce, pracoviště (ср. р.).

Склонение существительных твердой и мягкой разновидности значительно различается.

Ср., напр.,	род. ед.	bratra — muže
		města — polé
		ženy — ulice
	им. мн.	domy — meče
		ženy — ulice
		města — pole
	дат. ед.	bratru — muži
		městu — poli
		ženě — ulici
	вин. ед.	rybu — ulici

Различия в склонении были отчасти унаследованы от праславянского периода, отчасти появились в истории чешского языка

5. Склонение существительных мужского рода характеризуется также категорией одушевленности, которая находит свое грамматическое выражение как в единственном (в род., дат., вин. и предл. пад.), так и во множественном числе (им. пад.).

Ср., напр.,	род. ед.	bratra — domu
	дат. ед.	bratrovi — dubu
	вин. ед.	bratra, muže — dům, meč
	предл. ед.	(o) bratrovi, mužovi — (o) domě, břehu
	им. мн.	vlci, synové, tučielé, muži — domy, duby, meče, kraje

В отличие от русского языка, в чешском языке нет различий по одушевленности — неодушевленности в вин. мн. как у существительных мужского, так и женского рода.

Ср.: Mám bratry a sestry. — *Я имею братьев и сестер.*

§ 37. Формирование системы склонения в чешском языке

Современная система склонения существительных сформировалась на основе той системы, которую чешский язык унаследовал от праславянского языка. Как известно, в

праславянском языке различались в зависимости от звукового вида основы следующие типы склонения:

1) -o- и -jo- (-ьjo-) основы. К ним относились многочисленные существительные мужского (dǫbъ, koп'ь, Jurьjь) и среднего рода (okno, pol'e, znamenьje).

2) -a- и -ja- (-ьja-) основы, к которым относились существительные женского рода (žena, ulic'a, duš'a, otrokyni) и некоторые существительные мужского рода (starosta, junoš'a).

3) -ŭ- основы, к которым относились существительные мужского рода: synъ, volъ, domъ, medъ, vьrchъ и пр.

4) -ĭ- (>ь) основы, к которым относились существительные мужского и женского рода: pǫtь, gostь, tatь, zętь, golǫbь, gǫsь, zvěrь (муж. р.); kostь, myšь, rěčь (жен. р.).

5) Существительные с основой на согласные:

а) -n: kamy — kamene (муж. р.), imę — imene (ср. р.)

б) -(n)t: telę — telęte (ср. р.)

в) -s; slovo — slovese (ср. р.)

г) -r: máti — matere (жен. р.)

Сюда же примыкает склонение существительных женского рода на -ъv- (в индоевропейском языке -ū- основы): kry — krъve, svekry — svekrъve.

Отдельные типы склонения существительных перешли в древнечешский язык из праславянского языка без значительных изменений. Однако следует помнить, что различие склонений по основам существовало лишь в глубокой древности в общеславянском языке. В древнечешский же период различие склонений по основам следует считать традиционным и условным, так как вследствие того, что тема перестала осознаваться как определяющая морфема, и вследствие переразложения именной основы исчезли основания для прежней классификации существительных. Вместо прежнего принципа склонения по основам еще в дописьменный период развития славянских языков утверждается новый: усиление значения грамматического рода и перегруппировка прежних типов склонения по этому признаку. Перегруппировка старых типов склонения по принципу грамматического рода — и, как следствие этого, воздействие одних склонений на другие — начинается с очень раннего времени, еще в праславянскую эпоху, и продолжает раз-

виваться в позднейшее время на почве отдельных славянских языков. Так как еще в праславянский период основа существительных перестала выделяться, произошло совпадение в одной форме некоторых ранее различавшихся типов (напр., о- и й-основ — rabъ и synъ). Совпадение одних падежных форм и взаимовлияние других привело к тому, что уже в древнейший период развития чешского языка начал постепенно вырабатываться один тип склонения существительных мужского рода на базе склонения о- и й-основ, к которым затем примыкают существительные мужского рода других основ: i-основ (gostь), a-основ (starosta) и основ на согласные (kamenь).

О взаимодействии существительных мужского рода о- и й-основ еще в дописьменный период свидетельствует то, что в самых древних памятниках западнославянской и восточнославянской письменности в форме твор. ед. существительных о-основ представлено только одно окончание: -ъmь, проникшее сюда из склонения й-основ.

Тяготение к основному типу склонения в пределах одного грамматического рода было свойственно также существительным женского и среднего рода. Так, существительные среднего рода прежних основ на согласные или полностью совпали в своем склонении со склонением существительных о-основ, или значительно сблизились с ним. Интенсивное взаимодействие существительных женского рода ja-основ и i-основ привело даже к появлению в истории чешского языка новой разновидности склонения (тип daň, см. § 52).

Продуктивными типами склонения, вокруг которых формировалось склонение существительных одного грамматического рода, были: о- и jo- основы для мужского и среднего рода и a- (ja-) основы — для женского. Остальные типы склонения уже в древнейший период развития чешского языка или находились в состоянии упадка и разложения, или же охватывали убывающие группы слов.

Перегруппировка склонения существительных по принципу грамматического рода была основным и определяющим, но не единственным фактором, оказавшим влияние на формирование современных типов склонения. Кроме нее необходимо учитывать следующие факторы:

1. Развитие и грамматическое оформление категории одушевленности в мужском роде, что привело к появлению в чешском языке двух разновидностей склонения.

Для выражения категории одушевленности в чешском языке были использованы окончания склонения как о-основ (род. ед., им. мн.), так и u-основ (дат.-местн. ед., им. мн.) (см. § 39).

Взаимодействие различных падежных форм в пределах одного типа склонения также было использовано для выражения более точной дифференциации отношений. Так, очень рано форма вин. ед. существительных муж. р. одушевленных стала совпадать с формой род. ед.; в предл. ед. у них появилось окончание -ovi, проникшее из дат. падежа.

2. Большое значение при формировании чешского именного склонения имел принцип системности. Именно требованием системы склонения можно объяснить тот факт, что старая форма вин. мн. распространилась на им. мн. существительных неодушевленных: соотношение именительного и винительного падежей в единственном числе (dub — dub) было перенесено на множественное число, и старому соотношению dubi — duby пришло на смену новое: duby — duby.

3. Стремление к унификации отдельных типов склонения привело в истории развития чешского именного склонения ко множеству аналогических образований, например, распространение окончания -(a)ma в тв. мн. всех родов, которое можно считать общенародной тенденцией.

4. Большую роль в развитии и оформлении системы именного склонения в чешском языке сыграли фонетические изменения — стяжение, перегласовка, а также изменение гласных в долгом слоге. Следствием этих процессов явилось углубление различий в склонении прежних a- и ja-основ женского рода, о- и jo- основ мужского и среднего рода. Так, если для истории русского языка характерно сближение твердой и мягкой разновидностей (ср. *дат.-предл. жен. р.*: руке — земле, *род. ед.*: руки́ — земли́ и пр.), то в чешском языке перегласовки гласных привели к превращению склонения существительных jo- и ja-основ в самостоятельные типы. Более того, из существительных прежних jo- и ja-основ выделились существительные, у которых перед j находился редуцированный ь: -ьjo, -ьje, -ьja (Jurьjь,

znamenьje и пр.). В результате стяжения гласных существительные этого типа (Jurьjь>Juří>Jiří; znamenьje>znamení, panьji>paní) полностью отошли от склонения существительных jo-, ja- основ, образовав самостоятельные типы склонения (см. §§ 41, 46 и 53).

Вследствие указанных процессов — перегруппировки склонения по признаку грамматического рода, взаимодействия различных типов склонения и падежных форм внутри одного склонения, нередко вытекающих из требований системы языка, образований по аналогии, вызванных стремлением к унификации различных типов склонения, развития и грамматического оформления категории одушевленности и, наконец, значительных фонетических изменений — произошло сокращение старых и образование новых типов склонения.

Число падежных форм в чешском языке сохранилось без изменения, хотя в народно-разговорной речи и в чешских диалектах наметилась совершенно определенная тенденция к замене звательной формы именительным падежом (holka! pane šéf!), что проникает и в литературный язык.

Чешский, как и большинство других славянских языков, утратил категорию двойственного числа, которая еще существовала в начале исторического периода, но в дальнейшем развитии была заменена множественным числом.

Однако в языке сохранились остатки форм двойственного числа, главным образом, у существительных, обозначающих парные предметы (конечности, органы зрения, слуха и пр.): oči, uši; ruce (*им.-вин.*), rukou, nohou, kolenou, ramenou (*род.-предл.*), rukama, nohama (*твор.*), у числительных: dvě, obě (dvou, dvěma), в форме dvě stě (ср. *рус.* двести). Кроме того, окончание двойственного числа -ma представлено в твор. мн. у определений (прилагательных, местоимений и числительных), относящихся к существительным, сохранившим формы двойственного числа (vlastníma očima *собственными глазами*, svýma rukama *своими руками*). В народно-разговорной речи и по говорам окончание -ma в твор. мн. возобладало у всех типов склонения: rybama, dušema, kostma, chlapama, oráčema, městama, mořema,

§ 38. Существительные мужского рода

Существительные мужского рода в современном языке имеют несколько типов склонения. Принадлежность существительных к тому или иному типу склонения определяется в зависимости от характера звука, на который оканчивается существительное (гласный или согласный, твердый или мягкий согласный), а также в зависимости от одушевленности и неодушевленности существительных. В зависимости от указанных факторов выделяются следующие разновидности (типы) склонения:

1. Существительные мужского рода твердой разновидности

а) одушевленные (тип »chlap«): bratr *брат*, dělník *рабочий*, pes *собака*, hoch *мальчик*, soudruh *товарищ*, Václav и пр.
б) неодушевленные (тип »hrad«): dům *дом*, stůl *стол*, strom *дерево*, dub и др.

2. Существительные мужского рода мягкой разновидности

а) одушевленные (тип »muž«): letec *летчик*, listonoš *почтальон*, vítěz *победитель*, obyvatel *житель*, Ondřej и др.
б) неодушевленные (тип »meč«): koš *корзина*, nůž *нож*, kraj *край*, cíl *цель* и др.

Примечание. Бóльшая часть существительных на -s и -z — твердой разновидности. Исключение составляют слова kněz *священник*, vítěz *победитель*, Francouz, а также peníz *монета*, městys *местечко*, относящиеся к мягкой разновидности. Из существительных на -l к мягкой разновидности относятся слова с суффиксом -tel (одушевленные и неодушевленные: učitel *учитель*, stavitel *архитектор*, jmenovatel *знаменатель* и т. п.), а также неодушевленные существительные на -el (kašel *кашель*, pytel *мешок*) и некоторые другие.

3. Существительные мужского рода на гласный

а) на -a с предшествующим твердым согласным основы (тип »předseda«): husita *гусит*, hrdina *герой*, socialista *социалист* и др.
б) на -e (тип »soudce«): správce *управляющий*, vůdce *вождь*, dozorce *надзиратель*, *надсмотрщик* и т. п.

4. Существительные мужского рода на -í (тип »Jiří«): krejčí *портной*, průvodčí *кондуктор*, *проводник*, účetní *бухгалтер* и др.

5. Существительные на **-en** (тип kámen): ječmen *ячмень*, kořen *корень*, plamen *пламя* и др.

Последние два типа склонения непродуктивны.

§ 39. Склонение существительных мужского рода твердой и мягкой разновидности

Твердая разновидность

	Единственное число		*Множественное число*	
	одуш.	*неодуш.*	*одуш.*	*неодуш.*
И.	chlap	hrad	chlapi, -ové, -é	hrady
Р.	chlapa	hradu, lesa	chlapů	hradů
Д.	chlapovi, -u	hradu	chlapům	hradům
В.	chlapa	hrad	chlapy	hrady
З.	chlape!, soudruhu!	hrade!, pluhu!	*=И.*	*=И.*
П.	chlapovi, -u	hradě, zámku	chlapech, hoších	hradech, březích
Т.	chlapem	hradem	chlapy	hrady

Мягкая разновидность

	Единственное число		*Множественное число*	
	одуш.	*неодуш.*	*одуш.*	*неодуш.*
И.	muž	meč	muži, -ové, -é	meče
Р.	muže	meče	mužů	mečů
Д.	mužovi, -i	meči	mužům	mečům
В.	muže	meč	muže	meče
З.	muži!, chlapče!	meči!	*=И.*	*=И.*
П.	mužovi, -i	meči	mužích	mečích
Т.	mužem	mečem	muži	meči

Как уже говорилось, существительные указанных разновидностей представляют, с одной стороны, результат раннего взаимовлияния существительных прежних o-основ (chlap) и u-основ (syn), в результате которого выработался тип склонения существительных твердой разновидности,

с другой стороны — результат взаимовлияния существительных прежних jo- основ со смешанным типом склонения существительных твердой разновидности, что в совокупности с данными перегласовок гласных привело к появлению нового типа склонения существительных мягкой разновидности. Кроме того, развитие категории одушевленности и личности повлекло за собой образование внутри существительных твердой и мягкой разновидности двух подвидов: склонения существительных одушевленных и неодушевленных.

Единственное число

1. Именительный падеж представляет старую форму с исчезнувшим редуцированным гласным: chlap(ъ), bratr(ъ), muž<mǫžь, meč(ь), dub<dǫbъ.

2. Родительный падеж. За одушевленными существительными твердой разновидности закрепилось окончание **-a**, принадлежавшее ранее существительным o-основ; у существительных неодушевленных, как правило, употребляется окончание **-u**, характеризовавшее ранее ŭ-основы. Ср. bratr *брат* — bratra, pes *собака* — psa, Rus *русский* — Rusa, Novák — Nováka, но dub — dubu, dům *дом* — domu, plot *забор* — plotu.

Подобную дифференциацию окончаний можно объяснить тем, что окончание -a в род. падеже для имен одушевленных поддерживалось формой вин. падежа, которая для существительных одушевленных совпадала с формой род. падежа. Окончание же -u и раньше, еще в праславянский период, характеризовало главным образом существительные неодушевленные.

Однако ряд неодушевленных существительных до сих пор сохранил старую форму на -a. К ним относятся:

а) Некоторые названия городов: Řím *Рим* — Říma, Krakov — Krakova, Zlín — Zlína, Londýn — Londýna, Kyjev — Kyjeva, а также названия городов и населенных пунктов, исторически восходящие к формам притяжательных прилагательных: Benešov — Benešova, Miletín — Miletína и пр.

б) Названия месяцев и дней недели: leden *январь* — ledna, únor *февраль* — února, březen *март* — března и др.;

pondělek *понедельник* — pondělka, čtvrtek *четверг* — čtvrtka и др. (исключение составляют listopad *ноябрь* и pátek *пятница* — listopadu, pátku), а также слова zítřek *завтра* (в смысле «завтрашний день») — zítřka и včerejšek *вчера* — včerejška.

в) Окончание -a имеют также часто употребляемые существительные славянского происхождения: chléb *хлев*, zákon *закон*, sýr *сыр*, večer *вечер*, oběd *обед*, život *жизнь*, svět *мир*, les *лес*, dvůr *двор* (dvora), jazyk *язык*, rybník *пруд*, chléb *хлеб* и др.

Некоторые существительные представляют колебание -a || -u: týl *затылок* — týla || týlu, popel *пепел* — popela || popelu и некоторые др.

В ряде случаев более старое окончание -a сохраняется только в определенных сочетаниях. Ср.: část roku *часть года* — do roka *до года*, snu (sen *сон*), но ze sna *со сна*.

Современное употребление окончаний -a и -u устанавливается примерно в середине XV в. Еще в XIV в. наряду с окончанием -a часто встречается -u как у существительных одушевленных, так и неодушевленных: črva || črvu, hada || hadu, bludu || bluda и т. п.

У существительных мягкой разновидности представлено одно окончание — **-e**, которое восходит к -'a, окончанию прежних jo-основ: muža > muže, meča > meče. В отличие от существительных твердой разновидности, где за одушевленными существительными закрепилось окончание -a, а за неодушевленными -u, у существительных мягкой разновидности категория одушевленности не получила здесь своего выражения, так как перегласовка a > e произошла значительно раньше грамматического оформления категории одушевленности. Этому могло способствовать также отсутствие существительных, принадлежащих к ju-основам.

3. В дательном падеже у существительных одушевленных употребляются следующие окончания: **-u** и **-ovi** у существительных твердой разновидности, **-i** и **-ovi** у существительных мягкой разновидности. Окончание -u восходит к склонению прежних o-основ, -i получилось в результате перегласовки на месте -'u (окончание прежних jo-основ). Окончание -ovi возникло в результате переразложения основы формы дат. ед. существительных типа synъ (в ŭ-основах **ov** относилось к основе, **-i** — окончание.).

В современном языке окончание -ovi употребляется как правило у личных имен и у нарицательных существительных со значением лица, реже у названий животных, где обычным является окончание -u или -i (<-'u). Ср. soudruh *товарищ* — soudruhovi, bratr — bratrovi, Novák — Novákovi, Jan — Janovi, Jaroš — Jarošovi, muž *мужчина* — mužovi || muži (чаще), letec *летчик* — letci, но: lev — lvu, pes — psu, medvěd — medvědu.

При сочетании нескольких существительных со значением лица окончание -ovi, как правило, принимает только последнее из них: soudruh Novák — soudruhu Novákovi, Karel Jaromír Erben — Karlu Jaromíru Erbenovi, (и Karlu Jaromírovi Erbenovi), Aleš Bartoš — Alši Bartošovi. Если нарицательному существительному со значением лица предшествует определение (местоимение, прилагательное и пр.), то оно принимает обычно окончание -u (у существительных твердой разновидности) или -i (у существительных мягкой разновидности). Напр.: náš bratr — našemu bratru, můj strýc *мой дядя* — mému strýci, dobrý přítel *хороший друг* — dobrému příteli и т. д.

Таким образом, окончание -ovi стало служить не только для выражения категории одушевленности, но и личности, поскольку это окончание закрепилось главным образом за личными именами, а также за нарицательными существительными со значением лица. Однако у существительных мягкой разновидности употребление окончания -ovi более ограничено, чем у существительных твердой разновидности.

Примечание. У одушевленных существительных на мягкий согласный с XIV в. встречается окончание **-evi**, которое удерживается до XVI в. Затем оно вытесняется окончанием **-ovi**.

У существительных неодушевленных употребляется только окончание -u (для твердой разновидности) или -i (<'u) (для мягкой разновидности). Напр.: les — lesu, dub — dubu, stůl *стол* — stolu, stroj *машина, станок* — stroji, kraj — kraji, koš *корзина* — koši.

4. В винительном падеже довольно рано нашла выражение категория одушевленности, которая сначала, однако, выступала скорее как категория личности.

Отдельные примеры замены винительного падежа родительным находим еще в памятниках старославянского

языка XI в. В древнечешском языке форма родительного падежа в значении винительного для личных имен встречается еще до XIV в., с XIV по XVII в. она окончательно возобладала в языке для существительных со значением лица. Старая форма как архаизм удерживалась лишь у некоторых существительных: císař, král, muž, otec, přítel. У существительных, обозначающих названия животных, напротив, старая форма винительного падежа удерживалась до XVII века.

Таким образом, в современном языке существительные мужского рода одушевленные имеют форму винительного падежа, сходную с родительным падежом, а существительные неодушевленные — сходную с именительным. Напр.: vidím bratra, muže, но: vidím dům, stroj.

У собирательных существительных винительный падеж также совпадает с именительным: lid *народ, народные массы*, národ *народ, нация*, dobytek *крупный рогатый скот*, hmyz *насекомые* и др.

В современном языке некоторые неодушевленные существительные имеют форму винительного падежа, сходную с родительным. Это возможно при названиях книг, журналов, пьес, танцев (на -ák), карточных игр, а также в тех случаях, если неодушевленные существительные образованы от одушевленных путем перенесения значения.

Напр.: pouštěti draka *пускать змея*, tančiti šlapáka *танцевать шлапак*, hráti ferbla *играть в дурака*, čísti Věka („F. L. Věk“ — роман Ирасека) *читать «Века»* и т. д.

5. В з в а т е л ь н о й форме у существительных твердой разновидности возможны два окончания: **-e** и **-u.** Окончание -e восходит к склонению прежних o-основ, окончание -u — к склонению существительных ŭ-основ. В современном языке окончание -u имеют существительные с основой на гортанный и задненёбный согласные: Jeník — Jeníku!, soudruh — soudruhu!, hoch — hochu! Это же окончание находим у существительного syn — synu!, где оно является исконным.

Существительные с основой на прочие согласные образуют звательную форму большей частью с окончанием -e: Václav — Václave!, Jan — Jene!, soused *сосед* — sousede!, občan *гражданин* — občane!, bratr — bratře!, doktor — doktore!, а также člověk *человек* — člověče!

Примечание. r перед окончанием -e изменяется в ř, если ему предшествует согласный, и остается без изменения, если ему предшествует гласный: profesor — profesore!, но ministr — ministře!

Подобное же соотношение в употреблении окончаний -u и -e наблюдается и у существительных неодушевленных: hrad — hrade!, dub — dube!, но zámek — zámku!, pluh — pluhu!, хотя практически звательная форма здесь встречается очень редко. Закрепление окончания -u прежде всего за существительными с основой на гортанный и задненёбные согласные объясняется стремлением к выравниванию звукового вида основы, так как перед окончанием -e задненёбные согласные чередовались с шипящими. Ср. člověk — člověče!, bůh — bože!

Примечание. В последних случаях перед окончанием -e сохранилось праславянское чередование согласных: k ‖ č, h (<g) ‖ ž.

У большей части существительных мягкой разновидности звательная форма оканчивается на **-i**: muži!, příteli!, vítězi! Окончание -i в данной форме возникло вследствие перегласовки из 'u, которое издавна было свойственно звательной форме существительных jo-основ (ср. *kon'u).

У существительных с суффиксом -ec звательная форма оканчивается на -(č)e*: chlapec — chlapče!, otec — otče!, poslanec — poslanče! Окончание -e представлено также у существительных strýc *дядя* — strýče (‖ strýci), kněz *священник* — kněže (‖knězi).

6. М е с т н ы й (п р е д л о ж н ы й) падеж. Так же как и в форме дат. падежа, существительные одушевленные имеют здесь окончания **-u** и **-ovi** (для твердой разновидности) и **-i, -ovi** (для мягкой разновидности), которые распределяются так же, как и в форме дат. падежа. Ср.: o soudruhovi, o Václavovi, o Jarošovi, o Karlu Čapkovi, но: o vlku, o medvědu, o mužovi ‖ o muži (ср. выше п. 3).

У неодушевленных существительных твердой разновидности в предл. падеже употребляются два окончания: **-e (-ě)** и **-u.**

---

* О происхождении окончания -(č)e у существительных с суффиксом -ec см. А. М. Селищев. Старославянский язык. ч. I, М. 1952.

Окончание -e (-ě) имеют существительные с основой на губные (m, p, b, v, f) и нёбно-зубные (n, t, d, s, z) согласные, а также на l: dům *дом* — v domě, byt *квартира* — v bytě, Krakov — v Krakově, les *лес* — v lese, stůl *стол* — na stole.

Окончание -u является обычным не только у существительных с основой на гортанный и задненёбные согласные, но также у существительных на согласный r и в некоторых других случаях: břeh *берег* — na břehu, domek *домик* — v domku, vrch *верх, гора* — na vrchu, sever *север* — na severu, mír *мир* — o míru (но: dvůr *двор* — na dvoře).

У некоторых имен существительных возможны оба окончания, -e и -u: časopis *журнал* — o časopise || o časopisu, rok *год* — roce || roku, rybník *пруд* — v rybníce || v rybníku, na rektorátě || na rektorátu, na balkóně || na balkónu.

Примечание. Перед окончанием -e' представлен результат чередования задненёбных согласных: k||c, ch||š.

У неодушевленных существительных мягкой разновидности употребляется окончание **-i:** na stroji, v koši, na meči.

Указанные окончания предложного падежа в современном языке восходят к следующим более древним окончаниям.

Окончание -e (<ě) восходит к склонению o-основ, а -u — к окончанию существительных прежних ŭ-основ. Окончание -ovi у существительных одушевленных проникло в местный падеж из дательного падежа. Причиной этого могло явиться уже имевшееся совпадение форм дательного и местного падежа на -u.

У существительных одушевленных исконное окончание -e (-ě) совершенно вытеснено окончаниями -u и -ovi, у существительных неодушевленных -e (-ě) удержалось, но главным образом там, где не происходило нарушения звукового вида основы вследствие возникающих чередований (исключения см. выше).

Окончание -i существительных мягкой разновидности не тождественно окончанию -i дат. падежа. Если в дательном падеже -i получилось из -u в результате перегласовки, то в местном падеже -i является старым, праславянским окончанием существительных jo-основ (ср. *др.-рус.* на кони). Правда, до

перегласовки u>i у существительных мягкой разновидности нередко встречалось и окончание -u (o oráču, v boju, o zvěřu), появившееся в результате влияния существительных твердой разновидности, где это окончание (из u- основ) уже часто употреблялось. В результате перегласовки 'u>i вновь появившееся окончание -u снова изменилось в -i.

7. В творительном падеже единственного числа окончание **-em** получилось на месте -ъmь у существительных твердой разновидности и на месте -ьmь у существительных мягкой разновидности. Ср. bratrem<bratrъmь, mužem<mužьmь.

Примечание. Окончание твор. ед. -ъmь первоначально было только у склонения u- основ (synъmь), но в западнославянской группе языков оно издавна употреблялось у существительных o-основ.

Множественное число

1. В форме именительного падежа множественного числа в чешском языке, в отличие от русского, получили широкое выражение категории одушевленности и личности.

У существительных одушевленных в именительном падеже употребляются окончания **-i, -ové** и **-é.**

Наиболее распространенным является окончание -i, характеризовавшее некогда o-/jo-основы. В современном языке с окончанием -i употребляются существительные, обозначающие названия животных, а также нарицательные существительные со значением лица. Напр.: kohout *петух* — kohouti, slon — sloni, mravenec *муравей* — mravenci, lékař *врач* — lékaři, Ukrajinec — Ukrajinci.

У существительных на задненёбные согласные перед окончанием -i до настоящего времени представлено, хотя и в несколько измененном виде, праславянское чередование согласных: k || c, h (<g) || z, ch || š (<ś). Напр.: pták *птица* — ptáci, vlk *волк* — vlci, soudruh *товарищ* — soudruzi, lenoch *лентяй* — lenoši. Кроме того, в истории чешского языка перед окончанием -i возникло новое чередование: r || ř. Напр.: bratr — bratři, doktor — doktoři.

Окончание -ové, получившееся, так же как и -ovi в дат. ед., вследствие переразложения основы старых ŭ-основ, употребляется в современном языке, главным образом, у су-

ществительных со значением лица. Так, окончание -ové имеют:

1) Фамилии и личные имена: Novák — Nováková, Václav — Václavové, Matěj — Matějové, Bartoš — Bartošové.

2) Односложные названия лиц со значением принадлежности к тому или иному народу, национальности, племени: Čech — Čechové (и Češi), Rus — Rusové, Srb — Srbové, Řek *грек* — Řekové, Ind *индус* — Indové.

Примечание. Двусложные и многосложные имена с тем же значением, как правило, употребляются с окончанием -i. Ср.: Bulhař *болгарин* — Bulhaři, Polák — Poláci, Maďar *венгр* — Maďaři, но Gruzín — Gruzíni || Gruzínové ...

3) Существительные иностранного происхождения со значением лица, основа которых оканчивается на -g, -f, -m, -ál, -ik, -ul: filolog — filologové, filosof — filosofové, astronom — astronomové, generál — generálové, chemik — chemikové, konsul — konsulové.

4) Отдельные существительные со значением лица: člen *член* — členové, syn *сын* — synové, posel *посыльный* — poslové, otec *отец* — otcové, král *король* — králové, strýc *дядя* — strýcové strýci и некоторые др.

Окончание -é восходит к форме им. мн. существительных с основой на согласный. В именах с суффиксами -an (<anin) и -tel оно было издавна.

Примечание. Долгота в окончаниях -ové и -é появилась нефонетически вследствие влияния формы им. мн. имен муж. рода с прежней основой на -í: gostĭje > *др.-чеш.* hostí, *совр.* hosté.

В современном языке окончание -é употребляется:

1) У существительных с суффиксом -an, обозначающих лица по их принадлежности к той или иной территории, месту или по их национальности, происхождению: Evropan *европеец* — Evropané, Číňan *китаец* — Číňané, Slovan *славянин* — Slované, občan *гражданин* — občané, měšťan *горожанин* — měšťané.

2) У существительных на -tel, как правило, обозначающих деятеля: obyvatel *житель* — obyvatelé, spisovatel *писатель* — spisovatelé, učitel *учитель* — učitelé, přítel *друг* — přátelé, а также у нескольких существительных неодушевленных (наряду с кратким -e): jmenovatel *знаменатель*, násobitel *множитель*.

3) У отдельных существительных со значением лица: soused—sousedé, host — hosté, Španěl *испанец* — Španělé, Žid *еврей* — Židé и пр.

У некоторых существительных возможны параллельные окончания: -é || -i, -é || -ové: demokraté || demokrati. В отдельных случаях параллельные окончания используются в целях смысловой дифференциации. Так, форма manželé значит «супруги, супружеская пара», в то время как manželové означает «супруги, мужья».

У неодушевленных существительных твердой разновидности форма именительного падежа множественного числа оканчивается на -y [i], у существительных мягкой разновидности — на -e (-ě). Напр.: hlas *голос* — hlasy, dluh *долг* — dluhy; pokoj *комната* — pokoje, koš *корзина* — koše.

Окончание -e, свойственное неодушевленным существительным мягкой разновидности, имеют также отдельные существительные одушевленные: rodič — rodiče *родители*, kůň — koně, и наоборот, некоторые существительные неодушевленные наряду с окончаниями -y, -e имеют окончание существительных одушевленных -i: slaneček *селедка* — slanečky || slanečci, ledoborec *ледокол* — ledoborce || ledoborci.

По происхождению формы на -y, -e являются старыми формами винительного падежа склонения o-/jo-основ, которые вытеснили первоначальные формы именительного падежа на -i и -ové, часто встречающиеся в древнечешских памятниках: dubi, praši (от prach), potoci (от potok), dluzi (от dluh), kopci (от kopec *холм*), pokoji; dubové, věkové, časové, bičové.

Примечание. В XV—XVI вв. окончание -ové было распространено значительно шире, чем в современном языке: оно могло употребляться с названиями животных и даже с названиями предметов неодушевленных: býkové, hadové, časové, hlasové и пр. С XVI в., когда категория одушевленности в чешском языке уже оформилась, -ové закрепляется в основном за существительными со значением лица, хотя по диалектам (особенно в среднечешских и восточных говорах) окончание -ové до сих пор нередко употребляется с названиями животных: hadové, psové.

В литературном поэтическом языке XIX в. также еще существовали формы větrové, hlasové, dnové и др.

Вытеснение исконных форм именительного падежа формами винительного у существительных неодушевленных произошло в результате действия фактора системности (под влиянием единственного числа, где эти формы совпадали), а также в результате стремления различать формы у существительных одушевленных и неодушевленных.

Примечание. В древнечешском языке, наряду с приведенными выше окончаниями им. мн., употреблялось еще окончание **-ovie** (ср. в словацком языке — -ovia), возникшее под влиянием собирательных существительных: kusovie, kmenovie, а также окончание **-ie**, восходящее к i- основам: hostie (*совр.* hosté), vlcie (*совр.* vlci), črvie, hadie, holubie (*совр.* červi, hadi, holubi).

В современном языке эти окончания не употребляются. Последнее удержалось лишь по говорам: vlcí, holubí, где -í <-ie.

2. Форма родительного падежа множественного числа для большей части одушевленных и неодушевленных существительных оканчивается на **-ů**, которое получилось фонетически из ův<ōv<ovъ. Как известно, -ovъ характеризовало ŭ-основы. С течением времени оно распространилось почти на все существительные мужского рода, ранее принадлежавшие к разным основам: čas *время* — časů; soused *сосед* — sousedů, host *гость* — hostů, muž *мужчина* — mužů, meč — mečů, kámen *камень* — kamenů.

Уже в древнечешском языке старые формы (о-основ) без окончания встречались только после предлогов и в сочетаниях, ясно определяющих падежную форму: do čas, devět měsiec и т. д.

В современном языке форма без окончания удержалась в местных названиях: Čechy *Чехия* — do Čech, Bavory *Бавария* — do Bavor, Pardubice — Pardubic, Lobkovice — Lobkovic, у существительных tisíc *тысяча* (pět tisíc) и přítel *друг* (bez svých přátel), в выражении do oblak и в некоторых других случаях.

В старом чешском языке у существительных jo-основ часто употреблялось окончание **-í** по образцу существительных мужского рода ĭ-основ (hostí): koní, muží и пр. В современном языке это окончание удержалось лишь по говорам (*чеш.-мор.* groší), а в литературном языке — в слове kůň — koní ‖ koňů.

3. В дательном падеже для всех существительных мужского рода было обобщено окончание существительных прежних о-основ: otъ>ōm>ům. Ср.: chlapům, synům, domům, lesům, mužům, mečům и т. п.

Примечание. В древнечешском языке у существительных jo- основ встречались иногда формы дат. мн. на -iem (koniem, mužiem), которые безусловно являются продолжением исконной формы (kon'ēm). Современная форма konim является ее дальнейшим фонетическим видоизменением (ē>ie>ī).

4. В винительном падеже множественного числа, в отличие от русского языка, нет различия существительных по одушевленности и неодушевленности. Как для существительных одушевленных, так и неодушевленных сохранилась старая форма винительного падежа, претерпевшая лишь фонетические изменения (y>[i], ě>[e]): hochy, chlapy, hady, medvědy, domy, lesy, duby; muže, chlapce, koše, meče.

5. В предложном падеже у существительных твердой разновидности употребляются следующие окончания: **-ích, -ech** и **-ách.**

Окончание -ích получилось в результате фонетического изменения окончания существительных прежних о-основ: -ěchъ>-iech>-ích; -ech восходит к окончанию -ьchъ склонения i-основ (gostьchъ>hostech) или же к окончанию -ъchъ u-основ (synъchъ>synech). Окончание -ech получило распространение довольно поздно, не ранее XVII в.

Все более широко распространяющееся окончание -ách появилось в результате влияния существительных женского рода (а-основы). Указанный процесс широко представлен в восточнославянских языках (ср. данные русского языка).

В современном чешском языке приведенные окончания используются следующим образом:

-ích употребляется у существительных с основой на гортанный и задненёбные согласные, причем до настоящего времени сохранен результат изменения согласных k‖c, g, h(<g) ‖ z, ch ‖š(<ś): pták *птица* — o ptácích, hoch *мальчик* — o hoších, filolog — o filolozích, břeh *берег* — na březích.

Окончание -ech употребляется у всех существительных

с основой на -n, -t, -d, а также в большинстве случаев и после других согласных (губных и s, z, r, l): had *змея* — o hadech, kout *угол* (*внутренний*) — v koutech, pán *господин* — o pánech, stůl *стол* — na stolech и т. д., но vůz *воз, вагон* — ve vozech || ve vozích, les *лес* — v lesech || v lesích (реже).

Существительные с уменьшительным суффиксом -ček, -ek часто имеют окончание -ách (наряду с -ích): obláček *облачко* — v obláčkách || v obláčcích; domeček *домик* — v domečkách, kousek *кусок* — po kouskách || po kouscích, а также sen *сон* — ve snách *во сне*.

У существительных мягкой разновидности сохранилось старое окончание jo-основ -ích. В истории языка наряду с этим окончанием появлялось также окончание -ech (от i- основ), которое в современном языке уже не представлено.

6. В творительном падеже множественного числа у существительных мужского рода твердой и мягкой разновидности представлено окончание [i] (*орф.* **-y** и **-i**): chlapy, syny, duby, stromy; muži, meči, pokoji, которое, однако, восходит к разным окончаниям склонения существительных o-основ (окончание -y) и jo-основ (окончание -i).

В чешских памятниках и в говорах часто встречается окончание -mi, отвлеченное от склонения существительных прежних ŭ-основ и ĭ-основ. Ср.: synmi, chlapmi, časmi, bičmi. Кроме того, у существительных мягкой разновидности (прежние jo-основы) в древнечешском языке встречалось окончание -emi, появившееся, по-видимому, под влиянием существительных мужского рода ja-основ типа panoše: bičemi, kupcemi, králemi. В современном литературном языке с приведенными окончаниями сохранились лишь отдельные слова: koňmi, Lobkovicemi.

По говорам, в народно-разговорной речи, а также в разговорной форме литературного языка широкое распространение получило окончание -(a)ma, которое в письменный язык проникло, однако, довольно поздно (с XVII в.): chlapama, domama, mečema.

§ 40. Склонение существительных мужского рода на -a, -(c)e

»předseda«

Единственное число	*Множественное число*
И. předseda	předsedové, husité
Р. předsedy	předsedů
Д. předsedovi	předsedům
В. předsedu	předsedy
З. předsedo!	*= И.*
П. (o) předsedovi	(o) předsedech, sluzích
Т. předsedou	předsedy

»soudce«

Единственное число	*Множественное число*
И. soudce	soudci, -ové
Р. soudce	soudců
Д. soudci, -ovi	soudcům
В. soudce	soudce
З. soudce!	*= И.*
П. (o) soudci, -ovi	(o) soudcích
Т. soudcem	soudci

1. Существительные мужского рода на **-a** (тип »předseda«) в современном чешском языке имеют смешанный тип склонения: в единственном числе они склоняются как существительные женского рода (тип »žena«, см. § 50) за исключением дательного и предложного падежа, формы которых образуются так же, как у одушевленных существительных мужского рода; во множественном числе они целиком склоняются по образцу одушевленных существительных мужского рода твердой разновидности.

Существительные мужского рода на **-e** (тип »soudce«) склоняются по образцу одушевленных существительных мягкой разновидности (тип »muž«). Исключение составляет звательная форма, которая совпадает с формой именительного падежа.

Смешанный характер склонения указанных существительных мужского рода объясняется тем, что первона-

чально они относились к склонению основ на -a (starosta) и -ja (panoša) и склонялись так же, как имена существительные женского рода типа »žena« и »duša«. Однако по мере усиления значения и действия фактора грамматического рода в склонение существительных этого типа проникают новые формы, образованные по образцу существительных мужского рода.

Так у существительных мужского рода на -a в форме дат.-предл. ед. появилось окончание -ovi (starostovi), в им. мн. -ové (starostové), в род. мн.— ōv>ů (starostů), в дат. мн.—ōm>ům (starostům) и т.д.

В древнечешском языке, а также в некоторых чешских диалектах зафиксирована и форма творительного падежа единственного числа на -em (starostem), как у существительных мужского рода. Ср. аналогичное явление в русских говорах, где употребляются формы типа «дедушком», а также данные словацкого языка: hrdinom (*чеш.* hrdinou), komunistom (*чеш.* komunistou).

В именительном падеже множественного числа у существительных мужского рода на -a возможны формы на -ové, -é. Существительные с суффиксом -ita, -ista, -asta употребляются с окончанием -é: husita — husité, jezuita — jezuité, houslista *скрипач* — houslisté, socialista — socialisté, gymnasta — gymnasté. Прочие существительные употребляются с окончанием -ové: předseda — předsedové, hrdina *герой* — hrdinové, starosta — starostové. Отдельные существительные на -ota, -eta имеют окончание -i (asketa — asketi || asketové; despota — despoti || despotové). Употребление окончания -i вместо -ové или -é придает выражению разговорный или пейоративный характер.

В предложном падеже множественного числа возможны окончания -ech и -ích. Последнее употребляется после задненёбных согласных, которые чередуются: k || c, g, h || z, ch || š: sluha — (o) sluzích, kolega — (o) kolezích, vozka — (o) vozcích, patriarcha — (o) patriarších.

2. Существительные типа »soudce«, как уже указывалось, относились раньше к ja- основам и склонялись по образцу существительных женского рода типа »duše < duša«. Однако в склонение существительных этого типа довольно рано начали проникать формы мужского рода мягкой разновидности (jo-основ), которые

с течением времени возобладали во всех падежных формах.

В современном языке к склонению существительных типа »soudce« относятся одушевленные существительные мужского рода на **-ce**, обозначающие деятеля. Категория одушевленности находит здесь свое грамматическое выражение в тех же падежных формах, что и у прочих одушевленных существительных мужского рода мягкой разновидности, т. е. в дат.- предл. и вин. пад. ед. и в им. пад. мн. ч.

В форме именительного падежа множественного числа у существительных данного типа употребляются окончания -ové и -i. Фамилии и личные имена имеют окончание -ové: Bouše — Boušové, нарицательные двусложные существительные -ové || -i (soudcové || soudci), нарицательные многосложные — -i: dozorce *надзиратель* — dozorci, zákonodárce *законодатель* — zákonodárci.

§ 41. Непродуктивные типы склонения существительных мужского рода

Существительные мужского рода на -í

Единственное число

	I	II	III
	Первоначальные формы	*др.-чеш.*	*совр. чеш.*
И.	*Jurьjь	Juří>Juří	Jiří
Р.	Jurьja	Juřá>Juřie	Jiřího
Д.	Jurьju	Juřú	Jiřímu
В.	=*И.*	—	=*Р.*
П.	(o) Jurьji	(o) Juří	(o) Jiřím
Т.	Jurьjьmь	Juřiem || Juřím	Jiřím

Множественное число

И.	*rebrьji	řebří	řebří
Р.	rebrьjь	řebří	řebřích
Д.	rebrьjemъ	řebřiem	řebřím
В.	rebrьje	řebřie	řebří
П.	(o) rebrьjichъ	(o) řebřích	(o) řebřích
Т.	rebrьji	řebří	řebřími

Современное склонение существительных мужского рода на **-í** претерпело в истории чешского языка значительные изменения. Слова типа Jiří, řebří и пр. склоняются в настоящее время по образцу прилагательных мягкой разновидности (ср. § 64). Однако в истории чешского языка эта, почти угасшая в настоящее время, разновидность склонения была чисто именной.

Первоначально существительные приведенного типа относились к jo-основам (см. парадигму I). Однако после значительных фонетических изменений (стяжение, перегласовка) существительные этого типа стали значительно отличаться от своего основного образца (ср. II). При этом в им. и твор. ед. и в им.-вин. и дат.-местн. мн. произошло совпадение форм с формами именных прилагательных. Это дало толчок к образованию аналогических форм в других падежах. Так появилось окончание -mi в твор. мн., а позднее — окончания -ho и -mu в род. и дат. ед., окончание -ích в род. мн. (ср. III).

После предлогов и определений существительные Jiří, purkrabí сохраняют старые формы на -í: svatého Jiří, svatému Jiří, но: se svatým Jiřím.

В старом чешском языке по образцу řebří склонялись существительные hřebí (*совр.* hřebík *гвоздь*), čřeví (*совр.* střevíc *туфля*), pondělí *понедельник*, úlí (*совр.* úl *улей*), а также личные имена Juří, Julji, Alexí, возникшие в большинстве случаев из латинских имен на -ius.

В современном языке по приведенному образцу склоняются одушевленные существительные на -í, обозначающие профессию, а также некоторые личные имена существительные: výběrčí *сборщик*, účetní *бухгалтер*, průvodčí *проводник, кондуктор*, sudí *судья*, Hořejší и пр.

Некоторые существительные этой разновидности перешли к склонению существительных среднего рода типа »znamení« (см. § 46), некоторые были заменены новообразованиями (ср. примеры выше).

Существительные мужского рода на -en

	Единственное число	*Множественное число*
И.	kámen	kameny
Р.	kamene	kamenů
Д.	kameni ‖ kamenu	kamenům
В.	kámen	kameny
З.	kameni!	*= И.*
П.	kameni	kamenech
Т.	kamenem	kameny

К приведенному типу склонения относится небольшая группа существительных мужского рода на **-en**, принадлежавших ранее к склонению основ на согласные (n-основы). В современном языке к этой разновидности относятся следующие слова: kámen *камень*, křemen *кремень*, kmen *ствол, основа, род*, pramen *источник*, plamen *пламя*, ječmen *ячмень*, prsten *перстень*, kořen *корень*, hřeben *гребень*, týden. В единственном числе они склоняются по образцу существительных мягкой разновидности (тип »meč«), во множественном числе — по образцу существительных твердой разновидности (тип »hrad«). Правда, в единственном числе возможны отдельные параллельные формы и по образцу существительных твердой разновидности (напр., *род.* hřebene ‖ hřebenu, kmene ‖ kmenu, pramene ‖ pramenu; *дат.* kamenu ‖ kameni и пр.).

С исторической точки зрения склонение существительных типа »kámen« в единственном числе представляет собой сохранение старого склонения, которое полностью было представлено в древнечешском языке до XIV в. Во множественном же числе почти во всех падежах представлены новообразования.

В единственном числе по сравнению с общеславянским типом склонения произошли следующие изменения:

Именительный падеж kámen является по происхождению формой винительного падежа; именительный падеж первоначально звучал kamy (ср. *ст.-слав.* **камы**). Новообразования представлены уже в древнейший период в звательной форме: kameni!, в местн. пад.: (na) kameni вместо более старого kamene (первоначальная форма сохраняется в сочетании ve dne *днем*) и в твор. пад.: kamenem. Все три

формы образованы по аналогии с i-основами: kameni как hosti, kamenem как hostem.

Во множественном числе находим новообразования по образцу склонения существительных твердой разновидности, сложившегося на базе o- и u-основ. Так, др.-чеш. форма им. мн. kamenie, kameni заменена формой kameny, форма род. мн. kamen(ъ) заменена формой kamenů. Старая форма сохранилась лишь в наречии dokořán *настежь* (<do kořen). Формы дат., вин., предл. и твор. мн. также представляют новообразования по образцу существительных твердой разновидности.

В склонении существительного den *день* наряду с новообразованиями полностью сохранились и старые формы. Ср.:

	Единственное число	*Множественное число*
И.	den	dni ‖ dny ‖ dnové (*редко*)
Р.	dne	dní ‖ dnů
Д.-З.	dni‖dnu	dnům
В.	den	dni ‖ dny
П.	dni‖dnu ‖ ve dne	(o, ve) dnech
Т.	dnem	dny

§ 42. Судьба склонения существительных мужского рода прежних ĭ-основ

Особо следует сказать о судьбе склонения существительных мужского рода прежних i-основ. Это склонение почти полностью исчезло. Некоторые слова, относившиеся к данному типу, совсем вышли из употребления: hospoď, tať (*совр.* zloděj *вор*), žizň (*созр.* život *жизнь*) и др., — другие же (бóльшая часть) полностью перешли в склонение типов »chlap« и »muž«. Так, слова medvěd (<medvědь), holub (<golǫbь), host (<gostь), žalud (<želǫdь), červ (<čьrvь) и др. склоняются в современном языке по образцу существительных твердой разновидности; choť *супруг*, oheň (<ognь), uhel (<ǫglь), zeť (<zętь) и др. — по образцу мягкой разновидности. Некоторые существительные изменили свой первоначальный род на женский и стали склоняться по образцу существительных женского рода типа »kost« (см. § 52). К таким существительным относятся:

pouť (<pǫtь), saň *дракон* (<sanь), louč (<lūčь) *лучина*, pečeť (<pečętь), zvěř (<zvěřь) и др. Прежнее склонение существительных мужского рода ĭ-основ сохранилось у отдельных слов и в отдельных падежных формах. Так, существительное lidé *люди* сохранило старый тип склонения: lidé, lidí, lidem, lidi, (o) lidech, lidmi. Существительное host также в некоторых падежах мн. числа сохранило свои старые формы, хотя параллельно употребляются и новообразования: *им. мн.* hosté, *род. мн.* hostů ‖ hostí, *дат.* hostům, *вин.* hosty‖hosti, *предл.* (o) hostech, *твор.* hosty ‖ hostmi (старые формы род., вин. и твор. пад. в настоящее время являются архаизмами).

§ 43. Склонение существительных среднего рода

В современном чешском языке различаются следующие типы склонения существительных среднего рода:

1) Склонение существительных твердой разновидности. К нему относятся существительные на **-o** с предшествующим твердым согласным основы: okno, slovo, město *город* и др.

2) Склонение существительных мягкой разновидности. К нему относятся существительные на **-e** с предшествующим мягким или отвердевшим согласным основы: pole, moře, pracoviště *рабочее место* и т. п.

3) Склонение существительных на **-í**: stavení *здание, строение*, umění *искусство*, mytí *мытье*, nádraží *вокзал*, znamení *знак, сигнал*.

4) Склонение существительных с неравносложными основами (в им.-вин. ед., с одной стороны, и в формах остальных падежей, с другой): kuře *цыпленок* (*род.* kuřete), tele *теленок* (*род.* telete) и др.

§ 44. Склонение существительных среднего рода твердой разновидности (тип »město«)

	Единственное число	*Множественное число*
И.-З.	město	města
Р.	města	měst
Д.	městu	městům
В.	město	města
П.	(ve) městě, v oku	(ve) městech, městečkách
Т.	městem	městy

Склонение существительных твердой разновидности в современном языке восходит к склонению прежних о-основ, главные особенности которого они сохранили до настоящего времени. Этим, а также влиянием склонения существительных мужского рода (смешанного типа склонения о-основ и u-основ) объясняется сходство склонения существительных среднего рода со склонением существительных мужского рода твердой разновидности.

1. В единственном числе вызывает замечание лишь форма предложного падежа, где возможны варианты падежных окончаний: **-e (-ě)** и **-u.**

Окончание -e (-ě) является старым окончанием склонения о-основ: dílo *дело, произведение* — o díle, okno — na okně, místo *место* — (na) místě.

Окончание -u появилось, с одной стороны, под влиянием существительных мужского рода, с другой — в результате двоякого управления предлога **po** дат. и предл. падежом. Употребление формы предл. падежа на -u с предлогом **po** привело затем к употреблению этой формы и с другими предлогами. В современном языке окончание -u у существительных среднего рода употребляется при тех же фонетических условиях, что и в мужском роде: обычно после задненёбных согласных и **r**, а в некоторых случаях и после других согласных: ucho — v uchu, oko — v oku, pero — o peru, městečko — v městečku, Kongo — v Kongu.

У некоторых существительных возможно двоякое окончание -e (-ě) ‖ -u: mléko *молоко* — v mléce ‖ mléku, břicho *живот* — na břichu ‖ na břiše, jádro *ядро* — o jádře ‖ v jádru.

Примечание. Перед окончанием -e согласные k, ch, h, r основы находятся в чередовании: k ‖ c, ch ‖ š, h ‖ z, r ‖ ř.

Иногда формы с разными окончаниями имеют различные оттенки значения: jaro *весна* — na jaře *весной*, o jaru *о весне*; jméno *имя* — ve jménu *во имя* (чего-л.), o jméně *об имени*.

Примечание. Возможно, что между предлогом и окончанием существует определенная связь.

2. В творительном падеже единственного числа у существительных рассматриваемого типа издавна представлено окончание **-em**, которое возникло из -ъmь

в результате очень раннего влияния склонения u-основ на о-основы (ср. то же явление в муж. роде).

Прочие падежные формы единственного числа являются продолжением старых, праславянских, форм.

3. Формы родительного и дательного падежей множественного числа являются фонетическими заменами старых форм склонения существительных среднего рода о-основ: měst<městъ, městům<městōm<městomъ (ср. § 29, п. 4 и § 34).

4. В предложном падеже множественного числа в современном языке представлены следующие окончания: **-ích, -ech, -ách.**

Старое окончание о-основ -ích (<iech<ěchъ) в большинстве случаев вытеснено окончанием -ech, которое по происхождению является общим для i- и ĭ-основ (gostьchъ >hostech, synъchъ>synech). В среднем роде оно получило распространение под влиянием склонения существительных мужского рода. Примеры: město — ve městech, slovo—o slovech, hnízdo — v hnízdech, dílo *произведение* — o dílech.

Окончание -ách, отвлеченное от склонения существительных женского рода, употребляется после гортанного и задненёбных согласных. В этом же положении возможна (реже) форма на -ích, которая несет на себе отпечаток архаичности: jablko *яблоко* — (o) jablkách ‖ (o) jablcích (реже), roucho (*поэт.*) *одежда* — (o) rouchách ‖ (o) rouších (реже), středisko *центр* — ve střediskách ‖ ve střediscích, но: městečko *городок* — v městečkách, okénko *окошко* — na okénkách, sucho *засуха* — v suchách *в засухи*, tango — o tangách.

Окончание -ách при склонении существительных среднего рода получило бóльшее распространение, чем в мужском роде.

В русском языке оно проникло в склонение всех существительных мужского и среднего рода.

5. В творительном падеже множественного числа в книжном языке сохранилось старое окончание -y [i], однако в народно-разговорной речи и по говорам, а также в разговорном литературном языке получило большое распространение окончание -ma: městama, oknama, перенесенное из двойственного числа.

§ 45. Склонение существительных среднего рода мягкой разновидности (тип »moře«)

	Единственное число	*Множественное число*
И.-З.	moře	moře
Р.	moře	moří
Д.	moři	mořím
В.	moře	moře
П.	(o) moři	(o) mořích
Т.	mořem	moři

Склонение существительных мягкой разновидности восходит, в основном, к склонению существительных среднего рода прежних jo-основ. Однако первоначальные различия в склонении существительных o- и jo-основ (ср. *им. ед.* město — mor'e, *местн. ед.* o městě — o mor'i, *твор. ед.* městomь — mor'emь, *дат. мн.* městomъ — mor'emь, *местн. мн.* o městěchъ — o mor'ichъ, *твор. мн.* městy — mor'i) значительно углубились вследствие фонетических изменений, имевших место в истории чешского языка.

1. Так, результаты перегласовки a>ě>e сказались на формах род. ед. и им.-вин. мн.: mor'a>mor'ě>moře (ср. *рус. род. ед.* мóря, *им. мн.* моря́), pol'a>pol'ě> pole, srdc'a>srdce и т. д.; результаты перегласовки u>i — на дат. ед. mor'u>mořі, pol'u>poli и пр.

2. В п р е д л о ж н о м (местном) падеже единственного числа наряду с исконным окончанием **-i** в древнечешском языке употреблялось также окончание **-u**, появившееся под влиянием существительных мужского рода. В результате перегласовки u>i оно совпало с первоначальным окончанием -i. В тех же говорах, где не было перегласовки u>i, предл. ед. оканчивается на -u: ср. polu — в ляшских говорах, mořu — в верхнеостравском и пр.

3. В р о д и т е л ь н о м падеже множественного числа в современном языке обычной является форма с окончанием **-í**: moří, polí, srdcí, которая представляет собой новообразование. Окончание -í было заимствовано из разновидности znameňe, где оно возникло фонетическим путем из стяжения ьji>ǐji>í. Кроме того, оно было поддержано формой на -í некоторых типов склонения существительных женского рода: kostí, duší (см. §§ 51, 52). Старая

форма без окончания (с исчезнувшим -ь) удерживается у существительных с суффиксом -ště, а также в форме vajec (от vejce *яйцо*). Ср. ohniště *очаг* — ohnišť, pastviště *пастбище* — pastvišť. Изредка у существительных на -ště форма род. мн. образуется и с окончанием -í: jeviště *сцена* — jevišť || jeviští, bydliště *жильё* — bydlišť || bydliští (реже).

4. Форма д а т е л ь н о г о падежа множественного числа на **-ím** могла бы представлять собой продолжение древнечешской формы на -iem (<ěmъ). Однако вероятнее, что современная форма на -ím является не фонетической, а аналогической, возникшей под влиянием форм род. и местн. мн. на -í, так как в древнечешском языке чаще встречалась форма на -óm (pol'óm), образованная под влиянием склонения существительных o-основ.

5. Наряду с обычным окончанием **-ích** в местном падеже множественного числа в древнечешском языке уже в XIV в. встречаются формы с окончанием -iech<-ěch, которое появилось под влиянием склонения o-основ. Позже, как и у существительных мужского рода, появилось неупотребительное в современном языке окончание **-ech**, отвлеченное от существительных i-основ.

6. В т в о р и т е л ь н о м падеже множественного числа наряду с исконным окончанием **-i** (poli, srdci) с XV в. начинает употребляться окончание -mi (от i-основ): mořmi, stanovištmi, а также окончание -emi: srdcemi, polemi, появившееся под влиянием склонения ja-основ (dušemi). Оба окончания в современном литературном языке не употребляются.

§ 46. Склонение существительных среднего рода на -í (тип »znamení«)

1. Современное склонение существительных среднего рода на -í восходит к склонению ьjo-основ: znamenьje>>znameňe>znamení. Первоначально существительные этого типа склонялись так же, как существительные jo-основ: род. ед. znamenьja, дат. ед. znamenьju и т. д., однако в результате стяжения гласных и последующей перегласовки склонение существительных этого типа настолько изменилось, что в чешском языке образовался особый, самостоятельный тип склонения.

Единственное число

	др.-чеш.	*совр.чеш.*
И.-В.-З.	*znamenьje>znamenie	znamení
Р.	znamenьja>znameňá>znamenie	znamení
Д.	znamenьju>znameňú	znamení
П.	znamenьji>znamení ‖ znameňú	znamení
Т.	znamenьjьmь>znameniem ‖ znamením	znamením (как pěším)

Множественное число

И.-В.-З.	*znamenьja>znameňá>znamenie	znamení
Р.	znamenьjь>znamení	znamení
Д.	znamenьjemъ>znameniem	znamením (как pěším)
П.	znamenьjichъ>znameních	znameních
Т.	znamenьji>znamení	znamením (как pěšími)

Кроме фонетических процессов (стяжения и перегласовки гласных) при формировании склонения типа »znamení« сыграли свою роль морфологические процессы, в частности сказалось влияние форм местоименных прилагательных, которое отразилось на формах дат. и твор. мн. числа и на твор. ед. числа.

1. В творительном падеже единственного числа окончание **-ím** укрепилось под влиянием формы прилагательных типа »pěším«. В древнечешском языке встречаются формы znameniem и znamením — последняя засвидетельствована еще до стяжения ie>í.

2. В дательном падеже множественного числа в результате влияния указанных прилагательных находим окончание **-ím** вместо -iem, а в творительном — окончание **-ími** (znamením**i**).

По диалектам влияние склонения местоименных прилагательных обнаруживается еще в ряде падежей. Так, в некоторых западно- и среднечешских говорах наряду с формой род. и дат. ед. psaní возможны формы psaního, psanímu (ср. в мужском роде: Jiří, Jiřího, Jiřímu). В некоторых моравских говорах также возможны формы uhlího

(от uhlí *уголь*), kořeního (от koření *коренья, специи*), vobilího (от vobilí *хлеб, урожай*) и т. п.

В современном чешском языке по образцу существительных на **-í** склоняется большое количество главным образом неодушевленных существительных самых различных семантических групп:

а) отглагольные существительные, обозначающие действие, процесс, состояние и пр.: šití *шитье*, čtení *чтение*, mytí *мытье*, spaní *спанье*;

б) существительные со значением собирательности: uhlí *уголь*, listí *листва*, kamení *каменья*, obilí *хлеб, урожай*, zboží *товар* и др.

в) собственные имена или названия:

Kobylí, Polabí, Veselí и пр.

г) некоторые существительные с отвлеченным и предметным значением: umění *искусство*, hospodářství *хозяйство, экономика*, nábřeží *набережная*, poschodí *этаж* и др.

§ 47. Склонение существительных среднего рода с неравносложными основами (тип »kuře«)

	Единственное число	*Множественное число*
И.-З.-В.	kuře	kuřata
Р.	kuřete	kuřat
Д.	kuřeti	kuřatům
П.	(o) kuřeti	(o) kuřatech
Т.	kuřetem	kuřaty

Существительные среднего рода с неравносложными основами (kuře — kuřete — kuřata), обозначающие главным образом названия молодых существ (преимущественно животных), относились раньше к склонению основ на согласный (t-основы). Это единственная разновидность существительных основ на согласные, которая не только удержалась в современном чешском языке, но приобрела даже известную продуктивность. Собственно, первоначальные формы сохранились лишь в единственном числе (*им. ед.* kuře<kurę, *род. ед.* kuřete<kuręte, *дат. ед.* kuřeti<kuręti и т. д.), формы множественного числа с давних пор образовывались так же, как у существительных о-ос-

нов (тип »město«): kuřata, kuřat, kuřatóm>kuřatům, kuřaty. Только в предложном падеже множественного числа употреблялась форма (o) kuřatech от i-основ параллельно с формой на -iech, которая была свойственна существительным o-основ.

В современном языке существительные этой разновидности в единственном числе склоняются по образцу существительных среднего рода мягкой разновидности (тип »moře«), а во множественном числе — по образцу существительных твердой разновидности (тип »město«).

Примечание. Суффикс -ęt-, которым распространялся корень, имеет различный звуковой вид в формах ед. и мн. числа (et и at), так как он представляет различную фонетическую замену -ę (см. § 22). Однако в некоторых говорах произошло обобщение звукового вида основы с гласным а. Так, в моравско-ляшских говорах jahňa, jahňata (*род. ед.*), jahňatu (*дат.-предл. ед.*). Подобное же явление представлено и в среднесловацких говорах.

Как уже говорилось, основную семантическую группу существительных этого типа составляют названия молодых существ: house (housete) *гусенок*, holoubě (holouběte) *голубенок*, ptáče *птенчик*, kotě *котенок*, sele *поросенок*, jehně *ягненок*, děvče *девушка, девочка*, vnouče *внучек*.

Примечание. Существительное dítě склоняется по образцу kuře только в единственном числе (dítě — dítěte и т. д.). В им. мн. ему соответствует форма děti, склоняющаяся как существительное типа »kost« (dětí, dětem, děti, o dětech, dětmi, см. § 52).

Эта довольно устойчивая и выразительная группа существительных пополнилась за счет других семантических групп. Так, сюда присоединились слова мужского рода, обозначающие титулы, в им. ед. оканчивающиеся на **-e:** kníže *князь* (а первоначально «сын князя, княжич»), hrabě *граф*, markrabě *маркграф*, dóže *дож* и др.

Отличие их от склонения типа »kuře« состоит лишь в том, что как существительные мужского рода одушевленные они обычно имеют вин. ед. = род. ед.: Vidím knížete, hraběte и т. п.

К склонению существительных рассматриваемой группы примкнули также отдельные слова, обозначающие неодушевленные предметы: poupě *бутон*, doupě *дупло, логовище*, koště *метла*, vole *зоб*, а также существительное zvíře *животное*.

§ 48. Судьба существительных старых n- и s- основ

В древнечешском языке были, также унаследованные от праславянского периода, существительные с основами на согласные -n и -s.

1. Существительные с основой на **-n** (суффикс -en): plémě *племя*, témě *темя*, břímě *бремя*, símě *семя*, *др.-чеш.* jmě (*совр.* jméno) *имя* и др. рано начали приспосабливаться к склонению существительных среднего рода o-основ (тип »město«), хотя и сохраняли неравносложность основы, распространенной во всех косвенных падежах суффиксом **-en-.** Во множественном числе уже с древнейшего периода употреблялись окончания o-основ (plemena, plemen, plemenům, plemeny), и только в местном падеже была флексия -ech (o plemenech) от i-основ. С течением времени окончания типа »město« начали проникать и в единственное число, в результате чего появились параллельные формы им.-вин. ед. rámě ‖ rameno, род. ед. ramene ‖ ramena, дат.-местн. ед. rameni ‖ ramenu и т. д. (в твор. ед. форма ramenem издавна совпадала с формой městem).

Новообразования semeno, rameno, břemeno, plemeno, temeno, vemeno, получившиеся в результате обобщения звукового вида основы им.-вин. ед. по косвенным падежам, полностью склоняются по образцу »město«.

Однако в литературном языке сохранились и старые формы rámě, ramene, rameni и пр., которые, правда, являются книжными и употребляются обычно в переносном значении (напр., břímě povinnosti *бремя обязанностей*). В разговорном языке и в диалектах возобладали новообразования. Существительные jméno и vemeno не имеют старых форм и в литературном языке.

2. Вторая группа — это существительные с основой на -(e)s. К ней принадлежали слова *slovo — slovese, *tělo — tělese, *nebo — nebese, *oko — očese, *ucho — ušese, и некоторые другие.

Уже в древнечешском языке произошло обобщение звукового вида основы этих слов по форме им.-вин. ед. и переход к склонению по типу »město«: ucho, ucha, uchu..., tělo, těla, tělu и т. д.

Остатки прежних основ на -es сохранились в склонении существительного nebe, которое в единственном числе,

обобщив форму им.-вин. ед. по основе косвенных падежей на -e (nebe-), склоняется по типу »moře«: *им.* nebe, *род.* nebe, *дат.-предл.* nebi, *твор.* nebem, а во множественном числе, сохранив старую основу, перешло к склонению существительных среднего рода твердой разновидности: *им.-вин.* nebesa, *род.* nebes, *дат.* nebesům, *предл.* (na) nebesích, *твор.* nebesy (ср. то же явление в русском языке). Сохранение основы nebes- во множественном числе объясняется особым употреблением и консервативностью этого слова.

Кроме того, основа -es отмечается в слове kolese (*ед. ч.*) *двуколка*, которое впервые было обнаружено в Далимиловой хронике. Следы основы на -es существительного kolo сохранились по словацким и моравским диалектам. Старые основы сохранились у некоторых слов (sloveso *глагол*, těleso *корпус* (*машины*), nebeské těleso *небесное тело*, nebesa *балдахин*, *полог*) и в производных от них образованиях (tělesný, nebeský, slovesný, slovesnost и др.).

§ 49. Склонение существительных женского рода

В женском роде современный чешский язык различает 3 типа склонения:

1. Склонение существительных твердой разновидности. Сюда относятся существительные, оканчивающиеся в форме им. ед. на **-a** с предшествующим твердым согласным основы: žena *женщина, жена*, kráva *корова*, sláma *солома*, ryba *рыба*, skála *скала*, moucha *муха*, Praha, Vltava и пр.

2. Склонение существительных мягкой разновидности. К нему относятся существительные на **-e (-ě)** с предшествующим мягким или отвердевшим согласным основы: kůže *кожа*, ulice *улица*, vůle *воля*, přítelkyně *приятельница*, práce *работа*, péče *забота*, Asie, Francie, Marie и пр.

3. Склонение существительных на согласный. В этом типе различают два образца: а) тип »kost« и б) тип »daň«.

Кроме типовых образцов, имеются разновидности склонения, охватывающие очень небольшие группы слов (напр., тип »paní«).

§ 50. Склонение существительных женского рода твердой разновидности (тип »žena«)

	Единственное число	*Множественное число*
И.	žena	ženy
Р.	ženy	žen
Д.	ženě	ženám
В.	ženu	ženy
З.	ženo!	= *И.*
П.	(o) ženě	(o) ženách
Т.	ženou	ženami

Склонение существительных женского рода твердой разновидности восходит к склонению существительных женского рода прежних а-основ. Как видно из парадигмы, склонение это мало чем отличается от своего первоначального образца. Оно очень близко к склонению существительных женского рода в русском языке.

Отметим следующие характерные черты этого склонения:

1. В форме дат.-предл. ед. перед окончанием **-e** (<ě) сохранились чередования согласных k ‖ c, h (<g) ‖ z, ch ‖ š (<s'), которые в праславянский период возникли в результате палатализации задненёбных согласных, но которые в современном языке имеют характер морфологических чередований. В истории чешского языка к ним присоединилось чередование r ‖ ř и в заимствованных словах g ‖ z (по аналогии с h ‖ z). Примеры: matka *мать* — matce, ruka *рука* — ruce, dráha *дорога* — dráze, Praha — Praze; střecha *крыша* — střeše, macecha *мачеха* — maceše; Riga — Rize, sestra *сестра* — sestře, víra *вера* — víře.

2. Форма твор. ед. на **-ou** фонетически выводится из первоначальной формы на -ojǫ: ženojǫ>ženǭ>ženū (*др.-чеш.*) >ženou.

3. В род. мн. в группе конечных согласных появляется вставное **-e-** (ср. то же явление в русском языке): sestra — sester, maska — masek, stavba *стройка, строительство* — staveb, panna *девушка* — panen, но vražda *убийство* — vražd, cesta *дорога, путь* — cest, hvězda *звезда* — hvězd.

§ 51. Склонение существительных женского рода мягкой разновидности (тип »duše«)

	Единственное число	*Множественное число*
И.	duše	duše
Р.	duše	duší, ulic
Д.	duši	duším
В.	duši	duše
З.	duše!	=*И.*
П.	(o) duši	(o) duších
Т.	duší	dušemi

Склонение существительных мягкой разновидности типа »duše« восходит к склонению существительных ja-основ. Однако различия, существовавшие между склонением a-основ и ja-основ (*зват. ед.* ženo — duše, *дат.-местн. ед.* ženě — duši, *им.-вин. мн.* ženy — dušě, *род. мн.* ženъ — dušь и др.), еще более углубились в исторический период развития чешского языка вследствие фонетических изменений и аналогических новообразований.

Рассмотрим отдельные формы:

1. В формах им. ед. и твор. мн. представлен результат перегласовки a>e: duš'a>duše, nōš'a>nůše *корзина*, ulic'a >ulice, prác'a>práce; duš'ami>dušemi, ulic'ami>ulicemi и т. п.

2. В род., дат. и предл. пад., а также в зват. форме ед. и в им.-вин. мн. сохранились первоначальные формы ja-основ (не считая изменений ě>e).

3. В форме вин. ед. конечное **-i** появилось в результате перегласовки u>i: duš'u>duši, ulic'u>ulici и пр.

4. В твор. ед. формы nůší, duší и пр. появились фонетически в результате ассимиляции, стяжения и перегласовки гласных из первоначальной формы dušejǫ>dušǭ>dušū (*др.-чеш.*)>duší.

5. В род. мн. старая форма без окончания (ср. dušь>>duš) во многих случаях была вытеснена новой формой на **-í** (duší, nůší, vůlí и т. д.), появившейся под влиянием существительных i-основ (kostí) и ьja-основ (paní). Однако определенные категории существительных этой разновидности сохранили старые формы без окончания. К ним относятся слова на -ice и некоторые на -le: ulice — ulic, borovice *сосна* — borovic, chvíle *минута* — chvil, košile *рубашка* — košil.

Обе формы (с окончанием и старая без окончания) возможны у существительных на -yně и у некоторых других слов: hospodyně *хозяйка* — hospodyň || hospodyní, žákyně *ученица* — žákyň || žákyní, kuchyně *кухня* — kuchyní || kuchyň, jeskyně *пещера* — jeskyní||jeskyň, ovce *овца* — ovec||ovcí. Заимствованные существительные женского рода на -ce (-ace, -ice) форму род. мн. образуют обычно с окончанием **-í:** deklinace — deklinací, redakce — redakcí, но: definice — definicí || definic, posice — posicí || posic.

Примечание. Существительные на -yně (hospodyně, bohyně...) в древнечешском языке оканчивались на -(yn)i: hospodyni. С течением времени это окончание под влиянием типа »duše« было полностью вытеснено окончанием -e (ср. тот же процесс в русском языке: богиня, рабыня и т. п.).

6. В формах дат. и предл. мн. окончания **-ím** и **-ích** трудно объяснить результатом фонетических изменений, так как перед твердыми согласными -m и -ch гласный **a** не имел условий для перегласовки. Можно предположить, что в этих падежах произошло обобщение звукового вида основы на **-e** (duše-), как это было представлено в им.-вин. и твор. мн. и в дат.-твор. двойств. числа, с последующим изменением ē>ie>ī.

В чешских памятниках в дат. мн. нередко встречается окончание -em (dušem, studnicem), а в предл. мн. -ech (ulicech, v mezech), появившиеся под влиянием склонения существительных i-основ.

§ 52. Существительные женского рода на согласный (типы »kost« и »daň«)

	Единственное число		*Множественное число*	
И.	kost	daň	kosti	daně
Р.	kosti	daně	kostí	daní
Д.	kosti	dani	kostem	daním
В.	kost	daň	kosti	daně
З.	kosti!	dani!	=*И.*	=*И.*
П.	(o) kosti	(o) dani	(o) kostech	(o) daních
Т.	kostí	daní	kostmi	daněmi

Как уже отмечалось выше, в склонении существительных женского рода, оканчивающихся в форме им. ед. на согласный основы, в современном языке представлены две разновидности склонения: kost и daň.

Склонение существительных типа »kost« почти целиком восходит к первоначальному склонению существительных женского рода i-основ. Некоторые современные формы, отличающиеся от старых, объясняются результатами фонетических изменений, имевших место в истории чешского языка. Так, форма твор. ед. kostí получилась из *kostьjǫ>>kosťú>kostí (ассимиляция и стяжение гласных, перегласовка 'ū>í), форма род. мн. на -í так же закономерно получилась в результате стяжения конечных гласных: kostьjь>kostьi̯>kostí, в дат. мн. форма kostem получилась из kostьmъ, в предл. мн. — kostech из kostьchъ, в твор. мн. — kostmi из kostьmi. Прочие падежные формы сохранились в чешском языке без изменения.

В современном чешском языке по образцу »kost« склоняются:

1) все имена существительные женского рода на **-st:** moudrost *мудрость, ум*, bolest *боль*, radost *радость*, starost *забота*, část *часть*, čest *честь*, vzdálenost *расстояние* и др.;

2) множество существительных на **-ť, -ď:** oběť *жертва*, paměť *память*, závěť *завещание*, měď *медь*, hnědť *коричневая краска* и др.;

3) значительное количество существительных с основой на прочие согласные (исторически восходящие к i-основам): moc *мощь, власть, сила*, pomoc *помощь*, obuv *обувь*, ocel *сталь*, řeč *речь, язык*, věc *вещь, дело*, lež *ложь*, myš *мышь*, smrt *смерть*, sůl *соль*, ves *деревня* и др.

Примечание. Некоторые падежные формы приведенные существительные образуют по типу »daň«.

Далеко не все существительные женского рода прежних i-основ сохранили свой первоначальный тип склонения. Уже в ранний исторический период развития чешского языка началось интенсивное взаимодействие склонения существительных прежних ja-основ (тип »duša>duše«) и i-основ (тип »kost«). Взаимовлияние этих двух типов склонения существительных с мягким согласным в основе

положило начало формированию новой разновидности склонения существительных женского рода (тип »daň«).

Взаимовлияние существительных указанных типов выразилось в следующем. У некоторых существительных типа »duše« отпал конечный гласный -e, что привело к их совпадению в форме им.-вин. ед. с существительными типа »kost«. Так, *др.-чеш.* púšče>*совр.* poušť *пустыня, глушь*, meze *межа*>mez, rohože *рогожка*>rohož, báně *купол*>>báň, hráze *насыпь, плотина*>hráz, věže *башня*>věž, země *страна, земля*>zem (*совр.* země‖zem).

Совпадение и ряда других падежных форм существительных ja- и i- основ (дат.-предл. ед. duši, kosti, твор. ед. после стяжений kosťú — dušú и др.) повлекло за собой дальнейшую унификацию форм, в результате которой существительные женского рода прежних i- основ начинают принимать флексии склонения существительных прежних ja-основ. Так, почти все существительные на -ň (píseň *песня*, báseň *поэма, стихотворение*, síň *зал*), на -ř (tvář *лицо; щека*, šíř *ширь*), а также бóльшая часть существительных на -č, -ž, -š, -c, -l и -j (zbroj *вооружение*, rozkoš *наслаждение*, mládež *молодежь*, klec *клетка*, hůl *палка* и пр.), ранее склонявшиеся по образцу »kost«, начали принимать в род. ед. и в им.-вин., дат., предл. и твор. пад. мн. числа окончания существительных типа »duše«. Начало процесса относится к очень раннему времени, но активное взаимодействие указанных типов по памятникам чешской письменности зафиксировано в конце XIV — начале XV вв.

Процесс перехода существительных типа »kost« к склонению существительных типа »daň« в современном языке нельзя считать завершенным. Многие существительные, склоняясь по одному из указанных типов, в отдельных падежных формах принимают окончания другого типа. Например, существительные chuť *вкус*, hruď *грудь*, odpověď *ответ*, zeď *стена*, склоняясь по образцу »kost«, в дат.,предл. и твор. мн. могут иметь окончания по образцу »daň« (chutím, zdím ‖ zdem; (o) chutích, zdích ‖ zdech, chutěmi и т. п.). Существительные lež *ложь*, mysl *мысль*, nemoc *болезнь*, noc *ночь*, sůl *соль*, věc *вещь, дело*, склоняясь по образцу »kost«, в твор. мн. имеют окончание **-emi**, а в дат. и предл. мн. у некоторых слов **-ím,-ích**: lež —lžím, lžích, lžemi; nemoc—nemocím ‖ nemocem, nemocích ‖ nemocech, nemocemi, věc—věcem, věcech, věcemi и т. п.

Существительные pečeť, pouť, trať, loď, склоняясь по образцу »daň«, в род. ед. и в им.-вин. мн. наряду с окончанием **-e (-ě)** имеют окончание **-i:** pečetě ‖ pečeti и пр.

По говорам влияние склонения существительных типа »duše« на существительные типа »kost« является еще более широким.

Число существительных, склоняющихся по типу »daň«, увеличилось также за счет существительных на **-ev** (tykev *тыква*, větev *ветка*, krev *кровь*, mrkev *морковь*, církev *церковь*, dratev *дратва*, konev *кувшин*, houžev *гуж, жгут*, broskev *персик*, vikev *вика*, korouhev *хоругвь*), которые в праславянский период относились к ū-основам (точнее, к основам на -ъv-). Уже в старославянском языке система этого склонения (им. ед. **црькы**, род. ед. **црькъве**, дат. ед. **црькъви**) нарушается отдельными формами, образованными по типу i- (твор. ед. **црькъвьӂ**) и a-основ (дат. мн. **црькъвамъ**, местн. мн. **црькъвахъ**, твор. мн. **црькъвами**).

В древнечешском языке в род., дат. и вин. ед. сохранились старые формы склонения этих основ: krve, krvi, krev. Форма вин. ед. krev распространилась на им. ед. Прочие формы стали образовываться по типу существительных i-основ (напр., дат. мн. větvem). Новый тип »daň«, формировавшийся на базе ĭ- и ja-основ, включил в себя и слова на -ev, чему способствовало в значительной степени уже имевшееся совпадение форм: daň— krev, daně — krve, dani — krvi и т. д.

Таким образом, новые формы представлены, собственно, во множественном числе: *им.* větve, *дат.* větvím, *предл.* větvích.

Примечание. В некоторых чешских говорах и в словацком языке образование и склонение существительных на -ev находилось под влиянием существительных a-основ (типа »žena«). Так, напр., в ганацких говорах: mrkva, mrkvy, mrkve и т. д.; в словацком языке: dratva (dratvy), hužva, kanva, но krv — krvi. Ср. то же явление в русском языке (дратва, тыква) и в русских говорах (морква и пр.).

Тип »daň« пополнился также за счет существительных мужского рода, изменивших свой род на женский, таких как krádež *кража*, loupež *грабеж*, obruč *обруч*, faleš *фальшь* и др. Таким образом, новая разновидность склонения существительных женского рода формировалась и пополнялась существительными различных основ: ja-, i- и ū (>ъv)-основ женского рода и jo- и i- основ мужского рода.

§ 53. Судьба склонения существительных прежних ьja-основ и основ на согласные

Тип »paní«

В современном чешском языке особое склонение имеет слово paní, которое раньше относилось к ьja-основам. В результате фонетических изменений (стяжение и перегласовка гласных) склонение существительных типа »paní« значительно отдалилось от склонения существительных ja-основ и почти полностью совпало со склонением прилагательных мягкой разновидности (см. § 64). Отличие представлено только в род. мн. — paní, но letních.

	Единственное число	*Множественное число*
И.-З.	paní	paní
Р.	paní	paní
Д.	paní	paním
В.	paní	paní
П.	(o) paní	(o) paních
Т.	paní	paními

В современном чешском языке по образцу »paní« склоняется небольшая группа личных и нарицательных имен существительных на **-í:** průvodčí *женщина-проводник*, pokladní *кассирша*, Hančí, Maří и др.

Примечание. В древнечешском языке так склонялись существительные жен. рода přědlí (*совр.* přadlena *ткачиха*), švadlí (*совр.* švadlena *швея*), laní (*совр.* laň), lodí (loď *корабль, судно*), pradlí (pradlena *прачка*), а также имена собственные Maří, Žofie, Arabie и заимствованные из латинского языка существительные на -ia и -io: instrukcí (<instructia, *совр.* instrukce) и т. п. Такое же склонение имели и имена существительные муж. рода ьjo-основ: lovčí, krejčí, kočí, sudí и пр. (образец »Jiří«, см. § 41).

Судьба существительных женского рода основ на согласные

В современном чешском языке сохранились остатки форм прежнего склонения существительных женского рода с основой на -r (*праслав.* *mati, *dъkti, *ст.-слав.* **дъшти**).

В древнечешском языке находим существительные máti и dci, которые в косвенных падежах имели основу mateř- и dceř-, а в единственном числе и старые окончания склонения основ на согласные. Ср. ед. ч.: *им.-зв.* máti, *род.* mateře, *дат.* mateři, *вин.* máteř, *предл.* (o) mateři, *твор.* mateřú; мн. ч.: *им.-вин.-зв.* mateře, *род.* mater, *дат.* (mateřem)*, *предл.* (mateřech), *твор.* (mateřmi). Так же склонялось и слово dci. В современном языке сохранились лишь отдельные формы этого архаического склонения: форма dceři в дат.-предл. ед. и máti, máť в им. ед. (последние как архаизмы в книжном языке). Вообще же в современном языке употребляются новообразования matka и dcera, которые склоняются по образцу »žena« (matka — matky, matce; dcera — dcery, dceru, dcerou и т. д.); парадигму нарушает только старая форма (дат.-предл. ед.) dceři.

§ 54. Сокращение долгих корневых гласных у существительных мужского, женского и среднего рода

1. У некоторых односложных существительных м у ж с к о г о рода в форме именительного падежа единственного числа корневой гласный долгий, а в остальных падежных формах единственного и множественного числа при появлении дополнительного слога он выступает как краткий звук. При этом возникают не только количественные, но и качественно-количественные чередования: ů ‖ o, á ‖ a, é ‖ e, í ‖ i, ý ‖ e. Ср. mráz *мороз* — mrazu, hrách *горох* — hrachu, dvůr — dvora, dům — domu, vůz — vozu, kůň — koně, nůž — nože, kůl — kolu, sníh — sněhu, vítr — větru, chléb — chleba.

О характере этого явления см. § 29.

2. У ряда двусложных существительных ж е н с к о г о рода типа »žena« и »duše« также наблюдается качественно-количественное чередование корневых гласных: á ‖ a, í ‖ i, í ‖ e (<ě), ou ‖ u, ů ‖ o. Сокращению подверглись гласные в определенных формах и далеко не у всех существительных:

а) Чаще всего находим сокращение долгого гласного лишь в род. мн.: chvála — chval, jáma — jam, chvíle — chvil, míle — mil, bída — běd, víra — věr, díra — děr, bouda — bud, houba — hub, moucha — much, smlouva — smluv и др.

* В скобки взяты гипотетические формы.

б) У небольшой группы слов долгий гласный может сокращаться во всех падежах мн. числа, кроме им.-вин.-зв., параллельно с сохранением долготы. К таким словам относятся: kráva *корова* (krav, kravám, kravách, kravami), vrána *ворона*, (*род. мн.* vran, *дат.* vránám ‖ vranám, *предл.* vránách ‖ vranách, *твор.* vránami ‖ vranami). То же самое находим у слов žába *лягушка*, tráva *трава*, skála *скала* и некоторых других.

в) У некоторых слов долгий гласный сокращался не только в род., дат., предл. и твор. мн. ч., но и в твор. ед.: rána *рана, удар*, síla *сила*, práce *труд*.

г) У ряда слов в род. мн. представлено сокращение, а в прочих указанных падежах находим колебание: blána *перепонка*, brána *ворота*, čára *линия, черта*, dráha *дорога*, lípa *липа*, míra *мера*, lžíce *ложка*. У существительных kůra *кора* и kůže *кожа* колебание представлено во всех указанных падежах.

3. У некоторых существительных с р е д н е г о рода представлено сокращение в род. мн : dílo *произведение*—děl, jádro *ядро* — jader, játra *печень* — jater, jméno *имя* — jmen, záda *спина* — zad.

Существительные břímě, plémě, rámě, símě, témě имеют долгий гласный только в им.-вин. ед.; во всех прочих формах происходит сокращение: břemene, plemene, ramene, temene.

Чередование долгих и кратких гласных связано с метатонией (новый циркумфлекс), прошедшей в древнейший период развития чешского языка (см. § 19).

§ 55. Остатки форм двойственного числа

1. Для существительных, обозначающих парные предметы, в некоторых падежах сохранились формы утраченного чешским языком двойственного числа.

Так, для существительных oko и ucho, которые в единственном числе стали склоняться по образцу »město«, во множественном числе употребляются следующие формы:

И.-В.	oči	uši
Р.	očí	uší
Д.	očím	uším
П.	(v) očích	(v) uších
Т.	očima	ušima

Формы им.-вин. (oči, uši), род. (očí, uší) и твор. (očima, ušima) падежей восходят к старым формам двойственного числа.

Формы дат. и предл. падежей являются новообразованиями, которые получились механическим присоединением окончаний -m и -ch к форме на **-í.**

Примечание. Если существительные oko и ucho употреблены в переносном значении, то во множественном числе они склоняются по образцу существительных типа »město«:

И.-В.	oka, ucha	*П.*	okách, uchách
Р.	ok, uch	*Т.*	oky, uchy
Д.	okům, uchům		

Ср.: ucha u hrnce *ручки горшка, кастрюли*, oka na polévce *блестки в супе* и пр. Приведенные формы являются новообразованиями.

Остатки форм двойственного числа сохранились в некоторых падежах и у других существительных, обозначающих парные предметы. Так, форма род.-предл. мн. от существительных koleno, rameno *плечо* обычно звучит так: (na) kolenou, (na) ramenou.

2. Существительные ruka и noha имеют во множественном числе следующие формы:

И.-В.	ruce	nohy
Р.-П.	rukou	nohou
Д.	rukám	nohám
Т.	rukama	nohama

Формы род.-предл. и твор. падежей восходят к старым формам двойственного числа; в им. падеже прежнюю форму сохранило только существительное ruka — ruce. Прочие формы являются новообразованиями по образцу существительных женского рода твердой разновидности.

Примечание. Если речь идет о переносном значении существительных ruka и noha, то во множественном числе могут употребляться новообразования во всех падежных формах: noh, ruk, (o) rukách, nohách и пр.

§ 56. Склонение существительных, употребляющихся только в форме множественного числа

В чешском языке, как и в русском, имеется много нарицательных существительных, обозначающих единичные предметы, но употребляющихся только в форме множественного числа: šachy *шахматы*, nůžky *ножницы*, dveře *дверь*, vrata *ворота* и др. Они склоняются по образцу множественного числа существительных мужского, женского или среднего рода твердой или мягкой разновидности. Форму только множественного числа имеют также имена собственные, в первоначальном употреблении имевшие собирательно-разделительный оттенок.

Склонение нарицательных существительных

а) По образцу »hrad« склоняются существительные: kníry *усы*, šachy *шахматы*, výzvědy *разведка* и др.

б) По образцу »žena«: dějiny *история*, hodiny *часы*, narozeniny *день рождения*, nůžky *ножницы*, váhy *весы*, sáňky *санки* и др.

в) По образцу »nůše«: dveře *дверь*, housle *скрипка*, jesle *ясли*, kleště *клещи*, vidle *вилы*, sáně *сани* и др.

г) По образцу »město«: ňadra *грудь*, vrata *ворота*, nosítka *носилки*, játra *печень*, kamna *печь* и др.

Склонение собственных местных имен

Местные имена и названия в своем склонении имеют много интересного, так как формы их нередко представляют старые, вышедшие из употребления образования.

Географические названия нередко представляют образования от имен жителей, населявших данную местность, причем для названия местностей, краев, стран служит вин. мн. тех существительных, им. мн. которых служит для названия народа. Ср., напр.: Uh i *венгры* — Uhry *Венгрия*, Češi *чехи* — Čechy *Чехия*, Bavoři баварцы — Bavory *Бавария*.

Местные географические названия склоняются различно.

а) По образцу »hrady« склоняются: Hradčany, Vinohrady, Karpaty, Brozany, Rokycany и т. п. Однако форму род. мн. они имеют без окончания: Hradčan, Brozan, Vino-

hrad, что является сохранением старой формы род. мн. склонения о-основ.

б) Названия на -ice: Hranice, Budějovice, Košice, Domažlice, Lidice, склоняются как имена существительные женского рода мягкой разновидности (ulice). В род. пад. мн. они также представляют старую форму без окончания: Budějovic, Lidic. В дат. мн. нередко бывает окончание мужского рода -ům: Košířům, Teplicům.

в) Названия стран, земель, городов и гор типа Čechy *Чехия*, Uhry *Венгрия*, Athény *Афины*, Benátky *Венеция*, Tatry и пр. склоняются в современном языке как существительные женского рода твердой разновидности (тип »žena«):

И.-В.	Čechy	*П.*	v Čechách
Р.	Čech	*Т.*	Čechami
Д.	Čechám		

Примечание. Названия стран типа Čechy, Uhry и пр. по происхождению относятся к мужскому роду: им. ед. Čech, им. мн. — Češi, вин. мн. — Čechy. В современном языке склонение этих слов совпало со склонением существительных женского рода. Имеются отдельные формы, свидетельствующие о первоначальной принадлежности их к мужскому роду. Так, предл. пад. от Uhry — (v) Uhrách || (v) Uhřích, твор. пад. — Uhrami || Uhry (устар.).

§ 57. Склонение иностранных слов

Заимствованные существительные в чешском языке в большинстве случаев склоняются по образцу собственно чешских слов. Отнесение заимствованного существительного к тому или иному типу склонения определяется, с одной стороны, в зависимости от характера конечного звука (гласный или согласный, мягкий или твердый согласный) — причем решающим является не правописание, а произношение слова (например, ampére произносится [ampēr] и склоняется по типу »hrad«: ampéra, ampéru и т. д.), — с другой стороны, грамматическим родом и видом основы в языке, из которого слово заимствуется.

Грамматический род заимствованных существительных в чешском языке обычно сохраняется. Так, например, греческие имена среднего рода на -ma: drama, aroma, совпадая по своим окончаниям с чешскими словами женского рода,

склоняются тем не менее как имена существительные среднего рода, сохраняя исконную основу dramat-, aromat-.

У латинских и греческих имен чешские окончания, как правило, присоединяются к основе: tyfus — tyfu, Augustus — Augusta, Aristoteles — Aristotela.

У существительных, заимствованных из французского языка, падежные окончания присоединяются ко всей основе, причем непроизносимый конечный согласный, следующий за гласным, при присоединении окончания начинает произноситься: ср. Thorez [torē], но Thoreze [toreze], Dumas [dyma], но Dumase [dymaze].

1. По образцу »chlap« склоняются:

а) существительные со значением лица, оканчивающиеся на твердый согласный или на -us, -os, -es: Byron — Byrona, Flaubert [flober] — Flauberta, Descartes [dekart] — Descarta, Augustus — Augusta, genius — genia.

б) Существительные на -o или -e (с наращением основы в заимствованиях из латыни): Cicero — Cicerona, Nero — Nerona, Hugo — Huga, Dante — Danta.

2. По образцу »hrad« склоняются существительные с основой на твердый согласный, обозначающие географические названия, отвлеченные предметы и понятия: Peking — Pekingu, New-York — New-Yorku, kapitalismus — kapitalismu, socialismus — socialismu, fotbal — fotbalu и др.

3. По образцу »muž« склоняются существительные со значением лица, оканчивающиеся на -j, -š, -ž, -č, -ř, а также на -s, -z, -c и -x, напр.: Alexej — Alexeje, Mickiewicz [Mick'evič] — Mickiewicze, komisař — komisaře, Engels — Engelse, Marx — Marxe, France [frans] — France [franse], Franceovi [fransovi], Duclos-[dyklo] — Duklose [dykloze].

Примечание. У некоторых существительных на -s наблюдается колебание в склонении между существительными твердой и мягкой разновидности: Alois — Aloise || Aloisa, Amos — Amose || Amosa, Dumas — Dumase || Dumasa.

4. По образцу »město« склоняются следующие существительные:

а) Географические названия и названия предметов на -o: Mexiko, Oslo, Chicago, Borneo, auto, metro.

б) Латинские и греческие существительные среднего рода на -um, -on, -eum, -ium, -uum, -ion: datum, data, datu ...,

faktum — fakta, museum — musea, lexikon — lexika, gymnasium — gymnasia, individuum — individua.

Существительные среднего рода на -ium, -eum, -uum, -ion в им.-вин.-зв. мн. имеют формы по образцу »město«, а в прочих падежах мн. числа — по образцу »moře«: gymnasií, muzeí (*род. мн.*), gymnasiím, muzeím (*дат. мн.*), (o) gymnasiích, muzeích (*предл. мн.*), gymnasii, muzei (*твор. мн.*).

в) Греческие существительные на -ma с неравносложными основами: klima — klimatu, aroma — aromatu, drama — dramatu.

Примечание. Падежные окончания у этих существительных присоединяются к основе на -mat-. В род. ед. они имеют окончание -u: axioma — axiomatu и пр.

5. По образцу »žena« склоняются:

а) Собственные имена существительные женского рода на -a: Moskva, Čína *Китай*, brigáda и т. п.

б) Личные имена на -o, -as, -es, -is с неравносложными основами: Dido — Didony, Hellas — Hellady, Pallas — Pallady, Alexandreis — Alexandreidy и т. п.

6. По образцу »duše« склоняются существительные на -e, -ie: diskuse, lóže, Asie, Indie, komise, praxe, historie.

Существительные на -ea (idea, Korea и т. п.) имеют смешанное склонение, образуя формы как по образцу твердой, так и мягкой разновидности.

Единственное число	*Множественное число*
И. idea	idey, ideje
Р. idey, ideje	idejí
Д. ideji	ideám, idejím
В. ideu	idey, ideje
З. ideo!	=*И.*
П. (o) ideji	(o) ideách, idejích
Т. ideou, idejí	ideami, idejemi

7. По образцу »daň« склоняются существительные женского рода на мягкие и шипящие согласные: Sibiř *Сибирь*, Paříž *Париж*, Kodaň *Копенгаген* и др.

8. Славянские фамилии на -ij, -oj (Gorkij, Tolstoj) склоняются по образцу прилагательных твердой разновидности типа »mladý«: Gorkij — Gorkého, Majakovskij — Majakovského, Tolstoj — Tolstého (см. § 64).

9. Собственные имена и фамилии на -i, -y типа Bondy, Benoni в род.-вин. пад. имеют окончание **-ho** (Bondyho, Benoniho), в дат. **-mu** (Bondymu, Benonimu), в предл. и твор. **-m** (Bondym, Benonim).

10. Нередко иностранные слова, отличные от чешских общим звуковым видом, не склоняются вообще: Baku, Tbilisi, Soči; Waterloo [vaterlō], revue, ragout [ragū], klišé и пр.

ИМЕНА ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ

§ 58. По значению имена прилагательные в чешском языке, так же как и в русском, делятся на качественные, обозначающие качество как непосредственно воспринимаемый признак предмета, который может представляться в большей или меньшей степени (velký dům *большой дом*, krásné dítě *красивый ребенок* и пр.), относительные, выражающие признак через его отношение к предмету (mužský oblek *мужской костюм*, plechová střecha *железная крыша*, dnešní zpráva *сегодняшнее сообщение*) и притяжательные прилагательные, указывающие на принадлежность предмета (sestřina kniha *книга сестры*, bratrův přítel *друг брата*; dívčí tvář *девичье лицо*).

Каждая из указанных групп прилагательных имеет свои грамматические признаки и отличается особым синтаксическим употреблением.

По форме мы различаем полные и краткие прилагательные. Притяжательные прилагательные на -ův, -in имеют только краткую форму, относительные — только полную. Качественные прилагательные, выступая в основном в полной форме, могут иметь в некоторых случаях и краткие формы.

Качественные и относительные полные прилагательные подразделяются на твердую и мягкую разновидности, в зависимости от качества конечного согласного основы: zdravý (muž), zdravá (žena), zdravé (dítě); letní (den), letní (noc), letní (jitro).

Краткие прилагательные представляют собой именные формы, и их окончания в им. пад. совпадают с окончаниями существительных твердой разновидности: zdráv (как

bratr), zdráva (как žena), zdrávo (как město). Именные формы представлены также у притяжательных прилагательных, образованных при помощи суффиксов -ův, -ova, -ovo; -in, -a, -o: otcův, otcova, otcovo; matčin, -a, -o.

Имена прилагательные изменяются по родам (*муж. р.* dobrý, *жен. р.* dobrá, *ср. р.* dobré; zdráv, zdráva, zdrávo; bratrův, bratrova, bratrovo), числам (*ед. ч.* dobrý — *мн. ч.* dobří, dobré) и падежам (кроме кратких), хотя форма рода, числа и падежа у прилагательных не самостоятельна, а зависит от рода, числа и падежа того имени существительного, с которым согласуется данное прилагательное (nový dům, nová kniha, nové dílo *новое произведение*, nové domy, nová divadla *новые театры*). В отличие от русского языка, прилагательные в чешском языке имеют родовые различия и во множественном числе: dobří soudruzi *хорошие товарищи*, dobré ženy *хорошие женщины*, dobrá slova. Кроме того, прилагательные, относящиеся к существительным мужского рода одушевленным, выражают категорию одушевленности не только в вин. ед., но и в им. мн. Ср. им. мн. noví spisovatelé *новые писатели*, но nové domy *новые дома*.

§ 59. Краткие прилагательные

1. В современном чешском языке краткие прилагательные соотносительны лишь с небольшим количеством качественных прилагательных, причем только твердой разновидности: zdráv, -a, -o — zdravý, -á, -é, nemocen — nemocný, stár — starý, mlád — mladý, mrtev — mrtvý, laskav — laskavý, schopen — schopný, hoden — hodný, šťasten — šťastný и некоторые другие.

Краткое прилагательное rád (-a, -o) не имеет соответствующей полной формы.

Примечание. Краткие прилагательные, имеющие корневой долгий гласный, сокращают его в полных формах: mlád — mladý, sláb — slabý и т. п.

Краткие прилагательные в современном языке не могут выступать в функции определения. Они употребляются только в качестве именной части сложного или составного сказуемого: bratr je nemocen *брат болен*, vrátil se vesel

он вернулся веселым, chlapec chodí bos *мальчик ходит босиком*.

Так же как и в русском, краткие прилагательные в современном чешском языке не склоняются и как правило употребляются лишь в именительном падеже обоих чисел всех трех родов (чаще всего в мужском роде). В отличие от русского, в чешском языке различие родовых окончаний сохраняется и во множественном числе: otec je zdráv, matka je zdráva, dítě je zdrávo; bratři jsou zdrávi, sestry jsou zdrávy, děvčata jsou zdráva. Изредка, обычно в устаревших выражениях или в книжном языке, краткие прилагательные встречаются в форме вин. ед.: Viděl jsem ho nemocna. *Я видел его больным*. Некоторые краткие прилагательные встречаются в современном языке только в форме мужского рода: mlád, stár и др.

Краткие формы прилагательных в современном языке употребляются только тогда, когда речь идет о людях. Если же речь идет о предметах неодушевленных или о животных, употребляются полные формы прилагательных. Ср.:

Člověk byl mrtev. — Zajíc je mrtvý.
Bratr není zdráv. — Místo není zdravé.

Если по отношению к лицу в качестве именной части сказуемого может быть употреблено и полное и краткое прилагательное, то, как и в русском языке, краткая форма употребляется для обозначения временности признака, а полная — для обозначения его постоянства: Dnes jsem zdráv. *Сегодня я здоров.* — Jsem zdravý. *Я здоровый (вообще)*.

Краткие прилагательные нередко обособляются в своем значении от соответствующих полных прилагательных. Ср.: Byl hluch k naší prosbě. *Он был глух к нашей просьбе.* — Je hluchý. *Он глухой.* Обособление лексического значения приводит к тому, что у кратких прилагательных развиваются новые синтаксические связи, падежные управления. Ср.: Není schopen té práce. *Он не способен к этой работе.*

Категория кратких прилагательных в современном языке непродуктивна. Краткие прилагательные в настоящее время являются принадлежностью литературного, книжного языка. В живой разговорной речи и в диалектах они

почти полностью вытеснены полными формами прилагательных.

2. Уже в древнейший период развития отдельных славянских языков категория кратких (именных) прилагательных начала сужаться и разрушаться.

В древнечешском языке до XIV в. имелись краткие прилагательные двух образцов: chud, -a, -o и pěš, pěša (>pěše), pěše. Прилагательные с твердым согласным в основе первоначально склонялись по образцу существительных мужского и среднего рода o-основ (»chlap«, »město«) и по образцу женского рода a-основ (»žena«), а прилагательные с мягким согласным в основе склонялись по образцу существительных jo- и ja-основ (т. е. как »muž«, »pole«, »duša«).

Формы типа »pěš, pěše« уже в XIV в. были устаревшими и употреблялись только в именительном падеже единственного, двойственного и множественного числа, реже — в вин. падеже. В дальнейшем этот тип склонения совершенно исчезает.

Краткие прилагательные твердого образца типа »chud, -a, -o« сохранялись дольше. К началу XIV в. они имеют все формы единственного числа, кроме звательной формы и твор. падежа, а в двойственном и множественном числе формы именительного падежа. В прочих падежах находим обычно полные формы.

Различие в употреблении форм полных и кратких прилагательных представлено уже в период древнейших чешских памятников. Полные формы прилагательных выступают в качестве определения, в то время как краткие (именные) чаще употребляются в функции глагольного дополнения (именная часть сложного или составного сказуемого) и лишь изредка в функции определения: dobro jutro, svat večer, pln měsiec, Hora Kutna, na veliku noc, z plna hrdla. Это изменение синтаксической функции кратких прилагательных, очевидно, и повлекло за собой разрушение системы склонения кратких прилагательных. Краткие формы прилагательных в роли определения в дальнейшем сохранились лишь в географических названиях (Hora Kutna), в фамилиях (Zelendub, Dluh-Jan) и в некоторых других застывших, имеющих уже наречный характер, выражениях: z čista jasna *ни с того ни с сего, как снег на голову*; nabíledni *ясно, очевидно.*

Следствием распада кратких прилагательных как грамматической категории уже в древнечешском языке явился их переход в другие части речи, в частности, в наречия, существительные.

В современном языке имеется очень много наречий, которые представляют различные падежные формы кратких прилагательных. Так, к им.-вин. ед. среднего рода кратких прилагательных восходят наречия teplo, parno, chladno, daleko, blízko, těžko *тяжело*, lehko и др. В сочетаниях с предлогом na застыла форма вин. ед. среднего рода: nalevo, najevo: dáti najevo *обнаружить, проявить, дать понять*; наречия docela *совсем, совершенно*, zdaleka *отдаленно*, zcela *абсолютно*, odmalička *сызмальства* и др. восходят к формам род. ед. с различными предлогами, а наречия pomalu *медленно*, ponenáhlu *постепенно* — к формам дат. ед. Наречия dobře *хорошо*, zle *плохо*, špatně *плохо*, vesele *весело*, velice *очень*, sladce *сладко*, krásně *прекрасно* и т. п. являются застывшими формами местн. пад., а málem *почти, чуть не*, mnohem *намного*, skorem *почти* — твор. пад. ед. числа. Наречия на -y: česky, rusky и пр. представляют старую форму твор. мн. мужского и среднего рода (подробнее см. § 105).

Большую группу составляют и субстантивированные краткие прилагательные, представляющие как имена собственные, так и нарицательные: mokro *мокрота*, teplo *тепло*, ticho *тишина*, vlhko *сырость*, dobro *добро*, ráno *утро* и пр. Среди собственных имен находим географические названия: Polsko, Rusko, Vrbno (от vrbný), Milevsko (milevský) и пр., фамилии и имена Mlád, Zlat, Vesel, Moudr, Bèla, Blažena. В собственных именах краткие прилагательные нередко выступают и как составная часть имени: Svatopluk (svat-), Ludmila, Božemila (-mila), Brzobohatý (brzo-).

Многие формы кратких прилагательных легли в основу слов, входящих в категорию состояния: smutno, veselo, rád и пр.

* * *

Кроме рассмотренных выше кратких прилагательных именные формы имели также притяжательные прилагательные с суффиксами -ův и -in: bratrōv>bratrův, sestřin>ses-

třin, некоторые порядковые числительные (čtvrt, desát — *совр.* čtvrtý, desátý), собирательные числительные (desatero), причастия прошедшего времени на -l (nesl) и страдательные причастия типа »nesen, kryt« (см. соответствующие разделы).

§ 60. Притяжательные прилагательные

Рассмотрение притяжательных прилагательных начнем с их образования, значения и употребления в современном чешском языке.

1. Притяжательные прилагательные на -ův, -ova, -ovo; -in, -a, -o образуются от существительных, обозначающих лица мужского и женского рода, и изредка (главным образом при персонификации) от названий животных. От существительных мужского рода притяжательные прилагательные образуются посредством присоединения суффикса **-ův** для мужского рода, **-ov(a)** для женского и **-ov(o)** для среднего рода: bratr — bratrův přítel *друг брата*, bratrova kniha *книга брата*, bratrovo pero *перо брата*; otec — otcův, otcova, otcovo, Jan — Janův, Janova, Janovo.

От существительных женского рода притяжательные прилагательные образуются посредством присоединения к основе существительного суффикса **-in** (для мужского рода без окончания, для женского с флексией **-a**, для среднего **-o**): Helena — Helenin bratr *брат Елены*, Helenina kniha *книга Елены*, Helenino okno *окно Елены*; liška *лисица* — liščin, -a, -o.

Примечание. Согласные основы k, ch, h, g и r перед суффиксом -in чередуются: k||č, ch||š, h||ž, g||ž, r||ř: babička *бабушка* — babiččin, macecha *мачеха* — macešin, Olga — Olžin; sestra *сестра* — sestřin.

2. Притяжательные прилагательные с суффиксами -ův (-ova, -ovo), -in (-a, -o) выражают прямую принадлежность единичному, конкретному лицу (otcův klobouk *шляпа отца*, sestřina kniha *книга сестры* и пр.). Но, в отличие от русского языка, притяжательные прилагательные в чешском языке могут выражать и другие отношения. Так, употребляясь при названиях улиц, различных учреждений

и в прочих названиях по имени или в честь кого-либо, притяжательные прилагательные выражают не прямую, а мнимую принадлежность: Smetanovo museum *музей Сметаны*, Jungmannova třída *улица Юнгманна*, Karlův most *Карлов мост*, Lomonosovova universita *Университет им. Ломоносова*, Leninova knihovna *библиотека им. Ленина*.

Кроме указанных значений, притяжательные прилагательные могут выражать следующие синтаксические отношения. Так, в словосочетании Husovo upálení *сожжение Гуса* притяжательное прилагательное выступает в качестве прямого дополнения, в словосочетании Husova doba *эпоха Гуса* выражает временно́е отношение, в словосочетании Jiráskův kraj *край Ирасека* определяет место, в словосочетании sestřina choroba *болезнь сестры* — носителя какого-либо качества.

Употребление притяжательных прилагательных с суффиксом -ův (-ova, -ovo), -in (-a, -o) в современном языке возможно в том случае, когда речь идет о выражении принадлежности единичному владельцу, грамматически выраженному одним словом. Если же выражается принадлежность группе или представителю определенной категории лиц, то употребляется родительный падеж принадлежности (povinnost otce *обязанность отца*, т. е. каждого, всякого отца), или же прилагательные на -ský, -ovský, -í со значением принадлежности, свойственности определенной категории лиц или животных: mužský hlas, žákovská knížka, dívčí tvář *девичье лицо*, ptačí hnízdo *птичье гнездо*.

Притяжательные прилагательные не употребляются также при выражении принадлежности нескольким определенным лицам. В этом случае употребляется родительный падеж множественного числа, напр., dům bratrů *дом братьев* (известных, определенных).

Притяжательные прилагательные не употребляются также в следующих случаях:

а) Если существительное, обозначающее владельца, имеет при себе грамматическое определение. Ср.: matčina rada *совет матери*, но rada naší matky; Čapkovy povídky *рассказы Чапека*, но povídky Karla Čapka.

б) От существительных среднего рода, за исключением фамилий, по происхождению относящихся к среднему роду.

Ср.: hračka dítěte *игрушка ребенка*, но Dítětova kniha *книга Дите*.

в) От существительных женского рода с суффиксом -ice: zkušenost dělnice *опыт работницы*.

г) От субстантивированных прилагательных и фамилий, совпадающих по форме с прилагательными: byt Veselého *квартира Веселого*, spisy Dobrovského *сочинения Добровского*, chalupa hajného *домик лесника* и пр.

§ 61. Склонение притяжательных прилагательных

Падеж	Единственное число		
	Мужской род	Женский род	Средний род
И.	bratrův	bratrova	bratrovo
Р.	bratrova	bratrovy	bratrova
Д.	bratrovu	bratrově	bratrovu
В.	bratrova (*одуш.*) bratrův (*неодуш.*)	bratrovu	bratrovo
П.	(o) bratrově, -ovu	(o) bratrově	(o) bratrově, -ovu
Т.	bratrovým	bratrovou	bratrovým

Падеж	Множественное число		
	Мужской род	Женский род	Средний род
И.	bratrovi (*одуш.*) bratrovy (*неодуш.*)	bratrovy	bratrova
Р.	bratrových	bratrových	bratrových
Д.	bratrovým	bratrovým	bratrovým
В.	bratrovy	bratrovy	bratrova
П.	(o) bratrových	(o) bratrových	(o) bratrových
Т.	bratrovými	bratrovými	bratrovými

1. Так же как bratrův, -ova, -ovo склоняются притяжательные прилагательные с суффиксом -in (-a, -o): matčin, -a, -o, sestřin, -a, -o и пр.

2. В единственном числе, за исключением формы творительного падежа, притяжательные прилагательные сохранили формы именного склонения. Во множественном числе именные формы сохранились лишь в именительном и винительном падеже. В прочих падежах (т. е. в твор. ед. и в род., дат., предл. и твор. мн.) притяжательные прилагательные склоняются так же, как полные (местоименные) прилагательные (см. § 64).

3. Влияние полных форм прилагательных на склонение притяжательных прилагательных обнаруживается с древнейших времен.

Так, к началу XIV в. находим почти ту же парадигму склонения притяжательных прилагательных, что и в современном языке. В разговорной речи и по диалектам наблюдается еще более значительное воздействие склонения полных форм прилагательных на притяжательные прилагательные, напр.: bratrův syn, bratrovýho syna, bratrovýmu domu, na bratrovým poli и т. п. Иногда полная форма проникает и в им. ед.: sousedove pole (ляшские говоры), иногда употребляются обе формы: sousedovo и sousedové. На юге Чехии для всех родов и чисел употребляется одна застывшая форма на -ovo: mužovo bratr (см. тексты на стр. 306).

4. В древнечешском языке возможность образования и употребления форм притяжательных прилагательных была значительно шире. Так, памятники чешской письменности указывают на употребление притяжательного прилагательного в том случае, когда при нем имеется грамматическое определение, выраженное прилагательным или существительным: krev Abelova Spravedlivého, syn krále Herdóv.

Более того, форму притяжательного прилагательного могли иметь два существительных, одно из которых является грамматическим определением к другому: dvór králóv Václavóv *двор короля Вацлава*. В некоторых случаях, так же как в древнерусском языке, образование притяжательных прилагательных было возможно от существительных неодушевленных: miesto kamenovo *каменный город, город из камня*.

С течением времени образование и употребление притяжательных прилагательных с суффиксом -ův, -in в чешском языке становилось все более ограниченным. Однако по сравнению с русским языком, где образование притяжательных прилагательных на *-ов, -ин* весьма ограниченно (ср. мамин, отцов, бабушкин и пр.), а именное склонение почти полностью утрачено, категорию притяжательных прилагательных в чешском языке можно считать более продуктивной.

§ 62. Существительные, восходящие к притяжательным прилагательным

По происхождению к притяжательным прилагательным восходят:

а) Названия городов и населенных пунктов, образованные от имени основателя того или иного города или села, владельца какой-либо местности и пр. Напр.: Benešov (<Beneš+ov(ъ), Miletín (Milata+in>Miľatin>Miletín). Ср. аналогичные образования в русском языке: Киев (от Кый), Александров и пр.

б) Фамилии славянского происхождения на -ov, -in, которые в чешском языке, в отличие от русского, сохранили старое именное склонение и в форме твор. ед.: Petrovem, Puškinem, — а также несклоняющиеся фамилии чешского происхождения на -ů типа Pavlů, Macků, Tomášů, восходящие к формам притяжательных прилагательных на -ův с отпавшим v: Macků(v) (от Macek), Pavlů(v) (от Pavel) и пр.

в) Женские фамилии, образованные от мужских фамилий при помощи суффикса -ov(á): Novák — Nováková, Čapek — Čapková, Helcl — Helclová и пр.

Примечание. Однако женские фамилии склоняются в современном языке по образцу полных прилагательных твердой разновидности (см. § 64).

г) На большей части чешской языковой территории им. мн. притяжательных прилагательных служит для обозначения всех членов семьи, иногда только супругов, иногда же означает их дом, хозяйство, имение. Напр.: Novákovi *семья Новак*, manželé Vysušilovi *супруги Висушилы*, učitelovi *члены семьи учителя*.

Примечание. По диалектам в этом случае употребляется форма на -ovic (-ojic, -ojc): Novákovic, učitelovic, kantorovic и т. п.

§ 63. Притяжательные прилагательные на -í

1. Кроме притяжательных прилагательных с суффиксами -ův и -in, в чешском языке имеются притяжательные прилагательные на **-í**: dívčí *девичий*, rybí *рыбий, рыбный*, ovčí *овечий*, holubí *голубиный* и т. п. Они образованы, главным образом, от названий животных и, в отличие от прилагательных на -ův, -in, выражают принадлежность, свойственность определенной группе лиц, чаще — животных.

Первоначально указанные прилагательные имели такое же склонение, как существительные ьjo-, ьja-основ, т. к. по своему происхождению они представляют образования с древнейшим суффиксом -jь, -ja, -je. Однако уже в самых старых памятниках чешской письменности почти все формы этих прилагательных совпадают с формами местоименных прилагательных типа »letní« (см. § 64), оказавших на их склонение существенное влияние.

В современном языке прилагательные на -í склоняются по образцу полных прилагательных мягкой разновидности (см. § 64).

2. Суффикс -jь входил также в образование притяжательных прилагательных от собственных имен. Ср.: Litomyšl (L'utomysl+jь), Olomouc (Olomút+jь), Boleslav (Boleslav+jь), Kněž most (<kъnęg+jь). Ср. аналогичные образования в русском языке: Ярославль (<Ярослав++ль<jь), Владимир (*др.-рус.* Владимир-ь), Перемышль и пр.

Образования этого рода склонялись по образцу существительных jo-основ (тип »muž«). С течением времени они субстантивировались, в некоторых случаях изменив свой род. Так, Olomouc и Plzeň в современном чешском языке женского рода, хотя первоначально они были мужского рода.

§ 64. Полные (местоименные) прилагательные твердой и мягкой разновидности

1. Полные прилагательные в современном языке в зависимости от окончания делятся на прилагательные твердой и мягкой разновидности. Прилагательные твердой разновидности имеют твердый согласный основы и различные родовые окончания: mladý (muž), mladá (žena), mladé (děvče), прилагательные мягкой разновидности для всех родов имеют окончание **-í** с предшествующим мягким или бывшим мягким согласным основы: letní (den), letní (noc), letní (slunce).

Склонение прилагательных твердой разновидности

Падеж	Единственное число		
	Мужской род	Женский род	Средний род
И.	mladý	mladá	mladé
Р.	mladého	mladé	mladého
Д.	mladému	mladé	mladému
В.	mladý, mladého	mladou	mladé
П.	mladém	mladé	mladém
Т.	mladým	mladou	mladým

Падеж	Множественное число		
	Мужской род	Женский род	Средний род
И.	mladí, mladé	mladé	mladá
Р.	mladých	mladých	mladých
Д.	mladým	mladým	mladým
В.	mladé	mladé	mladá
П.	mladých	mladých	mladých
Т.	mladými	mladými	mladými

Склонение прилагательных мягкой разновидности

Падеж	Единственное число		
	Мужской род	Женский род	Средний род
И.	letní	letní	letní
Р.	letního	letní	letního
Д.	letnímu	letní	letnímu
В.	letní, letního	letní	letní
П.	letním	letní	letním
Т.	letním	letní	letním

Падеж	Множественное число		
	Мужской род	Женский род	Средний род
И.	letní	letní	letní
Р.	letních	letních	letních
Д.	letním	letním	letním
В.	letní	letní	letní
П.	letních	letních	letních
Т.	letními	letními	letními

По образцу прилагательных твердой разновидности склоняются также фамилии на -ý, -á типа Dobrovský, Novotná, субстантивированные прилагательные типа hajný *лесник*, ponocný *ночной сторож*, komorná *горничная*; адъективированные причастия типа minulý *прошедший*, opilý *пьяный* и пр.

По образцу прилагательных мягкой разновидности склоняются: притяжательные прилагательные типа orlí *орлиный*, dívčí *девичий*, kozí *козий*; отглагольные прилагательные типа šicí *швейный*, koupací *купальный*; действительные причастия настоящего и прошедшего времени: bijící *бьющий*, prosící *просящий*; субстантивированные прилагательные: vrchní *старший*; субстантивированные причастия: pracující *трудящийся*, vedoucí *заведующий*, *руководитель*.

Замечания к образованию и склонению полных прилагательных

1. Долгие гласные -ý, -á, -é в форме им. ед. у прилагательных твердой разновидности получились фонетически в результате стяжения групп гласных:

муж. р.	dobrъ	+	(jь)	>	dobrŭ̯i	> dobrý
жен. р.	dobra	+	ja	>	dobrá	
ср. р.	dobro	+	je	>	dobré	

(См. Фонетика, § 25.)

2. Закономерный результат фонетических изменений представлен также в следующих формах:

В единственном числе:

	жен. род			
Р.	dobry	+	je (<jě)	>dobré
В.	dobrǫ	+	jǫ	> dobrū > dobrou
Т.	dobrojǫ			>dobrū>dobrou

Во множественном числе:

И.	муж. р. (*одуш.*) dobri+ji>dobří>dobří
И.-В.	жен. р. и муж. (*неодуш.*) dobry+jě>dobré
И.-В.	ср. р. >dobra+ja>dobrá
Р.	dobry+jich>dobrých
Д.	dobry+jim>dobrým
Т.	dobry+jimi>dobrými

(Подробнее см. Фонетика, § 25.)

3. Прочие падежные формы прилагательных в чешском языке не соотносятся фонетически ни с общеславянскими, ни со старославянскими формами. Так же как и в русском языке, склонение прилагательных в чешском языке формировалось под воздействием местоименного склонения. Если для русского языка следует принимать во внимание влияние указательного местоимения «тот, та, то», то в чешском языке на склонение прилагательных оказали влияние формы притяжательных местоимений můj (<mōj), *род.* mého, *дат.* mému, *местн.* (o) mém; tvůj (<tvōj), tvého, tvému и т. д. Фонетически невозможно вывести из форм *dobra-jego (*род. ед.*) и *dobrujemu (*дат. ед.*) современные формы род. и дат. ед. муж. и ср. рода dobrého, dobrému, встречающиеся в чешском языке с самых древнейших времен, а также форму предл. (местн.) ед. муж. и ср. рода dobrém из древнечешской dobrіem (<*dobrě̆jemь) и форму дат.-местн. ед. жен. рода dobré из древнечешской формы dobrіej(*<ěi̯). В последних случаях в древнечешских текстах наряду с новообразованиями встречаются старые формы, т. е. nové, dobré ‖ noviej, dobřiej, novém ‖ noviem.

Многие чешские и польские ученые однако полагают, что формы род., дат. и др. падежей представляют результат ассимиляции и стяжения: aje>é, uje>é и т. д.

4. У прилагательных мягкой разновидности кроме процесса стяжения гласных прошла также перегласовка **а** и **u** после мягких согласных основы:

Им. пад.	муж. р.	pěšьjь >	pěšĭi̯	>	pěší
	жен. р.	pěšaja >	pěš'ā	>	pěšie>pěší
	ср. р.	pěšeje >	pěšie	>	pěší

В результате фонетических изменений произошло совпадение форм всех трех родов в одной форме pěší.

5. В род. и дат. падежах ед. числа муж. и ср. рода ē в долгом слоге изменилось в ie>í: pěšieho>pěšího, pěšiemu >pěšímu; *местн. ед.* pěšijemь>pěšiem>pěším.

6. В женском роде в результате значительных фонетических изменений формы всех падежей ед. числа совпали в одной — pěší:

род. pěšejě > *др.-чеш.* pěšie>pěší
дат.-местн. pěši(i̯)i>pěší
вин. pěšǫjǫ>pěšū>pěší **и т. д.**

7. В чешском языке, в отличие от русского языка, у прилагательных твердой разновидности в им. пад. мн. ч. сохранилось различие родовых окончаний. Ср.: муж. род (*одуш.*) noví (<noviji) sousedé *новые соседи*, жен. род nové (<novyjě) boty *новые ботинки*, ср. род nová (<novaja) města *новые города*.

В мужском роде кроме формы на -í, употребляющейся только с существительными одушевленными, для существительных неодушевленных стала употребляться форма вин. мн. на **-é:** dobří přátelé *добрые друзья*, noví žáci *новые ученики*, но vysoké domy, husté lesy.

Примечания. 1. Перед окончанием -í у прилагательных, относящихся к существительным одушевленным, представлен результат чередования согласных k‖c, h‖z, ch‖š, r‖ř и групп согласных sk‖šť, ck‖čť: blízký — blízcí (přátelé), drahý — drazí (soudruzi), hluchý — hluší (starci), dobrý — dobří (bratři), český — čeští (studenti), německý — němečtí (dělníci). Бóльшая часть приведенных чередований унаследована чешским языком от праславянского периода. Чередование r‖ř появилось в истории чешского языка. Все чередования в настоящее время имеют морфологический характер.

2. В чешских говорах, так же как и в русском языке, в им. мн. для всех трех родов употребляется одна форма: chudý lidi (*вм.* chudí), chudý ženy (*вм.* chudé), chudý města (*вм.* chudá). Эта же форма представлена в вин. мн .Она получилась фонетически из формы вин. мн. chudé, т. к. é>[í] (после твердых согласных пишется ý).

8. В вин. пад. ед. ч. муж. рода, так же как и в русском языке, прилагательное принимает то форму род. пад., то форму, равную им. пад., в зависимости от одушевленности и неодушевленности существительного, к которому оно относится: vidím vysokého člověka *я вижу высокого человека*, но vidím vysoký strom *я вижу высокое дерево*.

9. В твор. пад. мн. ч. прилагательные принимают окончание **-ma**, если относятся к существительным, сохранившим формы двойственного числа: svýma krásnýma očima *своими красивыми глазами*, vlastníma rukama *собственными руками*.

§ 65. Степени сравнения прилагательных

В чешском языке, так же как и в русском, степени сравнения свойственны, в основном, качественным прилагательным; от относительных они образуются лишь тогда, когда прилагательное употреблено в качественном значении. Однако в чешском языке простые степени сравнения распространены больше, чем в русском, хотя употребляются и описательные формы, состоящие из наречий и прилагательных: velmi krásný *очень красивый*, více krátkozraký *более близорукий*, neobyčejně silný *необычайно сильный*, (nej)méně vhodný *менее (всего) подходящий, (наи)менее удобный*.

Образование простых степеней сравнения

1. Формы сравнительной степени прилагательных в современном языке образуются при помощи суффиксов -ejší (-ější), -ší и -í.

а) С суффиксом -ejší (-ější) формы сравнительной степени образуются от большого количества прилагательных (на -ský, -cký, -lý, -vý, -ný, -tý, -rý, -í и нек. др.): nový — novější, smělý — smělejší, bílý — bělejší, krásný — krásnější, moudrý — moudřejší, přátelský — přátelštější.

б) От ряда прилагательных сравнительная степень образуется с помощью суффикса -ší: starý — starší, tvrdý — tvrdší, čistý — čistší, slabý — slabší и пр.

В этом случае суффиксы основы -k, -ok при образовании форм сравнительной степени выпадают, а суффикс -ší присоединяется непосредственно к корню: sladký — sladší, hluboký — hlubší, vysoký — vyšší, krátký — kratší, blízký — bližší.

в) С суффиксом -í сравнительная степень образуется только от некоторых прилагательных на -ký: lehký — lehčí, měkký *мягкий* — měkčí, tenký *тонкий* — tenčí, vlhký *влажный, сырой* — vlhčí и пр.

При образовании сравнительной степени происходит чередование согласных и групп согласных основы: ch‖š,

h‖ž, k‖č, r‖ř, sk‖šť, ck‖čť, z‖ž, s‖š: suchý — sušší, ubohý — ubožejší, drahý — dražší, divoký — divočejší, lehký — lehčí, moudrý — moudřejší, lidský — lidštější, praktický — praktičtější, úzký — užší, vysoký — vyšší; однако не все чередования находятся перед всеми суффиксами; так, чередования r‖ř, sk‖šť, ck‖čť находим только перед суффиксом -ejší (-ější) (ср. moudřejší, но starší), чередования z‖ž, s‖š — только перед суффиксом -ší (ср. užší, но cizejší, hezčí), перед суффиксом -í чередуется только k‖č.

г) У нескольких прилагательных формы сравнительной степени образуются от другой основы: malý *маленький* — menší, velký *большой* — větší, dobrý *хороший* — lepší, zlý *плохой, дурной* — horší. (Ср. то же явление в русском языке: хороший — лучше, малый (маленький) — меньше, плохой — хуже и пр.).

2. Превосходная степень в современном языке образуется от сравнительной путем присоединения к последней префикса nej- (<naj-): nový — novější — nejnovější, drahý — dražší — nejdražší, lehký — lehčí — nejlehčí, velký — větší — největší.

Формы сравнительной и превосходной степени характеризуются категориями рода, числа и падежа; они склоняются как полные прилагательные мягкой разновидности (см. § 64).

3. В древнечешском языке (до XV в.) засвидетельствованы именные формы сравнительной степени двух видов: к р а т к а я — chuzí (*первоначальное* chuzь), chúze и д о л г а я форма — bohatěji, bohatějše. Различие кратких и долгих форм сравнительной степени связано с их происхождением. Оно было унаследовано от праславянского периода и другими славянскими языками. Формы сравнительной степени прилагательных образовались при помощи суффиксов: -jьs, -jes и -ějьs, -ějes. Суффиксы -jes, -ějes (с е после j) входили в образование только формы им.-вин. ед. ср. рода. Основа косвенных падежей распространялась j, который в сочетании с s суффикса давал š. (Ср. формы chuzše, bohatějše и др.).

Формы сравнительной степени прилагательных мужского и женского рода образовывались при помощи суффиксов -jьs, -ějьs.

В древнечешских памятниках формы сравнительной степени прилагательных представлены не во всех падежах и числах. Так, в единственном числе в мужском и среднем роде засвидетельствованы почти все формы, а в женском роде — лишь формы им. и вин. падежа. Во множественном числе зафиксирован только им. падеж всех родов. Ср. примеры:

Им. ед. муж. р. chuzí (*chud+jьs-), lepí, draží (*dorg++jьs-), vyší (*vys+jьs-) и bohatěji, raději, hotověji (долгота на í нефонетического происхождения).

Им. ед. ср. р. chúze (*chud+jes-) и новообразование chuzše, lépe, méně, výše, bohatějše, dražše.

Род. ед. муж. и ср. р.: chuzše (<-ša), bohatějše (<-ša).

Дат. ед. муж. и ср. р.: chuzšu, bohatějšu и пр.

Им. ед. жен. р.: chuzši, dražši, bohatějši, blizši.

Им. мн. всех родов: chuzše, dražše, bohatějše.

Современные формы сравнительной степени на -ejší (-ější), -ší и -(č)í —krásnější, novější, mladší, nižší, měkčí— представляют собой полные (местоименные) формы сравнительной степени прилагательных, образованные путем присоединения к именным формам соответствующих местоимений.

Прежние именные формы сравнительной степени им.-вин. ед. ср. рода — hůř(e), výš(e), snáze, dál(e) и т. п. — употребляются в современном языке в качестве сравнительной степени наречий (zle, vysoko, snadno, daleko и пр.). В том же значении употребляются формы на -eji (-ěji) типа častěji, jasněji, raději (конечный долгий гласный стал в этих формах кратким). По диалектам в наречном значении употребляются формы lepší, horší, radší и т. п.

Превосходная степень в древнечешском языке образовывалась при помощи префикса naj- (>nej-) и реже при помощи ná-: najlepší ‖ nálepší.

МЕСТОИМЕНИЯ

§ 66. По своему значению местоимения в современном чешском языке делятся на следующие семантические группы:

1. Личные: já, ty, my, vy, on, ona, ono, oni, ony, ona.

2. Возвратное местоимение: se.

3. Указательные: ten, ta, to; tento, tato, toto; onen, ona, ono; týž, tentýž, táž, tatáž, totéž.

4. Притяжательные: můj, má, mé; tvůj, tvá, tvé; svůj, svá, své; náš, naše; váš, vaše; jeho, její, jejich.

5. Вопросительные: kdo, co, který, -á, -é, jaký, -á, -é, čí.

6. Относительные: kdo, co, který, jaký, čí, jenž, jež.

7. Неопределенные: někdo, něco, nějaký; kdosi, cosi, jakýsi; kdokoli, cokoli, jakýkoliv; leckdos, leccos и т. д.

8. Отрицательные: nikdo, nic, nijaký.

9. Определительные: všechen, všechna, všechno; všecek, všecka, všecko; veškerý, -á, -é; každý, -á, -é.

Местоимения неоднородны и по своим грамматическим свойствам. Так, личные местоимения, заменяя существительные, имеют с ними много общих черт. Формы местоимений-существительных являются независимыми и несогласуемыми.

Многие местоимения (притяжательные, указательные, некоторые вопросительные и относительные и пр.) по своим грамматическим особенностям сближаются с прилагательными, т. е. имеют синтаксически согласуемые формы рода, числа и падежа; в предложении такие местоимения выступают обычно в функции определения.

Многие формы местоименного склонения в чешском языке унаследованы, как и в других славянских языках, от праславянского языка. Это является свидетельством того, что система местоименного склонения прочно сложилась еще в период, предшествующий истории развития отдельных славянских языков.

Основные изменения в системе местоименного склонения в чешском языке определяются фонетическими изменениями (стяжение гласных, перегласовка, изменение гласных в долгом слоге и пр.), а также аналогическим употреблением форм.

Объединение различных типов склонения у местоимений представлено значительно слабее, чем у имен существительных, что объясняется обособленностью, а также семантическим и грамматическим своеобразием категории местоимения.

§ 67. Личные местоимения и возвратное *se*

К личным местоимениям относятся: já (1 л. ед. ч.), ty (2 л. ед. ч.), my (1 л. мн. ч.), vy (2 л. мн. ч.). Для 3-го л. употребляются местоимения on, ona, ono (ед. ч.) и oni, ony, ona (мн. ч.), которые по своему происхождению восходят к указательным местоимениям.

Употребление личных местоимений в именительном падеже ед. и мн. числа в чешском языке более ограниченно, чем в русском. Они употребляются в тех случаях, когда этого требует смысл фразы: при логическом ударении, а также в эмоционально-окрашенных предложениях. Например: Ty mlč, tebe se neptám! *Ты молчи, я не тебя спрашиваю*! — Vy jste to provedli! *Это вы натворили!* — Tento zlepšovací návrh jsem podal já a můj bratr. *Это рационализаторское предложение внес я и мой брат.*

Примечание. В народно-разговорной речи местоимения употребляются чаще, чем в литературном языке.

Личные местоимения 1-го и 2-го лица имеют много черт, которые сближают их с существительными. Они могут выступать в роли подлежащего или дополнения, имеют категорию падежа и числа, хотя, в отличие от существительных, не различают грамматического рода. Местоимения 3-го лица являются лично-указательными, так как употребляются в качестве заменителей не только лиц, но и предметов. Они различаются по родам и числам (on, ona, ono; oni, ony, ona). Возвратное местоимение ***se*** не различается по родам и числам и не имеет формы именительного падежа.

§ 68. Склонение личных местоимений 1-го и 2-го лица и возвратного местоимения *se*

Единственное число			Множественное число	
1-е лицо	2-е лицо	возвр.	1-е лицо	2-е лицо
И. já	ty		my	vy
Р. mne, mě	tebe, tě	sebe	nás	vás
Д. mně, mi	tobě, ti	sobě, si	nám	vám
В. mne, mě	tebe, tě	sebe, se	nás	vás
П (o) mně	(o) tobě	(o) sobě	(o) nás	(o) vás
Т. mnou	tebou	sebou	námi	vámi

1. Местоимение 1 л. ед. ч. встречается в древнечешском языке в форме jáz (<jázъ) до конца XV столетия, хотя форма já (с отпавшим z) появляется уже в начале XIV в.

2. Форма род. ед. mne, употребляющаяся уже в древнейших чешских памятниках, возникла по аналогии со звуковым видом форм дат.-предл. и твор. падежей (mně< <mъně и mnú<mъnojǫ), где после исчезновения редуцированного гласного появился корень mn. Более ранняя форма род. ед. — mene (ср. старославянский язык, русский и др.).

3. В дат.-предл. пад. у местоимения 2 л. ед. ч. ty и у возвратного местоимения se в литературном чешском языке представлены формы tobě, sobě, которые встречаются и в других славянских языках: в польском, украинском, древнерусском, а также в северно-великорусских (тобе, собе) и южно-великорусских (табе, сабе) говорах. Неясно, являются ли эти формы новообразованиями, или же представляют старые дублетные славянские формы, отражающие чередование корневого гласного e||o, так как в некоторых чешских говорах (доудлебских) имеются формы tebě, sebě, в моравских говорах и в литературном словацком языке — tebe, sebe, в современном русском — тебе, себе.

4. Современные формы твор. ед. tebou, sebou с гласным **e** в корне появились в древнечешском языке в XIV в. (в виде tebú, sebú). Обычно это связывают с влиянием форм

род. ед. tebe, sebe. Однако, по мнению проф. Гуера*, эти формы являются продолжением доисторических *tobojǫ, *sobojǫ, являющихся древними дублетами форм *tobojǫ, *sobojǫ. Формы tobú, sobú удерживались в чешском языке до XV в.

Предположение о существовании дублетных форм tebě || tobě, sebě || sobě (*дат.-местн.*) и tobojǫ || tobojǫ, sebojǫ || sobojǫ (*твор.*) еще в праславянский период является весьма вероятным, однако не исключено влияние форм, где исконным было только **e** (*род.*).

5. Некоторые падежи личных местоимений ед. числа и возвратного местоимения se характеризуются наличием полных и кратких (энклитических) форм. Последние не имеют самостоятельного ударения и присоединяются в отношении ударения к предшествующему слову предложения. Краткие и полные формы свойственны (или были свойственны) и другим славянским языкам (ср. старославянский, древнерусский, совр. польский язык).

В чешском языке краткие и полные формы существуют в нескольких падежах.

У местоимений 1-го и 2-го л. ед. ч. параллельные формы употребляются в род., дат. и вин. падежах, у возвратного se — в дат. и вин. падежах.

Полные формы mne, tebe, sebe (*род.-вин.*), mně, tobě, sobě (*дат.*) употребляются в современном языке после предлогов и в тех случаях, когда на них падает логическое ударение: Přijď ke mně! *Приходи ко мне!* — Bez tebe nemohu! *Без тебя я не могу!* — Mně to neříkej! *Мне этого не говори!* — To se netýká tebe, ale pouze mne. *Это касается не тебя, а исключительно меня.*

Краткие же формы mě, tě, se и mi, ti, si употребляются в безударных положениях, в положении не после предлога: Potkal jsem tě včera na ulici, ale tys mě nepoznal. *Я вчера встретил тебя на улице, но ты меня не узнал.* — Kdo ti to řekl? *Кто тебе это сказал?* — Vezmi si tu knihu! *Возьми себе эту книгу!*

---

* O. Hujer. *Vývoj jazyka československého.* Čsl. vl. díl III. Jazyk. Praha.

Формы mi, ti, si являются исконными энклитиками. С течением времени аналогичное явление в употреблении кратких и полных форм развилось в вин. и род. падежах: mne ‖ mě, tebe ‖ tě, sebe ‖ se.

Формы род. пад. mě, tě (напр., bojím se tě *я боюсь тебя*) проникли из винительного падежа, что явилось следствием употребления форм родительного падежа mne, tebe, sebe в значении винительного в связи с развитием категории одушевленности. Первоначально в древнечешском языке в вин. пад. употреблялись лишь формы mě (<mę), tě (<tę), sě (<sę). В отличие от современного языка, краткие формы mě, tě, sě в древнечешском языке были ударенными, могли употребляться в сочетании с предлогами: v tě, za tě (Ср. в совр. языке: zase *снова* из za+se *за себя*).

С течением времени произошла дифференциация в употреблении полных и кратких форм.

6. У личных местоимений множественного числа формы вин. пад. nás, vás проникли из род. пад., вытеснив более старые, исконные формы ny, vy (ср. в духовной песне XIII в.: Hospodine, pomiluj ny). Формы nás, vás возобладали в чешском языке начиная с XIV в., хотя многочисленные случаи их употребления находим и в более древних памятниках (с XIII в.). По-видимому, формы ny, vy удерживались в старших памятниках благодаря церковнославянской традиции. В древнейших памятниках, кроме того, встречаются формы дат. пад. nem, vem, образованные, вероятно, по образцу существительных i-основ (kostem).

§ 69. Склонение местоимения 3-го лица (on, ona, ono)

Падеж	Единственное число		
	Мужской род	Женский род	Средний род
И.	on	ona	ono
Р.	jeho, ho	jí	jeho, ho
Д.	jemu, mu	jí	jemu, mu
В.	jeho, jej, ho (-ň)	ji	je
П.	(o) něm	(o) ní	(o) něm
Т.	jím	jí	jím

Падеж	Множественное число		
	Мужской род	Женский род	Средний род
И.	oni (*одуш.*) ony (*неодуш.*)	ony	ona
Р.	jich	jich	jich
Д.	jim	jim	jim
В.	je	je	je
П.	(o) nich	(o) nich	(o) nich
Т.	jimi	jimi	jimi

1. Приведенные выше формы являются по происхождению формами указательного местоимения *jь, *ja, *je, именительный падеж которых уже в древнейший период развития всех славянских языков (ср. старославянские, древнерусские и пр. памятники) был вытеснен местоимением on, ona, ono. Прочие формы сохранились, претерпев лишь фонетические изменения.

2. Во всех косвенных падежах после предлогов в начале местоименных форм появляется n-, отвлеченное от предлогов v, k, s, которые перед гласными имели звуковой вид vъn, kъn, sъn. Ср. jeho — od něho, jim — k nim, jimi — s nimi, jeho — na něho и пр.

3. В современном языке в род. и дат. пад. муж. и ср. рода имеются полные и краткие формы. Так же как у местоимений 1-го и 2-го л., полные формы jeho, jemu употребляются после предлогов и при логическом ударении, краткие ho, mu — в безударном положении: Vrátil se od něho. *Он вернулся от него.* — Šli jsme k němu. *Мы пошли к нему.* — Vrať mu knihu! *Верни ему книгу!* — Nemusíš se ho bát! *Ты не должен его бояться!*

В древнечешском языке наряду с первоначальными формами муж. и ср. рода род. пад. jeho и дат. пад. jemu появились сокращенные формы jho, ho (*род.*) и jmu, mu, n'mu (*дат.*), которые сначала могли употребляться и в притяжательном значении, напр.: jho (ho) dōm *его дом.* С течением времени в этой функции стало употребляться только местоимение jeho, а краткие формы, так же как и у личных местоимений já, ty, стали энклитиками.

4. В вин. пад. ед. ч. мужского рода в современном языке употребляется несколько форм: jeho, ho, jej, а после некоторых предлогов также -ň: zaň, naň, oň, proň.

jeho — полная форма, которая употребляется при тех же условиях, что и прочие полные формы: Jeho jsem volal, nikoli tebe. *Я его звал, а не тебя.* — Učinil jsem to pro něho. *Я сделал это для него.*

Форма ho, употребляющаяся по отношению к существительным одушевленным, а нередко и неодушевленным, является краткой, безударной: Hledal jsem ho (přítele, nůž). *Я искал его (друга, нож).*

Формы jeho и ho были перенесены в вин. пад. из род. пад., по-видимому, вследствие все более широкого развития категории одушевленности.

Форма jej, употребляющаяся в отношении предметов одушевленных и неодушевленных, после предлога звучит как něj: Dej si na něj pozor! *Обрати на него внимание!*

Форма jej получилась в результате сочетания je- (основа местоимения 3 л.) с -i (форма вин. пад. муж. р.): je+i>jeį>jej (ср. п. 9).

Формы типа naň восходят к старым предложным формам вин. ед. муж. рода. В древнечешском языке до конца XV в. была обычной форма вин. ед. муж. рода ji: viděl ji (т. е. ho, jej).

5. В вин. пад. ед. ч. ср. рода употребляется форма je, которая в живой речи и по говорам (кроме чешских юго-западных и моравских говоров) все чаще вытесняется формами муж. рода — ho, а после предлогов něj: Tu máš jablíčko, sněz ho! *Вот тебе яблочко, съешь его!* Проникновению формы ho в средний род способствовал, по всей вероятности, параллелизм местоименных форм мужского и среднего рода в прочих падежах.

6. В женском роде современные формы местоимений получились фонетическим путем из древнечешских. Ср.: род. пад. jie>jí (nie>ní); дат.-местн. пад. jiej>jí (niej>ní); вин. пад. ju>ji (ňu>ni); твор. пад. jú>jí (ňú>ní).

7. В отличие от русского языка, в им.-вин. мн. в чешском языке сохранилось родовое различие местоименных

форм. Кроме того, старая форма им. мн. мужского рода oni стала употребляться для указания на предметы мужского рода одушевленные, а форма женского рода ony — для указания на предметы неодушевленные.

8. Старая основа именительного падежа рассматриваемых местоимений сохранилась в формах относительного местоимения jenž (*муж. р.*), jež (<jaž) (*жен. р.*) и jež (*ср. р.*); мн. ч. — již (*муж. р., одуш.*), jež (см. § 75). Старая форма сохранилась также в вин. мн. je (после предлогов ně).

9. В ряде форм у местоимения 3-го лица в первой части появилось вторичное je: вин. ед. муж. р. je+i>jej, род. ед. жен. р. je+jě>*др.-чеш.* jejie>*совр.* její; дат.-местн. жен. р. je+jěj>*др.-чеш.* jejiej (*совр.* její), род. мн. je+jich>jejich и т. д.

Впоследствии форма жен. рода její и форма род. мн. jejich получили значение притяжательных местоимений (см. § 73). Форма její начинает регулярно употребляться с XVI в., примеры на jejich изредка встречаются в XV в.

§ 70. Указательные местоимения

К указательным местоимениям в современном чешском языке относятся: ten *этот*, ta *эта*, to *это*, tento *этот*, tenta *эта*, toto *это*; onen *тот*, ona *та*, ono *то*; týž, tentýž *тот же самый*, táž, tatáž *та же самая*, totéž *то же самое*.

Указательное местоимение ten, ta, to в собственно указательном значении употребляется не всегда. (Напр.: Podej mi tu knihu! *Подай мне эту книгу!* — Čí je to pole? *Чье это поле?*) Часто местоимение ten лишь отсылает к тому или иному предмету или же передает эмоциональный характер предложения (особенно в разговорном языке). Например: To je ta nejkrásnější kniha, kterou jsem četl! *Это (та) самая прекрасная книга из всех, которые я читал!* — Jen kdyby mě ta hlava nebolela! *Только бы не болела у меня (эта) голова!*

Местоимение tento, tato, toto (с компонентом -to) указывает на предмет ближайший, местоимение onen, ona, ono — на предмет более отдаленный: tento dům *этот дом*, onen dům *тот дом*.

Местоимения ten — onen означают «один — другой», «этот — тот»: Palacký a Šafařík, tento Slovák, onen Moravan,

psali spisovným jazykem českým. *Палацкий и Шафарик, один (этот) — словак, другой (тот) — мораванин, писали на литературном чешском языке.*

Местоимение týž, tentýž (*муж. р.*), táž, tatáž (*жен. р.*), totéž (*ср. р.*) указывает на идентичность, повторяемость предмета: «тот же (самый)», «та же (самая)» и т. д. Напр.: To je týž člověk, kterého jsem už viděl. *Это тот самый человек, которого я уже видел.* — Vrátil jsem se touž cestou. *Я вернулся по той же самой дороге.*

В соединении с частицей hle *вот* употребляются местоимения tenhle *этот вот*, tahle *эта вот*, tohle *это вот*. Возможно также соединение с tam и tamhle: tamten *этот вот*, *вон тот*, tamhleten и т. п. Эти формы являются принадлежностью разговорной речи.

Склонение указательных местоимений

Падеж	Единственное число		
	Мужской род	Женский род	Средний род
И.	ten	ta	to
Р.	toho	té	toho
Д.	tomu	té	tomu
В.	ten (*неодуш.*) toho (*одуш.*)	tu	to
П.	(o) tom	(o) té	(o) tom
Т.	tím	tou	tím

Падеж	Множественное число		
	Мужской род	Женский род	Средний род
И.	ti (*одуш.*) ty (*неодуш.*)	ty	ta
Р.	těch	těch	těch
Д.	těm	těm	těm
В.	ty	ty	ta
П.	(o) těch	(o) těch	(o) těch
Т.	těmi	těmi	těmi

Так же как ten, ta, to склоняются местоимения tento tata, toto (tohoto, tomuto и пр.) и onen, ona, ono (onoho, onomu...).

Указательные местоимения týž, tentýž, táž, tatáž, totéž склоняются как полные прилагательные твердой разновидности; к падежным окончаниям присоединяется лишь частица -ž (že).

Падеж	Единственное число		
	Мужской род	Женский род	Средний род
И.	týž, tentýž	táž, tatáž	totéž
Р.	téhož	téže	téhož
Д.	témuž	téže	témuž
В.	téhož (*одуш.*) týž (*неодуш.*)	touž	totéž
П.	(o) témž	(o) téže	(o) témž
Т.	týmž	touž	týmž

Падеж	Множественное число		
	Мужской род	Женский род	Средний род
И.	titíž (*одуш.*) tytéž (*неодуш.*)	tytéž	tatáž
Р.	týchž	týchž	týchž
Д.	týmž	týmž	týmž
В.	tytéž	tytéž	tatáž
П.	týchž	týchž	týchž
Т.	týmiž	týmiž	týmiž

Замечания к образованию и употреблению указательных местоимений

1. Указательное местоимение мужского рода ten получилось из местоимения tъ, которое для усиления распространялось частицей -пъ (тъпъ>ten). Наряду с ten в древне-

чешском языке употреблялось и просто t (<tъ), которое, однако, довольно рано было вытеснено более экспрессивной и выразительной формой ten.

2. Форма твор. ед. муж. и ср. рода tím получилась фонетически из těmь>tiêm>tím.

3. В женском роде форма твор. ед. tou выводима из *tojǫ>tū>tou.

4. Формы род. и дат.-местн. ед. жен. рода в древнечешском языке различались. Род. падеж имел форму té (<*tojě), а дат.-местн. tej (<*toji).

Так же как и у полных прилагательных (ср. § 64, п. 3), в чешском литературном языке произошло обобщение форм дат.-предл. падежей по форме род. падежа (té). Однако в словацком языке и в чешских говорах в этих падежах стала употребляться форма tej. В архаических юго-восточных чешских говорах сохранилось различие в употреблении старых форм. Ср. род. tí dobrí vody<té dobré vody и дат.-предл. tej dobrej vodě.

5. В именительном падеже множественного числа в литературном чешском языке, в отличие от русского, сохранилось различие указательных местоимений по родам: муж. род ti, ty, жен. род ty, ср. род ta. Кроме того, в муж. роде различаются формы по отношению к живым существам, с одной стороны, и по отношению к предметам неодушевленным — с другой: ti (прежняя форма им. п. муж. р.) употребляется для обозначения предметов одушевленных, ty — для неодушевленных. В народно-разговорной чешской речи, в большей части чешских диалектов, а также в словацком литературном языке, утрачено различие форм женского и среднего рода. Для обоих родов употребляется одна форма жен. рода ty, ony.

Примечание. По говорам на склонение указательных местоимений ten, ta, to оказало воздействие склонение местоимения on: jeho, jemu, так что во многих наречиях представлены формы teho, temu, tem и tych, tym, tymi ‖ tých, tým, tými (последние формы находим в восточной Моравии и в Словакии).

6. Указательное местоимение onen получилось из on+nъ > onen, хотя в старом языке в этом значении могло употребляться местоимение on, ставшее затем личным местоимением 3-го л. ед. ч.

7. В древнечешском языке употреблялось также указательное местоимение sen (< sь+nъ) *этот* (*sь, *si, *se), которое уже в древнейший период являлось архаизмом и окончательно исчезло на протяжении XV в. В современном языке сохранились лишь остатки его. Ср. dnes *сегодня* < dьnь-sь *этот день*, letos *в этом году* < lěto-se *это лето*, zde < sь-de *здесь*. В восточно-чешских говорах: po sou dobu (ср. в русском: по *сю* пору, до *сего* дня).

8. Местоимение týž в древнечешском имело форму tenže (tohože, tomuže). Под влиянием полных форм прилагательных первая часть этого местоимения изменилась в tý (týž), а склонение его стало таким же, как у полных прилагательных (ср. § 64).

§ 71. Притяжательные местоимения

Принадлежность 1-му лицу ед. числа в чешском языке выражается местоимением můj (*муж. р.*); má, moje (*жен. р.*); mé, moje (*ср. р.*); 2-му лицу ед. ч. — местоимением tvůj; tvá, tvoje; tvé, tvoje; 1-му лицу мн. ч.— náš (*муж. р.*), naše (*жен.* и *ср. р.*); 2-му лицу мн. ч. — váš (*муж. р.*), vaše (*жен.* и *ср. р.*). В 3-м лице ед. ч. принадлежность выражается местоимением jeho (*муж.* и *ср. р.*) и její (*жен. р.*), а в 3-м лице мн. ч. — формой jejich (*для всех родов*). Сюда же примыкает возвратно-притяжательное местоимение svůj, svá, své.

Склонение притяжательных местоимений můj, tvůj, svůj

Падеж	Единственное число		
	Мужской род	Женский род	Средний род
И.	můj	má, moje	mé, moje
Р.	mého	mé	mého
Д.	mému	mé	mému
В.	mého (*одуш.*) můj (*неодуш.*)	mou, moji	mé, moje
П.	(o) mém	(o) mé	(o) mém
Т.	mým	mou	mým

Падеж	Множественное число		
	Мужской род	Женский род	Средний род
И.	mí, moji (*одуш.*) mé, moje (*неодуш.*)	mé, moje	má, moje
Р.	mých	mých	mých
Д.	mým	mým	mým
В.	mé, moje	mé, moje	má, moje
П.	(o) mých	(o) mých	(o) mých
Т.	mými	mými	mými

По образцу притяжательных местоимений můj, má, mé склоняются tvůj и svůj.

Замечания к падежным формам притяжательных местоимений

1. Первоначально склонение притяжательных местоимений mōj > můj, tvōj > tvůj и пр. было сходно со склонением притяжательного местоимения náš (našego — mojego и пр., ср. § 72), но в результате ряда изменений (стяжения гласных и пр.) оно стало значительно отличаться от своего первоначального образца.

Так, в ряде падежных форм произошло стяжение групп гласных, которое оказало влияние на изменение звукового облика некоторых местоименных форм.

Ср.: им. ед. жен. р. moja > má
им.-вин. ед. ср. р. moje > mé
род. ед. муж. и ср. р. mojego > mého
дат. ед. муж. и ср. р. mojemu > mému
местн. ед. муж. и ср. р. mojem > mém
род. ед. жен. р. moje (*< mojě) > mé
вин. ед. жен. р. mojǫ > mǭ > mū > mou
твор. ед. жен. р. mojejǫ > mǭ > mū > mou
им. мн. moji > mí (*муж. р.*), moje > mé (*жен. р.*), moja > má (*ср. р.*) и т. д.

2. В некоторых падежных формах представлен результат не фонетических, а аналогических изменений: так, форма твор. ед. муж. и ср. рода mým (первоначально mojim), а также формы мн. числа mých, mým, mými (первоначально mojich, mojim, mojimi) образовались под влиянием полных (местоименных) форм прилагательных (как dobrým, dobrých, dobrými). Поводом для этого могло послужить совпадение флексий местоимений и прилагательных в других падежах (ср. mého — dobrého, mému — dobrému, o mém — o dobrém).

Так же как и у полных прилагательных и указательных местоимений, у местоимений můj, tvůj, svůj в женском роде произошло обобщение форм дат.-предл. ед. по род. падежу, в результате чего древнечешские формы дат.-предл. méj ‖ mej были вытеснены формой род. пад. mé.

3. В им.-вин. пад. ед. и мн. числа находим параллельные стяженные и нестяженные формы:

Единственное число

Жен. род	*И.*	má ‖ moje
	В.	mou ‖ moji
Ср. род	*И.-В.*	mé ‖ moje

Множественное число

Муж. род	*И.*	mí ‖ moji (*одуш.*)
	И.-В.	mé ‖ moje (*неодуш.*, *В. одуш.*)
Жен. род	*И.-В.*	mé ‖ moje
Ср. род	*И.-В.*	má ‖ moje

Нестяженные формы представляют, по-видимому, очень ранние новообразования. Форма mí (*им. мн.*) появляется только в XVII в.

Примечание. Нестяженные диалектные формы mojeho, mojemu, o mojem, mojich и пр., которые встречаются местами в чешских и моравских говорах, являются довольно поздними новообразованиями.

4. Старая форма им. мн. муж. рода moji стала служить только для выражения одушевленности существительных, в то время как при существительных неодушевленных начала употребляться старая форма вин. мн. муж. рода moje<mojě. Ср. moje sešity *мои тетради*. Такое же разграничение имеем в формах mí и mé.

§ 72. Склонение притяжательных местоимений náš, váš

Падеж	Единственное число		
	Мужской род	Женский род	Средний род
И.	náš	naše	naše
Р.	našeho	naší	našeho
Д.	našemu	naší	našemu
В.	náš (*неодуш.*) našeho (*одуш.*)	naši	naše
П.	(o) našem	(o) naší	(o) našem
Т.	naším	naší	naším

Падеж	Множественное число		
	Мужской род	Женский род	Средний род
И.	naši (*одуш.*) naše (*неодуш.*)	naše	naše
Р.	našich	našich	našich
Д.	našim	našim	našim
В.	naše	naše	naše
П.	(o) našich	(o) našich	(o) našich
Т.	našimi	našimi	našimi

Замечания к падежным формам

1. По образцу náš, naše склоняется местоимение váš (vaše).

2. Первоначально склонение местоимений náš, váš полностью совпадало со склонением местоимения *jь, *ja, *je: jego — našego, jemu — našemu, jemь — našemь, jichъ — našichъ и т. д.

Значительная общность форм обнаруживается и в настоящее время, т. к. в современном языке в основном сохранились старые формы, подвергшиеся фонетическим и лишь в некоторых случаях аналогическим изменениям. Ср. в жен. роде: им. ед. naše<naša; вин. ед. naši<našu;

род. ед. naší<našie; твор. ед. naší<našū<našejǫ; в ср. роде: им.-вин. мн. naše<naša; форма дат.-предл. ед. жен. рода našej была заменена формой род. пад. (ср. аналогичное явление в склонении прилагательных и местоимений ta, má).

Корневой гласный сократился во всех формах, кроме им. ед. муж. рода (ср. парадигму).

§ 73. Притяжательные местоимения 3-го лица единственного и множественного числа

1. В 3-м лице единственного числа принадлежность мужскому и среднему роду выражается формой jeho: jeho bratr, jeho dcera, jeho jablko, а во множественном числе для всех трех родов формой jejich: jejich přítel *их друг*, jejich přítelkyně *их приятельница*, jejich dítě *их ребенок*. Обе формы (jeho и jejich) не склоняются.

В женском роде принадлежность выражается формой její, которая согласуется с существительным и склоняется по образцу полных прилагательных мягкой разновидности типа »letní«: její bratr *её брат*, jejího bratra *её брата*, jejímu bratru *её брату* ..., její sestra *её сестра*, její sestry *её сестры*, k její sestře *к её сестре*; její sestry *её сёстры*, jejích sester *её сестёр*, jejím sestrám *её сёстрам*, jejích bratrů *её братьев*, o jejích bratřích *о её братьях* и т. д.

Примечание. Следует отличать неизменяемую форму jejich, выражающую принадлежность многим лицам, от формы jejích, которая во множественном числе выражает принадлежность одному лицу женского рода. Ср.: jejich úspěchů ***их*** *успехов* — jejích úspěchů ***её*** *успехов*; o jejich úspěších *об* ***их*** *успехах* — o jejích úspěších *об* ***её*** *успехах*.

2. Исторически указанные формы притяжательных местоимений восходят к род. пад. личных (по происхождению указательных) местоимений: муж. р. jeho, жен. р. její (<je+jí), мн. ч. jejich (<je+jich) (см. § 69, п. 9).

Так как форма její совпала по окончанию с прилагательными типа »letní«, она очень скоро начала восприниматься как согласованное определение и изменяться по родам, числам и падежам.

Примечание. В некоторых моравских говорах этот же процесс наблюдается и в отношении местоимения jejich: jejichho, jejichmu и т. д.

§ 74. Вопросительные местоимения

В современном чешском языке к вопросительным местоимениям относятся: kdo *кто*, co *что*, který, -á, -é *который, -ая, -ое*, jaký, -á, -é *какой, -ая, -ое*, čí *чей, чья, чьё*.

Местоимение **kdo** употребляется по отношению к предметам одушевленным (главным образом к лицам), **co** — к предметам неодушевленным: Kdo jede? *Кто едет?* Co to neseš? *Что это ты несешь?*

Местоимения kdo и co не различают рода и числа, но изменяются по падежам.

И.	kdo	co
Р.	koho	čeho
Д.	komu	čemu
В.	koho	co
П.	(o) kom	(o) čem
Т.	kým	čím

Вопросительное местоимение kdo в основном сохранило старые славянские формы. Изменения коснулись лишь некоторых падежных форм:

1. Так, форма им. падежа первоначально звучала как kto < kъ+to. Но уже в XV в. находим форму kdo [gdo] (с частицей do), которая возникла под влиянием наречий типа kde (-de), kdy (-dy) и т. п.

Примечание. По диалектам представлены формы chto и hdo. В древнечешском языке наряду с kto встречается также форма kte.

2. Форма твор. падежа от местоимения **kdo** имела некогда звуковой вид cěmь (<*koimi). Она была заменена формой kým, которая является формой твор. падежа вопросительного местоимения ký (<kŭi̯).

3. Форма им.-вин. падежа вопросительного местоимения **co** восходит к форме род. падежа čьso (еще в старославянском языке наряду с формой česo существовала форма čьso). В результате исчезновения редуцированного čьso изменилось в čso, а последнее в **co**. Этот же результат представлен в польском и нижнелужицком языках. В древнечешском языке форма čso еще встречается иногда в значении родительного падежа: ze čso *из чего*.

Старая форма им.-вин. падежа čь сохранилась в сочетании с предлогами (ср.: proč *почему* < pro+č, nač *на что*, zač *за что*, več *во что* <vъčь). К местоимению могла также присоединяться частица -žь: čьžь>čež: pročež *а посему*, načež *на что, после чего* и т. п.

Отрицательная форма этого местоимения — nic — возникла из существовавшей параллельно ničso формы ničse. После отпадения е ničs>nic. В словацком языке находим другой результат ассимиляции: čo, nič.

4. Современная форма род. падежа čeho (<čego) с окончанием ho (<go) является новообразованием, возникшим под влиянием форм род. падежа с окончанием -ho других местоимений: toho, jeho и др.

2. Вопросительные местоимения který, -á, -é и jaký, -á, -é по своему характеру являются прилагательными. В предложении они выступают в роли определений, согласуясь с существительным в роде, числе и падеже; склоняются по образцу полных прилагательных твердой разновидности (см. § 64): který, kterého, kterému..., jaký, jakého и т. д.

По своему значению и употреблению местоимения který, -á, -é и jaký, -á, -é в современном языке отличаются друг от друга. Местоимение který употребляется по отношению к названиям лиц, предметов и пр. (*какой из, который*), в то время как jaký употребляется главным образом по отношению к их качествам и свойствам: Které předložky znáte? *Какие* (из определенного числа) *предлоги вы знаете?* Jaký je to člověk? *Какой это человек?* (добрый, хороший).

Примечание. В древнечешском языке местоимение jaký, так же как и který, употреблялось и в качестве относительного местоимения.

3. Вопросительное местоимение čí *чей, чья, чье* имеет притяжательное значение. Древнейшие его формы (простые) в результате стяжения (*муж. р.* čьjь>čĭi̯>čí, *жен. р.* čьja>čĭja>číe>čí; *ср. р.* čьje>čĭje>čí), совпав в одной форме, одновременно совпали с полными формами.

В современном языке местоимение čí изменяется по образцу полных прилагательных мягкой разновидности типа »letní«: čího, čímu, čím и т. д. (см. § 64).

4. В древнечешском языке употреблялось также вопросительное местоимение ký, ká, ké *какой, -ая, -ое*, формы которого совпадали с формами сложных прилагательных. В современном чешском языке сохранились лишь остатки форм этого местоимения в отдельных выражениях: ký div!, ký čert!, kýho ďasa!, kýho ďabla! *какого черта!*

В древнечешском языке существовало также вопросительное местоимение kaký *какой*, вытесненное впоследствии местоимением jaký.

§ 75. Относительные местоимения

1. Относительные местоимения в чешском языке возникли либо из вопросительных местоимений kdo, co, který, jaký, čí, либо из указательных: jenž, jež (см. § 69).

Относительные местоимения kdo(ž), co(ž), který(ž), jaký, čí по своим формам ничем не отличаются от соответствующих вопросительных местоимений (см. выше § 74).

Примечание. Употребление местоимения co в значении относительного který обычно характеризует разговорную речь. Ср.: To je ten chlapec, co nám rozbil okno! *Это тот мальчик, который (что) разбил нам окно!* В литературном языке было бы: To je ten chlapec, který ...

2. Местоимение jenž (jež, jež) *который, -ая, -ое* употребляется только как относительное. По происхождению оно представляет собой сочетание старой формы им.-вин. ед. указательного местоимения jь, ja, je с частицей ž(ь): *муж. р.* jь+nъ+žь>jenž, *жен. р.* ja+žь>jaž>jež, *ср. р.* je+žь>jež.

Относительные местоимения jenž, jež склоняются, за исключением им. ед. и мн. всех родов, так же как личные местоимения 3-го лица on, ona, ono, с тем лишь отличием, что к падежным формам присоединяется частица -ž, т. е. с исторической точки зрения они сохраняют свое прежнее склонение. Отдельные падежные формы этих местоимений в истории чешского языка подверглись лишь фонетическим и некоторым другим изменениям (см. § 69).

Склонение относительного местоимения jenž, jež

Падеж	Единственное число		
	Мужской род	Женский род	Средний род
И.	jenž	jež	jež
Р.	jehož	jíž	jehož
Д.	jemuž	jíž	jemuž
В.	jehož (*одуш.*), jenž (*неодуш.*)	jíž	jež
П.	(o) němž	(o) níž	(o) němž
Т.	jímž	jíž	jímž

Падеж	Множественное число		
	Мужской род	Женский род	Средний род
И.	již (*одуш.*) jež (*неодуш.*)	jež	jež
Р.	jichž, jejichž	jichž, jejichž	jichž, jejichž
Д.	jimž	jimž	jimž
В.	jež	jež	jež
П.	(o) nichž	(o) nichž	(o) nichž
Т.	jimiž	jimiž	jimiž

1. В вин. пад. ед. и им. пад. мн. числа муж. рода нашла свое выражение категория одушевленности. При существительных одушевленных употребляются формы jehož (*вин. ед.=род. ед.*) и již (*им. мн.*), при неодушевленных — jenž (*вин. ед.=им. ед.*) и jež (*им. мн.=вин. мн.*).

2. Форма jejichž, по происхождению род. мн., так же как и формы jehož и jejíž (притяжательное местоимение jeho, její + частица ž) имеет притяжательно-относительное значение. Ср. примеры:

Jsme vděčni sovětským vojákům, **jejichž** včasný příchod zachránil nám život. *Мы благодарны советским солдатам, своевременный приход* ***которых*** *сохранил нам жизнь.*

Babička, **jejíž** dcera žila v Praze... Бабушка, *дочь **которой** жила в Праге...*

Форма jejíž склоняется так же, как její: s jejíž sestrou, k jejímž sestrám и т. п.

Примечание. Следует отличать форму род. ед. jehož от притяжательного местоимения jeho с частицей -ž. Ср.:
Člověk, **jehož** jsem nikdy neviděl... *Человек, **которого** я никогда не видел...* и
Člověk, **jehož** knihu jsem vzal... *Человек, книгу **которого** я взял...*

§ 76. Неопределенные местоимения

Неопределенные местоимения образуются от вопросительных местоимений посредством присоединения к ним различных приставок и частиц, выражающих неопределенность.

Наиболее употребительны из них следующие:

ně-: někdo *кто-то*, něco *что-то*, některý *некоторый, какой-то*, nějaký *какой-то*, něčí *чей-то*;

-si: kdosi *кто-то*, cosi *что-то*, jakýsi *какой-то*, čísi *чей-то*;

lec-: leckdo *кое-кто*, lecco *кое-что*, lecjaký *кое-какой*... К этим формам присоединяется иногда частица -s: leccos.

leda-: ledakdo *всякий*, ledaco *кое-что*, ledajaký *кое-какой*;

-koli(v): kdokoli *кто-либо, любой*, cokoliv *что-либо, что угодно*; kterýkoliv, jakýkoliv *какой угодно*;

málo-: málokdo *мало кто*, máloco *мало что*, málokterý *мало какой*;

kde-: kdekdo *все, каждый*, kdejaký *каждый, любой;*

kdoví-: kdovíkdo *бог знает кто*, kdovíco *бог знает что*, kdovíjaký *бог знает какой* и пр.

У всех сложных неопределенных местоимений склоняется только местоименная часть, приставка же или частица, выражающая неопределенность, остается неизменной. Местоименная часть склоняется как соответствующее вопросительное местоимение: někdo, někoho, někomu..., lecco(s), lecčeho(s), lecčemu(s)...

Неопределенные местоимения, образованные при помощи различных приставок и частиц, отличаются по своему значению и употреблению. Местоимения с ně- и

с -si, хотя и близки по своему значению, но сложения с ně- более употребительны, а функции их значительно шире (они выражают бóльшую степень определенности и нередко могут заменять местоимения с компонентом -si).

Местоимения, в состав которых входит частица -koli(v), кроме оттенка неопределенности выражают также оттенок безразличности: Vezmi si cokoliv! *Возьми себе что угодно!*— Ať přijde kdokoliv! *Пусть придет кто угодно!* (*Кто бы ни пришел!*) Неопределенные местоимения, первую часть которых составляют частицы málo-, kde-, kdoví-, по своему значению приближаются к определительным местоимениям.

§ 77. Отрицательные местоимения

Отрицательные местоимения nikdo *никто*, nic *ничто, ничего*, nijaký *никакой*, ničí *ничей* образуются от вопросительных посредством присоединения к ним отрицательной частицы **ni-** и склоняются так же, как и местоимения без отрицания: nic как co (ničeho, ničemu...), nikdo как kdo (nikoho, nikomu, o nikom, nikým...), nijaký как jaký и т. д.

К отрицательным местоимениям относят также žádný *никакой*, склоняющееся как полное прилагательное твердой разновидности.

§ 78. Определительные местоимения

I. Местоимения с корнем **veš-, vše-,** из *vьśь, vьśa, vьśe (об изменении ś>š см. § 15 п. 4) оформлялись в истории чешского языка посредством различных суффиксов: -chen, -cek, -cken: všechen, -chna, -chno; všecek, -cka, -cko; všecken, -ckna, -ckno.

В современном языке наибольшее распространение получили формы všechen, všechna, všechno и všecek, všecka, všecko (последние более употребительны в разговорной речи).

Склонение определительного местоимения všechen

Падеж	Единственное число		
	Мужской род	Женский род	Средний род
И.	všechen, všecek	všechna, všecka	všechno, vše, všecko
Р.	všeho	vší	všeho
Д.	všemu	vší	všemu
В.	všeho (*одуш.*) všechen, všecek (*неодуш.*)	všechnu, všecku	všechno všecko
П.	(o) všem	(o) vší	(o) všem
Т.	všim	vší	všim

Падеж	Множественное число		
	Мужской род	Женский род	Средний род
И.	všichni, všicci(*одуш.*) všechny, všecky (*неодуш.*)	všechny, všecky	všechna, všecka
Р.	všech	všech	všech
Д.	všem	všem	všem
В.	všechny, všecky	všechny, všecky	všechna, všecka
П.	(o) všech	(o) všech	(o) všech
Т.	všemi	všemi	všemi

1. В современном языке местоимение všechen, -chna, -chno в единственном числе склоняется по образцу личного местоимения 3 л. on, ona, ono (ср. jeho — všeho, jemu —všemu и т. д.), а во множественном числе — по образцу указательных местоимений ten, ta, to (ср. těch — všech, těm — všem...)

2. Местоимения všecek, všecka, všecko, а также všecken, všeckna, všeckno, имеют особые формы только в им. и вин. пад. обоих чисел, в остальных падежах представлены общие для всех местоимений старые формы: všeho, všemu, o všem, vším и т. д.

3. Формы им. мн. муж. рода všichni (от všechen), všicci (от všecek), všickni (от všecken) употребляются по отношению к предметам одушевленным, формы všechny, všecky — по отношению к неодушевленным.

4. Указанные определительные местоимения первоначально склонялись по образцу мягких местоименных основ, однако не все формы этого склонения сохранились. Первоначальными являются формы косвенных падежей všeho, všemu, všem, vším и пр. В им. и вин. пад. старые формы без суффиксов (наряду с суффиксальными) встречаются чаще всего у субстантивированного местоимения ср. рода vše (to je vše *это всё*); как архаизмы книжного и поэтического языка сохранились формы вин. ед. жен. рода vši (nade vši pochybnost *вне всякого сомнения*) и им.-вин. мн. жен. и ср. рода vše.

5. В женском роде формы косвенных падежей получились фонетически из древнечешских: *род.* všie>vší, *вин.* všu>vši (všechnu — новообразование), *твор.* všū>vší.

II. Определительные местоимения každý, -á, -é *каждый, -ая, -ое* и veškerý, -á, -é *весь, вся, всё* изменяются как полные прилагательные твердой разновидности.

К определительным местоимениям можно отнести также sám, которое в им.-вин. ед. и мн. чисел имеет именные формы (sám, sama, samo; sami, samy, sama), а в остальных падежах — местоименные (saméhо, samému, o samém, samým, samé, samou, samých и т. д.).

ЧИСЛИТЕЛЬНЫЕ

§ 79. По значению и употреблению числительные в чешском языке делятся на следующие разряды:

1. к о л и ч е с т в е н н ы е, обозначающие определенное и неопределенное количество предметов: jeden, dva, tři, deset, několik, mnoho и пр.;

2. п о р я д к о в ы е, обозначающие порядок предметов при счете: první, druhý, třetí, desátý, stý и пр.;

3. в и д о в ы е, указывающие на то, во скольких видах или сортах находится исчисляемый предмет (dvojí víno

вино двух сортов, čtverá mouka *мука четырех сортов*) и собирательные, обозначающие количество предметов в их совокупности, как одно целое (troje hodiny *трое часов*, dvoje nůžky *двое ножниц*);

4. кратные, выражающие различные оттенки количества: кратности, множимости, делимости, повторяемости каких-либо предметов определенное количество раз: trojitý ‖ trojnásobný *тройной, троекратный*, pateronásobný *пятикратный* и пр.

С грамматической и синтаксической стороны категория числительных неоднородна. Одни разряды числительных по своим грамматическим свойствам близки к существительным (pět, tisíc, sto и т. д.), другие — к прилагательным (první, pátý, dvojí, šesteronásobný), третьи — к наречиям (dvakrát, po dvou).

§ 80. Количественные числительные

Количественные числительные подразделяются на определенные (pět, deset) и неопределенные (málo, mnoho, několik).

Определенные количественные числительные

1 — jeden, jedna, jedno
2 — dva (*муж. р.*), dvě (*жен. и ср. р.*)
3 — tři
4 — čtyři
5 — pět
6 — šest
7 — sedm
8 — osm
9 — devět
10 — deset
11 — jedenáct
12 — dvanáct
13 — třináct
14 — čtrnáct
15 — patnáct
16 — šestnáct
17 — sedmnáct
18 — osmnáct
19 — devatenáct
20 — dvacet
21 — jedenadvacet ‖ dvacet jeden и т. д.
30 — třicet
40 — čtyřicet
50 — padesát
60 — šedesát
70 — sedmdesát
80 — osmdesát
90 — devadesát
100 — sto
103 — sto tři
125 — sto dvacet pět
200 — dvě stě
300 — tři sta
400 — čtyři sta
500 — pět set
600 — šest set
700 — sedm set
800 — osm set
900 — devět set
1000 — tisíc
1692 — tisíc šest set devadesát dva
2000 — dva tisíce
3000 — tři tisíce
4000 — čtyři tisíce
5000 — pět tisíc
10000 — deset tisíc
500000 — pět set tisíc
1 000 000 milión
2 000 000 dva milióny
5 000 000 pět miliónů

Примечание. Счетные числительные, выраженные двумя цифрами, читаются двояко: единицы могут следовать за десятками, как в русском языке: 25—dvacet pět, а могут и предшествовать им. В последнем случае употребляется союз a и все выражение пишется слитно: pětadvacet. О передаче трехзначных числительных см. примеры выше.

Количественные числительные от трех (tři) до тысячи (tisíc) (за исключением sto) не имеют категории рода и форм числа. Числительное jeden различается по родам и имеет формы числа: ед. число — jeden, jedna, jedno; мн. число — jedni, jedny, jedna (во множ. числе jeden имеет значение местоимения). Числительное dva имеет две родовые формы: одну для мужского рода — dva, другую для женского и среднего — dvě.

Sto, tisíc и milión, являясь существительными, характеризуются категорией рода (sto — ср. р., tisíc и milión — муж. р.) и числа, однако во множественном числе (без числительного перед ними) формы sta, tisíce, milióny имеют значение неопределенного количества. Ср. примеры: dva milióny *два миллиона*, но: Jsou nás už milióny. *Нас уже миллионы.*

Замечания к склонению и употреблению количественных числительных

1. Числительное jeden (jedna, jedno) склоняется по образцу указательного местоимения ten (ta, to): jeden, jednoho, jednomu и т. д.

2. У числительного dva, dvě сохранились формы двойственного числа:

муж. род	*жен. и ср. род*
И.-В. dva	dvě
Р.-П. dvou	dvou
Д.-Т. dvěma	dvěma

Такие же формы имеет числительное oba, obě.

3. Числительное tři и čtyři, являясь по происхождению именными прилагательными i-основ, сохранили в основном свое старое склонение (ср. тип »kost«, § 52).

И.-В. tři	čtyři
Р. tří	čtyř
Д. třem	čtyřem
П. třech	čtyřech
Т. třemi	čtyřmi

Отличия от склонения прежних i-основ представлены в род. пад. у числительного čtyři — čtyř и в твор. пад. у числительного tři — třemi (фонетически должно было быть třmi). Две прежние формы им. пад. муж. рода (třie, čtyřie) и жен.-ср. рода (tři, čtyři) совпали в одной: tři, čtyři.

4. Числительное jeden, jedna, jedno согласуется с существительным в роде, числе и падеже, числительное dva, dvě — в роде и падеже, числительные tři, čtyři — только в падеже.

Числительные dva, dvě, tři, čtyři в им.-вин. пад. требуют после себя им. пад. мн. числа существительных, которые в прочих падежах принимают соответствующие формы: dva domy, dvě ženy, dvě jablka, tři, čtyři domy; tři, čtyři ulice; tři, čtyři jablka, но: dvou domů, tří žen, čtyř jablek и т. д.

5. Числительные от 5 до 99 (pět — devětadevadesát) также являются по происхождению существительными прежних i-основ, но в современном языке они имеют только две формы: в им.-вин. форму без окончания (pět, deset, třicet, šest), во всех прочих падежах — форму на -i: pěti, sedmi, třiceti.

Числительные от 5 до 99, стоящие в им.-вин. падеже, требуют после себя род. пад. мн. числа существительного: pět domů, třicet jablek, devětadevadesát vojáků; в остальных падежах существительное принимает соответствующие падежные формы: k pěti přátelům, o pěti přátelích, s pěti přáteli и т. д.

При многозначных числительных существительное согласуется с последним числительным: sto padesát čtyři studenti, но sto padesát šest studentů.

Примечания. 1. Числительные devět и deset в род., дат., предл. и твор. пад. имеют формы deviti, deseti || desiti.

2. Числительные 11—19 образовались из сочетания jeden na desęte (desęte — местн. падеж существительных с основой на согласные, по образцу которых первоначально склонялось числительное desęts. Ср. *ст.-слав.* единъ на десѧте). Сочетание (na) desęte претерпело значительные изменения: desęte>desěte>dcěte>dcet>ct: jedenáct.

3. Числительные 20, 30, 40 образовались из сочетаний: dva deseti>dvadceti>dvadcet>dvacet; tři deseti>třidceti>třidcet>>třicet.

4. Числительные 50, 60, 70, 80, 90 образовались из сочетаний pat- (без перегласовки), šest-, sedm-, osm-, devat- (без перегласовки) + desát: patdesát>padesát, šestdesát>šedesát, devatdesát>devadesát.

6. Числительные sto, tisíc и milión являются по своим грамматическим свойствам именами существительными, обозначающими количество: они различают число, имеют род, не всегда согласуются с существительными. Sto, являясь существительным среднего рода, склоняется по твердой разновидности существительных этого рода (тип »město«), tisíc — мужского рода; склоняется как неодушевленное существительное мягкой разновидности (»meč«); milión — мужского рода; склоняется как неодушевленное существительное твердой разновидности (»hrad«). Существительное, обозначающее исчисляемый предмет, находится при них в род. пад. мн. числа: sto lidí *сто человек*; tisíc obyvatel *тысяча жителей*, milión korun *миллион крон*.

Неопределенные количественные числительные

1. К неопределенным числительным относится небольшая группа слов, выражающих неопределенное оличество. Это, главным образом, количественные числительные: málo, mnoho, kolik, několik, tolik, а также некоторые порядковые и видовые: několikátý, několikerý.

2. Неопределенные числительные několik, kolik, tolik, mnoho имеют только две формы: форму им.-вин. (существи-

тельное при этом находится в форме род. мн.) и форму на -а во всех остальных падежах (существительное при этом принимает окончание соответствующей падежной формы). Напр.: mnoho lidí, o mnoha lidech, s mnoha lidmi и т. д., několik přátel, k několika přátelům, o několika přátelích и пр.

Числительное málo в сочетании с существительными не склоняется. Только в род. пад. возможна форма mála: málo lidí, s málo lidmi, но jeden z mála lidí.

Неопределенные числительные málo, mnoho, několik, tolik в современном языке воспринимаются как наречия — отсюда употребление застывших форм několik — několika и пр. В древнечешском языке они имели именное склонение, т. е. склонялись как »město«; ср. *др.-чеш.* po mnoze ..., ot mála, k málu, u mále, po několice dnech.

§ 81. Порядковые числительные

1. první, prvý, -á, -é	30. třicátý, -á, -é
2. druhý, -á, -é	40. čtyřicátý, -á, -é
3. třetí	50. padesátý, -á, -é
4. čtvrtý, -á, -é	60. šedesátý, -á, -é
5. pátý, -á, -é	70. sedmdesátý, -á, -é
6. šestý, -á, -é	80. osmdesátý, -á, -é
7. sedmý, -á, -é	90. devadesátý, -á, -é
8. osmý, -á, -é	100. stý, -á, -é
9. devátý, -á, -é	121. stý dvacátý první ‖ stý jedenadvacátý
10. desátý, -á, -é	
11. jedenáctý, -á, -é	200. dvoustý, -á, -é
12. dvanáctý, -á, -é	300. třístý, -á, -é
13. třináctý, -á, -é	400. čtyřstý, -á, -é
14. čtrnáctý, -á, -é	500. pětistý, -á, -é
15. patnáctý, -á, -é	600. šestistý, -á, -é
16. šestnáctý, -á, -é	700. sedmistý, -á, -é
17. sedmnáctý, -á, -é	800. osmistý, -á, -é
18. osmnáctý, -á, -é	900. devítistý, -á, -é
19. devatenáctý, -á, -é	1000. tisící
20. dvacátý, -á, -é	1000000. miliónтý, -á, -é
21. dvacátý první ‖ jedenadvacátý	

1. По своей грамматической функции порядковые числительные являются прилагательными. Так же как и последние, они согласуются с существительными в роде, числе и падеже, в предложении выступают в роли определений, склоняются как полные прилагательные твердой или мягкой разновидности. První, třetí и tisící склоняются по образцу прилагательных мягкой разновидности (první, prvního, prvnímu и т. д.), все прочие порядковые числительные склоняются по образцу прилагательных твердой разновидности (druhý, druhého, druhému, o druhém и т. д.).

2. Порядковые числительные, кроме první и druhý, образованы от количественных числительных. Ср. šest+ý>šestý, dvanáct+ý>dvanáctý и т. д.

Если количественное числительное является составным (dvacet pět), то в большинстве случаев таким же остается и порядковое числительное (dvacátý pátý). При образовании порядковых числительных от сотен и тысяч образуется одно сложное числительное, первую часть которого составляет форма родительного падежа: dvoustý, čtyřstý, pětistý...

Числительное tisící образуется при помощи суффикса -í, miliónтý — при помощи -tý.

Примечание. При летосчислении все числительные могут быть или только порядковыми: roku tisícího devítistého dvacátého pátého, или количественными и порядковыми: roku tisíc devět set dvacátého pátého ‖ devatenáct set dvacátého pátého, или же только количественными: roku devatenáct set pětadvacet ‖ roku tisíc devět set dvacet pět.

§ 82. Числительные видовые (druhové) и собирательные

1. Так называемые видовые числительные особыми формами выражают количество видов или сортов, в которых встречаются предметы. Напр.: dvojí sukno означает: «сукно двух сортов», trojí sešity — «тетради трех видов», paterá věc — «вещь в пяти видах (сортах)» и т. д.

Видовые числительные (кроме dvojí, trojí) образуются от порядковых числительных при помощи суффикса -er(ý), -á, -é: čtverý, -á, -é, paterý, -á, -é, sterý, -á, -é и т. д.

По своим грамматическим свойствам и синтаксической функции видовые числительные близки к прилагательным, по образцу которых они и склоняются: dvojí, trojí изменяются как »letní«, остальные числительные — как »mladý« (см. § 64).

В им. и вин. падежах обоих чисел для женского и среднего рода, а также в им.-вин. пад. мн. ч. мужского рода, существуют также именные формы: dvoje, troje (hodiny), čtvero (plátno); patera (věc), pateru (věc); patero (sukno), patery (kleště) и т. д.

В ряде случаев видовые числительные указывают только на количество предметов, т. е. выступают в значении или количественных, или собирательных числительных, обозначающих количество предметов в их совокупности. Подобное значение видовые числительные принимают в сочетании с именами существительными, не имеющими форм единственного числа (dvoje kalhoty *двое брюк*, troje kamna *три печки*), с абстрактными существительными (dvoje stanovisko *две* (*двоякая*) *точки зрения*), а также с существительными, которые считаются парами и во множественном числе обозначают одно целое (šestery punčochy *шесть пар чулок*, troje rukavice *трое рукавиц*). Как видно из примеров, почти во всех приведенных случаях числительные dvoje, troje, čtvery и т. д. имеют собирательное значение (ср. в русском языке — трое перчаток, четверо саней и пр.).

Примечание. В древнечешском языке были представлены и формы ед. ч. муж. рода dvój (<dъvojь), trój (<trojь), obój (<obojь), которые склонялись так же, как притяжательные местоимения mój, tvój (dvój, dvojeho, dvojemu и пр.). Современные формы dvojí, trojí, čtverý — сложные формы этих числительных.

§ 83. Кратные (násobné) числительные

1. Числительные, которые в чешских грамматиках принято называть кратными, являются, по существу, прилагательными или наречиями, выражающими различные оттенки количества: кратности, множимости, повторения чего-либо определенное количество раз.

Прилагательные с указанным значением образуются от количественных или видовых числительных посредством суффикса -násobný: dvojnásobný *двойной*, *двухкратный*; trojnásobný *тройной*, *троекратный*; šestinásobný, šesteronásobný *шестикратный*; desateronásobný *десятикратный*, stonásobný *стократный*, *во сто раз больший*. К числительному jeden кратным числительным считается jednoduchý *простой*; от числительных dva (dvě) и tři наряду с вышеприведенными формами существуют также формы dvojitý *двойной* и trojitý *тройной*.

Наречия с кратным значением образуются от количественных числительных при помощи суффикса -krát: pětkrát *пять раз*, *в пять раз*, desetkrát (*в*) *десять раз*, stokrát (*в*) *сто раз* (см. § 105).

2. Еще меньше права на выделение в самостоятельную смысловую группу имеют наречные выражения po dvou *по двое*, po deseti *по десяти*, po jednom *по одному*, po třiceti *по тридцати* и т. д., которые определяют количество соединенных вместе предметов. В чешских грамматиках подобные выражения носят названия разделительных числительных (podílné číslovky).

ГЛАГОЛ

§ 84. Глагол в чешском языке, так же как и в русском, характеризуется грамматическими категориями залога, вида, времени, наклонения и лица. Большинство глагольных форм характеризуется также категорией числа, некоторые глагольные формы характеризуются категорией рода.

Все глагольные формы можно разделить с синтаксической точки зрения на предикативные (спрягаемые), которые выступают в предложении в роли сказуемого, и непредикативные (неспрягаемые), которые в определенных случаях могут служить лишь частью составного сказуемого.

Предикативные (спрягаемые, или определенные) формы различают наклонения: а) изъявительное (nesu, nesl jsem и пр.), б) повелительное (nes! nesme! neste!) и в) условное (nesl bych, byl bych nesl); времена: а) настоящее: nesu, neseš...; dělám, děláš...; б) будущее: budu pracovat; přinesu, udělám; в) прошедшее: nesl jsem; 2 числа (единственное и множественное): nesu — neseme, nese — nesou и 3 лица: nesu, neseš, nese; neseme, nesete, nesou. Кроме того, почти все формы одного глагола имеют значение вида и залога.

Непредикативные (неспрягаемые, или неопределенные) формы глагола, к которым относится инфинитив, причастия и деепричастия, характеризуются лишь некоторыми из указанных выше грамматических категорий: категорией вида, отчасти залога, категорией времени — только для при-

частий и деепричастий, категорией грамматического рода и числа, одушевленности и неодушевленности — только для причастий.

Так же как и в русском языке, в чешском языке различается действительный и страдательный залог. Действительный: nesu, nesl jsem; nes!; nesl bych; страдательный: je nesen, buď chválen; jsa odveden, nese se.

Формы действительного и страдательного залога могут иметь лишь глаголы переходные. Напр.: vézti (koho, co) и veze se něco; tázati *спрашивать* (koho) — je tázán. О способах выражения и значении форм страдательного залога см. § 102.

Все формы глагола могут быть также совершенного и несовершенного вида. Ср.: nesu, nesl jsem, nesl bych, nésti и přinesu, přinesl jsem, přinesl bych, přinésti.

§ 85. Виды глагола

1. Так же, как и в других славянских языках, в чешском языке различаются глаголы совершенного и несовершенного вида. Уже в древнейший исторический период развития чешского языка система глагольных видов была довольно развита, хотя значительно меньше, чем в современном языке. Так, почти к каждому простому (непроизводному) глаголу несовершенного вида можно было образовать глагол совершенного вида и наоборот. Еще в дописьменный период различные словообразовательные глагольные типы использовались для выражения грамматической категории вида. Так, глаголы на -iti, образованные в большинстве случаев от основ прилагательных или существительных и выражавшие общее значение «делать каким-либо» (каузативы), были несовершенного вида: černiti *чернить*, běliti *белить*; глаголы на -ati (1 л. на -ajǫ) являлись в большинстве случаев производными глаголами несовершенного вида, это так наз. итеративы. Ср. vyháněti (<vyháňati), provázeti (<prová(d)z'ati).

Для выражения значения совершенности, законченности действия в чешском языке с древнейших времен использовались глаголы на -nū (<*nǫ).

Однако в целом глагольные классы, сложившиеся гораздо ранее развития системы видов, не могли быть использованы для выражения видовых значений, так как обычно в каждом классе были представлены глаголы обоих видов (ср. stárnouti *стареть* и kleknouti *стать на колени*).

В современном чешском языке (так было и в его истории) бóльшая часть простых бесприставочных глаголов — несовершенного вида. Ср.: nésti, bíti, šíti, psáti, vézti и т. д. Лишь некоторые глаголы сохранили совершенный вид: dáti (dám) и vzíti (vezmu). Некоторые глаголы на протяжении истории изменили вид. Ср. říci *сказать — др.-чеш.* řieci *говорить*.

Глаголы с суффиксом -nou (<*nǫ) могут быть как совершенного, так и несовершенного вида. Глаголы, обозначающие постепенный переход от одного состояния к другому, выражающие значение «становиться чем-л., каким-л.» (гл. образом отыменные образования)— несовершенного вида: bohatnouti *богатеть*, schnouti (<*sъchnǫti) *сохнуть*, mrznouti *мерзнуть*, mládnouti *молодеть*, slábnouti *слабеть*. Глаголы со значением однократности, мгновенности действия (большей частью отглагольные образования) — совершенного вида: padnouti *упасть*, mávnouti *махнуть*, lehnouti *лечь* и пр.

Глаголы на -eti (-ěti) со значением «становиться каким-либо» — несовершенного вида.

Некоторые глаголы уже в древнейший период развития чешского языка имели значение повторного действия: mievati, chodievati (*совр.* mívati, chodívati от míti *иметь*, choditi).

Отдельные глаголы могут иметь оба вида, напр.: obětovati *жертвовать* и *пожертвовать*, darovati *дарить* и *подарить*, věnovati *посвящать*, *дарить* и *посвятить*, *подарить*, hoditi se *годиться* и *пригодиться* и некоторые другие.

В значении обоих видов употребляется большое количество глаголов иностранного происхождения: informovat, socializovat, aprobovat, specializovat, typizovat, absolvovat.

Изменение видового значения глаголов происходит при образовании от них производных глаголов путем прибавления различных приставок и суффиксов, изменяющих при этом нередко и лексическое значение глагола.

2. Образование глаголов совершенного вида.

1) Глаголы совершенного вида образуются от глаголов несовершенного вида главным образом при помощи приста-

вок, которые выступают или только как грамматическое средство (а), или же, чаще, меняют лексическое значение глагола (б). Ср.:

а) dělati *делать* — udělati *сделать*
černati *чернеть* — zčernati *почернеть*
soliti *солить* — osoliti *посолить*
mýti *мыть* — umýti *умыть, вымыть*
stárnouti *стареть* — zestárnouti *постареть*

б) dělati *делать* — vydělati *заработать*
lézti *лезть* — nalézti *найти*
žíti *жить* — užíti *использовать*
věděti *знать* — povědět *рассказать*

2) Для образования глаголов совершенного вида употребляется также суффикс **-nou-**. Однако употребление этого суффикса в настоящее время очень ограничено и свойственно, главным образом, эмоционально окрашенному языку: risknout от riskovat, šiknout se от šikovat se. Как правило, глаголы на -nouti воспринимаются как основные, к которым образуются непроизводные глаголы несовершенного вида: zvyknout *привыкнуть* — zvykat *привыкать*.

3. Образование глаголов несовершенного вида.

1) Суффикс **-a-**

С суффиксом **-a-** глаголы несовершенного вида образовывались с давних пор:

а) от глаголов с основой настоящего и прошедшего времени на согласный:

říci *сказать, проговорить* — říkati *говорить*
vylézti *вылезти; влезть* — vylézati *вылезать; влезать*
navléci *надеть, натянуть* — navlékati *надевать*

б) от глаголов на -nouti:

mávnouti *махнуть* — mávati *махать*
píchnouti *кольнуть* — píchati *колоть*
usnouti *уснуть* — usínati *засыпать*

в) от глаголов на -iti:

chytiti *поймать* — chytati *ловить*
chopiti *схватить* — chápati *схватывать; понимать*
skočiti *прыгнуть* — skákati *прыгать*

2) Суффикс **-e- (-ě-)**

В ряде случаев при образовании глаголов несовершенного вида с суффиксом -a- произошло изменение суффикса -a- в -e- (см. § 26), так что с точки зрения современной можно говорить и о суффиксе -e-(-ě-).

Суффикс **-e-** образует глаголы несовершенного вида

а) от глаголов на -iti:

pustiti *пустить* — pouštěti (<pūščati) *пускать*
hoditi *бросить* — házeti (<gā(d)zati) *бросать*
vrátiti *вернуть* — vraceti (<vracati) *возвращать*

б) от глаголов с основой на согласный:

vynésti *вынести* — vynášeti (<vynāšati) *выносить*
vyhnati *выгнать* — vyháněti (<vygāňati) *выгонять*

Суффиксы -a- и -e- (<-a-) являются старым, но еще живым средством образования глаголов несовершенного вида.

Примечание. Образование глаголов несовершенного вида при помощи суффиксов -a- и -e- (-ě-) из -a- сопровождается в большинстве случаев продлением корневого гласного и чередованием согласных основы. Ср.: provoditi — provázeti (<prová-(d)zati<*provad+ja-ti).

3) Суффикс **-va- (-áva-, -íva-)**

При помощи суффикса **-va-** глаголы несовершенного вида образуются, главным образом, от таких глаголов совершенного вида, основа инфинитива которых равна корню на гласный:

pokrýti *покрыть* — pokrývati *покрывать*
užíti *употребить* — užívati *употреблять*
usmáti se *улыбнуться* — usmívati se *улыбаться*
rozdati *раздать* — rozdávati *раздавать*
poznati *узнать* — poznávati *узнавать*

Указанный способ образования глаголов несовершенного вида является весьма продуктивным в современном языке.

4) Суффикс **-ova-**

При помощи суффикса **-ova-** глаголы несовершенного вида образуются от глаголов, основа инфинитива которых оканчивается на -i (-iti), реже — на -nou:

koupiti *купить* — kupovati *покупать*
rozloučiti *разлучить* — rozlučovati *разлучать*
připraviti *приготовить* — připravovati *приготовлять*
zkrátiti *сократить* — zkracovati *сокращать*
doručiti *вручить, доставить* — doručovati *вручать*
protáhnouti *протянуть* — protahovati *протягивать*

В ряде случаев образования с -ova- являются более новыми, вытеснившими старые образования с суффиксом a>e:

		др.-чеш.	*совр.*
Ср.:	obnoviti	obnāvěti	obnovovati
	připraviti	připrāvěti	připravovati
	přinutiti	přinūcěti	přinucovati

Примечание. При образовании глаголов несов. вида с суффиксом -ova- происходит чередование кратких и долгих корневых гласных (koupiti — kupovati) и согласных основы (zkrátiti — zkracovati).

4. Многократные глаголы.

Многократные глаголы в чешском языке выражают значение частой или редкой, регулярной или нерегулярной повторяемости (обычно с оттенком «иногда», «временами», «довольно часто»). Чаще всего они употребляются в прошедшем времени.

Многократные глаголы образуются при помощи суффикса **-va-** от глаголов несовершенного вида, основа которых оканчивается на гласный. Напр.:

dělati	*делать*	— dělávati
chytati	*хватать, ловить*	— chytávati
choditi	*ходить*	— chodívati
nositi	*носить*	— nosívati

Значение многократности имеют также глаголы vídati, slýchati, jídati и čítati.

Иногда многократные глаголы образуются посредством удвоения суффикса -va- — **-váva-**: hráti — hrávávati, choditi — chodívávati. Подобное удвоение суффикса может быть вызвано стремлением к усилению значения или к подчеркиванию эмоциональной стороны предложения. Если же действие протекает в прошлом, то глагол с суффиксом

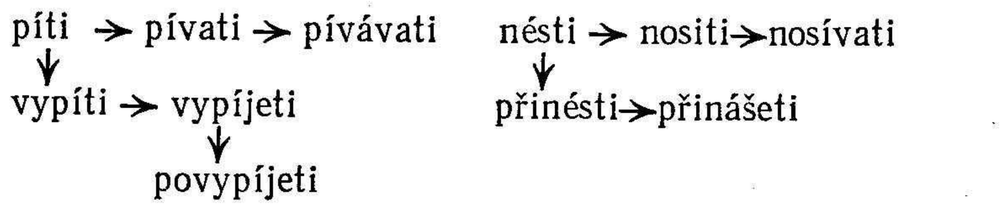
-váva- указывает на повторение действия в давнопрошедшем времени. Ср.: Když jsem já k vám chodívával, pejsek na mne štěkávával (*нар. песня*).

Повторяющееся действие, обычно с оттенком дистрибутивности (т. е. распределения действия на ряд объектов) могут выражать также глаголы, образованные от итеративных при помощи приставки (чаще всего **po-**) : povypíjeti, porozdávati.

5. Среди глаголов несовершенного вида небольшая группа глаголов движения образует два параллельных ряда, различающихся по значению. Одни глаголы обозначают движение определенное, конкретное, совершаемое в определенное время и в определенном направлении: nésti, vésti, jíti, jeti, běžeti, letěti, hnáti, другие глаголы обозначают движение неопределенное, отвлеченное, совершаемое в разных направлениях или в разные моменты времени: nositi, voditi, choditi, běhati, létati, honiti. Последняя группа глаголов может выражать также повторяемость действия.

6. Последовательное образование видовой цепи глаголов совершенного и несовершенного вида (включая многократные глаголы) можно наглядно представить следующим образом:

а) Исходным глаголом является простой, непроизводный глагол несовершенного вида, от которого образуются глаголы совершенного (по вертикали) и несовершенного вида (по горизонтали), включая глаголы многократные:



б) Исходный глагол — совершенного вида, от него при помощи суффикса образуется глагол несовершенного вида, а при помощи префикса — вторичный глагол совершенного вида и т. д.



7. У нескольких глаголов видовая пара образуется от другой основы: bráti — vzíti, báti se — leknouti se, klásti — položiti.

§ 86. Основы глагола

Глагольные формы образуются от двух глагольных основ: основы настоящего времени и основы инфинитива (или прошедшего времени). Основа настоящего времени выявляется в формах настоящего времени при отделении от них личных окончаний (nes-u, nes-eš, nes-e — основа nes-; dělá-m, dělá-š, dělá — основа dělá-). Основа инфинитива (прошедшего времени) выявляется в форме инфинитива (nés-ti, dě̌la-ti, umě̌-ti) или в форме причастия прошедшего времени на -l (nes-l, dě̌la-la, umě̌-li), если от нее отделить суффикс причастия -l- с родовым окончанием.

Примечание. Практически удобнее пользоваться основой прошедшего времени (nes-l, dě̌la-l), поскольку она является исходной для образования глагольных форм и поскольку в ряде случаев она отличается от основы инфинитива. Ср. říci — řekl (основа прош. вр. řek-), vésti — ved-l, žíti *жать* — ža-l.

Обычно та или иная глагольная форма может быть образована только от одной из глагольных основ.

От основы настоящего времени образуются следующие формы: настоящее время (nesu), простое будущее (у глаголов совершенного вида: odnesu), повелительное наклонение (dej!, přines!), деепричастие настоящего времени (nesa, nesouc, nesouce) и действительное причастие настоящего времени (šijící).

От основы прошедшего времени образуются неопределенные глагольные формы: инфинитив (nésti ‖ nést, prositi ‖ prosit)*, причастие прошедшего времени на -l (nesl, prosil), деепричастие прошедшего времени (přišed, poprosivši), страдательное причастие (nesen, udělán; nesený, udělaný) и редко употребляющееся действительное причастие прошедшего времени (přišedší).

Прочие глагольные формы образуются аналитически, путем сложения форм вспомогательного глагола býti с

* Инфинитив на -ti — старая, книжная форма; более новой литературной является форма на -t.

инфинитивом или причастием прошедшего времени на -l смыслового глагола. К ним относятся формы прошедшего времени (přišel jsem), будущего сложного (budu pracovat) и формы условного наклонения настоящего и прошедшего времени (přišel bych, byl bych přišel).

Следует отметить, что у многих глаголов основа настоящего и прошедшего времени на протяжении истории чешского языка изменялась. В связи с различными фонетическими и морфологическими процессами происходило переразложение основ. Так, например, в древнечешский период глагол dělati имел основу настоящего времени на jo/je (dělajǫ — dělaje-šь), а в современном языке в результате ряда процессов (стяжение гласных, обобщение основы 1 л. ед. ч. по образцу 2—3 л. ед. ч. и 1—2 л. мн. ч.) этот глагол имеет основу настоящего времени на -á (ср. 1 л. ед. ч. dělá-m, 2 л. dělá-š, 3 л. dělá и т. д.). Точно так же в глаголах типа nésti основа настоящего времени раньше оканчивалась на o/e (nesǫ — nese-šь), а затем в результате переразложения стала оканчиваться на согласный (тематическое -e отошло к окончанию). Ср. nes-u, nes-eš, nes-e и т. д.

В ряде случаев изменялась также и основа инфинитива: *mę̨ti, *др.-чеш.* mieti — *совр.* mnouti; *др.-чеш.* pásti (padu) — *совр.* padnouti (padnu).

§ 87. Классы глаголов

Классификацию чешского глагола можно производить как по основе настоящего времени, так и по основе инфинитива (прошедшего времени).

По основе инфинитива традиционной классификацией чешского глагола является следующая:

1 класс. Основа глагола равна корню:
nés-ti, pí-ti

2 класс. Основа оканчивается на суффикс -nou:
minou-ti, tisknou-ti

3 класс. Основа оканчивается на суффикс -e (-ě):
umě̌-ti, trpě̌-ti

4 класс. Основа оканчивается на -i:
prosi-ti, chváli-ti

5 класс. Основа оканчивается на -a:
děla-ti, brá-ti, maza-ti

6 класс. Основа оканчивается на суффикс -ova:
kup-ova-ti, mil-ova-ti.

Однако приведенная классификация, исходящая в основном из праславянского состояния глагола, не отражает тех исторических изменений, которые произошли во многих формах, образуемых от основы настоящего времени. Глаголы, объединившиеся позже по типу спряжения в один класс, относятся по этой классификации к различным классам (напр., uměti, prositi) и, наоборот, глаголы различного спряжения относятся к одному классу. Ср., напр., 1 л. ед. ч. настоящего времени глаголов 1 класса: nésti — nesu, píti — piji и 1 л. ед. ч. глаголов 5 класса: dělati — dělám, bráti — beru, mazati — maži (mažu).

Более удобно при определении характера исторических изменений в области глагольных форм пользоваться классификацией глаголов по основам настоящего времени, также исходящей в основном из праславянского состояния глагола, но позволяющей проследить исторические изменения глагольных форм.

По основе настоящего времени (также по традиции) выделяются 4 класса тематических глаголов и один класс нетематических глаголов.

1 класс. Глаголы с основой настоящего времени на o/e:
nesu<nesǫ — neseš(ь), vedu<vedǫ — vedeš(ь).

2 класс. Глаголы с основой на no/ne:
tisknu<tisknǫ — tiskneš(ь), minu<minǫ — mineš(ь).

3 класс. Глаголы с основой на jo/je:
znaju<znajǫ (*совр.* znám) — znaješ(ь) (*совр.* znáš)
piju<pijǫ (*совр.* piji) — piješ(ь)
češu<*česjǫ (*совр.* češi || češu) — češeš(ь)
kupuju (<-jǫ) (*совр.* kupuji) — kupuješ(ь).

4 класс. Глаголы с основой на -i:
prošu<prošǫ<*prosjǫ (*совр.* prosím) — prosíš(ь).

Нетематические глаголы: dám(ь) (<dadmь), jsem (<jsmь <*jesmь), jím (<jiem <*jědmь), vím (<viem <*vědmь), mám (<jmám <*jmamь).

Для современного языка приемлемой является та классификация, которая строится на учете закономерных способов образования глагольных форм, производных от той или иной основы, т. е. классификация, вытекающая из сопоставления обеих основ при учете личных окончаний и суффиксов глаголов (см. применение этого принципа при классификации спряжений глаголов в настоящем времени).

Продуктивные и непродуктивные классы глаголов

При определении продуктивности класса нами принималась во внимание, прежде всего, продуктивность основы (продуктивное соотношение основ настоящего и прошедшего времени), словообразовательная активность суффикса, а также его грамматическая сторона — способность принимать участие в образовании глаголов совершенного вида. Учитывалась также продуктивность флексий. И хотя один и тот же суффикс в зависимости от семантики основы может быть более продуктивным или менее продуктивным, а семантически родственные основы с одним суффиксом дают регулярные словообразовательные ряды, а с другим — образования непродуктивные, все же можно с большей или меньшей приблизительностью установить продуктивность глагольных классов.

1. Наиболее продуктивным глагольным типом являются глаголы с суффиксом прошедшего времени (инфинитива) -ova-. Глаголы этого типа постоянно пополняются новообразованиями. С одной стороны, к ним относятся глаголы, образованные от существительных при помощи словообразовательного суффикса -ova-: telefon — telefonovati, poslanec *депутат* — poslancovati *быть депутатом*, papoušek *попугай* — papouškovati *повторять, как попугай*. Весьма продуктивен суффикс -ova- с иностранными основами: šéfovat, ministrovat, profesorovat. С другой стороны, при помощи суффикса -ova- образуются глаголы несовершенного вида к глаголам совершенного вида: zastíniti *затемнить, затенить* — zastiňovati, zvýšiti *повысить* — zvyšovati, shromážditi *собрать* — shromažďovati, omeziti *ограничить* — omezovati, znárodniti *национализировать* — znárodňovati и т. д.

Кроме того, указанный глагольный тип постоянно пополняется глаголами иностранного происхождения, первоначальный суффикс которых заменен чешским суффиксом -ova-: ср. apelovati, aprobovati, salutovati, existovati *существовать*, informovati, reagovati, dirigovati *дирижировать* и пр.

2. Основную массу глаголов на -iti (типа prositi) составляют старые непроизводные глаголы: hasiti, nositi, voditi, jezditi. Живой и достаточно продуктивный способ образования глаголов этого типа представляет образование от прилагательных со значением «(с)делать что-либо или кого-либо каким-либо»: znárodniti *национализировать, обобществить*, zřediti *разредить*.

Достаточно продуктивным можно считать также образования от существительных со значением «вести себя, поступать подобно лицу, названному в основе, иметь профессию, заниматься ремеслом»: hospodařiti, sekretařiti, novotařiti, úderničiti, brigádničiti.

Примечание. Глаголы на -ařiti, -ičiti проникают в литературный язык из народной речи и профессиональных жаргонов; как правило, они эмоционально окрашены.

3. Весьма продуктивным также является тип глаголов с инфинитивом на -ati (в том числе и итеративные глаголы с суффиксом -va-): dělati, volati *звать*, vítati *встречать, приветствовать*, dávati, pokrývati и т. д. Однако продуктивность этого глагольного типа объясняется не тем, что суффикс -a- выступает как активное словообразовательное средство, а главным образом тем, что при помощи суффикса -va- образуются итеративные глаголы от всех глаголов несовершенного вида, основа инфинитива которых оканчивается на гласный: dělati — dělávati, choditi — chodívati, bráti *брать* — brávati, sázeti *сажать* — sázívati, а также тем, что от глаголов совершенного вида образуются при помощи суффикса -va- глаголы несовершенного вида: vybrati — vybírati (см. § 85). К этому продуктивному типу спряжения (dělati — dělám, děláš и т. д.) примкнули некоторые глаголы на -ati непродуктивных I и III классов (см. §§ 89—91), образующие параллельно со старыми формами новые по образцу dělati:

sypati	*сыпать*	— sypu ‖ sypám
klovati	*клевать*	— klovu ‖ klovám
dřímati	*дремать*	— dřímu ‖ dřímám
lízati	*лизать*	— líži (lížu) ‖ lízám
česati	*чесать*; *собирать* (*урожай*)	— češi (češu) ‖ česám

4. Продуктивным, особенно в историческом развитии, является тип глаголов с суффиксом инфинитива -nou-: tisknouti *жать*; *печатать*, moknouti *мокнуть*, plynouti *проходить*, *протекать* (*о времени*), lehnouti *лечь* и пр.

В истории чешского языка можно наблюдать множество новообразований инфинитивов с суффиксом -nou- от глаголов, относившихся ранее к другим классам. Ср., напр., *совр.* sednouti (sednu) и *др.-чеш.* siesti (sadu, sedeš), *совр.* lehnouti *лечь* (lehnu) и *др.-чеш.* léci (lehu<ťahu), ležeš; *совр.* vládnouti *владеть* (vládnu) и *др.-чеш.* vlásti (vladu), *совр.* bodnouti *кольнуть*, *уколоть* (bodnu) и *др.-чеш.* bosti (bodu), *совр.* padnouti (padnu) и *др.-чеш.* pásti (padu). Некоторые глаголы в современном языке имеют параллельные новые и старые формы, например: řeknouti и říci *сказать*, žnouti и žíti *жать*, zatknouti и zatíti *заткнуть*, *зажать*. Кроме того, старые древнечешские инфинитивы pieti (<*pęti), mieti (<*męti), jieti (<*jęti), dūti (<*dǫti) также были вытеснены новообразованиями с суффиксом -nou-: pnouti, mnouti, jmouti, dmouti. В последнем случае на звуковой вид инфинитива оказала влияние и основа настоящего времени, в результате чего основы инфинитива и настоящего времени этих глаголов совпали. (Ср. 1 л. ед. ч.: pnu, mnu, jmu, dmu.)

5. Живой, но малопродуктивный тип представляют глаголы на -eti (-ěti): sázeti, uměti и пр. Относительная продуктивность глаголов этого типа определяется образованием их от прилагательных со значением «становиться каким-либо»: červivěti *червиветь*, hubeněti *худеть*, šedivěti *седеть* и пр.

Непродуктивным в современном языке, но весьма распространенным является также образование глаголов несовершенного вида при помощи суффикса -e- (-ě-): vrátiti *вернуть* — vraceti *возвращать*, probuditi *разбудить* — pro-

bouzeti *пробуждать, будить*, nositi *носить* — (při)nášeti *приносить* и т. п.

6. Совершенно непродуктивными и неживыми являются глаголы прежних o/e-основ: péci *печь* — peku, plésti *плести, вязать* — pletu, vézti *везти* — vezu, říci *сказать* — řku ‖ řeknu, а также глаголы, основа инфинитива которых равна корню на гласный (прежние jo/je-основы): píti *пить* — piji, mýti *мыть* — myji, žíti *жить* — žiji, bíti *бить* — biji и др.

7. Наконец, совершенно изолированный тип представляют прежние нетематические глаголы, которые с современной точки зрения (кроме глагола dáti) имеют неправильное спряжение (см. § 93).

§ 88. Настоящее время. Типы спряжения

По формам настоящего времени различаются следующие типы (классы) спряжения:

	Личные окончания	
I класс	*ед. число*	*мн. число*
	-u	-em(e)
	-eš	-ete
	-e	-ou
II класс		
	-m	-me
	-š	-te
	—	-(í),-í
III класс		
	-i (-u)	-em(e)
	-eš	-ete
	-e	-í

Нетрудно заметить близость личных окончаний глаголов 1-го и 3-го спряжения, отличающихся только формами 1 л. ед. ч. и 3 л. мн. ч. По существу можно говорить о двух типах спряжения, так как некоторые глаголы 3-го класса в народно-разговорной речи имеют в 1 л. ед. ч. окончание -u, а в 3 л. мн. ч. окончание -ou.

§ 89. I класс

nésti		bráti		minouti	
ед. ч.	мн. ч.	ед. ч.	мн. ч.	ед. ч.	мн. ч.
nes-u	nes-em(e)	ber-u	ber-em(e)	min-u	min-em(e)
nes-eš	nes-ete	ber-eš	ber-ete	min-eš	min-ete
nes-e	nes-ou	ber-e	ber-ou	min-e	min-ou

По приведенным образцам спрягаются:

1) глаголы с прежней основой на o/e:

а) глаголы, основа настоящего и прошедшего времени которых в современном языке равна корню на согласный: nes-u — nes-l (nésti), vez-u — vez-l (vézti), ved-u — ved-l (vésti), met-u — met-l (mésti), čt-u — čet-l (čísti *читать*), kvet-u — kvet-l (kvésti *цвести*), pek-u — pek-l (péci), tek-u — tek-l (téci) и т. п.;

б) немногочисленные глаголы, основа настоящего времени которых равна корню на согласный, а основа прошедшего времени равна корню на согласный+a (e): ber-u — bra-l (bráti), tř-u — tře-l (třít *тереть*), tep-u — tepa-l (tepati *бить, колотить*), žen-u — hna-l (hnáti *гнать*);

2) глаголы с прежней основой на no/ne. В современном языке основа настоящего времени этих глаголов равна корню плюс -n, а основа прошедшего времени равна корню плюс -nu или только корню: tiskn-u — tisk-l (tisknouti *жать; печатать*), min-u — minu-l (minouti *миновать, пройти мимо*), vázn-u — váz-l (váznouti *вязнуть*), klekn-u — klek-l (kleknouti <klękn̨ti *стать на колени*);

3) по этим же образцам спрягаются глаголы, имеющие разные основы настоящего и прошедшего времени: jíti *идти* (jdu — šel), jeti *ехать* (jedu — jel) и некоторые другие глаголы.

Замечания к глаголам I класса

1. У глаголов на задненебный [k] и гортанный согласный [h] (инфинитивы на -ci) перед суффиксом, начинающимся с e, представлено чередование k ‖ č, h ‖ ž: péci *печь* — peku,

pečeš, peče, pečeme, pečete; téci *течь* — tečeš, teče... tekou; moci *мочь* — mohu, můžeš... mohou.

У глаголов с основой на -k- в 1 л. ед. ч. и 3 л. мн. ч. представлены параллельные формы: peku || peču, pekou || pečou; vleku || vleču, vlekou || vlečou (vléci *тащить*). Последние формы с обобщенной основой являются новообразованиями, проникшими в литературный язык из разговорной речи. Подобное же выравнивание наблюдается почти у всех глаголов в основе на -r: tříti *тереть* — tru || třu, třeš... trou || třou, zavříti *закрыть* — zavru || zavřu, zavřeš... zavrou || zavřou, mříti *умирать* — mru || mřu, mřeš... mrou || mřou и т. д.

2. При образовании форм настоящего времени в истории чешского языка произошли также изменения и внутри корня — в результате перегласовки a>e, ā>îê>í.

Ср. *др.-чеш.* přadu, но předeš (от přísti *прясть*), třasu, но třieseš (от třásti *трясти*), váznu, но viezneš (от váznouti *вязнуть*). В современном чешском языке в большинстве случаев произошло выравнивание звукового вида основы, т. е. předu стало как předeš, třesu как třeseš, vázneš как váznu и т. п.

3. Некоторые глаголы на -ati (тип brátі) в современном языке обнаруживают тенденцию перехода во II класс (тип dělám). Новообразования dřímám, sypám являются более употребительными, чем старые формы dřímu, sypu и т. п. Ср. аналогичное явление в русских параллельных формах: каплет || капает, колеблю || колебаю.

§ 90. II класс

prositi		uměti		dělati	
ед. ч.	мн. ч.	ед. ч.	мн. ч.	ед. ч.	мн. ч.
prosí-m	prosí-me	umí-m	umí-me	dělá-m	dělá-me
prosí-š	prosí-te	umí-š	umí-te	dělá-š	dělá-te
prosí	prosí	umí	uměj-í trpí	dělá	dělaj-í

По образцу глаголов II класса спрягаются:

1) глаголы с прежней основой на -i. В современном языке основа настоящего времени этих глаголов равна корню

+ í, а основа прошедшего времени корню + i: prositi — prosím, voditi—vodím, mysliti — myslím, platiti—platím и пр.

2) глаголы на -ati и -eti с прежней основой настоящего времени на jo/je:

а) в современном языке у глаголов на -ati (тип dělati) основа настоящего времени равна корню + á, основа прошедшего времени равна корню + a: volati *звать* — volám, obědvati *обедать* — obědvám, nechati *оставлять* — nechám и пр.;

б) у глаголов на -eti (ě у некоторых глаголов получилось из a в результате перегласовки) основа настоящего времени равна корню + í, а основа прошедшего времени корню + e (ě): sázeti (<sāzati) *сажать* — sázím, rozuměti *понимать* — rozumím, ležeti (<ležati) — ležím, stavěti *строить* — stavím, uměti — umím и пр.

Замечания к глаголам II класса

1. Ряд глаголов на -eti (-ěti) — slyšeti, viděti, křičeti, běžeti, ležeti и др. — в 3 л. мн. ч. имеет окончание -í: slyší, vidí ...; некоторые глаголы на -eti (-ěti) имеют параллельные формы на -ejí || -í:

boleti	*болеть* (*у кого что*)	— bolí || bolejí
mizeti	*исчезать*	— mizí || mizejí
náležeti	*принадлежать* (*к*)	— náleží || náležejí

Примечание. Окончание -í имеют глаголы на -eti (-ěti), которым в русском языке соответствуют глаголы на *-ат, -ят*: leží — лежат, vidí — видят.

2. Глаголы типа uměti и dělati в 3 л. мн. ч. имеют вариант основы -ej (-ěj) и -aj: uměj-í, sázej-í, dělaj-í, vstávaj-í.

§ 91. III класс

píti		kupovati		mazati	
ед. ч.	мн. ч.	ед. ч.	мн. ч.	ед. ч.	мн. ч.
pij-i	pij-eme	kupuj-i	kupuj-eme	maž-i(-u)	maž-eme
pij-eš	pij-ete	kupuj-eš	kupuj-ete	maž-eš	maž-ete
pij-e	pij-í	kupuj-e	kupuj-í	maž-e	maž-í(-ou)

По образцу глаголов третьего класса спрягаются глаголы с прежней основой настоящего времени на jo/je. В современном языке к этому классу относятся:

а) глаголы с основой настоящего времени, равной корню на гласный + j, основа прошедшего времени которых равна корню на гласный: bíti *бить* — biji, šíti *шить* — šiji, mýti *мыть* — myji, krýti — kryji, hřáti *греть* — hřeji и т.д.;

б) большая и продуктивная группа глаголов, основа настоящего времени которых равна корню + суффикс -uj-, а основа прошедшего времени (инфинитива) — корню + суффикс -ova-: milovati *любить* — miluji, radovati se — raduji se, litovati *сожалеть* — lituji и пр.;

в) глаголы с чередующимися свистящими (или задненёбными) и шипящими согласными в основе: mazati — maži ‖ mažu, vázati — váži ‖ vážu, plakati *плакать* — pláči ‖ pláču, psáti *писать* — píši ‖ píšu и др.

Замечания к глаголам III класса

1. У глаголов с чередующимися согласными основы в 1 л. ед. ч. наряду с окончанием -i возможно окончание -u, а в 3 л. мн. ч. наряду с -í возможно -ou. Оба окончания являются литературными: pláči ‖ pláču и pláčí ‖ pláčou и т. д.

2. В народно-разговорной речи окончания -u, -ou употребляются также у глаголов типа kupovati, píti: kupuju, kupujou, piju, pijou. Формы 1 л. на -u — piju, kryju — проникают в разговорный литературный язык.

3. Некоторые глаголы типа mazati наряду со старыми формами образуют параллельно форму по образцу dělati: češu (češi) ‖ česám, češeš ‖ česáš...; řežu (-i) ‖ řezám, tešu (-i) ‖ tesám, kloužu ‖ klouzám и т. д. Ср. то же в русском языке: плещу ‖ плескаю, полощу ‖ полоскаю, мяучет ‖ мякает, колышется ‖ колыхается и т. п.

§ 92. История личных окончаний глаголов настоящего времени

1. Окончание -u в 1 л. ед. ч. у тематических глаголов возникло в результате деназализации носового ǫ: nesu<nesǫ, minu<minǫ (см. § 22). Окончание -u (<ǫ) сохранилось у глаголов прежних o/e и no/ne основ (I класс), т. е. в тех случаях, где оно оказалось в положении после твердого согласного. В положении после мягких согласных (у глаголов с прежней основой jo/je) u изменилось в i. Ср. глаголы 3 класса: *совр.* kupuji<kupuju (<kupujǫ), piji<piju (<pijǫ), maži<mažu (<mažǫ), *др.-чеш.* prosi<prošu (<prošǫ), dělaji<dělaju (<dělajǫ), одиночную форму chci <chcu<chcǫ *хочу* (chtíti<chtieti *хотеть*).

У глаголов типа mazati наряду с окончанием -i, закономерно появившимся в результате перегласовки -u после мягких согласных, в современном языке употребляется также окончание -u (mažu, píšu), которое появилось по аналогии с глаголами типа nesu, vedu, peku.

Глаголы II класса (по современной классификации) dělati, uměti, prositi имеют в современном языке окончание -m: dělám, znám, sázím, chválím, prosím и пр., которое появилось под влиянием очень употребительных нетематических глаголов dám, jsem, jím, vím, (j)mám. Проникновению окончания -m способствовало то обстоятельство, что после стяжения гласных формы 2 и 3 л. ед. ч. глаголов типа dělati, znáti, uměti и пр. совпали по окончаниям с формами нетематических глаголов, т. е. dělaješ>děláš, dělaje>dělá как dáš, dá, jmáš, jmá; uměješ>umieš>umíš, uměje>umí как jieš>jíš, vieš>víš, jie>jí, vie>ví.

Окончание -m проникло в тематические глаголы с долгим гласным в основе на протяжении XIV столетия. В некоторых памятниках XIV в. можно встретить три параллельные формы типа dělaju ‖ dělaji ‖ dělám, а также иногда prošu ‖ proši ‖ prosím (от глаголов на -iti). Утвердилась последняя форма, и таким образом появились формы 1 л. dělám, umím, sázím, trpím, lovím, prosím и т. д. При этом произошло переразложение и обобщение звукового вида основы. Ср. *др.-чеш.* prošu>proši, но *совр.* prosím; lov'u — lovím, trp'u — trpím и т. п.

В словацком языке процесс распространения окончания -m пошел еще дальше: оно закрепилось за глаголами всех классов: nesiem, pečiem, miniem, trem, kupujem, tešem.

2. Во 2 л. ед. ч. все тематические глаголы имели окончание -šь, которое дало -š (в старославянском -ši). Нетематические глаголы имели окончание -si, которое удержалось до настоящего времени лишь в форме jsi (инфинитив býti).

Прочие нетематические глаголы приняли окончание -š: dáš, jíš, víš, máš.

3. В 3 л. ед. ч. первоначальное окончание -t<tь (ср. *ст.-слав.* -тъ, *др.-рус.* -ть) отпало еще в дописьменный период, в результате чего форма 3 л. ед. ч. стала оканчиваться на чистую основу. Старая форма на -t сохранилась только в форме jest (инф. býti). В современном языке в связи с переразложением основы прежние тематические гласные основы стали у одних глаголов окончанием (ср. I и III классы: nes-e, min-e, tiskn-e, kupuj-e, píš-e, maž-e, pij-e и т.д.), у других — сохранились или вошли в состав основы: dělá (dělaje), umí (uměje), prosí и пр. Таким образом, у глаголов нынешнего II класса (dělá, umí, prosí) форма 3 л. ед. ч. не имеет особой флексии, а оканчивается на гласный основы

4. В 1 л. мн. ч. в современном языке употребляются два окончания: -m и -me. Окончание -m наряду с -me возможно у тех глаголов, которые в форме 1 л. ед. ч. имеют окончание -i или -u: nesem(e), berem(e), mažem(e), tisknem(e), minem(e), kupujem(e)... Глаголы, оканчивающиеся в 1 л. ед. ч. на -m, в 1 л. мн. ч. могут иметь только -me: známe, chválíme, umíme.

Окончание -m возникло из -mъ. Однако после распространения окончания -m в 1 л. ед. ч. окончание множественного числа -m стало вытесняться окончанием -me (<*me, *mes). Весьма употребительное в древнечешском языке окончание -my, которое появилось, по-видимому, под влиянием личного местоимения 1 л. мн. ч. my: dámy, budemy, в настоящее время распространено лишь в некоторых говорах (местами в ганацких, моравско-словацких и ляшских).

5. Во 2 л. мн. ч. сохраняется окончание -te, которое по говорам имеет лишь свои фонетические варианты: ťe, će.

6. В 3 л. мн. ч. глаголы настоящего времени имели окончание -ǭ(tь) и -ę̄(tь). Окончание -tь отпало уже после сокращения долгих гласных в конечном открытом слоге, вследствие чего долгота конечного гласного удержалась.

Еще в дописьменный период развития чешского языка ǭ>ū, которое затем после твердых согласных изменилось в -ou, а после мягких в -í. Ср. nesǭ>nesū>nesou; bǫdǭ >budū>budou; dělajǭ>dělajū>dělají; umějǭ>umějū>

umějí; kupujǭ>kupujū>kupují. Гласный ę̄ > ā̂>ie>í. Ср. *prosę̄, *др.-чеш.* prosie, *совр.* prosí.

По говорам в 3 л. мн. ч. представлены весьма разнообразные окончания: а) весьма распространено окончание -ou после мягких согласных: kryjou, kupujou и т. д.; б) получило распространение окончание -ěj (-ějí) у глаголов, которые в литературном языке имеют окончание -í: běžej(í), mluvěj(í), prosej(í), trpěj(í) и т. д.; в) у глаголов на -ati употребляется усеченная форма на -aj: voni dělaj, volaj.

7. Переразложение основ настоящего времени, которого мы коснулись при рассмотрении формы 3 л. ед. ч., проведено и в прочих лицах. Так, тематический гласный e глаголов прежних o/e и no/ne-основ, а также некоторых, не подвергшихся стяжению, глаголов jo/je-основ (kupovati, píti и пр.), отошел к окончанию. Результатом переразложения явилось то, что в современном языке представлено два типа окончаний: а) -u ‖ -i, -eš, -e, -em(e), -ete, -ou ‖ -í и б) -m, -š, —, -me, -te, -(aj, ej)í.

§ 93. Спряжение прежних нетематических глаголов

	»býti«		»věděti«	
1 л.	jsem	jsme	vím	víme
2 л.	jsi	jste	víš	víte
3 л.	je, jest	jsou	ví	vědí

Примечание. Так же как věděti спрягается глагол jísti: jím, jíš...

	»míti«		»dáti«	
1 л.	mám	máme	dám	dáme
2 л.	máš	máte	dáš	dáte
3 л.	má	mají	dá	dají

Замечания к спряжению нетематических глаголов

1. Во 2 л. ед. ч. нетематические глаголы (кроме »býti«) первоначальное окончание -si очень рано заменили окончанием -š(ь), которое было свойственно глаголам тематическим.

2. У глагола dáti изменилась также форма 3 л. мн. ч. Старая форма dadí была вытеснена формой dají, образованной по аналогии с формой dělají. Новая форма dají засвидетельствована уже памятниками XVI в.

3. Праславянские формы глагола býti: jesmь, jesi, jest(ь), jesme, jeste, sǫtь в чешском языке значительно изменились. С самых древнейших времен в чешском языке представлены сокращенные формы: jsem, jsi, jsme, jste, которые образовались в результате выпадения корневого **e** в тех случаях, когда в конечном слоге был гласный полного образования. Так образовалась группа js (jsi, jsme, jste). По аналогии с приведенными формами исчезло **e** и в форме 1 л. ед. ч.: jsmь > jsm̥ > jsem (после падения конечного редуцированного перед слоговым m̥ развилась гласная артикуляция).

В 3 л. ед. ч. форма jest является более редкой, лексически ограниченной. Обычной является форма je.

В народно-разговорной речи, в чешских и в некоторых моравских диалектах представлено новообразование для формы 2 л. ед. ч.: seš — по аналогии с формами máš, dáš. Напр.: Kdy seš doma? *Ты когда дома?*

4. В современном языке спряжение глагола dáti полностью совпадает со спряжением глаголов типа dělati.

§ 94. Будущее время

1. Будущее время глаголов совершенного вида по своим формам совпадает с настоящим временем: nesu — přinesu *я принесу*, dělám — udělám *я сделаю*, prosím — poprosím *я попрошу*, myji — umyji *я вымою, умою* и т. д.

Будущее время от глаголов несовершенного вида передается описательно: сочетанием форм будущего времени от глагола býti и инфинитива смыслового глагола:

	ед. число	*мн. число*
1 л.	budu psát(i)	budeme psát(i)
2 л.	budeš psát(i)	budete psát(i)
3 л.	bude psát(i)	budou psát(i)

2. В древнечешском языке, как и в прочих славянских языках, будущее время имело и другие способы передачи. Оно могло выражаться:

а) сочетанием глагола chcu (chtieti) с инфинитивом: chcu nésti *я понесу*;

б) сочетанием глагола (j)mám (jmieti) с инфинитивом: máš umřieti *ты умрешь*, mám jíti *я пойду*;

в) сочетанием глагола budu с инфинитивом: budu nésti *я понесу*;

г) сочетанием глагола budu и действительного причастия прошедшего времени на -l: budu nesl.

Последний способ в древнечешском языке встречается довольно редко — в значении предбудущего времени (futurum exactum) или простого будущего, т. е. так, как это представлено в современном польском языке (ср. będę niosł).

д) Изредка в древнечешском языке будущее время передавалось сочетанием форм budu + прич. наст. времени действ. залога: budu nesa (nesúci).

§ 95. Действительное причастие прошедшего времени на -l

Причастие на -l входит в состав описательных глагольных форм: прошедшего времени (nesl jsem), давнопрошедшего (byl jsem nesl) и условного наклонения настоящего и прошедшего времени (nesl bych, byl bych nesl).

1. Действительное причастие прошедшего времени на -l образуется от основы прошедшего времени (которая во многих случаях совпадает с основой инфинитива) при помощи суффикса -l (для мужского рода без окончания, для женского — с окончанием -a, для среднего -o):

nésti	— nesl, -a, o; -i, -y, -a
vésti	— vedl, -a, -o; -i, -y, -a
péci	— pekl, -a, -o; -i, -y, -a
čísti	— četl, -a, -o; -i, -y, -a
tisknouti	— tiskl, -a, -o; -i, -y, -a
minouti	— minul, -a, -o; -i, -y, -a
dělati	— dělal, -a, -o; -i, -y, -a
sázeti	— sázel, -a, -o; -i, -y, -a
prositi	— prosil, -a, -o; -i, -y, -a
kupovati	— kupoval, -a, -o; -ı, -y, -a
píti	— pil, -a, -o; -i, -y, -a
mazati	— mazal, -a, -o; -i, -y, -a

Причастия прошедшего времени от глаголов на -nouti, корень которых оканчивается на гласный, имеют суффикс -nu-, у причастий от глаголов с корнем на согласный этот суффикс исчезает. Ср.: vinouti *вить* — vinul, hynouti *гибнуть* — hynul, но zdvihnouti *поднять* — zdvihl, padnouti *упасть* — padl.

Примечание. В разговорной речи суффикс -nul возможен независимо от характера основы: padnul, zvednul как hynul.

В отличие от русского языка, чешские причастия на -l сохраняют родовые различия и во множественном числе, где, кроме того, в муж. роде находит свое выражение категория одушевленности (правда, чисто формальное, т. к. в произношении формы nesli и nesly не различаются). Ср. примеры: Chlapec přišel, žena přišla, děvče přišlo; chlapci přišli, ženy přišly, stromy rostly, děvčata přišla.

2. В истории чешского языка причастие на -l претерпело, главным образом, фонетические изменения.

В древнечешском языке причастные формы имели неодинаковый звуковой вид: držal, držala, но drželi; vzal, vzaly, но vzeli, т. к. в одних формах были условия для перегласовки a > e, в других — нет. Начиная с XVI в. происходит выравнивание звукового вида основы. Ср. в современном литературном языке: držel, držela, drželi; slyšel, slyšela, slyšeli, но vzal, vzala, vzali. По диалектам выравнивание могло идти и в другом направлении: držal, držali, но vzel, vzeli (см. § 26).

После отпадения ъ в конце слова произношение l после согласных представляло трудности, поэтому l или начинал произноситься как слогообразующий (ne-sl̥, pe-kl̥) или исчезал совсем (nes, pek). Первые формы характеризуют литературный язык, вторые широко представлены в народно-разговорной речи, в чешских диалектах, а также в поэтической речи (ср. *рус.* нёс, вёл, пёк).

3. По происхождению причастия на -l являются именительным падежом кратких именных форм отглагольных прилагательных. На протяжении всей исторической эпохи от них образовывались полные (местоименные) формы, употребляющиеся сейчас в значении прилагательных: býval*ý* *бывший*, minul*ý* *прошедший*, *прошлый*, opil*ý* *пьяный*, vřel*ý* *кипящий* и др.

§ 96. Прошедшее время

Из всего многообразия прошедших времен, которые употреблялись в древнечешском языке (перфект, имперфект, аорист и плюсквамперфект) в современном языке находим

лишь одно прошедшее время, которое по своим формам восходит к старому перфекту, состоящему из форм настоящего времени вспомогательного глагола býti и причастия прошедшего времени на -l.

В современном языке представлены следующие формы:

ед. число	*мн. число*
1 л. nesl, -a, -o jsem	nesli, -y, -a jsme
2 л. nesl, -a, -o jsi	nesli, -y, -a jste
3 л. nesl, -a, -o	nesli, -y, -a

1. В форме 3 л. ед. и мн. ч. уже с самых древнейших времен наблюдается пропуск связки. Пропуск связки в прочих лицах бывает очень редко. Обычно это представлено в говорах и в народно-разговорной речи в форме 1 л. ед. и мн. ч. при употреблении личного местоимения: já nosil, my tam byli.

2. Во 2 л. ед. ч. в современном языке может употребляться краткая форма вспомогательного глагола -s, которая присоединяется к местоимению или к другим словам в предложении:

Tys to psal! *Ты это писал!* Byls tam? *Ты был там?*
Kdes bydlel? *Где ты жил?*

3. При образовании формы 2 л. ед. ч. от возвратных глаголов с компонентами se и si вспомогательный глагол может сливаться с ними в одну форму: se+jsi=ses; si+jsi =sis: bál ses *ты боялся* (=bál jsi se); vzpomněl sis *ты вспомнил* (=vzpomněl jsi si).

4. Значение форм прошедшего времени в современном языке значительно расширилось по сравнению со старым перфектом. Оно содержит в себе теперь все те значения, которые раньше выражались различными прошедшими временами. Оно стало обозначать само действие или состояние в прошлом, а не только действие или состояние, результаты которого сохраняются до настоящего времени.

5. В разговорной речи и по чешским диалектам широко употребляется конструкция глагола míti (mám, máš, má и т. д.) в сочетании со страдательным причастием прошедшего времени на -n и -t (už mám udělanej úkol *я уже сделал задание*; už máme vymlacíno, zaseto *мы уже обмолотили, засеяли*), выражающая то же, что и формы старого перфекта.

§ 97. Вышедшие из употребления прошедшие времена

В древнечешском языке, кроме перфекта, употреблялись также два простых прошедших времени: имперфект и аорист, и описательное прошедшее время — плюсквамперфект (давнопрошедшее время), которое в книжном языке употреблялось до последнего времени.

1. Имперфект выражал прошедшее действие или состояние в его течении, а у глаголов совершенного вида мог выражать действие, повторявшееся в прошлом.

В древнечешском языке, по сравнению со старославянским языком, находим видоизмененные формы имперфекта: nesiech *я нес*, vediech *я вел*, umiech || umějiech *я умел*, prosiech *я просил*, dělách || dělajiech *я делал*, brách || beřiech *я брал*, kupovách *я покупал*.

Параллельные формы у ряда глаголов объясняются тем, что имперфект образовывался в древнечешском языке уже не только от основы инфинитива (dělách, brách, kupovách), но и от основы настоящего времени (beřiech, dělajiech, umějiech и пр.).

	ед. число	*дв. число*	*мн. число*
1 л.	nesiech	nesiechově	nesiechom (-me, -my)
2 л.	nesieše	nesiešta || nesiešeta	nesiešte || nesiešete
3 л.	nesieše	nesiešte	nesiechu

Как видно из парадигмы, ряд форм представляет новообразования, появившиеся в результате взаимодействия форм аориста и имперфекта. Так, во 2 л. дв. и мн. ч. вместо более старых окончаний -šeta и -šete (ср. *ст.-слав.* **вєдѣшєта, вєдѣшєтє**) в чешском языке употребляются окончания -šta, -šte (veděašta, veděašte), где согласный š отвлечен от формы имперфекта, а краткие окончания -šta, -šte появились под влиянием форм аориста.

2. Аорист выражал прошедшее действие или состояние вообще, независимо от его длительности.

В древнечешском языке от некоторых глаголов с основой o/e, no/ne засвидетельствованы формы простого несигматического аориста: vynid *я вышел*, nález *я нашел*, přijide *ты, он пришел*, tisk *он жал* и др.

	ед. число	*дв. число*	*мн. число*
1 л.	nes	nesově	nesom (-me, -my)
2 л.	nese	neseta	nesete
3 л.	nese	nesete	nesú

Более многочисленны случаи употребления сигматического аориста: musich *я был должен*, uměch *я умел*, vedech *я вел*, odola *он одолел*, utopi *он утопил*, vzdachu chválu *они воздали хвалу*, padnuchu na zemi *они упали на землю*, zesnuchu *они заснули* и т. д.

	ед. число	*дв. число*	*мн. число*
а) 1 л.	krych	krychově || krychvě	krychom || krychme
2 л.	kry	krysta || kryšta	kryste || kryšte
3 л.	kry	krysta || kryšta	krychu
б) 1 л.	nesech	nesechově	nesechom
2 л.	nese } формы несигм. аориста	nesesta || nesešta	neseste || nesešte
3 л.	nese }	neseste || nesešte	nesechu

Взаимодействие форм аориста и имперфекта отразилось и на аористных формах. Так, под влиянием форм имперфекта во 2 л. дв. и мн. ч. появились окончания -šta, -šte, а в 3 л. мн. ч. — окончание -chu (*dašę, *др.-чеш.* dachu).

В современном языке сохранились остатки форм аориста от глагола býti, входящие в образование условного наклонения. Ср. *др.-чеш.* bych, by, by, bychom, byste || byšte, bychu и *совр.* bych, bys, by, bychom, byste, by.

Формы 2 л. ед. ч. bys и 3 л. мн. ч. by — новообразования (см. § 99).

Формы аориста и имперфекта уже в XV в. очень часто заменялись формами перфекта. Так, в произведениях Гуса простые формы прошедших времен встречаются обычно только в библейских цитатах, хотя у других писателей этого времени они более часты. Во 2-ой половине XV и в XVI вв. формы имперфекта и аориста безусловно воспринимались как архаизмы.

3. Давнопрошедшее время (Plusquamperfectum) обозначает действие, предшествующее другому прошедшему действию. В древнечешском языке оно могло обо-

значать просто совершенное прошедшее действие (особенно давно совершившееся).

В древнечешском языке давнопрошедшее время выражалось следующими формами:

а) перфектом от глагола býti (byl jsem) в сочетании с прич. прош. времени на -l данного глагола: psal jsem byl vám *я писал вам*;

б) сочетанием форм аориста от глагола býti (bych) и прич. прош. времени на -l: bych odešel *я ушел*;

в) сочетанием II формы аориста běch и прич. на -l: vyšel bě sobě *он вышел*;

г) сочетанием формы имперфекта biech (от глагола býti) и прич. на -l: bieše otšel *он ушел*.

Дольше других удерживалась в языке первая конструкция:

	ед. число	*мн. число*
1 л.	byl, -a, -o jsem nesl, -a, -o	byli, -y, -a jsme nesli, -y, -a
2 л.	byl, -a, -o jsi nesl, -a, -o	byli, -y, -a jste nesli, -y, -a
3 л.	byl, -a, -o nesl, -a, -o	byli, -y, -a nesli, -y, -a

Примечание. Так же как и в формах перфекта, в формах 3 л. ед. и мн. числа давнопрошедшего времени связка опускается.

Указанные формы давнопрошедшего времени встречаются еще в литературе XIX и даже XX вв., хотя в современном языке они являются книжными и архаическими; в разговорном языке они не употребляются уже давно.

§ 98. Повелительное наклонение

1. Повелительное наклонение в современном чешском языке имеет в единственном числе форму 2 лица, а во множественном — формы 1 и 2 л.

В единственном числе формы повелительного наклонения могут оканчиваться:

а) на согласный основы: nes! *неси!*, neber! *не бери!*, přivez! *привези!*, drž! *держи!*, vrať se! *вернись!*;

б) на -j (после гласных): dej! *дай!*, zavolej! *позови!*, pij! *пей!*, umyj se! *умойся!*;

в) на гласный -i (после групп согласных): jdi! *иди!*, vezmi! *возьми!*, pošli! *пошли!*

Во множественном числе в 1 л. употребляются окончания -me и -ěme, во 2 л. — -te и -ěte. Окончания -me, -te употребляются у тех глаголов, которые в единственном числе оканчиваются на согласный основы (в том числе и на j после гласных). Окончания -eme (-ěme), -ete (-ěte) употребляются у глаголов, оканчивающихся во 2 л. ед. ч. на -i. Ср.:

	2 л. ед. ч.	*1 л. мн. ч.*	*2 л. мн. ч.*
а)	nes!	nesme!	neste!
	ukaž!	ukažme!	ukažte!
	vrať se!	vraťme se!	vraťte se!
	dělej!	dělejme!	dělejte!
	kupuj!	kupujme!	kupujte!
	sázej!	sázejme!	sázejte!
б)	tiskni!	tiskněme!	tiskněte!
	pošli!	pošleme!	pošlete!
	vezmi!	vezměme!	vezměte!
	jdi!	jděme!	jděte!

2. В праславянский период формы повелительного наклонения образовывались от основы настоящего времени при помощи суффикса -i для 2 л. ед. ч. (<*oi под нисходящим ударением) и -ěme, -ime, -ěte, -ite для 1 и 2 л. мн. ч.

Глаголы с основой настоящего времени на o/e и no/ne имели форму 2 л. ед. ч. на -i: nesi!, vedi!, а формы мн. числа на -ěme (-ěmъ), -ěte: nesěme (-mъ), nesěte, veděme (-mъ), veděte, tiskněme (-mъ), tiskněte (где ě <*oi под восходящим ударением).

Глаголы с основой на jo/je и на -i имели -i во всех формах: trpi!, trpime (-mъ)!, trpite!; piši!, pišime (-mъ)!, pišite! (после j *oi >ei>i); chvali!, chvalime (-mъ)!, chvalite!; prosi!, prosime (-mъ)!, prosite!

У глаголов с основой на jo/je, у которых j основы следовал за гласным, произошло слияние j с суффиксом -i, ji>i. Возникшее таким образом i в конце слога после гласного стало неслоговым: kryji>kryi̯>kryj (-me! -te!), kupuji>kupui̯>kupuj (-me! -te!), dělaji>dělai̯>dělaj>dělej!

Примечание. У глаголов типа dělati в историческое время произошла перегласовка aj>ej, в результате чего образовались формы daj>dej, dělaj>dělej.

3. Окончание -i во 2 л. ед. ч. у большинства глаголов отпало еще в древнечешском языке. Таким образом появились формы nes!, veď!, piš!

Примечания. 1. На существование окончания -i указывает современная мягкость согласных n, t, d: seď, leť, žeň (от hnáti).
2. Ослабление и исчезновение конечного -i, вероятно, было связано со стабилизацией ударения на первом слоге. Ср. аналогичное явление в русском языке (кинь, брось...).

Окончание -i сохранилось у глаголов с основой на два и более согласных, а также у односложных глаголов: tiskni, pozvi, mysli, vezmi, tři, jdi и пр.

Во множественном числе окончания -me, -te в результате тенденции к единообразию звукового вида основы стали присоединяться к новой основе на согласный: nesme, neste, leťme, leťte, kryjme, kryjte и т. д. Старые окончания -ěme, -ěte удержались у тех глаголов прежних o/e- и no/ne-основ, форма 2 л. ед. ч. которых оканчивается на -i: čti — čtěme, čtěte (čísti *читать*), jdi — jděme, jděte (jíti *идти*), zdvihni — zdvihněme, zdvihněte (zdvihnouti *поднять*). Эти же окончания распространились и на глаголы прежних jo/je- и i-основ, т. е. на глаголы, которые исконно имели во мн. числе окончания -ime, -ite. Ср. в совр. языке: mysliti *думать* — mysli — mysleme, myslete, skončiti *окончить* — skonči — skončeme, skončete.

Примечание. В говорах, так же как и в русском языке, наблюдается обратный процесс — со всеми глаголами начали употребляться окончания -ime, -ite: tři — třime, třite, začni — začnite, vezmi — vezmite и т. п. Ср. в русском: три, трите; начни, начните.

4. Нетематические глаголы с основой věd-, jěd-, dad- имели отличные формы повелительного наклонения: в их образование издавна входил суффикс -jь. В современном чешском языке находим формы věz (<*vědjь) и jez (<*jědjь) (ср. *ст.-слав.* вѣжд҃ь, ѣжд҃ь, а также viz (<*vidjь) — от глагола viděti. Множественное число у этих глаголов ранее образовывалось с -i-: vědite, jědite, vidite, но в современном языке мы имеем новообразования на базе единственного числа: vězme, vězte!, jezme, jezte!, vizme, vizte!

От основы dad- в древнечешском языке была форма daz (ср. podaz в Киевских листках, *ст.-слав.* даждь), но в современном языке находим новообразования: dej (<daj)!, dejme!, dejte!

5. В литературном чешском языке глаголы с основой настоящего времени на задненёбные согласные (k и h<g) в формах повелительного наклонения перед i, ě (< *oi) сохраняют результат общеславянского изменения задненёбных согласных: péci — pec!, pecme!, pecte!; (u)téci — utec!, utecme!, utecte!, (po)moci — pomoz!, pomozme!, pomozte! Однако кроме приведенных старых форм в чешском языке параллельно употребляются новообразования, в которых произошло обобщение звукового вида основы по формам настоящего времени: upeč (upéci *испечь*), uteč (utéci), vleč (от vléci). В народно-разговорной речи и по говорам также и pomůž (от pomoci).

6. У некоторых глаголов с чередующимися свистящими и шипящими согласными в основе наряду с более старыми формами повелительного наклонения употребляются новообразования по образцу dělati: česati — češ ‖ česej, lízati — liž ‖ lízej, tesati — teš ‖ tesej.

Примечание. Некоторые глаголы на -iti и -ati с долгим корневым гласным в основе в формах повелительного наклонения сокращают долготу: chváliti — chval, říditi — řiď, souditi — suď, kouřiti — kuř, mlátiti — mlať, psáti — piš! и т. д.

7. Для выражения приказания, побуждения и т. п. в 3 л. ед. и мн. ч. употребляются формы настоящего времени в соединении с повелительными частицами ať, nechť, kéž: Ať přijde! *Пусть он придет!* — Ať to odnesou! *Пусть они это отнесут!* — Nechť přijdou! *Пусть придут!* — Kéž se objeví! *Если бы он появился!*

Подобные конструкции употребляются иногда (особенно в разговорной речи) и для 2 лица: Ať se nezraníš! *Не поранься!* — Ať to nezapomenete! *Не забудьте это!*

§ 99. Условное наклонение (Kondicionál)

1. В современном чешском языке различаются формы условного наклонения настоящего и прошедшего времени.

Условное наклонение настоящего времени передается сочетанием форм bych, bys, by, bychom, byste, by с причастием на -l данного глагола.

Единственное число	*Множественное число*
1 л. přinesl, -a, -o bych	přinesli, -y, -a bychom
2 л. přinesl, -a, -o bys	přinesli, -y, -a byste
3 л. přinesl, -a, -o by	přinesli, -y, -a by

Условное наклонение прошедшего времени передается сочетанием форм условного наклонения настоящего времени от данного глагола и причастия прошедшего времени на -l от глагола býti.

Единственное число

1 л. byl, -a, -o bych přinesl, -a, -o
2 л. byl, -a, -o bys přinesl, -a, -o
3 л. byl, -a, -o by přinesl, -a, -o

Множественное число

1 л. byli, -y, -a bychom přinesli, -y, -a
2 л. byli, -y, -a byste přinesli, -y, -a
3 л. byli, -y, -a by přinesli, -y, -a

В образование форм условного наклонения прошедшего времени может входить также причастие býval: býval bych šel *я бы пошел*, býval bych chtěl vědět *я хотел бы знать*, byl bych býval přišel *я бы (тогда) пришел*.

2. 2 л. ед. ч. условного наклонения от возвратных глаголов с компонентами se и si образуется следующим образом: s, входящее в образование формы bys, отделяется от нее и присоединяется к возвратному компоненту se или si. Таким образом возникают формы ses и sis. Напр., от глагола koupiti si — koupil by sis или byl by sis koupil *ты бы купил*; от глагола vrátiti se — vrátil by ses или byl by ses vrátil *ты бы вернулся*.

3. Изменяемые по лицам и числам формы abych, abys, aby, abychom, abyste, aby *чтобы я, ты, он, мы* и т. д. и kdybych, kdybys, kdyby, kdybychom, kdybyste, kdyby *если бы я, ты, он* и т.д. появились из слияния частицы a<ať *пусть, да* и союза kdy *когда, если* со вспомогательными формами условного наклонения bych, bys и т. д. Наряду с грамматическим эти формы имеют и союзное

значение: Řekni Janovi, **aby** přijel s tebou. *Скажи Яну, чтобы он приехал с тобой.* — Šel bych s tebou, **kdybych** nebyl nemocen. *Я пошел бы с тобой, если бы не был болен.*

4. Условное наклонение настоящего времени употребляется тогда, когда обусловленное, желаемое, возможное действие относится к настоящему или будущему времени и в потенции является вполне осуществимым: Pomohl bych vám, kdybych mohl! *Я бы вам помог, если бы мог!* — Kéž bych vám mohl pomoci! *Если бы я вам мог помочь!*

Условное наклонение настоящего времени употребляется также в тех случаях, когда оно обозначает так называемое вневременное действие, действие вообще (обычно в пословицах и поговорках): Kdyby kůň o své síle věděl, nikdo by na něm neseděl. *Если бы конь о своей силе ведал, никто бы на нем не сидел.*

Условное наклонение прошедшего времени употребляется тогда, когда неосуществленное и неосуществимое (с точки зрения говорящего) действие относится к прошлому: Kdybych to byl věděl, nebyl bych tam šel. *Если бы я это знал, я бы туда не пошел.*

В разговорной речи условное наклонение прошедшего времени нередко заменяется условным наклонением настоящего времени.

5. С исторической точки зрения формы условного наклонения настоящего времени представляют сочетание личных форм аориста от глагола býti и причастия на -l. В отличие от русского языка, где форма **бы** сохранилась лишь в виде условной частицы, не различающей лицо и число, в чешском языке формы bych, bys, by, bychom и пр. сохранили способность выражать лицо и число. Изменениям подверглись следующие формы: в 3 л. мн. ч. первоначальная форма bychu довольно рано была вытеснена формой by: aby šli (*вм.* abychu šli), во 2 л. ед. ч. форма by, совпадавшая с формой 3 л. ед. ч., начиная с XVIII в. заменяется новообразованиями: by jsi, by si и bys (под влиянием формы jsi). Последняя форма (bys) получила распространение и закрепилась в литературном чешском языке. К позднейшим новообразованиям относятся также by jsem, bysme, bychme, by jste и пр., широко представленные по говорам, но не проникшие в литературный язык.

Формы условного наклонения типа byl bych přišel или byl bych býval přišel в древнечешском языке встречаются довольно редко. Они получили распространение в более позднее время в литературном чешском и словацком языках и кое-где по диалектам в значении условного наклонения прошедшего времени.

§ 100. Деепричастие и причастие

В современном чешском языке по форме и по значению различаются два вида деепричастий: деепричастие настоящего времени (nesa, nesouc, nesouce) и деепричастие прошедшего времени (přines, přinesši, přinesše).

1. Деепричастие настоящего времени образуется от основы настоящего времени глаголов несовершенного вида. У глаголов, 3 л. мн. ч. настоящего времени которых оканчивается на -ou, формы деепричастия образуются при помощи суффикса -a для мужского рода, суффикса -ouc для женского и среднего рода, -ouce для мн. числа всех трех родов:

инфинитив	*3 л. мн. ч.*	*муж. р.*	*жен. и ср. р.*	*мн. ч.*
nésti	nes-ou	nesa	nesouc	nesouce
bráti	ber-ou	bera	berouc	berouce
tisknouti	tiskn-ou	tiskna	tisknouc	tisknouce

У глаголов, 3 л. мн. ч. которых оканчивается на -í, -(ej)í, -(aj)í, -(í), деепричастия образуются при помощи суффикса -e (-ě) для мужского рода, -íc для женского и среднего рода, -íce для всех трех родов мн. числа:

инфинитив	*3 л. мн. ч.*	*муж. р.*	*жен. и ср. р.*	*мн. ч.*
dělati	dělaj-í	dělaje	dělajíc	dělajíce
sázeti	sázej-í	sázeje	sázejíc	sázejíce
trpěti	trp-í	trpě	trpíc	trpíce
prositi	pros-í	prose	prosíc	prosíce
krýti	kryj-í	kryje	kryjíc	kryjíce
kupovati	kupuj-í	kupuje	kupujíc	kupujíce
psáti	píš-í	píše	píšíc	píšíce

Примечания. 1. У глаголов типа česati с чередующимися свистящими (или задненёбными) согласными в основе инфинитива и шипящими согласными в основе настоящего времени образуются параллельные формы деепричастий по образцу глаголов dělati, иногда представлены только новообразования: česati — češe || česaje; lízati — líže || lízaje, tesati — teše || tesaje, skákati — только skákaje.

2. Деепричастия настоящего времени от некоторых глаголов: viděti — vida, vidouc, vidouce; jísti — jeda, jedouc, jedouce; býti — jsa, jsouc, jsouce; dáti — daje, dajíc, dajíce.

2. Деепричастия прошедшего времени образуются как правило от основы прошедшего времени (инфинитива) глаголов совершенного вида. Если основа прошедшего времени оканчивается на согласный, то деепричастие мужского рода не имеет никакого суффикса, женский и средний род имеют суффикс -ši, множественное число для всех родов суффикс -še (přinésti: přines, přinesši, přinesše). Если же основа прошедшего времени оканчивается на гласный, то деепричастие мужского рода имеет суффикс -v, женского и среднего рода -vši, множественное число всех трех родов -vše (napsati: napsav, napsavši, napsavše).

инфинитив	*осн. прош. вр.*	*муж. р.*	*жен. и ср. р.*	*мн. ч.*
přivésti	přived-(l)	přived	přivedši	přivedše
přijíti	přiše(d)-(l)	přišed	přišedši	přišedše
vybrati	vybra-(l)	vybrav	vybravši	vybravše
minouti	minu-(l)	minuv	minuvši	minuvše
poprositi	poprosi-(l)	poprosiv	poprosivši	poprosivše
udělati	uděla-(l)	udělav	udělavši	udělavše
utrpěti	utrpě-(l)	utrpěv	utrpěvši	utrpěvše
umýti	umy-(l)	umyv	umyvši	umyvše

От глаголов на -nouti (odběhnouti) деепричастия прошедшего времени образуются, как правило, от основы с суффиксом -nu-: zaslechnouti *услышать* — zaslechnuv, -vši, -vše; sednouti *сесть* — sednuv, -vši, -vše; zapřáhnouti *запрячь* — zapřáhnuv, -vši, -vše.

Примечание. От глагола býti образуется также деепричастие прошедшего времени: byv, -ši, -še *будучи* (*в прошлом*), *в бытность свою.*

3. Иногда по форме деепричастия настоящего времени образуются от основы настоящего времени глаголов совершенного вида: přijíti — přijda, přijdouc, přijdouce; přinésti —přinesa, přinesouc, přinesouce.

4. Деепричастия настоящего времени обозначают дополнительное действие, протекающее одновременно с действием, выраженным глаголом-сказуемым, независимо от того, в каком времени последнее протекает — в настоящем, прошедшем или будущем. Напр.: Jdouc se mnou, vypravuje (vyprávěla, bude vyprávět) mi o svém životě. *Идя со мной, она рассказывает (рассказывала, будет рассказывать) мне о своей жизни.*

Деепричастие прошедшего времени обозначает дополнительное действие, которое предшествует действию, выраженному глаголом-сказуемым, причем последнее также может быть в прошедшем, настоящем или будущем времени: Vykonav svou práci, odešel (odchází, odejde) domů. *Выполнив свою работу, он ушел (уходит, уйдет) домой.*—Přistoupivše blíže, poznali jsme je. *Подойдя ближе, мы узнали их.*

Деепричастие, образованное от основы настоящего времени глаголов совершенного вида, так же как и деепричастие прошедшего времени, выражает действие, предшествующее другому действию, которое может протекать, однако, только в будущем времени: Soud se má raditi, vyslechna napřed prokurátora. *Суд должен совещаться, выслушав сначала прокурора.*

Примечание. В чешских грамматиках такие деепричастия обычно называются деепричастиями будущего времени.

5. Деепричастия настоящего времени исторически восходят к формам именных причастий, которые первоначально склонялись как имена существительные jo-, ja-основ. В древнечешском языке находим лишь некоторые падежные формы этих причастий. Обычно это формы им. ед. и мн. ч., изредка — формы других падежей. Напр., им. ед. муж. и ср. рода nesa, дат. nesúcu, вин. nesúc; им. ед. жен. рода nesúci, им. мн. nesúce. Кроме того, в отличие от старославянского языка, где для глаголов с основой настоящего времени на o/e и no/ne представлены формы **нєсы** (*муж. и ср. р.*) и **нєсѧшти** (*жен. р.*) (<*nesontj-), а для глаголов с основой на jo/je и -i формы **знаѧ** (*муж. и ср. р.*), **знаѧшти** (*жен. р.*) (<

*-ontį>ǫtj-), **хвалѧ** (*муж. и ср. р.*) и **хвалѧшти** (*жен. р.*) (<*-entį>ętj-) в древнечешском языке находим формы: nesa (*муж. и ср. р.*), nesúci (*жен. р.*,) nesúce (*мн. ч.*); kryjě, kryjúci, kryjúce; trpě, trpieci, trpiece. У глаголов с основой настоящего времени на o/e, no/ne формы причастий на -у муж. и ср. рода очень рано были вытеснены формами на -a (veda, nesa, kyna), образованными по аналогии с глаголами, где 'a могло появиться на месте ę: ср., trpę>trp'ä >trpě, dělaję >dělajä>dělaje. Впоследствии в результате перегласовок ('a>e, 'ú>í, 'ā>îê >í) формы причастий, образованные от глаголов различных классов, значительно отдалились. Ср.: nesa, nesouc, nesouce, но trpě, trpíc, trpíce.

Форма женского рода на -ci с XIV в. вытесняется формой на -c (nesouc, prosíc), что объясняется, по-видимому, переходом именных причастий в категорию деепричастий и их дальнейшей адвербиализацией.

Примечание. Кроме того, в древнечешском языке в форме женского рода нередко наблюдается сокращение долгих суффиксальных гласных (*вм.* trpiec — trpec, *вм.* prosiec—prosec).

Для среднего рода, объединявшегося первоначально с мужским, с XV в. начинают употребляться формы женского рода (nesouc, trpíc, dělajíc), хотя колебания наблюдаются вплоть до XIX в.

6. Деепричастия прошедшего времени по своему происхождению также представляют формы именных причастий (они также склонялись как jo- и ja- основы). Однако уже в древнечешском языке засвидетельствованы только формы им. ед. и мн. этих причастий. От глаголов с основой на согласный (nésti): муж. и ср.р. ед. ч. nes (<*nesъ<*nesъs), жен. р. nesši (<*nesъši<*nesъsji); мн. ч. nesše (<*nesъše<*nesъsje). От глаголов с основой на гласный (krýti): муж. и ср. р. ед. ч. kryv (<*kryvъs), жен. р. kryvši (<*kryvъši<*kryvъsji); мн. ч. kryvše (<* kryvъše <*kryvъsje).

Форма среднего рода, совпадавшая первоначально с мужским родом, с XVI—XVIIв. начинает совпадать с формой женского рода.

7. В древнечешском языке именные причастия настоящего и прошедшего времени употреблялись в предикативной функции. Они могли выступать: а) в функции второстепен-

ного сказуемого простого, сложносочиненного и придаточного предложения; б) в функции именной части составного сказуемого.

Ср.примеры:

а) Káza sě pohotovati a chtě sě za moře bráti. *Велел приготовиться и собирался за море ехать* (Александреида). — Přijda ďabel i vezme slovo a srdce jich. *Когда придет дьявол, он возьмет слово и сердце их* (Хельчицкий). — Povolav k sobě syna svého a jej mnohým ctnoctem učil. *Призвал к себе сына своего и учил его многим добродетелям* (Пулкавова хроника).

б) jsem nesa (=nesu) *я несу*, budu nesa (=ponesu) *я буду нести, понесу*; byl jsem nesa (=jsem nesl) *я нес*. — Jsi za vše hřiešné prosieci. *Ты просишь за всех грешных* (Пассионал). — Zloděj se by preč vleka. *Вор тащился прочь*. (Бавор. рукопись) — ... že jsem byl často slýchaje ... *что я часто слышал* (Тандариаш).

Однако уже в древнейших чешских памятниках, наряду с предикативным употреблением именных причастий, широко представлено их использование в качестве предикативных обстоятельственных слов, т. е. в качестве деепричастий. Входя в группу сказуемого, деепричастия начинают дополнительно характеризовать обстоятельства совершения основного глагольного действия: Žena plačúci poběže. *Женщина плача побежала* (Гебауер). — Přečta listy král pohanský poče sě tomu diviti. *Прочитав бумаги, языческий царь начал этому удивляться* (Александреида).

В дальнейшем, в связи с утратой глагольных признаков вообще (категории вида, времени, грамматического рода и числа), деепричастия могли переходить и в разряд наречий: (četl) stoje, leže, kleče (ср. *рус.* (читал) стоя, лежа). Адвербиализация деепричастий привела к употреблению застывших форм. Ср. в лит. яз. počínaje || počínajíc *начиная*, vyjímaje || vyjímajíc *исключая* и пр.

8. В разговорной речи деепричастия вообще не употребляются. Там сохранились лишь застывшие формы деепричастий, приобретшие значение наречий: tak říkajíc *так сказать*, vyjmouc *за исключением* и т. д. Однако в литературном языке категория деепричастий является живой. Употребление деепричастий в последнее время возросло в связи с влиянием русского языка.

8. Действительные причастия настоящего времени (kvetoucí, šijící) по происхождению восходят к местоименным формам причастий. В современном языке они склоняются по образцу полных прилагательных типа »letní« (šijící, šijícího и т. д.).

Процесс перехода причастий в прилагательные зашел значительно дальше в чешском языке, чем в русском (ср. kvetoucí strom *дерево в цвету*, zpívající pták *поющая* (в смысле: певчая) *птица*, что дало основание чешским грамматистам отнести их в разряд отглагольных прилагательных. Однако сохранение причастиями категории вида и времени, а также глагольного управления (ср. připravující plán, jednající o plánu) свидетельствует об их глагольном характере.

Причастия прошедшего времени употребляются очень редко (напр.: vykonavší, dokázavší).

§ 101. Страдательные причастия

1. В современном чешском языке представлены только страдательные причастия прошедшего времени. Они образуются от основы прошедшего времени глаголов совершенного и несовершенного вида посредством суффиксов -en, -n, -t: nésti — nesen, vésti (vedl) — veden, péci (pekl) — pečen, vinouti (vinul)—vinut, udělati—udělán, umýti—umyt, nositi — nošen.

2. Суффиксы страдательных причастий прошедшего времени имели одинаковое значение; их употребление зависело от звукового вида основы.

а) Суффикс -t входил в образование причастий от глаголов, основа которых оканчивалась на гласный. Это, главным образом, двусложные инфинитивы, основа прошедшего времени которых равна корню на гласный, а также некоторые инфинитивы на -nouti: žíti (<žęti) *жать* — žat, jmouti (<jęti) *взять* — jat, vyjmouti *вынуть* — vyňat, kryti *крыть* — kryt, (u)mýti (*вы*)*мыть* — (u)myt, (vy)píti (*вы*)*пить*—(vy)pit, bíti *бить* — bit, nabídnouti *предложить* — nabídnut, odříznouti *отрезать* — odříznut, minouti *миновать* — minut и пр.

б) Однако от глаголов на -nouti страдательные причастия образовывались и с помощью суффикса -en, перед которым наблюдается чередование согласных основы: h (<g) ||ž, ch||š,

k‖č, sk‖št: vytáhnouti *вытянуть* — vytažen, zamknouti *запереть* — zamčen, nadchnouti *воодушевить* — nadšen, otisknouti *отпечатать* — otištěn. Иногда от одной и той же глагольной основы возможны образования с обоими суффиксами, но с различными значениями: zatknouti *воткнуть*; *арестовать*: zatčen *арестован*, zatknut *воткнут*; dotknouti se *коснуться, тронуть*: dotknut ‖ dotčen (*перен. зн.*); tisknouti *жать, печатать* — vytištěno *напечатано*, stisknuto *сжато*.

ь) Суффикс -en входил в образование причастий от тех глаголов, основа прошедшего времени которых оканчивалась на согласный звук (nes-en) или на -i (prosi-en). В последнем случае еще в праславянский период происходило взаимодействие i (которое перед гласным становилось неслоговым) с предшествующим согласным, на который i действовал как j. В современном языке сохранились результаты этих изменений в виде чередования согласных: t ‖ c, d ‖ z, z ‖ ž, s ‖ š, sl ‖ šl.

У глаголов, основа которых оканчивалась на согласный звук, представлены также чередования k ‖ č, ch ‖ š и h(<g) ‖ ž, унаследованные от праславянского периода. Ср. péci (pekl) — pečen, říci (řekl) *сказать* — řečen, stříci (střehl) *стеречь* — střežen, hlásiti *объявить* — hlášen, zkaziti *испортить* — zkažen, mlátiti *молотить* — mlácen, probuditi *разбудить* — probuzen, souditi *судить* — souzen, pustiti *пустить* —(vy-, pro-)puštěn, vymysliti *придумать*— vymyšlen.

Примечание. В современном языке вышеприведенные результаты изменения согласных в ряде случаев отсутствуют. Ср.: zděditi *унаследовать* — zděděn, soustřediti *сосредоточить* — soustředěn, zušlechtiti *облагородить* — zušlechtěn, pokositi *скосить* — pokosen, zobraziti *изобразить* — zobrazen, nakresliti *нарисовать* — nakreslen и т. п. Приведенные и подобные им формы являются новообразованиями.

г) От прочих глаголов, основа прошедшего времени которых оканчивается на гласный, страдательные причастия образованы при помощи суффикса -n: bráti — (vy)brán, mazati — (na)mazán, tříti *тереть* (třel) —(na)třen, kupovati — kupován, sázeti — sázen, volati *звать* — volán.

Примечание. Гласный основы a перед суффиксом -n удлиняется: udělati — udělán, kupovati — kupován.

3. Страдательные причастия прошедшего времени по происхождению являются именными прилагательными, которые изменялись по образцу o- и a-основ.

В современном чешском языке от именных (кратких) форм страдательных причастий сохранились лишь формы именительного падежа ед. и мн. числа всех родов:

ед. ч.: nesen, -a, -o; kryt, -a, -o; udělán, -a, -o;
мн. ч.: neseni, -y, -a; kryti, -y, -a; uděláni, -y, -a.

В древнечешском языке были представлены многочисленные случаи употребления именных форм причастий и в прочих падежах (чаще всего в винительном). Ср.: učiň mě spasena *спаси меня*; nalezneš je pochovány *ты найдешь их похороненными*; tu truhlu převracenu nalezneš *ты найдешь этот сундук перевернутым* (Пассионал).

4. Страдательные причастия в древнечешском языке имели значение результативности — результат прошедшего действия сохраняется в настоящем. Они входили в состав различных пассивных конструкций, которые были возможны во всех временах и наклонениях.

а) Возможны были конструкции типа:

jsem nesen (*наст. вр.*)
biech nesen (*имперфект*)
bych nesen (*аорист*)
budu nesen (*буд. вр.*)
budi nesen (*повел. накл.*)
byl bych nesen (*условн. накл.*)
jsa nesen (*прич. конструкция*)

б) Страдательные причастия выступали также в функции именного сказуемого. Напр.: ...jehož vidíš otsúzena *...которого ты видишь осужденным* (Градецкая рукопись).

В современном языке страдательные причастия, образованные от глаголов несовершенного вида, по значению соответствуют русским страдательным причастиям настоящего времени. Ср.: Dcera je milována. *Дочь любима*. Страдательные причастия, образованные от глаголов совершенного вида, соответствуют в русском языке страдательным причастиям прошедшего времени: Pole je zoráno. *Поле вспахано*. — Úkol je opraven. *Задание исправлено*.

5. Полные (местоименные) формы причастий — krytý *крытый*, pečený *печёный*, zavolaný *позванный* и др. — изменяются по образцу полных прилагательных, функцию которых они выполняют.

Примечание. В полных формах суффикс -an-ý имеет краткое a. Ср.: udělán — но udělaný.

6. Страдательные причастия настоящего времени в исторический период развития чешского языка засвидетельствованы всего несколькими примерами: vidom (от viděti), vědom (věděti), znám (znáti); последние два употребляются и в современном языке.

§ 102. Страдательный залог (формы пассива)

1. Страдательный залог в чешском языке может быть выражен следующими способами:

а) конструкцией с возвратным глаголом: okna se myjí *окна моются*, obilí se mlátí *хлеб обмолачивается*;

б) описательными формами, состоящими из краткого страдательного причастия данного глагола и соответствующих форм глагола býti.

Изъявительное наклонение

Настоящее время

Единственное число	*Множественное число*
1 л. jsem chválen, -a, -o	jsme chváleni, -y, -a
2 л. jsi chválen, -a, -o	jste chváleni, -y, -a
3 л. je chválen, -a, -o	jsou chváleni, -y, -a

Будущее время

Единственное число	*Множественное число*
1 л. budu chválen, -a, -o	budeme chváleni, -y, -a
2 л. budeš chválen, -a, -o	budete chváleni, -y, -a
3 л. bude chválen, -a, -o	budou chváleni, -y, -a

Прошедшее время

Единственное число

1 л. byl, -a, -o jsem chválen, -a, -o
2 л. byl, -a, -o jsi chválen, -a, -o
3 л. byl, -a, -o chválen, -a, -o

Множественное число

1 л. byli, -y, -a jsme chváleni, -y, -a
2 л. byli, -y, -a jste chváleni, -y, -a
3 л. byli, -y, -a chváleni, -y, -a

Повелительное наклонение

buď chválen, -a, -o!; buďme, buďte chváleni, -y, -a!

Условное наклонение

byl bych chválen, byli bychom chváleni (настоящее время)
byl bych byl (býval) chválen (прошедшее время)

2. От переходных глаголов образуются личные страдательные конструкции (je bit, obilí se mlátí), от глаголов косвенно-переходных и непереходных — безличные (bylo řečeno *было сказано*, bylo dosaženo úspěchů *были достигнуты успехи*, šlo se cestou necestou *шли как попало*).

Описательные формы пассива отличаются от возвратно-страдательных конструкций по значению и употреблению. Описательные формы пассива являются принадлежностью литературного, книжного, специального, научного языка. В разговорной речи эти конструкции (за незначительными исключениями) не употребляются. Напротив, возвратно-страдательные конструкции, которые в языке употребляются вообще значительно чаще, в разговорной речи являются преобладающими. Что же касается различия в значении, то следует отметить, что формы описательного пассива выражают не столько само действие, сколько состояние, которое является результатом действия. Напр.: knihy jsou prodány *книги проданы*. Конструкции же возвратно-страдательного пассива употребляются тогда, когда речь идет о действии повторяющемся, обычном, регулярном: obchody se otvírají v 11 hodin *магазины открываются в 11 часов*. Поэтому формы описательного пассива образуются чаще от глаголов совершенного вида, в то время как конструкции возвратно-страдательного пассива обычны у глаголов несовершенного вида. Ср., напр.: lístky jsou (byly) prodány *билеты (были) проданы* и lístky se prodávají *билеты продаются*.

§ 103. Инфинитив

1. В древнечешском языке инфинитив оканчивался на -ti: nésti, dělati, trpěti и т. д. Исключение составляли всего несколько глаголов, оканчивающихся на -ci: moci *мочь*, pécі *печь*, řícі *сказать* (*др.-чеш.* řiecі) и др.

Примечание. Инфинитивы на -ci возникли еще в праславянский период у глаголов, основа которых оканчивалась на -k, -g: *pek-ti, *mog-ti, *rek-ti. Группы согласных kt и gt изменялись по славянским языковым группам так же, как tj (см. § 15). Ср. *чеш.* pécі, moci, técі и *рус.* печь, мочь, течь.

Начиная с XIV в. появляются инфинитивы с утраченным окончанием -i. Постепенно число подобных примеров увеличивается, в XVI в. их уже очень много.

В чешских диалектах и в словацком языке находим инфинитивы на t, что свидетельствует об исконной мягкости t (<ti).

В современном литературном чешском языке употребляются инфинитивы на -t (dělat, kupovat) с отвердевшим согласным и на -ti (dělati, kupovati). Последние формы являются принадлежностью книжного, письменного языка. В живой разговорной речи и в большей части чешских диалектов употребляются только формы на -t.

Отпадение конечного -i в инфинитиве, вероятно, связано с исчезновением из языка супина, который оканчивался на -t (<tъ).

В отношении количества следует отметить, что бóльшая часть двусложных инфинитивов имеет корневой гласный долгий: nésti, krýti, bíti, píti, psáti, dáti, růsti, říci, plouti и т. д., но moci, jeti, pěti. Долгие гласные сохраняются в большинстве случаев и при присоединении к этим глаголам приставок: pokrýti, zabíti, vyrůsti, připlouti и т. п. Только глаголы на -áti сокращают долготу гласного: vydati, napsati.

Инфинитивы на -ci в разговорной речи и по диалектам имеют форму на -ct: péct (píct), říct, utéct (utíct), где t появилось под влиянием прочих глаголов как признак инфинитива.

2. Супин. В древнечешском языке до XV в. существовала форма супина, оканчивающаяся на -t (твердое):

brat, dat, ležat (без перегласовки). Супин (по происхождению форма вин. пад. отглагольного существительного) употреблялся после глаголов движения и обозначал цель движения; дополнение после него стояло в родительном падеже: šli kopat hrobu *шли копать могилу*. Супин образовывался только от глаголов несовершенного вида. В отличие от инфинитива супин односложных глаголов имел краткий гласный: spat (*инф.* spáti), slut (slouti *слыть*), pit (píti), mřět (mřieti *умирать*). В XV—XVI вв. супин был полностью поглощен инфинитивом. В современном языке остаток супина сохранился в выражении jdu spat (с кратким a).

НАРЕЧИЕ

§ 104. Так же как и в русском языке, наречие в чешском языке представляет неизменяемую часть речи, по своим словообразовательным суффиксам соотносительную с другими частями речи.

По значению наречия можно разделить на две большие группы, внутри которых выступают более частные значения.

1. Определительные наречия, характеризующие само действие, обозначают качество, образ и способ действия, а также количественные оттенки действия, состояния и качества (наречия качества, количества, меры, образа и способа действия).

2. Обстоятельственные наречия обозначают различные обстоятельства проявления действия (места, времени, причины, цели).

Определительные наречия: а) качества — dobře *хорошо*, příjemně *приятно*, smutně *печально*, pilně *прилежно*; б) количества, меры — mnoho *много*, zvláště (dobře) *особенно* (*хорошо*), velmi (krásný) *очень* (*красивый*), příliš (nepříjemný) *слишком*, *чересчур* (*неприятный*) и пр.; в) образа или способа действия — (choď) potichu (*ходи*) *потихоньку*, (mluv) nahlas (*говори*) *вслух*, (choval se) přátelsky (*он относился*) *по-дружески*, letmo *на лету*, dvojnásob *вдвойне*, nadarmo *зря*, *попусту*, pomalu *неспеша*, pěšky *пешком*.

Обстоятельственные наречия: а) времени — dnes *сегодня*, včera *вчера*, večer *вечером*, zrána *утром*, odedávna

издавна, vždycky *всегда*, denně *ежедневно*, pořád *постоянно* и т. д.; б) места — zde *здесь*, vpředu *впереди*, nablízku *поблизости*, odtud *оттуда*, zdola *снизу*, zdaleka *издалека*, dolů *вниз*, vzhůru *вверх*; в) причины и цели — proto *для того, поэтому, затем*, proč *почему*.

§ 105. Образование наречий

По своему происхождению наречия в чешском языке представляют образования от различных частей речи (прилагательных, существительных, местоимений, числительных и пр.). Этим объясняется их лексическая соотносительность со всеми основными классами изменяемых слов.

1. Наиболее многочисленны и продуктивны в чешском языке наречия, образованные от прилагательных.

а) От прилагательных на -(c)ký, -(s)ký, -(z)ký наречия образуются при помощи суффикса -ky (практически посредством сокращения долготы конечного гласного):

ruský *русский* — rusky *по-русски*, přátelský *дружеский* — přátelsky *по-дружески*, socialistický *социалистический* — socialisticky *по-социалистически*, hezký *красивый* — hezky *красиво* и пр.

б) От прилагательных на -ký, -hý, -chý наречия образуются посредством присоединения к основе прилагательных суффиксов -e или -o, причем перед -e k ‖ c, h ‖ z, ch ‖ š.

drahý — draze ‖ draho *дорого*
lehký — lehce ‖ lehko *легко*
vysoký — vysoce ‖ vysoko *высоко*
daleký — dalece ‖ daleko *далеко*
tichý — tiše ‖ ticho *тихо*
široký — široce ‖ široko *широко*
úzký — úzce ‖ úzko *узко*

Примечание. У некоторых наречий, имеющих параллельные формы на -e ‖ -o, имеются незначительные смысловые различия. Наречия на **-o** употребляются обычно в прямом смысле, а на **-e** — в переносном. Ср.: vzlétl vysoko *он высоко взлетел* и vysoce ideový *глубоко* (*букв.* высоко) *идейный*.

От прочих прилагательных твердой и мягкой разновидности наречия, как правило, образуются при помощи суффикса -e (-ě) и реже — при помощи **-o**:

dobrý — dobře *хорошо*, krásný — krásně *красиво*, zdravý — zdravě *здорово*, bílý — bíle *бело*, vlastní — vlastně *собственно*, но malý — málo, mnohý — mnoho.

С исторической точки зрения приведенные формы наречий представляют в большинстве случаев беспредложные образования от различных падежных форм кратких (именных) прилагательных. Так, наречия на **-o** (veselo, mnoho) представляют старую форму им.-вин. ед. кратких прилагательных среднего рода, наречия на -ě (krásně, dobře) — старую форму местн. падежа, наречия на **-y** — форму твор. падежа мн. числа. Однако, как уже указывалось, образование наречий от прилагательных продуктивно и в современном языке, где новые наречия образуются по готовым моделям.

В современном чешском языке появляется немало наречий, образованных от относительных прилагательных, правда, в большинстве случаев имеющих качественный оттенок: dřevěně *деревянно*, dubově *дубово*, но и ročně *ежегодно*, jazykově *в языковом отношении*, obsahově *в отношении содержания*, přátelsky *дружески*, česky *по-чешски*.

2. Большое количество наречий образовалось в истории развития чешского языка другими способами и от других частей речи. Обычно эти наречия представляют застывшие, окаменевшие формы существительных, местоимений, числительных и других частей речи, которые в результате изменения функции утратили свое прежнее грамматическое значение и приобрели новое, наречное. Так, некоторые разряды наречий были образованы из кратких прилагательных в результате изоляции той или иной падежной формы от системы склонения и слияния ее с предлогами.

1) Наречия, соотносительные с различными падежами кратких прилагательных с предлогом или без предлога:

а) род. пад. ед. ч.: zcela *совсем, вполне*, docela *совершенно, вполне*, znova *снова*, zdaleka *издалека*;

б) дат. пад. ед. ч.: pomalu *медленно*, ponenáhlu *понемногу, постепенно;*

в) местн. пад. ед. ч.: namnoze *зачастую*, velice *очень*, lehce *легко*;

г) твор. пад. ед. ч.: málem *почти, чуть не*, mnohem *намного, гораздо*, skorem *почти*.

2) Наречия, образованные от различных падежей имен существительных с предлогами и без предлогов:

а) им.-вин. пад. без предлога: ráno *утром*, večer *вечером*, zima *холодно*, tma *темно*, letos *в этом году* (leto-se), dnes (<dьnь-sь) *сегодня*, trochu (*вин. жен. р.*) *немного*, hrůza *ужас, ужасно*;

б) вин. пад. с предлогом: nahlas *вслух*, naopak *наоборот*, nahoru *вверх*, včas *вовремя*, vůkol (<vъ-okol) *вокруг*, zároveň (za-roveň) *одновременно*, nadmíru *сверх меры, чересчур*, občas *порой, временами*, pořád *все время*;

в) род. пад. с предлогом: zdola *снизу*, zezadu *сзади*, zrána *утром*, zítra (<zejtra <zajtra<za jutra) *завтра*, zpravidla *как правило*, dopředu *вперед*, dohromady *вместе*, zčásti *отчасти*.

г) дат. пад. без предлога: domů *домой*, dolů *вниз*; с предлогом: kupředu *вперед*, kupodivu *на удивление* (примеров мало).

д) твор. пад.: poklusem *рысью*, honem *поспешно, живо, быстро*, chvatem *торопливо*, úprkem *во всю прыть*, kolem *вокруг*, koncem *в конце*, chvílemi *порой, подчас*.

е) местн. пад. с предлогом: nahoře *наверху*, na jaře *весной*, potmě *впотьмах*, pohromadě *вместе, заодно*, v zimě *зимой*, v létě *летом*, ve dne *днем*, v noci *ночью*, v duchu *мысленно*.

3) Наречия, образованные от числительных:

а) с суффиксами -krát, -násob, -mo: jedenkrát *один раз*, stokrát (*во*) *сто раз*, dvojnásob *вдвойне*, trojnásob *в три раза*, dvojmo *вдвое*, čtvermo *вчетверо* и т. д.

б) в сочетании с предлогами: najednou *вдруг, разом*, ve dvou *по двое*, po čtyřech *на четвереньках*, poprvé *впервые*, podruhé *во второй раз*, zaprvé *во-первых*.

4) Наречия, образованные от местоимений.

В современном языке не всегда осознается соотносительность многих наречий с местоимениями, от которых они были образованы при помощи различных суффиксов и частиц. Ср., например: kde (<kъ-de) *где*, zde (<sь-de) *здесь*, všude (<vьšu-de) *всюду*, tehdy (<tъgъ-dy) *тогда*, kdy (<kъ-dy) *когда*, vždy (<vьšь-dy) *всегда*, dokud (<do-kǫdъ) *докуда, пока*, dosud (<do-sǫdъ) *до сих пор*. Однако для многих наречий их происхождение от местоименных форм вполне ясно. Ср.: nato *затем, потом*, vtom *в это время*, zatím *между тем, пока*, mezitím *между тем*, především *прежде всего* и пр.

5) Наречия, образованные от глагольных основ.

Эта группа наречий очень невелика.

а) Наречия, соотносительные с деепричастиями настоящего времени: stoje *стоя*, sedě *сидя*, leže *лежа*, kleče *на коленях*. Некоторые из них могут употребляться с предлогами: vsedě *сидя*, vstoje *стоя*, vleže *лежа*.

б) Наречия, образованные от глагольных основ, осложненных суффиксами: mlčky *молча*, plačky *плача*, kradmo *украдкой*, letmo *мельком, бегло*, kolmo *перпендикулярно, отвесно* (ср. kláti — kolu, koleš), mermo(mocí) *во что бы то ни стало* (ср. mříti — mřu, mřeš).

6) Наречия, образованные от других наречий.

От уже существующих в языке наречий посредством соединения их с предлогами могут быть образованы новые наречия: podnes *по сегодняшний день*, zavčas *заблаговременно*, nazpaměť *наизусть*, nazpět *назад*, navždy *навсегда* и т. д.

§ 106. Степени сравнения наречий

1. Формы степеней сравнения могут иметь только те наречия, которые образованы от качественных имен прилагательных или от относительных с качественным значением: směle (от smělý) — směleji, nejsměleji; vysoko (от vysoký) — výše, nejvýše, socialisticky — socialističtěji.

Сравнительная степень в современном чешском языке образуется при помощи суффиксов -eji (-ěji) и -e.

а) Бóльшая часть наречий образует форму сравнительной степени при помощи суффикса -eji (-ěji), перед которым согласные основы чередуются: r ‖ ř, k или c ‖ č, h или z ‖ ž, ch ‖ š, sk ‖ šť, ck ‖ čť: krásně *красиво* — krásněji, upřímně *искренно* — upřímněji, lehko (lehce) *легко* — lehčeji, draho (draze) *дорого* — dražeji, ticho (tiše) — tišeji, moudře *умно* — moudřeji, zdravě *здорово* — zdravěji, lidsky *по-человечески* — lidštěji, prakticky *практично* — praktičtěji.

б) С суффиксом -e форму сравнительной степени образуют главным образом те наречия, которые в положительной степени имеют параллельные формы на -o || -e или же формы на -o. Суффиксы -ok, -ek при этом выпадают. Ср. široko || široce — šíře, vysoko || vysoce — výše, daleko || dalece — dále, blízko || blízce — blíže, úzko || úzce — úže, но: snadno || snadně — snadněji || snáze, hluboko || hluboce — hlouběji || hloub.

Примечания. 1. Кроме указанных выше чередований согласных, перед суффиксом -e представлено чередование z||ž, s||š.

2. Конечное -e в двусложных формах сравнительной степени наречий иногда отсутствует. Особенно широко это явление представлено в разговорной речи: dál, výš и т. д.

У некоторых наречий формы степеней сравнения образуются от другой основы: dobře *хорошо* — lépe, zle *плохо* — hůře, málo *мало* — méně, mnoho — více, dlouho || dlouze *долго, длинно* — déle.

Формы превосходной степени наречий образуются сочетанием форм сравнительной степени с префиксом nej- (<naj-): krásně — nejkrásněji, blíže — nejblíže, více — nejvíce, dále — nejdále.

2. По своему происхождению формы сравнительной степени наречий восходят к формам сравнительной степени именных прилагательных среднего рода: snáze, dále, častěji и пр. (см. § 65 п. 3). Ср. русский язык, где одни и те же формы служат для выражения сравнительной степени прилагательных и наречий:

а)	брат — хороший (человек)	bratr je dobrý (člověk)
	брат лучше, чем...	bratr je **lepší** než...
б)	брат работает хорошо	bratr pracuje dobře
	брат работает лучше, чем...	bratr pracuje **lépe** než...

ПРЕДЛОГИ

§ 107. 1. Предлоги — служебная часть речи, выражающая отношения между значимыми частями речи.

По своему происхождению предлоги делятся на первичные, утратившие связь с теми частями речи, из которых они образовались, и вторичные, которые сохраняют эти связи и сами иногда могут выступать в роли других частей речи.

К первичным предлогам относятся: bez, do, k, na, nad, o, od, po, pod, pro, před, přes, při, s, u, v, z, za; к вторичным — dle, podle, vedle, podél, kolem (kol), okolo, vůkol, kromě (krom), mezi, mimo, místo, proti, naproti, skrze (skrz), stran, uprostřed (doprostřed, vprostřed), dovnitř, uvnitř, vůči, vně.

Первичные предлоги отличаются от вторичных и ударением: первичные предлоги всегда имеют главное ударение, вторичные почти всегда выступают как проклитики. Почти все первичные предлоги могут выступать в роли префиксов: vnésti, dojíti, sjeti, podati и т. д.

Бóльшая часть односложных первичных предлогов может иметь двоякий звуковой вид: bez || beze, k || ke, ku, nad || nade, od || ode, pod || pode, před || přede, s || se, v || ve, z || ze. Вокализованный вид предлога употребляется в тех случаях, когда следующее за предлогом слово начинается близким по образованию согласным или группой согласных. Напр.: ze země, ve vlaku, ke stromu, ku podivu, nade mnou, beze mne и т. д.

Вторичные предлоги в большинстве случаев представляют собой застывшие формы существительных. Так, предлог místo представляет собой форму им.-вин. ед. существительного místo; kolem—твор. ед. существительного kolo, okolo=o kolo, vůkol=vъ okolь (>vōkol>vůkol); kromě и mezi— формы местн. ед. от существительных kroma *край* и meze *межа*; stran получилось из s strany (>strany>stran), dle — из dьla; podle (*первонач.* podlé) — из podьlьje, vedle из vъdьlьje (ср. в др.-чеш.: podlé vuole, vedlé své vuole).

Примечание. В современном языке предлог dle звучит как архаизм; чаще он заменяется предлогами vedle, podle.

Предлог vůči образован из выражения vъ oči>vōči >vůči; prostřed по происхождению является предложным выражением po středě=středem; сложные предлоги uprostřed и doprostřed возникли в результате сложения с соответствующими предлогами u и do.

Предлог mimo образован из корня mi (ср. míjeti<míjati *проходить*) и частицы mo (ср. наречия kradmo, letmo и т. п.); skrz || skrze (*др.-чеш.* skrzě) восходит к *(s)kъr-s, *(s)kъr-z и (s)kъr-zě; proti (*др.-чеш.* protiv) восходит к праслав. существительному и наречию *proti.

Функцию предлогов выполняют также первоначально предложные выражения kvůli *ради*, za účelem *с целью* и др.

К вторичным предлогам примыкает также творительный падеж существительных během *в течение*, následkem *вследствие*, vlivem *под влиянием*, pomocí *с помощью* и др.

Некоторые вторичные предлоги выступают и в функции наречий, т. е. употребляются как самостоятельные слова: můj přítel bydlí hned vedle *мой друг живет поблизости*; jíti někomu naproti *идти кого-либо встречать*.

Первичные предлоги отличаются от вторичных богатством значений и широтой синтаксических связей. Вторичные предлоги, как правило, имеют одно-два значения и употребляются только с одним падежом.

2. Предлоги употребляются с определенными падежами. Ряд предлогов употребляется с двумя и даже с тремя падежами. По употреблению с тем или иным падежом все предлоги распределяются следующим образом:

предлоги, употребляющиеся с одним падежом			
с род. пад.	с дат. пад.	с вин. пад.	с предл. пад.
bez, dle, do, kolem, kromě, místo, od, okolo, podle, podél, vedle, u, z, uprostřed, vůkol	k, proti, vůči, naproti, kvůli	mimo, ob, pro, přes, skrz(e)	při
предлоги, употребляющиеся с двумя падежами			
с вин. и предл. пад.	с вин. и твор. пад.	с род. и твор. пад.	
na, o, po, v	mezi, nad, pod, před	s	
предлоги, употребляющиеся с тремя падежами			
с род., вин., твор.			
za			

СОЮЗЫ

§ 108. Союзы — это неизменяемые слова, соединяющие отдельные члены предложения и предложения. Союзы не являются членами предложения. В зависимости от выполняемой в языке функции союзы в чешском языке делятся на сочинительные и подчинительные.

Сочинительные союзы в свою очередь могут быть соединительными, соединяющими предложения или слова, которые обозначают или одновременно происходящие явления, или следующие друг за другом (a *и*, i *и*, též, také *также*, ani *ни*, pak, potom *потом, затем*, dílem—dílem *частью — частью*, ani — ani *ни — ни*, jednak — jednak *с одной стороны — с другой стороны* и пр.), противительными, которые соединяют слова и предложения, противопоставленные друг другу по смыслу (ale, avšak, však *однако, но*, leč *но, иногда*, nýbrž *но*, sice — ale *хотя — но*, nejen — nýbrž *не только — но и*), и разделительными, которые могут указывать или на чередование событий, или на смену одного события другими, или на то, что из перечисленных явлений существует только одно (buď — buď *или — или*, buď — nebo *или — или*, ať — ať *то — то*, či, čili *или*, nebo *или*, anebo *или* и др.).

Примечание. В функции сочинительных союзов также часто выступают наречия, утратившие реальное значение своей категории: brzo — brzo, hned — hned.

Сочинительные союзы могут быть одиночными (ani, a, i, či, ale...), повторяемыми (či — či, ani — ani, dílem — dílem, jednak — jednak) и состоящими из двух разных слов (buď — nebo, nejen — ale, nejen — nýbrž i и пр.).

Подчинительные союзы делятся в зависимости от характера придаточных предложений, хотя одни и те же союзы могут употребляться в различных предложениях с разным значением. В функции подчинительных союзов нередко выступают и союзные слова, обычно местоимения (kdo, co, ten, který, čí и пр.) и наречия (kdy, kam, kde ...).

В чешском языке наиболее употребительными являются следующие союзы и союзные слова:

1. в подлежащем придаточном предложении: kdo *кто*, co *что*, aby *чтобы*, že *что* и пр.;

2. в дополнительном придаточном предложении: kdo, co, že, aby, proč и пр.;

3. в определительном предложении: jaký, který, jenž, jež, co;

4. в обстоятельственных придаточных предложениях места: kde, kam, kudy; времени: když *когда*, jakmile *как только*, sotva, sotvaže *едва*, zatím co *в то время как*, pokud, dokud *пока*, až *как только*; образа действия, меры: jako, jak *как*, (tak) aby (*так*) *чтобы*, že *что*, takže *так что* и пр.; причины, условия, следствия: protože *потому что*, poněvadž *потому что*, aby *чтобы*, kdyby *если бы*, *когда бы*, ježto *так как*, jelikož *так как*, když *когда*, *если*, jestliže *если*, ačkoli *хотя*, třebaže *хотя*, *несмотря на то*, *что*, neboť *так как*.

МЕЖДОМЕТИЯ

§ 109. Междометия — неизменяемые слова, выражающие различные чувства, ощущения, эмоции и волю говорящего. Сюда же примыкают различные звукоподражательные (ономатопоэтические) слова, выражающие различные звуки или действия, сопровождаемые звуками.

К первой категории междометий (т. е. выражающих различные чувства, эмоции: радость, огорчение, удивление, разочарование, удовлетворение, ощущения холода, тепла и пр.) относятся: ach, och, aj, jej, ó, hej, fuj, br и пр., а также слова: a, i, ale, však, že. Напр.: á to bolí! *ай, больно!* že se řízneš! *обрежешься!*

Ряд междометий выражает приказание, побуждение, предупреждение и пр.: pst! *тсс!*, hola hej! *эй!*, prr! *тпру!*, kš, kšá! *кыш!*, nuže! *ну же* (*скажите*)!

Ко второй, звукоподражательной, категории междометий относятся: mňau *мяу*, bác (звук при падении, ударе), fr (звук при полете), břink (звук при битье стекла, посуды), hop (звук при прыжке, сам прыжок) и др.

Междометия, особенно звукоподражательные, могут заменять какой-либо член предложения. Обычно они заменяют сказуемое (напр.: a před chalupou s koně hop — a na chalupu klop, klop, klop! *и перед избушкой с коня прыг! и в избушку стук, стук, стук!* — Эрбен), реже — другие члены предложения (напр.: br! *холодно!*)

По происхождению междометия можно разделить на первичные (br, ach, ó и пр.) и вторичные, возникшие из других, изменяемых частей речи (глагола, имени). Так, междометия panečku, holenku, božinku — по происхождению звательная форма имен существительных; běda! *горе*, увы! — им. пад.; hybaj (*нар.* и *разг.*) *беги!* — форма повелит. наклонения от hýbati; ani hni! (*нар.* и *разг.*) *не двигайся, не шевелись!* — повелит. наклонение от hnouti (se); hle!, hleď! *посмотри!* — повелит. наклонение от hleděti.

КРАТКИЙ ОЧЕРК РАЗВИТИЯ ЛИТЕРАТУРНОГО ЧЕШСКОГО ЯЗЫКА

§ 1. Племена чехов, мораван и словаков, издавна находившиеся в близких взаимоотношениях вследствие общности экономической и общественно-политической жизни, в IX в. н. э. объединились в государство Великая Моравия. Именно с этого периода разложения родового строя и возникновения союза родственных племен, развития общего языка племенного союза и противопоставления ему диалектов, вошедших в данный племенной союз, можно датировать начало исторического развития чешского языка.

В IX в. в Моравии закладывается фундамент независимой славянской церкви. Великоморавский князь Ростислав, стремясь освободить страну от влияния немецко-католического духовенства, являвшегося проводником германизаторской политики, обратился к византийскому императору с просьбой послать в Моравию христианских проповедников для создания церковного ритуала и церковной письменности на славянском языке. В 863 г. в Моравию были направлены два брата — Константин и Мефодий, греки, выросшие в среде македонских славян города Солуни. С их деятельностью связано возникновение первых памятников славянской письменности и распространение богослужения на славянском (старославянском) языке.

Старославянский язык, более или менее насыщенный богемизмами, был первым и долгое время единственным литературным славянским языком у чехов. Следы старославянской письменности в чешских и моравских землях значительны и разнообразны. Об этом свидетельствуют, прежде всего, такие старославянские памятники моравского извода, как глаголические Киевские листки, написанные в X в., и Пражские отрывки, относящиеся к XI в. В обоих

памятниках отражены черты их моравского происхождения. Так, в Киевских листках в соответствии с **шт** и **жд** старославянского языка (из tj, dj) последовательно представлено **ц** и **з**: **обѣцѣниѣ** (*ст.-слав.* **обѣщания**), **обѣцѣлъ**, **дазь** (*ст.-слав.* **даждь**), твор. ед. муж. р. на -ъть (в то время как в болгарской редакции -отъ).

В Пражских отрывках представлено значительно больше богемизмов:

1) Группа **дл** (в ст.-слав. **л**): **модлитвоу**, **свѣтидлна**;

2) **ц** и **з** (из tj, dj; в ст.-слав. **шт, жд**): **оутврьзєниѥ, розьство**;

3) **ш** на месте ś (ś<ch; в ст.-слав. **в**): **вши** (*ст.-слав.* **вьси**);

4) смешение знаков **оу** и **ж**, **ѧ** и **а**: **модлитвоу, оударишѧ, помилажи**;

5) переход ā>ie: **цѣлєниѥ.**

Несмотря на то, что старославянский язык в чешских и моравских землях был в употреблении сравнительно недолго (с IX до конца XI в.), можно отметить еще ряд старославянских памятников, языковые особенности которых свидетельствуют о их создании в чешской среде. Это легенды о св. Вацлаве, легенды о св. Людмиле, Моравская легенда о Константине и Мефодии. Со старославянской традицией связана, конечно подвергшаяся значительной чехизации, духовная песня Hospodine, pomiluj ny, дошедшая до нас в более поздних списках, но относящаяся несомненно к тому периоду, когда старославянский язык в Чехии и Моравии находился еще в живом употреблении. Старославянский язык в чешских и моравских землях оказал значительное влияние на формирование религиозной терминологии, способствовал более быстрому развитию чешского языка как языка культуры и литературы и его проникновению в поэтическое и светское творчество, способствовал распространению культуры среди народа, для которого старославянский язык был более понятным и близким, чем латынь.

Другим литературным и богослужебным языком с момента проникновения к чехам христианства была латынь. В результате усиления латино-немецкого влияния латынь

победила как язык церкви, а в связи с этим и как язык литературы, поскольку литературное творчество того периода было тесно связано с религиозной тематикой.

§ 2. Оригинальные памятники собственно чешской письменности относятся к довольно позднему периоду, к концу XIII — началу XIV столетия. Некоторые сведения, касающиеся истории развития чешского языка в предшествующий период, можно извлечь из ряда источников. К таким источникам относятся: а) богемизмы в старославянских памятниках; б) отдельные чешские слова и сочетания слов, находимые в латинских и немецких памятниках (многочисленные чешские слова встречаются в различных легендах, хрониках — важное значение имеет латинская хроника чеха Космы, написанная в XII в., — в грамотах и прочих деловых документах); в) глоссы — чешский перевод латинских слов, выражений и даже целых предложений, которые вписывались в латинские рукописи XI—XIII вв. Так, старославянские и чешские приписки находим в латинской рукописи Григория Великого (Řehoř Veliký, Dialogorum libri quattor), созданной около 1100 г., в Mater Verborum (толковом словаре латинских слов для читателя латинских сочинений), в «Опатовицких проповедях» (Homiliář Opatovický, чешские приписки во второй половине XIII в.), в псалтыри (Žaltář glosovaný) и в других памятниках.

Первые памятники чешской письменности относятся, как указывалось, к концу XIII в. От того времени до нас дошли две древнечешские духовные песни религиозного содержания: Островская песнь (Slovo do světa stvořenie), найденная в Островском монастыре, и Кунгутина песнь (Vítaj, král'u všemohúcí), извлеченная из молитвенника Кунгуты, дочери короля Пршемысла II. Сюда же примыкает ряд других памятников религиозного содержания.

Многочисленные произведения различных жанров, относящиеся к XIV в., свидетельствуют о пышном расцвете чешской литературы и языка. С начала XIV в. получает широкое развитие духовная поэзия, появляется светское поэтическое творчество. Самым значительным произведением этого жанра является Александреида (Alexandreis) — средневековое предание об Александре Великом. В середине XIV в. появляется проза, художественная и специальная

(сочинения по истории и теологии). Среди них следует отметить Далимилову хронику— первое написанное на чешском языке историческое произведение. Исторические легенды, любовная лирика (Lirické básně), правовые произведения («Рожембергская книга», сочинения Андрея из Дубе), сатирические сказания — все это также определяет жанровое разнообразие литературы XIV столетия. Вершиной литературного творчества этого периода являются философские произведения Фомы Штитного (Thomáš Štítný). Карл Маркс, говоря о чешском языке конца XIV в., писал, что чешский народный язык в этот период является более развитым, чем немецкий, как то видно из сочинений Фомы Штитного.

В связи с экономическим развитием чешских земель (изменение в способах промышленного производства и земледелия), ростом городов, развитием ремесел и пр. чешский литературный язык интенсивно развивается и расширяет свои функции. Литературный язык перестает быть привилегией духовной монастырской среды, он получает свое дальнейшее развитие при дворе чешских королей, в дворянской среде, в университете. Пражский университет, основанный в 1348 г., сыграл огромную роль в деле распространения образования и развития литературы. В конце XIV столетия чешский язык завоевывает все права литературного и политического языка, получает функции административно-правового языка (главным образом, устного).

В памятниках XIII в., так же как и в памятниках XIV в., почти нет следов диалектных различий. Объяснение, вероятнее всего, следует искать в том, что уже довольно рано существовал более или менее единый тип литературного чешского языка, который в Праге (да и вообще в средней Чехии) находился в контакте с живой разговорной речью, хотя значительно отличался от последней в лексическом отношении.

Можно также полагать, что уже в то время среднечешское наречие начинало играть роль интердиалекта, т. е. диалекта, объединяющего различные диалектные группы (главным образом, северо-восточную и юго-западную), а среднечешский тип языка образованной среды считался образцовым для книжных людей разных областей.

Несомненно, что уже в этот период феодальной дроб-

ности можно говорить о начинающем вырисовываться едином языке чешской народности.

Развитие чешского языка в указанный период выразилось прежде всего в пополнении словаря и в дальнейшем развитии синтаксиса. Последний испытал значительное влияние со стороны латинского языка: чаще стали употребляться сложносочиненные и сложноподчиненные предложения, увеличилось количество причастных и страдательных конструкций. Словарь значительно пополнился не только за счет развития словообразования, но и за счет заимствования и калькирования большого количества слов, главным образом из немецкого и латинского языков. В этот период появляется богатая поэтическая и правовая терминология.

В связи с интенсивной немецкой колонизацией и предоставлением немецким колонизаторам различных привилегий, немецкий язык получает распространение при дворе чешских королей и чешской знати, проникает в среду дворянства, в широкие круги городского населения, в государственное управление.

На протяжении XIII—XIV вв. в чешский язык проникло множество немецких слов, связанных с развитием феодализма, рыцарством, с ростом и управлением городов, с развитием ремесла: hrabě *граф* (из gravio), říše *империя* (ср. *нем.* Reich), šlechta *дворянство* (ср. *нем.* Geschlecht *род*), turnaj *турнир*, rytieř *рыцарь* (*совр.* rytíř, *нем.* Ritter), rek *герой* (*нем.* Recke), rada *совет* (*нем.* Rat), plac *площадь* (ср. *нем.* Platz), rynk *площадь* (*нем.* Ring *площадь*), barva *краска* (*нем.* Farbe), hamr *кузница* (*нем.* Hammer), forman *возница* (*нем.* Fuhrmann), clo *пошлина* (*нем.* Zoll) и др.

Немецкий был и разговорным языком господствующих классов, поэтому в чешский язык проникли также слова бытового характера: dík *благодарность* (Danke), musiti *долженствовать* (müßen), škoda *вред, убыток*, нар. *жаль* (ср. Schade).

Многочисленны были в этот период и заимствования из латинского языка (напр., kostel — из *лат.* castellum), иногда при немецком посредничестве: ср. klášter *монастырь* из *лат.* claustrum через *нем.* kloster; almužna *милостыня* (*др.-в.-нем.* almuosna из *ср.-лат.* alimosina). Из немецкого языка и латыни в чешский язык проникала также интернациональная терминология.

Значительным преобразованиям к концу XIV в. подверглась и звуковая сторона чешского языка. Как в литературном, так и в народном языке произошли фонетические изменения, которые существенно изменили звуковой облик чешского языка.

Отметим важнейшие:

1. Деназализация носовых ǫ и ę: dǫbъ>dub, męso>maso (до XI в.).

2. Исчезновение редуцированных в слабом положении и переход в e в сильном положении: dьnь>den, mъchъ>mech (X—XI вв.).

3. Стяжение гласных (начало — XII в., однако, и в XV в. этот процесс еще не завершился).

4. Изменение g>h: glas>hlas (XII — нач. XIII в.).

5. Перегласовка a>ě, á>ie (XII—XIII вв.) и 'u>i, ú>í (XIV в.).

6. Изменение r'>ř: tr'i>tři (XII—XIII вв.).

7. Развитие фонологической парной мягкости. Последующее отвердение прежних мягких и полумягких согласных m, b, p, v, s, z, a в некоторых положениях и полумягких n', t', d'.

8. Стабилизация ударения на первом слоге (кон. XIII—нач. XIV в.).

9. Начало совпадения **i** и **y** в одной артикуляции.

10. Начало совпадения ł и l' в артикуляции l среднего (XIV—XV вв.).

11. Начало изменений долгих гласных в дифтонги: ō>ůo, ū>au, ý>ej (основной процесс протекал в XV—XVI вв.).

Морфологическая структура чешского языка оказалась более устойчивой и консервативной. Так, до конца XIV в. в языке живет двойственное число, простые прошедшие времена (аорист и имперфект). Изменения в области форм связаны, с одной стороны, с фонетическими изменениями, с другой, — с изменениями, прошедшими в склонении под влиянием фактора грамматического рода (см. выше § 37).

§ 3. Серьезный перелом в развитии литературного чешского языка связан с гуситским движением, которое было не

только религиозным движением, а прежде всего социально-политическим, революционным движением, направленным против одной из самых могущественных представительниц феодализма — церкви. Гуситское движение являлось народно-освободительной, патриотической борьбой чешского народа против находившихся в привилегированном положении богатых слоев немецкого населения и высшего духовенства, борьбой против экономических и национальных поработителей. Гуситское движение имело огромное влияние на дальнейшее развитие чешской народности и чешского литературного языка. Если вся литература XIV в. находилась в руках имущих слоев населения, то в XV в. она становится достоянием широких слоев городского населения, ремесленников, она становится достоянием народа.

Простые слова Яна Гуса и его последователей, обращенные к народу, проникновение чешского языка в богослужение, введение в богослужение духовных песен, которые в большом количестве сочиняли Гус и его друзья, чтение библии и комментирование священного писания на чешском языке, — все это способствовало демократизации литературного языка; он становится ближе к живому народному языку, освобождается от устаревших слов и форм; иностранные слова заменяются исконно чешскими.

Гуситское движение с самого начала стремилось к поднятию у народных масс национального самосознания, поэтому устный, живой простой разговорный язык становится в это время основным средством пропаганды реформаторских идей. В XV в. чешский язык расширяет свои функции, приобретает все права официального и государственного языка, вытесняет латынь даже в роли богослужебного. Но наряду с чешским латынь по-прежнему остается языком науки.

Взаимное сближение и взаимное влияние литературного чешского языка и народной речи создает надежную основу для развития языка чешской народности. Образование языка чешской народности на протяжении XV—XVI вв. идет быстрыми шагами, и к концу XVI в. чешский язык достигает большой стабильности и единства.

В истории развития чешского языка и чешской письменности большая заслуга принадлежит Яну Гусу (Jan Hus, 1369—1415), пламенному проповеднику и защитнику народных прав.

Свои проповеди, сочинения и духовные песни, предназначенные для народа, Гус писал простым, доступным языком, стремясь приблизить литературный язык к народному, сделать его достоянием широких народных масс. «Я писал так, как обычно говорю». Гус стремился не только к доступности литературного языка, но и к его единству. Зная, что в Чехии говорят неодинаково, Гус писал: «Я прошу каждого, кто будет писать, не писать иначе, чем я». («Великое толкование» — Výklad desatera).

В стремлении к демократизации и единству литературного языка, Гус освобождает язык своих произведений от ряда архаических конструкций и устаревших слов, заменяя их живыми и употребительными. Он устраняет архаические формы аориста и имперфекта, сохраняя их лишь в библейских цитатах, ограничивает употребление именных форм прилагательных.

Но заслуга Гуса заключается не только в том, что он освободил язык своих сочинений от архаизмов. Он сумел возвести до степени литературного языка то новое, что развивалось в народном языке (напр., окончание -m в 1 л. ед. ч. глаголов типа dělati, prositi, uměti: prosím, úfám, napomínám и т. д.).

Стремление к обогащению и очищению родного языка нашло отражение в том, что Гус не только принимает вновь созданные слова, но и образует их сам. Так, Гус, продолжая усилия Фомы Штитного, заменяет латинскую терминологию собственно чешской. Вместо advent он пишет příští *следующий, будущий*, вместо vigilie — bděnie (*совр.* bdění), вместо vokalis — hlasie или samohlas (*совр.* samohláska *гласный звук*) и пр.

Гус страстно боролся против засорения чешского языка заимствованиями из немецкого. Этот языковый пуризм был тесно связан со все возрастающим сопротивлением чехов против немецкого засилия. В «Великом толковании» Гус упрекает пражан в том, что «... они говорят наполовину по-чешски, наполовину по-немецки: hantuch вместо ubrusec, šorc вместо zástěrka, knedlík вместо šiška, renlík вместо trénožka, forman вместо vozataj... — и кто бы мог описать все, что в чешскую речь намешано», — пишет с горечью Гус.

В области фонетики Гус не признавал изменений, которые произошли в звуковой стороне разговорного языка на

протяжении XIV столетия (начинающегося совпадения i и y, ł и l', начавшейся дифтонгизации долгих гласных (ō>uo, ū>au, ȳ>ej). Но стремление Гуса сохранить в литературном языке старый фонетический тип не было поддержано жизнью.

Велика заслуга Гуса в области чешской орфографии. Гус создал новую остроумную систему — так называемую диакритическую орфографию, в которой буквы, обозначающие звуки, отсутствующие в латыни, получили особые знаки.

Так, č обозначалось ċ, š — ṡ, ž — ż, ř — ṙ; d, ť, ň обозначали мягкие ď, ť, ň, ľ обозначало ł; долгота гласных обозначалась черточкой ′: á, ó, ú, é, í, ý; g перед **e, i** обозначало [j], в остальных положениях [g].

Реформу орфографии Гус изложил в своем сочинении De Orthographia bohemica («О чешской орфографии»). Эта система была (правда, не сразу) принята чешской письменностью, где она в принципе применяется до настоящего времени, и научным языкознанием.

Идеи и язык Гуса оказали большое влияние на его современников и последователей. Язык религиозной пропаганды эпохи гусизма, а также язык произведений некоторых известных чешских деятелей и писателей, находится в большой зависимости от языка Гуса (Рокицана, П. Хельчицкий).

В период гуситского движения чешский язык достигает большого расцвета и распространения не только в чешских и моравских землях, но и за их пределами. В XV в. чешский язык в качестве литературного был введен в Словакии, где удержался в этой функции до середины XIX в. Большое влияние чешский язык оказал на польский. Последний заимствовал из чешского языка большое количество слов, связанных с рыцарской, религиозной и городской терминологией.

§ 4. Расцвету чешского языка и литературы с конца XV в. до начала XVII в. способствовали два культурных течения: гуманизм и «Чешские братья».

Среди представителей гуманизма следует отметить два направления. Представители первого направления стремились к возрождению и развитию чешской культуры по образцу античной, причем их увлечение античностью доходило до такой степени, что в качестве письменного литературного языка ими признавалась только латынь. Свой же

родной язык они считали варварским (напр., Богуслав Гасиштейнский из Лобковиц — Bohuslav Hasištejnský z Lobkovic). В этом таилась серьезная опасность для развития чешского языка.

Патриотически настроенные представители второго направления стремились использовать успехи классического образования и достоинства древних языков для обогащения своего родного языка и национальной культуры. К ним относится прежде всего Викторин Корнель из Вшегрд (Viktorín Kornel ze Všehrd, 1461—1520), сделавший множество переводов с латинского языка на чешский. «Хотя я мог бы писать по-латыни, как другие, мне подобные, — писал он, — однако, так как я знаю, что я чех, я желаю латынь только изучать, писать же и говорить — по-чешски». К числу таких патриотически настроенных представителей гуманизма следует отнести также Григория Грубого (Řehoř Hrubý), Вацлава Писецкого (Václav Písecký) и др.

Все они признавали необходимость совершенствования чешского языка посредством обогащения словаря и развития синтаксической структуры языка путем внедрения в нее различных латинских конструкций.

§ 5. Период с 1526 по 1620 г. известен как «золотой век», как классический период в истории развития чешской литературы и языка.

Конец XVI в. определяется деятельностью Даниеля Адама Велеславина (Daniel Adam z Veleslavína, 1546—1599), ученого, писателя, известного издателя, язык которого знаменует высшую точку гуманистической «полировки» чешского языка. Велеславин составил «Исторический календарь» и ряд словарей, из которых самыми важными являются два чешско-латинско-греческих словаря: Sylva quadrilinguis (алфавитный) и Nomenclator quadrilinguis (с расположением слов по предметным отделам).

Огромное влияние на развитие литературного чешского языка оказала деятельность общины «Чешских братьев»*,

* Община «Чешских братьев» была организована в 1457 г. Первоначально «Чешские братья» стремились организовать идеальную церковную общину, основанную на любви, смирении, равенстве. Аскетическая направленность общины обусловила отрицательное отношение к светской власти, к науке, образованию и т. д. Однако скоро община «Чешских братьев» была реорганизована и приспособ-

которые искренне заботились об усовершенствовании, очищении и распространении родного языка, строили школы, издавали литературу. Так, напр., из 79 книг, напечатанных в 1500—1510 гг., 60 книг были изданы «Чешскими братьями».

Расцвет деятельности общины «Чешских братьев» связан с деятельностью Яна Благослава (1523—1571), одного из самых просвещенных и одаренных людей общины. Литературная деятельность Яна Благослава была весьма плодотворной. Он написал подробную историю общины (O původu jednoty bratrské), заново перевел с греческого языка Новый Завет, чем дал толчок для перевода всей библии, составил и издал чешскую грамматику, принял участие в издании известного Шамотульского канционала, бóльшая часть песен которого была им переработана, а 69 песен написано заново. Он написал историю музыки и поэзии. Язык произведений Яна Благослава, несмотря на германизмы, был образцом для своего времени.

Основным произведением «Чешских братьев» является Кралицкая библия, вышедшая в шести томах в 1579—1593 гг. Перевод Ветхого Завета (пять томов) с древнееврейского языка и его толкование были результатом совместной работы девяти выдающихся членов общины. В шестой том вошел перевод Нового Завета Яна Благослава.

Точный, ясный и выразительный язык Кралицкой библии считался образцовым. На языке Кралицкой библии учились целые поколения «Чешских братьев» и писатели различных религиозных и политических направлений. По существу он не отличается от языка писателей, группировавшихся вокруг Велеславина, хотя представляет собой более обработанную и более архаическую разновидность литературного языка XVI в.

На протяжении XV—XVI вв. существенно изменилась синтаксическая структура чешского языка. Синтаксис этого периода имеет ряд отличительных особенностей, во многих случаях обусловленных влиянием латинского синтак-

---

лена к новым культурным течениям своего времени. Члены общины начали стремиться к образованию, к более свободному образу жизни, стали занимать важные государственные должности, заботились о сохранении национального духа и о совершенствовании родного языка.

сиса: обилие сложных предложений, больших периодов, присоединение самостоятельных предложений относительными местоимениями (ježto, kterýž), вкладывание придаточных предложений внутрь главных, постановка глаголов в конце предложений, частое употребление причастных и деепричастных конструкций и латинской конструкции accusativus cum infinitivo (viděl jsem je utrapené lidi býti); распространение пассивных конструкций (rozkázáno bylo, byl jsem držán).

В области лексики наблюдается значительное пополнение словарного состава языка, главным образом, за счет заимствования слов из иностранных языков. Из латинского языка была заимствована богатая терминология, связанная с ученой и школьной средой: autor, bibliotéka (*совр.* knihovna), kalendář, а также административная терминология: akta, mandát, kvartál и пр. Из романских языков была заимствована воинская и торговая терминология: armáda, kurýr *курьер*, regiment *полк*, jenerál (*совр.* generál) и пр.

В XVI—XVII вв. получают широкое распространение немецкие слова, которые проникали в разговорный чешский язык в результате непосредственного общения с немецким населением. Это чаще всего слова обиходно-разговорные, а также связанные с ремеслом: forcug (Vorzug) *преимущество*, fechtovati, havíř *шахтер* (ср. *нем.* Hauer и Häuer) и пр. От употребления иностранных слов не отказывались даже лучшие авторы того времени.

Новые слова в этот период образовывались не слишком активно. Новообразования представлены в основном в юридической терминологии.

Новым словообразовательным типом следует считать прилагательные на -itý: důležitý *важный*, náležitý *соответственный*, которые в определенных случаях заменили более старые формы на -ený (ср. nepřetržený ‖ nepřetržitý *непрерывный*). К этому же периоду относится распространение многократных глаголов типа chodívati *хаживать*.

В фонетической системе чешского языка XV—XVI вв. прошли дальнейшие изменения:

1. Заканчивается переход ō>ûo>ů. Если в XV в. и в 1-й половине XVI в. пишут и uo, и ů, то во 2-й половине — только ů, что свидетельствует о завершенности процесса: dōm>duom>dům.

2. ū>a͡u̯>o͡u̯ (после твердых согласных и в начале слова): sūd>soud; ūroda>ouroda.

3. Происходит изменение aj>ej (XV в.). Дифтонг ej в XVI в. получает большое распространение, хотя уже в конце столетия и в XVII в. действие закона нарушается аналогическими образованиями (напр. hajný>hejný, а затем под влиянием родственных слов — hajiti и т.п. — снова появилось hajný *лесник*).

4. Дифтонг i͡e из ě, é и ę в долгом слоге в XV в. начинает переходить в í; XVI век окончательно закрепляет í: měra>mi͡era>míra, vajéčko>vajíčko, vęce>vi͡ece>více. (Для ě этот процесс закончился раньше.)

5. По диалектам проходят также изменения ý>ej (bejvati), é>ý (dobrýho, dobrýmu и т. п.), перед начальным **o** представлено протетическое v (vohňuov=ohňů). В ганацких говорах ý>ej>é: dobrý>dobrej>dobré, být>bejt>bét.

Указанные изменения в области гласных распространились почти по всей территории чешских говоров, хотя в некоторых случаях не проникли повсеместно. Вследствие этого наряду с консолидацией языка чешской народности возникали многочисленные местные различия, а диалектное членение чешского языка, обусловленное феодальной раздробленностью чешских земель, становится еще более значительным.

В области форм на протяжении XV—XVI вв. происходят следующие изменения:

1. Происходит окончательная перегруппировка склонения существительных по признаку грамматического рода.

2. Развивается и находит грамматическое оформление категория одушевленности у существительных мужского рода.

3. Исчезает категория двойственного числа. В языке сохраняются лишь его остатки.

4. Склонение существительных группируется по признаку грамматического рода вокруг продуктивных типов (o-/jo- основ муж. и ср. рода, a-/ja- основ жен. рода).

5. Взаимодействие существительных женского рода ja- и i-основ приводит к возникновению новой разновидности склонения (»daň«).

6. В народно-разговорной речи в твор. пад. мн. числа распространяется окончание -ama: domama, městama, ženama.

7. Беспредложные конструкции местного и творительного падежей уступают место предложным.

8. Еще более ограничивается употребление именных форм прилагательных. В XVI в. устанавливается то состояние, которое мы находим в современном языке.

9. В XVI в. притяжательные прилагательные начинают изменяться как полные (местоименные) формы прилагательных: Janův, Janového [-ýho] (*вм.* Janova), Janovému [-ýmu] (*вм.* Janovu) и т. д.

10. Именные причастия действительного залога утрачивают в значительной степени свою самостоятельность, переходя в категорию деепричастий и наречий.

11. В 1 л. ед. ч. настоящего времени у ряда глаголов с начала XV в. закрепляется окончание -m: dělám, umím, prosím — вместо более старых форм dělaji (<dělaju), uměji (<uměju), proši (<prošu).

Таким образом, к концу XVI в. закончились основные преобразования в фонетической и грамматической структуре чешского языка. Стабилизовавшаяся к концу XVI в. фонетическая и морфологическая система в основных чертах удержалась до настоящего времени. Нормализации литературного чешского языка в значительной степени способствовали словари и грамматики, появившиеся в XVI в. Среди них — неплохая для своего времени грамматика чешского языка словака Б. Нудожерского (1603 г.), написанная на латинском языке. Эта грамматика в основном воспроизводит языковые нормы Кралицкой библии.

В связи со стабилизацией норм литературного чешского языка к концу XVI в. в произведениях этого периода почти отсутствуют диалектные элементы (исключение составляют частная корреспонденция и местные хроники), хотя для того времени можно говорить о двух центрах письменности: пражском и моравском. Последний в отношении языковых норм был более консервативным.

§ 6. В период с 1620 г. и до конца XVIII в. чешский литературный язык переживает в своем развитии глубокий упадок.

После поражения чехов на Белой горе в 1620 г. Габсбургская династия, под власть которой перешла полностью вся Чехия, пыталась уничтожить политическую, экономическую и национальную независимость чешского народа.

В условиях национального угнетения, сочетавшегося с тяжелейшим феодальным гнетом и полной экономической и политической зависимостью, шло резкое наступление на чешскую культуру (гонения на протестантов, представителей братских кружков и корпораций). Школы, в которых учились чешскому языку, закрывались, чешская литература беспощадно уничтожалась. Функции литературного чешского языка на протяжении последующих периодов значительно суживаются. В связи с денационализацией, онемечиванием чешского дворянства, духовенства и верхушки буржуазии, разговорным языком этих социальных групп становится немецкий язык, который выступает в это время в качестве своеобразного социального жаргона. В функции научного языка восстанавливается латынь, а позже — немецкий и французский языки. Немецкий язык постепенно вытесняет чешский также в качестве официального и административного языка. В 1781 г. одним из симптомов окончательной ликвидации остатков политической самостоятельности чешских земель, входивших в состав Габсбургской монархии, было провозглашение немецкого языка в качестве государственного.

Хранителем и носителем чешского языка остается простой народ, развивающий свое творчество. Однако углубление местных, диалектных черт и окончательное оформление территориальных групп не содействовало успешному взаимодействию диалектов с литературным языком. Письменный литературный язык этого периода, представленный незначительным количеством произведений (литература религиозного содержания, предназначаемая главным образом для сельского населения, и литература, созданная народом), характеризуется неустойчивостью грамматических норм и звукового строя. Язык этих произведений содержит множество различных диалектизмов, характер

которых зависел от того, носителем какого диалекта являлся автор.

В литературный язык проникает ряд фонетических особенностей народной речи (dobrej *вм.* dobrý, dobrýho *вм.* dobrého, vokno, voči *вм.* okno, oči; zubami *вм.* zuby (как в жен. р.), na svaté jména *вм.* na svatá jména, mlčejí — *3 л. мн. ч. вм.* mlčí и др.), а также народные и диалектные обороты и выражения. Даже в грамматиках того времени содержится ряд неверно образованных форм (напр., грамматика Росы, 1672 г.).

В другом положении оказался литературный язык чешской эмиграции. Оторванный от живого источника, от народа, он оставался в тех рамках, в которых развивался в предшествующий период, и чем дальше, тем больше ограничивался определенными поэтическими формулами и штампами.

Среди писателей чешской эмиграции этого периода нужно отметить великого чешского педагога и мыслителя Яна Амоса Коменского (1592—1670). Я. А. Коменский — последний представитель «Чешских братьев». Язык его произведений является традиционным и мало чем отличается от языка периода расцвета гуманизма.

Упадок чешской культуры, литературы и языка в XVII — XVIII вв. зашел так далеко, что истинные защитники чешского языка потеряли надежду на его дальнейшее развитие и возможность его дальнейшего существования.

§ 7. Возрождение чешского языка, связанное с общим возрождением чешской культуры, было тесно связано с обострением классовых и национальных противоречий в Чехии в конце XVIII— начале XIX в.

Развитие капитализма породило многочисленную буржуазию, которая активно включилась в национально-освободительную борьбу. Однако для понимания характера этой борьбы следует учитывать особенности государственного и политического положения чешских земель в составе Австрийской империи, приведшие к тому, что крупная промышленность находилась в руках немцев, а мелкая и средняя — в руках чехов. Поэтому «борьба началась и разгорелась, собственно, не между нациями в целом, а между господствующими классами командующих и оттеснен-

ных наций. Борьбу ведут обыкновенно или городская мелкая буржуазия угнетенной нации против крупной буржуазии командующей нации (чехи и немцы), или сельская буржуазия угнетенной нации против помещиков господствующей нации*...».

Борьба за национальное возрождение вылилась в борьбу за национальный язык, за его права во всех областях общественно-политической и культурной жизни. Борьба чешской буржуазии за национальное и экономическое равенство была сопряжена с борьбой за развитие собственной национальной культуры и прежде всего национального языка как орудия этой культуры, что получило отражение в в ряде лингвистических, литературоведческих и исторических работ того времени.

Начало чешского Возрождения характеризуется обращением к историческим памятникам прошлого, которые в это время усиленно издаются и переиздаются. Так, Ф. Прохазка и В. Дурих издают библию, образцом для которой послужил перевод Кралицкой библии. Появляется ряд грамматик чешского языка (Томсы, Пельцеля и др.).

Подъему национальной культуры и укреплению национального самосознания чешского народа в высшей степени способствовало появление к концу XVIII — началу XIX в. различного рода национально-просветительных учреждений, обществ, кружков. В 1792 г. в Пражском университете открывается кафедра чешского языка, в 1798 г. был открыт постоянный немецкий пражский театр, в котором в определенные дни ставились спектакли на чешском языке. На развитие чешской национальной культуры и пробуждение славянского самосознания оказали также влияние чешско-русские культурные связи.

§ 8. Особенно плодотворной и значительной в первый период Возрождения оказалась деятельность патриарха славистики Й. Добровского (1753—1829). Добровский, как и другие выдающиеся «будители», понял необходимость создания общенародного литературного языка как основной предпосылки для подъема чешской культуры и дальнейшего развития чешского народа. Но источником этого

* И. В. Сталин. Соч. т. 2, стр. 305.

возрождения Добровский считал не современный народный чешский язык, а язык лучших произведений XVI в. — язык Кралицкой библии и произведений Д. А. Велеславина. Свою задачу Й. Добровский видел в том, чтобы продолжить прерванное развитие литературного чешского языка, защитить его от позднейших изменений и новообразований, появившихся не только в грамматиках и словарях XVII—XVIII вв., но и в произведениях писателей-современников. Поэтому Й. Добровский горячо рекомендует чтение старых книг. Понимая при этом, что для изучения языка XVI в. недостаточно одного только чтения старых книг, а также желая облегчить изучение языка старшей поры и способствовать его распространению среди интеллигенции и широких слоев населения (для которых и предназначались литературные произведения, написанные на чешском языке), Добровский пишет «Грамматику чешского языка» (Ausführliches Lehrgebäude der Böhmischen Sprache; I изд. 1809, II — 1819), образцом для которой послужил язык «классического периода» чешской литературы. Грамматика Добровского имела огромное значение для нормализации и узаконения грамматических норм литературного чешского языка. По существу она была первой научной грамматикой чешского языка, в которой Добровский описал основные закономерности грамматической системы и осветил законы чешского словообразования.

Признавая положительное значение грамматики Добровского для создания прочной основы литературного чешского языка, следует в то же время подчеркнуть и отрицательные последствия ее появления: началось оживление языковых норм старшей поры, узаконение архаического чешского языка в качестве литературного, что обусловило огромный разрыв между нормами литературного языка и народно-разговорной речи.

Кодификация Добровского была принята и младшим и старшим поколением чешских «будителей», она ревностно охранялась и удерживалась в принципе на протяжении всего XIX в., что объяснялось, разумеется, не только огромным авторитетом Добровского, а более глубокими причинами. Как уже говорилось выше, чешский язык на протяжении почти двух столетий усиленно вытеснялся из всех сфер его употребления. Он не был разговорным языком всех

слоев населения, не был языком науки и культуры; он постепенно утрачивал функции административного и официального языка. Разговорный язык широких слоев населения также не соответствовал задачам культурного возрождения, т. к. он был насыщен большим количеством германизмов. Достаточно указать на тот факт, что первые деятели Возрождения, выступившие в защиту чешского языка, писали на немецком или латинском языке.

Отсюда становится понятным стремление иметь такой литературный язык, который отличался бы стабильностью грамматической структуры, который мог бы стать языком науки и литературы и отличался бы от существующего разговорного языка богатством выразительных средств, который можно было бы противопоставить господствующему немецкому языку. Этим и объясняется стремление опереться на культурные достижения своих предков, использовать высокую книжную культуру добелогорского периода, ибо с этим периодом было связано представление о расцвете чешского языка и литературы, о национальной самобытности и независимости чешского народа.

В силу резких диалектных различий, вызванных к жизни эпохой феодальной раздробленности, в силу жестокого национального, политического и социального гнета ни один из диалектов не мог сыграть роли объединяющего диалекта, лечь в основу литературного чешского языка. Поэтому, чтобы избавить язык от неустойчивости, колебаний, диалектизмов, а также из-за боязни расшатать систему литературного языка, Добровский выступал против попыток приближения литературного языка к народному.

Нормализация и даже частичная архаизация литературного языка в первый период Возрождения была возможна и потому, что литературный чешский язык был в этот период исключительно книжным. Разговорная форма литературного чешского языка возникла не раньше середины XIX в., когда литературный чешский язык начал проникать в различные сферы общественной и культурной жизни.* В указанный же период попытки приблизить литературный язык к диалектам, использовать элементы народной речи натал-

* См. J. Bělič. *K otázce vzniku nové spisovné češtiny.* Slovo a slovesnost, r. XII, 1950

кивались на категорические протесты, так как за образец литературного языка с точки зрения звукового состава и грамматики (а для Добровского — и лексики) почти всеми признавался язык старой литературы.

Точку зрения Добровского и Юнгманна на памятники старшей поры как на основу литературного языка разделяли и другие выдающиеся деятели Возрождения, например, Палацкий, редактор журнала »Časopis českého musea« (с 1827 г.), один из организаторов «Чешской матицы» (Matice Česká), издававшей на чешском языке научные и другие книги.

Для периода Возрождения было характерно не только любовное изучение литературного прошлого своей страны, но и обращение к народному творчеству чешского и других славянских народов, изучение истории языков и литератур этих народов.

Выдвигая идею единства славянских народов, деятели чешского Возрождения неизменно обращали свои взоры в сторону России в надежде на помощь русского народа. Установлению тесных чешско-русских культурных связей в этот период способствовало не только изучение русского языка, переводы произведений русской и древнерусской литературы, но и личные связи чешских и русских ученых, установленные ими во время взаимных посещений Чехии и России.

§ 9. Изменения социального, экономического и политического характера, развитие науки и техники, интенсивная переводческая деятельность, завоевание литературным языком новых областей культурной жизни, литературы и поэзии рождали потребность в новых понятиях, словах и терминах. Чешскому языку становятся тесны рамки XVI в., которые не отвечали запросам нового времени. Поэтому новое поколение чешских «будителей» во главе с Юнгманном выдвигает задачу не только возрождения, но и обогащения словарного состава чешского языка.

Если Й. Добровский возможными источниками лексического обогащения языка считал обновление устаревших слов, заимствование слов из других славянских языков и народной речи (при этом резко выступая против новообразований), то Юнгманн и его ученики считали, что источни-

ками обогащения чешского языка могут быть: памятники древнейшей литературы (XVI в.); чешские диалекты и народный язык; произведения новейших писателей, к языку которых, впрочем, Юнгманн рекомендовал относиться очень осторожно; другие славянские языки и диалекты (среди последних отмечались моравские и словацкие); дословный перевод с других языков (калькирование), если это не противоречит духу чешского языка; создание новых слов путем словосложения или при помощи словообразования.

Стремление к обогащению чешского языка Юнгманн реализовал в своей обширной практической деятельности: при переводах иностранной литературы и при составлении пятитомного словаря (Slovník česko-německý). Этот словарь появился в 1835—1839 гг. в результате плодотворной тридцатилетней деятельности Й. Юнгманна при участии и помощи некоторых других деятелей Возрождения (Коллара, Марека, Челаковского), ибо создание словаря Юнгманн объявил национальной необходимостью. Словарь Юнгманна охватывал огромный словарный запас языка. Определяя закономерности словообразования и регулируя выбор слов и выражений, он положил конец индивидуальному, а иногда и произвольному словообразованию. Опираясь в своем словотворчестве на закономерности словообразования, указанные еще Добровским, деятели юнгманновской генерации создали новую научную терминологию: литературоведческую, естественную, математическую, философскую и эстетическую (в 50-е годы вышло два терминологических словаря). Было создано большое количество специальных терминов, многие заимствования (гл. образом из немецкого) были заменены собственно чешскими словами (*вм.* mord — vražda *убийство*, grunt — základ *основание*, handl — obchod *торговля*, plac — místo *место* и т. д.).

Множество новых слов было создано в целях развития синонимии (ср. у Юнгманна: chmara, mrak *туча*, ohromný, veliký, obrovský и др.), были возрождены многие древнечешские слова. Большое количество слов было заимствовано из других славянских языков, в частности, из русского: příroda, bodrý, nutný *необходимый*, obzor *горизонт*, dějství, nářečí, šum, chrabrý, sloh, vkus, vojín и др.

Однако следует заметить, что юнгманновцы в своем словотворчестве не всегда учитывали требование общепонятности слов. Слишком быстрый рост числа слов, недостаточная их употребительность и устойчивость привели к тому, что некоторые слова довольно быстро исчезли из обихода.

Первая половина XIX в. имела исключительно важное значение для создания литературного чешского языка. Она характеризуется бурным ростом словарного состава языка, стабилизацией, а в деталях и архаизацией (даже по сравнению с Добровским) фонетической и морфологической системы. Так, фонетическая система стабилизуется в соответствии со старыми нормами: не допускается протетическое v, í заменяется звуком é (mléko *вм.* míko), во флексиях почти всюду появляется ý вместо ej (dobrý *вм.* dobrej) и é вместо ý (dobrého *вм.* dobrýho.) В грамматике часто употребляются (особенно в поэзии) такие формы, которые даже Добровский считал устаревшими: dadí вместо dají *дадут*, устаревшие формы деепричастий на -eci (slyšeci). В поэзии под влиянием поддельных рукописей Ганки получают распространение краткие формы прилагательных в атрибутивной функции: stíny modra nebe *тени синего неба* (*букв.* синя) (Челаковский, Маха). Иногда употребляются даже формы аориста и имперфекта.

В области синтаксиса и стилистики первой половины XIX в. следует отметить сложные периоды, обилие причастных конструкций, постановку глагола и возвратного компонента (se, si) на конце предложения, наличие определения за определяемым словом, употребление типичных для латинского языка конструкций именительного и винительного с инфинитивом (vidím je seděti), безличного пассива (mluveno se) и т. д. (ср. произведения Коллара, Палацкого).

Однако в 30—40-е годы XIX в. наблюдается значительное расширение сфер применения чешского языка, который начинает выступать уже как средство общения, как необходимый компонент в образовании чешской нации. В связи с тем, что чешский язык не мог распространяться через школу, проводником воспитательной языковой политики, школой языка были прежде всего журналы, научная и художественная литература, читательские «беседы», кружки и театры, где о повседневных сторонах жизни говорилось по-чешски.

Требование «понятности» чешского языка, выдвигае-

мое в это время, несомненно было связано с его демократизацией, вытеснением из него книжных элементов и проникновением в него народных. Отражение указанных требований можно найти прежде всего в произведениях крупного драматурга Й. К. Тыла. Следует отметить, что единый литературный чешский язык создавался медленно и постепенно. Живая языковая практика находилась в отрыве от установленных Добровским норм, так как писатели, адресующие свои произведения народу, писали на языке, близком и понятном народу (Тыл, Немцова и др.).

§ 10. Богатый событиями 1848 год открывает новую страницу в истории Чехии, страницу политической борьбы сначала за национальную автономию, позже — за полную национальную самостоятельность чешского народа. 1848 год принес изменения в политической и социальной жизни Чехии: отмену феодальных повинностей, ликвидацию ряда привилегий чешского дворянства, усиление развития капитализма.

Национально-политическая борьба, вызвавшая общий подъем чешской культуры, дает толчок развитию чешской публицистики и журналистики. Функции чешского языка начинают расширяться, чешский язык постепенно отвоевывает себе все новые области: проникает в школу (первая чешская школа была открыта в 1849 г.), в учреждения, в общественную жизнь. Литературный чешский язык перестает быть привилегией писателей и просветителей, языком только художественной и научной литературы, он становится языком общения, начинает обслуживать все общество. Этому весьма способствовало введение преподавания чешского языка в школе и бурное развитие литературы, особенно публицистической, обращенной к широким слоям городского и сельского населения.

В связи с этим с середины XIX в. литературный чешский язык в произведениях наиболее передовых, связанных с народом писателей освобождается от книжного архаического словаря и фразеологии: сложный синтаксис «классического» периода уступает место простым и ясным предложениям, более близким живой речи широких народных масс.

Прогрессивные писатели середины XIX в. черпали демократические элементы своего языка из разных источников

(ср. элементы языка сельского населения у Немцовой или городского — пражского арго — у Неруды), но всех их объединяет то, что они освободили язык от тяжеловесности, архаичности, искусственности, приблизили его к живой народной речи. В произведениях Тыла, Гавличка-Боровского, Немцовой и Неруды уже определяются основы современного литературного языка. Позже эту линию развития продолжали представители передовой чешской литературы, такие как А. Ирасек, С. К. Нейман, И. Ольбрахт, М. Майерова, Й. Волькер и др.

На развитие чешского языка этого периода оказало влияние и то обстоятельство, что чешская интеллигенция пополняется в это время за счет выходцев из среды сельского населения, которое потянулось в города. Под влиянием этих слоев общественная и культурная жизнь Чехии приобретает более демократический характер, т. к. деятели науки и культуры этого времени одновременно являлись и носителями живой разговорной речи.

В связи с проникновением литературного чешского языка в различные сферы общественной жизни, в связи с его демократизацией рождается разговорная форма литературного языка, являющаяся связующим звеном между литературным книжным языком и народно-разговорной речью.

Разговорная форма чешского литературного языка зародилась, вероятно, первоначально в пражском центре, в довольно узком кругу еще до 1850 года и получила свое дальнейшее развитие по мере демократизации литературного языка и расширения его функций. Развиваясь, она начинает оказывать в свою очередь влияние на письменный литературный язык.

Понятно, что литературный язык этого периода, лексически и синтаксически близкий народному языку, не отличался стабильностью звуковой и грамматической системы (представлены колебания — ý (í) || ej: prý || prej *дескать*, výskal || vejskal *визжал;* ú || ou (в начале слова): úplný — oupl-ný *полный*; u || ú: usta || ústa, uhel || úhel; в области форм: abychom || abychme || abysme; říci || říct, děkuji || děkuju и др.).

§ 11. Дальнейшее развитие науки и техники не могло не отразиться на изменении словарного состава языка. Интенсивное словообразование, развитие фразеологии и терми-

нологии в связи с новыми потребностями жизни, большое количество заимствований, производимых без достаточного контроля и теоретических оснований, — все это вызвало среди теоретиков тревогу и опасения за дальнейшее развитие родного языка.

Ревнители «первоначальной чистоты» чешского языка выступили за его очищение от заимствований, новообразований и пр. Во второй половине века начали появляться «Брусы» (brousiti по-чешски значит *шлифовать*) — специальные пособия, в которых обращалось внимание на неправильное значение и употребление отдельных форм слов и выражений, вместо которых предлагались «правильные». Первые «Брусы» успеха не имели; затем дело «исправления» чешского языка взяла в свои руки специальная комиссия, созданная при Чешской матице. Первое издание «Брусов» Чешской матицы вышло в 1877 г., второе — в 1881 г., третье (измененное и дополненное) — в 1894 г.

Определяющим в деятельности «брусичей» было признание того, что современный им литературный язык находится в состоянии глубокого упадка. В связи с этим выдвигались принципы «исторической чистоты» и «прямолинейной правильности», которые привели к тому, что мерилом языковой правильности современного языка были объявлены: 1) литературный язык XVI—XVII вв. и 2) народные диалекты и другие славянские языки. В целом консервативная точка зрения, проводимая в «Брусах», отрицательно сказалась на сближении литературного языка с его разговорной формой.

Однако писатели этого периода обращали мало внимания на призывы к соблюдению традиционной чистоты языка, принимая «Брусы» с таким же недоверием, с каким «брусичи» относились к их языку. Чешские писатели, журналисты не придерживались рекомендованных «Брусами» норм.

Выступление в конце XIX в. известного филолога и лингвиста Яна Гебауера сыграло большую роль в истории научной обработки и нормализации чешского языка. В своей монументальной исторической грамматике (Historická mluvnice jazyka českého, d. I—III, 1894—1898), а также в своих школьных и практических грамматиках (Mluvnice česká pro školy střední a ústavy učitelské; Příruční mluvnice jazyka českého pro učitele a studium soukromé), Гебауер по-

ставил фонетику и морфологию чешского языка на научную историческую основу. Его работы — это по существу первая попытка пересмотреть кодификацию литературного языка после Й. Добровского. Однако деятельность Гебауера не приблизила языковую теорию к практике. Интерес Гебауера к истории языка, а также стремление избавить язык от колебаний, определили то, что описанная им норма литературного языка (особенно в области фонетики и морфологии) была довольно архаичной, диалектизмы и народно-разговорные элементы в грамматике устранялись; некоторые архаизмы узаконивались. В принципе Гебауер не отошел от Добровского: проведенная им нормализация фонетики, грамматики, синтаксиса и даже орфоэпии касалась лишь деталей.

Тем не менее работы Гебауера, как в свое время и работы Добровского, имели огромное влияние на современников и надолго определили их лингвистическую практику. Эти работы были исходными при выработке правил чешского языка, вышедших в 1902 г. с предисловием Гебауера: Pravidla hledící k českému pravopisu a tvarosloví.

Таким образом, теоретические работы по языку, появившиеся во второй половине XIX в., хотя и сыграли определенную положительную роль в нормализации грамматики чешского языка, но своим стремлением сохранить «первоначальный дух» и «традиционную чистоту» способствовали не только консервации литературного чешского языка, но и его архаизации, в связи с чем углубился тот разрыв между письменным литературным языком и разговорной речью, который в силу исторических условий развития чешского языка возник в конце XVIII — начале XIX в.

§ 12. Во время первой мировой войны еще более усилился языковый пуризм. Представители пуристического направления сосредоточили свою деятельность в журнале «Наша речь» (Naše řeč), который начал выходить в конце 1916 г. Стремясь сохранить чистоту языка, а тем самым и национальную индивидуальность, «Наша речь» препятствовала введению новых слов и оборотов, желая очистить язык от иностранных слов и заменить их чешскими. Произведения современных писателей считались ненадежным источником познания языка.

Многие чешские писатели, увидев в такой языковой политике опасность для развития языка и литературы, резко выступили против деятельности журнала. К протесту писателей (Фишер, Эйснер, Ольбрахт, Ванчура и др.) присоединился и ряд чешских филологов, лингвистов.

В 30-е годы в полемику о культуре чешского языка включились представители пражского лингвистического кружка: Матезиус, Гавранек, Мукаржовский, Якобсон, Вейнгарт. Сформулированные ими принципы понимания языка они изложили в своих «Тезисах» на международном съезде славистов в Праге (1929 г.). В начале 1932 г. ими был организован цикл лекций, посвященных вопросам языковой культуры, и в том же году выпущен в свет сборник «Литературный чешский язык и языковая культура» (Spisovná čeština a jazyková kultura).

Представители пражского лингвистического кружка исходили в своей практике из следующих принципов: 1) последовательная синхрония, т. е. изучение норм современного литературного языка (источником изучения его могут служить произведения литературы за последние 50 лет, с учетом произведений и таких писателей, которые закладывали основу литературного языка—Тыл, Немцова, Гавличек); 2) функциональная точка зрения: строгое различение задач, поставленных перед языком в различных его проявлениях (норму литературного языка нельзя, напр., оценивать с точки зрения диалектной нормы, так как перед литературным языком и диалектом стоят совершенно разные задачи); 3) структуральное понимание языка, т. е. понимание языка как системы.

Исходя из этих принципов, представители пражского лингвистического кружка отрицали пуристический тезис об упадке литературного языка и выступали против принципов «исторической чистоты» и «прямолинейной правильности». Выдвигая требование стабильности языковой нормы литературного языка, структуралисты отказывались воспринимать современную языковую систему с точки зрения прошлого.

Требование синхронного изучения языка, безусловно, сыграло положительную роль. В новых «Правилах чешского правописания» 1941 г. отсутствуют архаические неологизмы и сделана попытка опереться на живой литературный язык. В «Правилах» допускаются уже параллельные формы в случае отсутствия стабильности в употреблении тех или иных слов. В морфологии выступает совершенно определенная тенденция к закреплению форм, общих с живым разговорным языком; «Правила» 1946 и 1948 гг. содержали лишь незначительные изменения по сравнению с изданием 1941 г. Таким образом, деятельность членов пражского лингвистического кружка способствовала сближению языковой практики и теории, делая более возможным сближение архаической формы письменного литературного языка с его разговорной формой.

§ 13. Если литературный чешский язык в последнее время несколько стабилизовался со стороны фонетики, то в грамматической структуре языка этой стабильности пока нет. В целом можно отметить совершенно определенную тенденцию к проникновению в литературный язык разговорных форм. Так, напр., последние «Правила чешского правописания», выпущенные в 1957 г. (особенно школьные правила 1958 г.) допускают в качестве литературных такие параллельные формы, которые раньше считались разговорными (напр., 1 л. ед. peku ‖ peču, uteku ‖ uteču; 3 л. мн. pekou ‖ pečou, utekou ‖ utečou и др.).

Литературный чешский язык последнего периода переживает бурный рост лексики, обусловленный изменениями в общественно-политической жизни чешского народа. Множество слов появляется в результате словообразования от уже имеющихся в языке. Так появились údernický, údernictví (от úderník), ministryně *женщина-министр* (от ministr), kapitánka *женщина-капитан*, akční výbor *комитет действия*. Во многих случаях наблюдается расширение значения слов. Так, напр., слово brigáda, обозначавшее раньше воинское соединение, в настоящее время употребляется в значении добровольной рабочей бригады. То же относится к слову bleskovka — а) *лампа-молния*; б) *телеграмма-молния* — и ряду других слов.

Многие слова получают новый оттенок значения, который более соответствует новым общественным отношениям: ср. слова soutěžení *соревнование*, závazek *обязательство*, kritika и пр.

В связи с ростом новых слов появляются новые слово-

сочетания и фразеологические обороты: park oddechu *парк отдыха*, zvýšení produktivity práce *повышение производительности труда* и т. п.

Большую роль в пополнении словарного состава чешского языка играет сейчас русский язык. Если в период Возрождения заимствования относились в основном к поэтической, научной и бытовой лексике, то в настоящее время они тесно связаны с общественно-политической жизнью, с достижениями науки и техники, с построением нового общественного строя.

Пути заимствования слов из русского языка различны. Одни слова заимствуются непосредственно: bolševik, kolchoz, pětiletka, komsomol, prověrka, sputník, другие приспосабливаются к звуковому виду чешских слов: úderník, sebekritika.

Под влиянием русского языка появилось большое количество словосочетаний, являющихся кальками с русского языка: dětské jesle *детские ясли*, socialistická soutěž *социалистическое соревнование*, putovní prapor *переходящее знамя*, rychlostní způsob práce *скоростной режим*, zlepšovací návrh *рационализаторское предложение*, pracovní jednotka *трудодень* и т. д. Русский же язык является проводником интернациональной лексики: kombajn, novátor, disciplína, kolektiv, agrotechnika, laureát, buldozer и др.

Синтаксическая структура современного литературного языка упростилась, наметился отход от сложных периодов. Под влиянием разговорной речи все более начинает действовать ритмический фактор, согласно которому, напр., возвратное se ставится не после глагола, а после первого ударенного члена предложения; согласуемое определение ставится, как правило, перед определяемым словом. С другой стороны, намечается более тонкая дифференциация в употреблении союзов, появляются новые предлоги и предложные конструкции: prostřednictvím *посредством*, vlivem *под влиянием*, následkem *в результате*, v rámci *в рамках* и пр.

В настоящее время в социалистической Чехословакии созданы благоприятные условия для дальнейшего развития национального чешского языка как средства общения чешской нации во всех областях ее политической, общественной и культурной жизни.

КРАТКИЙ ОЧЕРК ЧЕШСКОЙ ДИАЛЕКТОЛОГИИ

Национальный чешский язык имеет различные и своеобразные формы своего проявления. Наряду с литературным чешским языком, как наиболее высокой и развитой формой его существования, его компонентами являются диалекты с их наддиалектными образованиями (интердиалекты, или, иными словами, народно-разговорная речь — obecná čeština, obecná hanačtina, obecná laština). Кроме того, особо следует выделить функциональное ответвление литературного чешского языка — его разговорную форму (hovorová čeština).

Удельный вес этих компонентов национального чешского языка неодинаков. Его основой, ядром является литературный язык со всеми функциональными ответвлениями и народно-разговорная речь (obecná čeština). Собственно диалекты находятся на периферии национального языка.

Особое место в системе национального чешского языка занимает народно-разговорная (обиходно-разговорная) чешская речь, которая не имеет аналогии в других славянских и неславянских языках. Она появилась в результате стирания наиболее специфических, локально-ограниченных особенностей чешских диалектов и закрепления и дальнейшего развития тех черт, которые являются общедиалектными и проявляют тенденцию стать общенародными. Obecná čeština является средством устного общения не только носителей диалектов. Лица, активно владеющие литературным языком, нередко прибегают к народно-разговорной речи, ибо ее нормами практически владеет все население. Бóльшая часть тех, кто в письме и в устных официальных выступлениях пользуется литературным языком, в повсед-

невном разговоре пользуется народно-разговорной речью. Последняя довольно часто вытесняет разговорную форму литературного языка не только в области лексики и синтаксиса (здесь они обнаруживают близость), но и в области фонетики и морфологии, где народно-разговорная речь отличается рядом ярких особенностей (ý>ej; é>í; v перед начальным o, формы 3 л. мн. ч. типа dělaj, říděj, studujou (*лит.* dělají, řídí, studují); твор. пад. на -ama: váma, předsedama, нарушение количества и др.).

На основе народно-разговорной чешской речи, которая находится примерно на том же уровне, что и разговорная ганацкая речь (obecná hanačtina) и разговорная ляшская речь (obecná laština), возникает новый, более высокий тип интердиалектного образования, который господствует уже над всеми областными интердиалектами (в том числе и над народно-разговорной чешской речью) и который проявляет тенденцию стать общенародным нелитературным языком, близким к разговорному литературному языку*. Такой тип разговорной речи можно уже назвать общенародной разговорной чешской речью.

Таким образом, обнаруживается тенденция к слиянию двух типов разговорной речи, которые появились в результате своеобразия исторического развития чешского народа и чешского языка.

Диалекты под все углубляющимся влиянием чешского литературного языка постепенно теряют свое значение на тех территориях, где раньше они служили единственным средством языкового общения.

* * *

Классификация чешских говоров производится прежде всего на основании фонетических признаков и отчасти морфологических — морфологические различия не являются структурными. Они касаются, в основном, отдельных форм и

---

* См. J. B ě l i č. *K otázce obecné češtiny. Studie ze slovanské jazykovědy.* Praha, 1958.
B. H a v r á n e k. *Slovo a slovesnost*, XVI, 1955.
П. С г а л л «Обиходно-разговорная чешская речь», Вопросы языкознания, № 2, Москва 1956.

окончаний, так как род, число, типы склонения и спряжения для всех чешских говоров более или менее общие. Синтаксис по говорам еще более однороден; синтаксические различия касаются, главным образом, частностей. На основании лексических различий общее деление говоров производить очень трудно.

Поэтому определяющим при классификации чешских говоров являются особенности звукового состава, обусловленные особенностями исторического развития тех или иных звуков. Прежде всего принимаются во внимание количественные различия гласных (наличие долгих и кратких гласных) и их состав (наличие простых звуков, дифтонгов и пр.), а также отношение долгих гласных к кратким. В зависимости от этого выделяют три группы чешских говоров:

1. Говоры с долгими и краткими гласными, причем в составе долгих гласных находятся дифтонги (a, e, o, i, u; á, í, ú, ej, ou), — к ним относятся все собственно чешские говоры, а также говоры на западе Моравии.

2. Говоры, в составе которых представлены краткие и долгие гласные, но в которых отсутствуют дифтонги: a, o, e, i, u; á, ó, é, í, ú. К ним относятся центральные моравские говоры (ганацкие), а также говоры, простирающиеся на юг до словацкой границы.

3. Говоры, в системе которых вообще отсутствуют долгие гласные и дифтонги: ляшские (или силезские) говоры на северо-востоке Моравии.

Кроме этих основных трех групп можно отметить еще полосу переходных моравско-словацких говоров, в системе которых представлены долгие и краткие гласные и дифтонги, но происхождение их и соотношение в системе данного говора совершенно иное, чем в системе собственно чешских говоров.

Ср. примеры:

лит.: Dej na vozík tu mouku ze mlýna.
собств.-чеш.: Dej na vozejk tu mouku ze mlejna.
ганац.: Dé na vozék tu móku (móko) ze mléna.
ляш.: Daj na vozik tu muku ze mïna.
мор.-слов. Daj na vozík tú múku ze mlina.

ЧЕШСКИЕ ГОВОРЫ

Собственно чешские говоры, включающие в себя среднечешские, юго-западные и северо-восточные чешские говоры, более однородны по составу, чем говоры моравские и ляшские. Влияние литературного чешского языка и народно-разговорной речи приводит к нивелировке местных диалектных особенностей и к закреплению общечешских черт. Значительные отличия представляют лишь окраинные говоры: доудлебские (на юге Чехии), ходские (на западе), кладские и подкрконошские (на северо-востоке), сохраняющие ряд архаических черт.

На основании каких признаков производится деление собственно чешских говоров?

Все они, за исключением окраинных областей, имеют в звуковой системе 5 кратких гласных: a, o, u, e, i; три долгих: á, í, ú и два дифтонга: ej, ou. С точки зрения исторической состав гласных фонем в этих говорах также более или менее одинаков. Основные различия касаются судьбы и произношения согласных и групп согласных:

1. произношения согласного v как губно-зубного [v], как неслогового [u̯]: prau̯da, или билабиального [w]: krawa;

2. произношения k перед звонкими согласными как [g]: [gde], как [h]: [hde] или как [γ(j)]: [γde, jde];

3. произношения губных согласных перед гласными **i, e** и заменами ę как твердых или со следами прежней мягкости: а) pi, bi, vi; pe, be, ve;

б) pji, bji, vji; pje, bje, vje;

в) pi, bi, vi; pje, bje, vje;

4. произношения сочетания ji в начале слов как [ji], [i] и [hi];

5. произношения групп согласных (ассимиляции, диссимиляции, упрощения и пр.);

6. изменения звонких и глухих согласных, произношения их в конце слова перед паузой (sandhi).

В морфологии различия касаются, главным образом:

1. формы дат.-предл. ед. у существительных мужского рода (окончания -ovi ‖ -oj ‖ -ej и др.);

2. формы твор. ед. существительных женского рода мягкой разновидности (окончания -í и -ej);

3. формы им.-вин. мн. существительных мужского рода;

4. окончания 3 л. мн. ч. глаголов настоящего времени.

СРЕДНЕЧЕШСКИЕ ГОВОРЫ

(*Прага с окрестностями*)

Среднечешские говоры близки по своему составу к народно-разговорной чешской речи, которая сформировалась в основном на базе пражского разговорного наречия и среднечешских говоров. Многие из указанных ниже особенностей среднечешских говоров свойственны и прочим собственно чешским говорам (юго-западным и северо-восточным).

Фонетика

1. Наличие дифтонга [ej] на месте í после **c, z, s, ž** и **í<ý**: dobrej známej (=dobrý známý)*, mlejn (=mlýn), mejt (=mýti), bejval (=býval), sejto (=síto), cejťit (=cítiti *чувствовать*), strejček (=strýček *дядюшка*), nožejk (=nožík) и т. д. Только в формах твор. ед. (dobrým člověkem, s mým známým, s tou prací), а также у прилагательных типа telecí *телячий*, hovězí *говяжий* сохраняется [ī] (орфогр. í, ý).

2. На месте é — [ī] (после твердых согласных изображается как ý): nýst (=nésti), týct (=téci), dobrý pivo (=dobré pivo), krásný kraje, kniha mý známý (=kniha mé známé), polívka *суп*, mlíko *молоко* и т. д.

3. Наличие протетического v перед начальным **o**: vokno, vokolo, vobjet (=obět), voheň, vot sebe (=od sebe), vocas *хвост*, vobras (=obraz) *картина* и т. д.

4. ou<ū не только в середине и в конце, но и в начале слов: ouroda (=úroda *урожай*), outrata *трата, расход*, outerej (=úterý *вторник*).

5. Произношение группы sh как [sch]: schoda (=shoda *согласие*), schořet (=shořeti *сгореть*) и т. п.

---

* В скобках со знаком равенства приводятся литературные чешские формы.

6. Произношение группы mě как [mňe]: mňesto (=město *город*), mňesíc (=měsíc *месяц*), mňel (=měl *имел*).

7. Упрощение групп согласных: řeben (=hřeben), kerej (=který), šak (=však *однако*), zhůru (=vzhůru *вверх*), dyť (=vždyť *ведь*), dyby (=kdyby), japko (=jablko), pudu (=půjdu).

8. Нарушение количества — сокращение долгих гласных и продление кратких: póle (=pole), múš (=muž), pjet pánu (=pánů), ťem klukum (=klukům), von nosi, bježi (=nosí, běží).

9. Возможно произношение [ǐ] вместо начального [ji]: inam (*вм.* jinam), ídlo (*вм.* jídlo), ízda (*вм.* jízda), íst (*вм.* jísti).

10. Возможно звонкое произношение предлогов и согласных в конце слова (sandhi):

tak vidíš>tag vidíš
s matkou>z matkou
moc lidí>modz lidí

Морфология

1. Одна форма им. мн. прилагательных для существительных одушевленных и неодушевленных в соответствии с тремя формами (на -í, -é, -á) литературного языка: to jsou hezký vojáci; mladý, hodný hoši; vraný koně, nový okna, nový knihy.

2. У существительных мужского рода одушевленных форма вин. мн. совпадает с формой им. мн.: viďel (j)sem vojáci, kluci; má tři bratři, pobil ty zloďeji.

3. В твор. пад. мн. ч. обычным является окончание -(a)ma, -(e)ma, -ma: chlapama, ženama, městama, mužema, polema, dušema, kostma, ďetma.

4. В предл. пад. мн. ч. у существительных мужского и среднего рода (особенно с основой на задненёбные согласные) преобладает окончание -ách: vo vojákách, vo klukách и т. д.

5. Окончание -u в 1 л. ед. ч. и -ou в 3 л. мн. ч. употребляется не только у глаголов типа píšu, píšou (как в литературном языке), но и у глаголов типа píti, kupovati. Ср.: 1. л. ед. ч.: češu, mažu, biju, kupuju, kreju (=kryji), meju (=myji); 3 л. мн. ч.: češou, mažou, bijou, kupujou, krejou, mejou.

6. В 3 л. мн. ч. в соответствии с литературными глагольными формами на -ají, -ejí (-ějí), -í находим формы: dělaj, uměj, bolej, trpěj, mluvěj и реже umí, trpí.

7. У причастий на -l с основой прошедшего времени на согласный в мужском роде конечное -l отпадает: nes (=nesl), krat (=kradl), pek (=pekl) и т. п.

СЕВЕРО-ВОСТОЧНЫЕ ЧЕШСКИЕ ГОВОРЫ

Северо-восточные чешские говоры находятся в области, пограничная линия которой идет несколько восточнее Мнихова Градища, Подебрад, Кутной Горы, Часлава, западнее Хотебора, восточнее Гавличкова Брода к областной моравской границе.

Кроме черт, общих со среднечешскими говорами (см. п. 1—8 фонетики и 1—5,7 морфологии), северо-восточные чешские говоры имеют следующие особенности:

1. Произношение u̯ на месте v в конце слога: prau̯da, kreu̯ *кровь*, zrou̯na *как раз*, dříu̯ *раньше*.

Примечание. В области, примыкающей к среднечешским говорам, такое произношение удерживается только у старшего поколения.

2. Более последовательное употребление ej на месте í (после c, z, s, š, ž, ň), чем в среднечешских говорах. Ср.: ulicej, dušej, pod lavicej (*твор. ед.*), s prácej, za pecej, pod zemňej, husejm (*дат. мн.*), husejch (*предл. мн.*).

3. Вместо jí, ji в начале слов произносится обычно í, i: ídlo, ich, inej, iskra, íva, ít (=jíti), istej (=jistý).

4. Форма дат.-предл. ед. у существительных мужского рода оканчивается на -oj (<ovi): bratroj *брату*, mužoj *мужу*, hlídačoj *сторожу*, koňoj, psoj и т. д.

5. У существительных мужского рода нередко происходит обобщение звукового вида основы по форме им. мн.: hoši *мальчики, ребята*, род. мн. hošů, дат. мн. hošům и т.д.

6. В 3 л. мн. ч. глаголы на -iti и -eti (-ěti) имеют окончание -ej: viďej, prosej, nosej и т. д.; глаголы на -ati — -aj: hlídaj *сторожат*, ďelaj и т. п.

Признаки, свойственные не всей территории северо-восточных говоров

1. Звонкое произношение согласных на конце слов (sandhi): bjež, raď, seď, gídlu (=k jídlu), jag ináč (=jak...), gránu (=k ránu *к утру*), přez ves (=přes ves *через деревню*), modz veselej (=moc veselý *очень веселый*).

2. Местами перед гласными переднего ряда вместо губных b, p произносятся зубные d, t: dežet (=běžet), holoude v troude (= holoubě v troubě), tekňe (=pěkně), dýlej (=bílý).

3. Местами (гл. обр. в окраинных областях) встречаются случаи диссимиляции nn>dn: Anna>Adna и ассимиляции dn>nn: jednou>jennou *однажды*, zedník>zenník *каменщик*, odpoledne>votpolennách *после полудня* и др.

4. В части говоров губные перед **e** из ę и ě произносятся твердо, т. е. как pe, be, ve: behat (=běhat), mesto, svet, obe, dve и т. д.

Под влиянием литературного языка указанное явление очень быстро идет на убыль. У молодого поколения оно уже не встречается.

5. В причастиях прошедшего времени обобщение прошло по неперегласованным формам: slyšali, držali, ležali и т. д. — как slyšal, slyšala, držal, držala, ležal, ležala. По аналогии образовались формы viďal, seďal, hořal, leťal и т. п.

Иногда аналогия распространяется и на формы инфинитива: držat, bežat.

Окраинные северо-восточные говоры

В окраинных говорах — кладских и подкрконошских,— находящихся в северной части территории северо-восточных говоров, сохраняется ряд архаических черт, а также представлены интересные новообразования:

1. Утрата слогового свойства плавных r̥>er, ir, l̥>el, il: deržat, skerz, kermili, melč, velček, pelnej, moheł, kerve и пр.

2. Сохранение ł или его замена посредством u̯: deržał || deržau̯, kořauka, viďał || viďau̯, chłap и пр.

3. В подкрконошской области **e** на месте i (<y): meslím (=myslím), me (=my), belo (=bylo), kdebe (=kdyby).

4. Возможно произношение губно-губного [w]: kráwa, tráwa, takowej.

5. Возможен инфинитив на ť: ďelať, ležeť, prosiť.

ЮГО-ЗАПАДНЫЕ ЧЕШСКИЕ ГОВОРЫ

Юго-западные чешские говоры находятся на западе и на юге Чехии, а также в западной части Моравии: к югу от Краловиц, к Рокицанам, к Písку и на восток — к Моравии. В Моравии они охватывают районы Ждяра, Нового Места, Быстрицы, Тельчи, Емницы.

При рассмотрении специфических особенностей юго-западных чешских говоров необходимо помнить, что многие черты не проведены последовательно на всем массиве указанных говоров. Несмотря на то, что юго-западные чешские говоры представляют одно целое, одни из приводимых ниже черт характеризуют больше южные говоры, другие— западные. Наиболее яркие черты юго-западных чешских говоров усиливаются по мере приближения к окраинным, архаическим областям. Некоторые явления встречаются только в определенных словах. Специфические особенности юго-западных чешских говоров, как, впрочем, и других говоров, сохраняются главным образом у представителей старшего поколения.

Из особенностей указанных говоров отметим следующие:

1. На месте k перед звонкими согласными появляется h или γ (звонкое ch): hdo, hdy, nihdo и т. д. (в прочих языковых областях находим g: ňigdo). В иностранных словах на месте g произносится k: s kruntu (=z gruntu), kranáti (=granáty) и т. д.

2. Группа mě произносится как mje: měsíc [mjesīc], město [mjesto]. (В литературном языке и в среднечешской области [mn'e].)

3. В положении после мягких согласных 'e>a (в слогах če, še, že, ře, le): fčala (=včela *пчела*), jahla (=jehla *игла*), kořan (=kořen), čalo (=čelo) и т. д.

4. Наличие дифтонга [ou] на месте исконного **o** (только в определённых словах): houvjezí (=hovězí), nahouru (=nahoru *вверх*), touň (tůň *омут*).

5. В отличие от прочих диалектных областей, в юго-западных чешских говорах сохраняется в основном недифтонгизированное í после согласных c, z, s. Ср. *ср.-чеш.* cejťit, sejto, vozejk, cejn и *юго-зап.* (совпадающее с литературным) cíťit *чувствовать*, síto *сито*, vozík *тележка*, cín *олово*. Однако произношение с ej, особенно после s, начинает проникать и на юго-запад чешской языковой области.

6. Юго-западные говоры значительно отличаются также количественной стороной гласных:

а) сохраняется исконная долгота, тогда как в литературном языке и в большей части чешских говоров представлено выравнивание: pína (=pěna) jískra (=jiskra), rejba (=ryba), strána (=strana), kráj (= kraj), čás (=čas), plouh (=pluh);

б) возможно нарушение количества (продление кратких гласных и сокращение долгих): usnoul (=usnul), volál, zašíl, trpíl (=trpěl), hořil (=hořel), nechála, leží1 (=ležel), minoul (=minul) и т. д.; и rana (=rána удар), sněh (=sníh) и т. п.

7. Частичная, а иногда и полная редукция гласных **i, y** в сочетаниях il, yl: səln'ice* (=silnice *шоссе*), səlnej, nosəl, vozəl, choďəl, bəl или sl̥n'ice, sl̥nej, nosl̥, bl̥ и т. д., а также — в отдельных словах — в сочетаниях ly, ry: ml̥nář (=mlynář *мельник*), pokr̥vadlo (=pokryvadlo).

8. Изменения в сочетаниях -avi, -ovi:

у существительных жен. рода: jalovice>jalojice>jalojce, polovice>polojce, rukavice>rukajce, lavice>lajce>lejce;

в дат.-предл. пад. муж. рода: bratrovi>bratroj (ср. сев.-вост. говоры);

у местных имен: Budějovice — Buďejce, Buďojce, в названиях семьи: Vlasákovic>Vlasákojc, učitelojc и т. п.

9. Наличие протетического h перед гласными и перед ň, r, ř: halmara (=almara *комод*), hitrocel (=jitrocel), híva (=jíva), hřešato (=řešeto), huzel (=uzel), huťikat (=utíkati) и т. д.

* Неопределенный звук ə передается некоторыми исследователями как ъ (см. записи текстов).

Примечание. Наиболее последовательно эта черта представлена в ходском наречии.

10. В соответствии со словами, начинающимися в литературном чешском языке, а в некоторых случаях и в среднечешских говорах, на ji, jí, в юго-западных говорах преобладает i, í (особенно у представителей старшего поколения): ídlo, ízda, ít (=jíti), ím (=jím) и т. д. Наряду с этим появляется и протетическое h.

11. Одна для всех родов, застывшая форма притяжательных прилагательных на -ovo, -ino (-íno), а от названий семьи — на -ovic, -ojc, -ouc: taťinkovo bratr, sestra, rodiče; Dvořákovo brambori, ječmen; sestříno kluk, holka; Novákojc; mluvili jsme s Vlasákojc, s bratrovo klukem, s ďetma.

12. Форма 3 л. мн. числа от глаголов на -eti оканчивается, так же как от глаголов на -iti, только на -í: umět — umí, sázet — sází, trpět — trpí, prosit — prosí (ср. *ср.-чеш.* и *сев.-чеш.* -ej).

13. Новообразования в формах повелительного наклонения:

а) řekňite, sedňite si, pošlite, pozvite (обобщение по основе ед. числа: řekni, sedni si и т. д.);

б) proš (=pros), noš, poraž, nemyšli, neježdi (на месте s, z шипящие š, ž).

14. Обобщение звукового вида основ причастий на -l и инфинитивов по перегласованным формам: vzel (=vzal), začel (=začal), třísli (=třásli), hřít se (=hřáti se), smít se (=smáti se), dosíhnout (=dosáhnouti).

Отметим еще несколько уже исчезающих особенностей, а также явлений, характеризующих произношение отдельных слов.

1. Диссимиляция согласных:

а) td, dd, dt, ťd, ďd...>jt, jd: zaplaťte>zaplajte, pod dubem>poj dubem, buďte>bujte, pojďte>pojte и т. д.;

б) ss, sz, sš, sž, žž, čc ...>j+s, z, š, ž, c и т. д.: přes sebe>přej sebe, bez sebe>bej sebe, těžší>tější, kočce>kojce и т. д.

2. Произношение pi, bi, vi со следами прежней мягкости губных: pji, bji, vji: nabjil, pjivo (гл. обр. на западе в окраинных областях).

3. Изменение d>r в положении между двумя гласными (представлено у определенных слов): ďerek (=dědek), storola (=stodola *рига*), poruška (=poduška). bure (=bude), svarba (=svatba). Чаще всего это изменение представлено в ходском наречии.

Окраинные юго-западные говоры

От общего массива юго-западных говоров отличаются окраинные говоры: доудлебские на юге Чехии (сел. Доудлебы) и ходские на западе (на запад от Домажлиц). Эти говоры характеризуются сохранением ряда архаических черт и наличием интересных новообразований.

Из архаизмов, общих всем окраинным юго-западным наречиям, можно отметить следующие:

1. Произношение слоговых r̥, l̥ с сопровождающим их гласным элементом: sərp (=srp), vərba (=vrba), zərno (=zrno), sluza, slouza (=slza), her(d)lička (=hrdlička), hader (=hadr) и т. д.

2. Местами наряду с l можно услышать произношение ł: šeł, ławka, był || bil и т. д.

3. В соответствии с дифтонгом ou литературного языка встречается также ú: sú, vedú (*3 л. мн. ч.*), tú cestú (*твор. ед.*), súsed, lúka.

4. Сохранились также незначительные следы различия **y** и **i:** ryby, byl, bəl и т. д.

5. На юге, в доудлебском крае, перед начальным **o** отсутствуют протетические звуки: okno, oves.

6. В ходском наречии дифтонг ej (из aj и из **ý**) изменился в ij: každij, nebijt, dij (=dej), houterij (=úterý), neuťíkij (=neutíkej).

МОРАВСКИЕ ГОВОРЫ

Наиболее характерными моравскими говорами являются центральные ганацкие говоры, расположенные в средней и северной Моравии с районными центрами Вышков, Простеёв, Оломоуц. Восточная граница этих говоров проходит по линии Драготуше — Быстрица — Голешов — Кромержиж, а на юго-востоке она идет к Густопечам. Ганацкие

говоры в целом имеют ряд ярких особенностей, резко отличающих их от собственно чешских говоров.

1. Отсутствие во флексиях результатов перегласовки a>e, u>i, вызванное влиянием твердых типов склонения. Ср.: lavica, silnica, moja matka, naša ulica; *род. ед.* chlapca, *дат. ед.* koncu, dešču.

2. Наличие группы šč в соответствии с чешской šť: ešče, ščestí, měščan.

3. Произношение группы sh как [zh]: zhořet, na zhledanou.

4. Нарушение количества: сокращение долгих гласных под старым акутом: skala, vrana, rana, jama, březa, lipa; и продление кратких: nosíl, ležél и пр.

5. Особое изменение гласных ū, ŭ, ī, ĭ:

а) ū>ō: móka (=mouka), kót (=kout), beró (=berou) (*3 л. мн. ч.*), vedó (=vedou), dělajó (=dělají), volajó, pijó, pod lavicó (*твор. ед.*).

Примечание. Изменение ū>ō произошло, по-видимому, очень рано, еще до перегласовки ú>í. Ср. *мор.* dělajó и *чеш.* dělají.

б) u>ô, o (т. е. **o** различного образования по разным ганацким группам): kožôch (=kožich<kožuch), bôdô (=budu), dôb (=dub), kôs (=kus), k němô (=k němu), lavicô (*вин. ед.*) или kožoch, bodo, dob и т. д. (О различном произношении **o** см. ниже.)

в) í (из ý и í после s, z, c, l, ž, š, č)>é: dobré stréc (=dobrý strýc), vébor (=výbor), pécha (=pýcha), mlén (=mlýn); lesék (=lesík), céťit (=cítit), prosé (=prosí).

Изменение í (<ý, í) в é происходило, по всей вероятности, через стадию дифтонга ej, так как аналогичная судьба представлена и у дифтонга ej, получившегося из aj: véce (<vejce<vajce), dé (<dej<daj), nélepší, névic и пр.

г) **y,** а также i после s, z, c изменились в ê, **e** (т. е. в **e** различного образования): rêba, jazêk, tê (=ty), do hlavê, abê; sêrotek, vozêt, cêbola (=cibule) или reba, te, abe и т.д.

Следовательно, в отличие от собственно чешских говоров, в ганацких отсутствуют дифтонги ou и ej, в соответ-

ствии с которыми употребляются долгие гласные ó и é различного образования.

6. Для ганацких говоров характерно также sandhi: k řece>g řece, k lipě>g lipě, tak vidíš>tag vidíš.

7. Сочетания bja, pja в соответствии с чешскими bа, pa из bę, pę: (h)řibjata, holóbjata.

8. Существительные типов »kámen«, »kost« имеют на конце мягкие согласные: kameň, kosť и т. д.

В морфологии следует отметить:

1. Близость типов склонения существительных твердой и мягкой разновидности:

а) stréc (=stryc) — stréca (*род., вин. ед.*), strécô (*дат. ед.*); pole — do pola, k polô (=k poli), na polô, naša pola (*им. мн.*), polám, polách, polami и пр.

б) naša slepica, našô slepicô (*вин. ед.*), s našó slepicó (*твор. ед.*), slepicám, vo slepicách, slepicama (по типу »žena«).

2. В склонении местоимений обнаруживается воздействие местоимений on, jeho, náš, našeho на склонение местоимений ten: teho, temu, o tem, v tem и т. д.

3. Прилагательные и местоимения во мн. числе имеют две родовые формы: одну для обозначения предметов мужского рода одушевленных: liďi stáli, ťi mladí chlapi stáli, — другую для всех прочих форм: ti mladí strome, žene, ďefčata stále.

4. Форма 3 л. мн. ч. глаголов, которые в 1 л. ед. ч. имеют окончания -ám, -ím, оканчивается на -jó: ďelajó, mluvijó и т. д.

5. В формах множественного числа повелительного наклонения представлены новообразования по формам единственного числа: padňite, tahňite как padňi, tahňi (ср. юго-зап. чешские говоры).

6. 1 л. ед. ч. от глагола býti в ганацких говорах звучит su (*чеш.* (j)sem).

Ганацкие говоры по ряду особенностей делятся на несколько групп.

Центральная группа

(в центре с Простеёвом)

Этот говор характеризуется:

1. двояким образованием гласных **е** и **о**: е и ê, о и ô (значок ˆ указывает на более закрытый характер образования): kôs или kos (=kus), lêd или led (=lid);

2. наличием только трех долгих гласных: á, é, ó, т. к. í и ú (<ó) подверглись сокращению: snich, lipa, vus (=vůz);

3. гласные **е** и **é** на месте первоначальных i, í встречаются не только после отвердевших s, z, c, но и после š, ž, č, ř, ľ, также отвердевших: šeroké (=široký).

Западная группа

(около городов Летовице, Вельке Мезиржичье, Бланско, Тишнов)

1. Вместо **у** (i) здесь представлено **е**, вместо u — o: bel (=byl), reba (=ryba), kdese (=kdysi *когда-то*), kos (=kus).

2. После š, ž, č, ř, l, m **i** сохраняется без изменения.

3. Перед начальным **о** появляется протетическое v: vorat (=orati *пахать*), перед ŏ (<ŭ) — протетическое h: holu (=ulu *дат. ед. улью*), holeca (=ulice).

Южная группа

(окрестности Будеёвиц и Знойма)

Эта группа мало чем отличается от западной. Она имеет 6 кратких гласных: a, o, u, e, i, ï и три долгих: á, ó, é. Звук ï (i более широкого образования) — вместо него возможно также ę или ê — появился на месте i или í в результате его сокращения.

Особо выделяют будейовицко-зноемскую группу, где вместо i представлен гласный неопределенного характера (ъ или ə): přъšel (=přišel).

Восточная группа

(*окрестности Костина и Липника*)

Эта группа сильно отличается от центральной. Здесь уже обнаруживаются черты, переходные к моравско-словацким:

1. Два вида l: ł и l.
2. Новое долгое ó перед ji, ňi: zvóňiť, strójiť.
3. v после глухих звучит как f: tfůj.

Переходные чешско-моравские говоры

Чешско-моравские говоры в районе Быстрицы, Нового Места, Ждяра представляют собой переходные говоры от чешских к моравским. Из моравских черт следует отметить неперегласованные **-a** и **-u** во флексиях (slepica, slepicu), группу šč, особое произношение губных (holoubjata).

ЛЯШСКИЕ ГОВОРЫ

Ляшские говоры находятся на территории Силезии и на северо-востоке Моравии: Опавский край, чешская часть Тешинского края, Моравская Острава, Пршибор, Фридек-Мистек, Брушперк.

Ляшские говоры — смешанные. В основе их находятся чешские говоры с элементами соседней польской языковой группы, хотя польские языковые элементы представлены непоследовательно и свойственны не всем ляшским говорам.

Отметим специфические особенности ляшских говоров.

1. Отсутствие долгих гласных и дифтонгов. Все гласные — только краткие (как в польском языке).

2. Ударение стабилизовалось на предпоследнем слоге jedn'eho, star'eho (ср. польский).

3. На месте *dj (в соответствии с чешским **z**) здесь находим dz: narodzeny, osudzeny, medzy, vyvadzať (ср. то же явление в польском и словацком языках).

4. Согласные n, t, d, в отличие от литературного чешского языка, а также чешских и моравских говоров, смягчаются не только перед i и заменами ě, но и перед исконным **e** и **e<ь**. При этом t и d выступают либо как мягкие ť, ď, либо как палатальные аффрикаты: ć (dź) или č' (dž') (шепелявые, дорсального образования).

Ср.:	děti	—	ďeťi	dźećі	dž'eč'i
	vedete	—	veďeťe	vedźećе	vedž'eč'e
	den	—	ďen'	dźen'	dž'en'

5. В большей части ляшских говоров перед гласными переднего ряда, а также иногда на конце слов и перед согласными, можно встретить — в соответствии с s, z литературного языка и прочих говоров — ś, ź или š', ž'. Ср.: źima, ž'ima — *лит. чеш.* zima; sušet, suš'et (=soused), mušeła, muš'eła (=musela), хотя это явление представлено непоследсвательно.

6. По ляшским говорам можно найти два вида l: ł (или ů) и ľ (мягкое): vołali, žłuty, młynař, vźała, а также два вида i: i и ï —широкое i пониженного образования (некоторые авторы передают ï как **y**—см. текст), а также i и **y** [ы].

7. Отсутствие слогового l, а нередко и слогового r, на месте которых представлено сочетание гласный+согласный или согласный+гласный: vylk ‖ vïlk, vylna ‖ vïlna, vyrba ‖ vryba, kyrk ‖ kryk.

8. Отсутствие на большей части территории перегласовки a>e и aj>ej: jačmen, daj, volaj.

9. Отсутствие протетического v перед начальным **o**: on, oko.

В морфологии можно отметить:

1. Окончание -uv в род. пад. мн. ч. существительных муж. рода: synuv, sluhuv.

2. Одна форма твор. и местн. ед. для прилагательных и местоимений: o tym mojim dobrym bratru и s tym mojim dobrym bratrem, o jednym člověku.

3. Нередки новообразования типа našo polo, vajco, słunco, lico, łožo, mojo (влияние твердой разновидности).

Ляшские говоры не однородны. По ряду особенностей их можно разделить на три группы:

1. Опавскую (по обоим берегам реки Опавы, около городов Опава и Глучин);

2. Остравскую (по обоим берегам реки Остравы, в окрестностях городов Фридлант, Фридек-Мистек, Острава);

3. Моравскую (около городов Пршибор, Штрамберк и Френштат).

Опавская группа

Опавские говоры характеризуются следующими особенностями:

Фонетика

1. š', ž', č', dž' на месте исконных š, ž, č, dž и мягких s', z', ť ‖ c', d' ‖ dz'. Ср. š'eł (=šel) и š'ekač' (=sekat), č'esač' (=česat) и budž'eč'e (=budete).

2. Широкое открытое ï (из **у** и i после č', dž', š', ž', ř), по произношению более близкое к гласным переднего, чем среднего ряда. После š', ž', č', dž', а также иногда после k, g, согласный ï имеет более закрытое образование. Гласный i возможен только после ň, l, j и губных (когда i не восходит к [ы]).

Морфология

1. Сближение склонений твердой и мягкой разновидности (našo polo), унификация окончаний в склонении существительных разных родов.

2. 1 л. мн. ч. наст. вр. глагола оканчивается на -my [mï]: n'eš'emy (так же и в моравской группе); 3 л. мн. ч. — на -u: pravju, n'esu, trpju, volaju.

3. При спряжении глагола býti [bïč'] в настоящем времени к основным формам могут прибавляться формы je (в ед. числе) и su (во мн. числе): ja sem je, my zmy su (это же явление характерно и для остравских говоров).

Остравская группа

Фонетика

1. Наличие звуков ś, ź, ć, dź, как в польском языке: n'eśeće, vedzeće, źima и т. д.

2. Сохранение гласного **у** [ы]: dyby (=kdyby), ceły (=celý) и т. п.

3. ŗ сопровождается гласным элементом.

4. Изменение é>i (mléko>mliko) и aj>ej (daj>dej), отсутствующее в прочих ляшских говорах (ср. собственно чешские говоры).

Морфология

1. В 1 л. мн. ч. наст. вр. глагола употребляется окончание -me (или -m): n'eśeme, n'eśem.

2. Одно окончание для местоимений и прилагательных в род.-дат.-предл. ед. жен. рода: te dobre.

3. 3 л. мн. ч. у глаголов на -iti, -eti оканчивается на -a (-o): mluvja, umja, leža (как и в моравской группе) (или mluvjo, umjo, ležo). Ср. *lum.*: mluví, uměji, leží.

Среди остравских говоров особое место занимает верхнеостравский диалект. Здесь находим:

1. **o** на месте á: provda, vźol, prav'o, um'o (3 л. мн. ч.);

2. **o** (исконное и из á) перед n, m перешло в u: k num (=k nám), mume (=máme);

3. смягчение ś, ź и в типе vźol (т. е. перед заменами ę).

Моравская группа

1. Звуки ś, ź, ć, dź в этих говорах отсутствуют: s и z только твердые; в соответствии с ć, dź здесь находим ť, ď: t'eplo, bud'emy.

2. Широкое открытое ï появляется после твердых s, z и после š, ž, č, ř.

3. В твор. мн., независимо от рода, находим окончание -ami, в предл. мн.—-ach или -och (o chłapach, o mužoch).

4. Новообразования типа našo polo отсутствуют; представлен старый мягкий тип склонения (naše pole).

Переходные ганацко-словацкие говоры

Между Кромержижем и Подивином, на моравско-словацком пограничье, находится полоса переходных ганацко-словацких говоров, называемых дольскими.*

* См. монографию Белича: J. B ě l i č. *Dolská nářeči na Moravě*, Praha, 1954.

ДИАЛЕКТОЛОГИЧЕСКИЕ ТЕКСТЫ

Транскрипция текстов основана на чешской графике. Долгота передается знаком ′: á, ó, é и т. д. Мягкость вообще обозначается значком ’: ť, ď, мягкое n — ň. Неслоговое u — ů, l твердое — ł. В отдельных случаях в начале каждого текста даются особые пояснения. Звездочками (*) отмечены слова, к которым ниже даются пояснения.

Образцы разговорной речи

1.

Rozhovor ve vlaku

A. Dovolte, pane, co je to za vobrázek!

B. To sou vikopáfki vod nás, víropki člověka z dobi kamení! Počkejte, tadi je to věčí!

A. Hrnec, a dozdobrej*!

B. Ale ta krezba na tí nádobje, ta má cenu! To má přectavova(t)* člověka.

A. Todle* má bejt muskej*? Di cou to (=vždyť jsou to) jen čári! To má holka uďelá lepčí* a je f prvňí tříde.

B. Pane drahej, to má cenu, na to se jezďej ďívat! Tudle tam bili ti Amerikáňi celí votpoledne* a f Kutni Hoře byli je(n) na skok. Samí profesoři to skoumaj*, fotografujou: Diť* je to z dobi kamení! — Co uš liďi tenkrá(t) dovedli, a mi si mislíme, jaký teď máme zázraki.

M. Hrubešová pre prof. Weingarta. Из книги J. S t a n i s l a v. *Československá mluvnica.* Praha—Prešov, 1938, str. 193

dozdobrej = dost dobrý
přectavovat = představovati
todle (= tohle) *это вот*
muskej (= mužský, muž) *мужчина*
lepčí < lepší = lépe
votpoledne = odpoledne
skoumaj — *3 л. мн. ч. от* zkoumati
diť (= vždyť) *ведь*

2.

To je zajímavý. No tak představ si, vona jela tadyhle* někde v Dejvicích, a — bylo vlhko. Ale ne nějak extra*,

víš, jenom tak mírně docela. No ale to ji stačilo k tomu, aby — slítla* z motorky*, a rozbila si brejle, ty brejle ji tadydle tak pěkně rozsekly obočí. Má tam tři štychy* — no a — jinak měla tak potlučený ... no oči, a ale no celkem ještě to dobře dopadlo. A Karel, kterej se okamžitě šel podivat, co se s ní děje, tak ten spadl z motorky taky, jenomže na štěstí nemá brejle, tak se mu absolutně* nic nestalo.

Из материалов семинара кафедры чешского языка Карлова университета в Праге

tadyhle *вот здесь*
extra (= zvlášť) *особенно, слишком*
slítla (= spadla); slétnouti *слететь, свалиться*
motorka = motocykl
štych (= steh) *рубец*
absolutně = docela

Среднечешское наречие

(Прага, Вышеград)

„U pjeťi králú“, tam bil hosťinec. Ale ti králové, jak se menovali, to nevim, to tam bilo napsaní. Tam bil teda hosťinec a proťi pjeťi králúm bil dúm, kerej se menoval „vraťislafka“. A bila tam zahrada a tam se smažili telecí nožički a tam chďili višehrackí* opčaňi* na večeři. Moje teťička, ta bidlela v Libušinej ulici. A mňela tam domek, co zďeďil strejček po svím oci. A mňeli tam taki kozi a já sem je choďila pást na šance*. A za to sem ďicki* dostávala vo(t)-teti krajíc chleba a kafe*. A babičku sem ta(m)-mňela taki. Tí sem chďila ďicki pro tabák, za tři grejcari z devandulí*. Ta „Libušinka“, to bil jako pivovár a hosťinec. Tam se smažili ribi a Pražaňi tam chďili na ribi, vodbejvali se* tam nóbl* báli a sem choďívali fšeci* tancovat.

Pot-šancema, ďicki tam bejvala fángle*, diš přijel císař...

Из книги B. H a v r á n e k. *Nářečí česká*, díl III, Československá vlastivěda, Praha, 1934, str. 128

višehrackí (= vyšehradští) *вышеградские, жители вышеградского района*
opčaňi (= občané *граждане*) — отсутствие протетического v объясняется лексическими причинами (ср. также ниже císař)
šance *городская стена, вал*
ďicki (= vždycky) *всегда*
kafe (= káva) *кофе*
devandule (= levandule) *лаванда*
vodbejvat se (= odbývati se) *происходить*
nóbl *шикарный*
fšeci (= všichni) *все*
fángle *знамя*

Северо-восточные чешские говоры

(Углеёв, северо-восточнее Горжиц)

Copag dřiu. tem* bilo hej, každej barák, diž bil blísko u panskího pole, tag bil vo kolik stoveg* draší nežli inej. (Ale přece snad páňi hlídali?) I jó, hlídali, voňi hlídaj posovát*. — Na Hrubej kus vloňi jezďili v noci s fúrama*. To jednou — vono to možná bilo víckrát — ale co já vím tak jednou mňel ňáki ďelňici* vidonckej Střihaųka*, a páňi ďáli* tadi na tí Falgoųce kúpi*. Vom poųjdá*: Támle tí dvje kúpi dibich* mňel! No a tak večír se sebrali a šli do tejch, panckejch* kúp g hlídačoj do-ųsi*. No a tam se bavili, a abi bil hlídač ešťe míň pozornej, tak poslali pro kořalku* a hlídačoj dali hnet kořalki. A támlenc* druhá parta kúpi vodnášela. No a diž bili vodnešení, tak mňeli ňákej signál, tag dem do hospodi, tak ten hlídač šel s ňíma na Dupačku. No a ráno tí kúpi bili u Střihaųku*.

B. Havránek, ibid., str. 132

tem= těm
stoveg= stovek; stovka *сотня*
posovát (= posavád) *до сих пор*
fúra *телега*
ňáki ďelňici= nějaké dělníky (форма вин. мн.)
vidonckej Střihaųka *Стршигавка из деревни Видоне*
ďáli= dělali
kúpa *копна*
vom poųjdá= (on) povídá
dibich (= kdybych) *если бы я*
panckejch (= panských) *господских*
do-ųsi *в гости, на беседу*
kořalka *водка*
támlenc *там-то*
u Střihaųku (форма род. мн.) *у семейства Стршигавки*

Подкрконошье

(Скленаржице, к западу от Яблонца над Йизерой)

Čarování dobytku. Ďála sem jedno(m)-misťe a ten hospodá(ř)-řýkal: „Támle u nás ve Lhotce to — prej — vám je čloųjek; no — prej — tomu aš vodzvoňi*, te(n)-nebude mit lechkou zem.“ Ten-d-že di(š)-šel vokolo a był dobytek, jak se pásaųał venky*, to dyby se chťeł na hospodářy popovýst*, tak to bylo hnet, ja(k)-kouk*. Jednou s jedňim sousede(m)-mňel boj, a co vo(n)-neuďál. Vona tá kráva, jen-čel* kolem ňi, jem-prej* i* takle popleskał* a uš večír tá kráva doiła kreų a prej: „Viďíš, taťiku, tis poųdał, že i popleskał Kuderna po zatku* a já — prej — nadoila tolik kerve; prej — to do Návaroųa se musýš zeptat. No tak vončel. Prej co. Já ťi povim, do stodo y dej — prej — provas něhde k trámu, aby do toho moh zadŕhnouť* lochtuši*, a se ženou — prej — ďete a dojte a každej vemte* dva ušti* a táhejte hodňe.“ A tu poųdal: „Vona — prej — nebo von přide a bude vás pjekňe prosyť“. — Tak von přišel ten jistej* a pro Boha prosil, aby přestali. Tak uš ráno bylo mlíko vobičejný.

B. Havránek, ibid., str. 133

tomu aš vodzvoňi *когда ему отзвонят* (т. е. *когда он умрет*)
venky (= venku) *снаружи, на воле*
popovýst se *рассчитаться*
ja(k)-kouk (= jak koukl) *как только глянул*
jen-čel (= jen šel) *только шел*
jem-prej (= jen prý) *только-де*
i= ji
popleskał *похлопал*
po zatku= po zadku
zadŕhnouť *зацепить, захлестнуть*
lochtuše (= loktuše) *большой платок*
vemte= vezměte
ušti *углы, концы*
ten jistej *он, тот самый*

Юго-западные чешские говоры

1.

(село Горни Каменице, Горшовотынский район)

ə — редуцированный звук неопределенного характера, появляющийся в сочетаниях il, yl

o̯u, e̯j — точка указывает на закрытый характер дифтонга

ʒ — звонкая аффриката dz

Já sem se učəl zedňíkem, taki u Ro̯učka. To bəl človjek, škoda jeho hlavi. To di sme přišli ňekam do fsi a von začel* viprávjet, von taki lhal to víte, to patří k vjeci*. Viprávjel nám taki, že pás z ňákím kamarádem, tomu řikali Žit. Diš napás a krájel si doma chleba, popat* šnicar*, von mu ujel a von si nařís* ťim nožem břicho. Doma aňi muk*, žádnímu se nesvjeřəl. Kamarádovi se svjeřil. Rozap se* a kamarát povídal: „Ježíšmarjá, tobje ko̯uka břicho, to se muší* zašít!“ Přines jahlu a režno̯u ňiť* a zašíl mu to. Vono se mu to začlo

podebírat*. Choďil celéj schrbenéj. Fšímli si to oteз z matkọu, vislíkli* ho a viďeli štichi. Doktor mu je musel vitahat a potom ho vilečəli.

Из книги J. V o r á č. *Česká nářeči jihozápadní*, Praha, 1955, str. 92

začel (=začal *начал*), ср. ниже začlo
to patří k vjeci *это относится к делу*
popat (=popadl); popadnouti *схватить*
šnicar *нож*
nařís (=nařízl); nařiznouti *надрезать*
aňi muk *ни гу-гу*
rozap se (=rozepnul se); rozepnouti se *расстегнуться*
muší se *нужно* (3 л. ед. ч. от гл. mušet=museti)
režná ňiť *суровая нитка*
podebírat se *нарывать*
vislíkli (=vysvlékli) *раздели*

2.

(село Шеветин, северо-восточнее Чешских Будеёвиц)

A: Dobrýtro teta! Coš, hde ste bila? Já du teprv ze řbitova*.

B: Ále, skázal* vonehda* mužovo bratr, abich je našťívila, já u ňich ešťe nebila, co tadi zvostávaji* f tom novim...

A: Kerak* se jim to tú líbí?

B: Ále, Bože, toť vite, vona stejská dost, no muší tú zaj* zviknout.

A: Nú, nú, vono se řiká: Šadi* je zem Páňe*. — A pojte* k nám, pojte, u(š)-ste tu nebila, aňi nevim.

B: A co vás vede*, já mušim í(d)-domu...

A: A hdeš sou vaši?

B: Sedlák jel hnet po ránu do lesa, máme tam ešť'e ňáki drva a parezi*. Aníška zrovna ďelala pobřísla* a hnet s ti(m)-mejkla*, že pojede s ňim, že pude v lese po hubách*. Tak jeli.

A: Dik* to ešťe doma šecko poďeláte, jen pojte.

B: Nú tak na chvilčičku.

A: Ták pojte, dem stadi kr(s)-souhraďí*, voňi sou asi na sejpce* a na zahráce je vodzandáno*.

B: Římalo* tú fčera taki? U ná(s)-šli bleski jeden za druhim, u(š)-sem mišlela, že roužnu hromičku* a dnes, že na funus* nepudu, že bude cesta samej lokáč*.

A: Sedňete si túle* na seslík*, na láfčijce* sou vopálki*, dik vás f ťech třevících* mušeji bolet nohi.

B. H a v r á n e k ibid., str. 130

řbitov (=hřbitov) *кладбище*
skázal (=vzkázal) *передал (на словах)*
vonehda *недавно, на днях*
zvostávaji (=zůstávají) *остаются*; зд. *живут*
kerak (=kterak) *как*
zaj (=zas) *снова*
šadi (=všady) *всюду*
zem Páňe *земля господня*
pojte (=pojďte) *пойдемте*
co vás vede *что вы!*
parez (=pařez) *пень*
pobřísla (=povřísla) *свясла*
s ti(m)-mejkla *бросила это*
po hubách *по грибы*
ďik (=vždyť) *ведь*
kr(s)-souhraďí *через проулок (между садами)*
na sejpce *в амбаре*
je vodzandáno *отперто, открыто*
římat (=hřímati) *греметь (о громе)*
roužnu hromičku *зажгу свечку (освященную)*
funus *похороны*
samej lokáč *сплошные лужи*
túle (=tuhle) *вот тут*
seslík *стул*
na láfčijce (=na lavici) *на скамейке*
vopálka *корзина*
třevic (=střevic) *туфля*

Ходское наречие

(Уезд, Ходский край)

ъ в этом и в следующем тексте обозначает редуцированный звук неопределенного характера, появляющийся в сочетаниях il, yl (sъlňice, bъla).

Já sem přišla zrovna s pole zmáčená* a převlíkám se. Bъla sem v jední spodňice. Najednou vorevříla* dvířka sousetka a volála: „F Korovje hoří.“ Jéjej, já tá(m)-mám ešťe celí vibiťí*, poruški a šecko. Ja sem se vdávala h máji*, liďi sázeli zelí, a vezla sem se v houterij* po svatím Vavřenci. Ten voheň bъl zrovna na Vavřence. Hrom uhoďil a hne(t)-to hořílo. Tak já bježím, karak* sem bъla f tí jední spodňice... Po tranofcký sъlňici* huš tekí* bježí jeren korofskij zedňík. Volám na ňeho, hde hoří u koho? Ten se vobráťil: „Jen íčko neřvi*!“ Neveďel tekí. Já ho nechála vzadu a potí potkám žida Perlesa z Tranova. Ptám se zas, hde hoří. „Hu vás. Ale neuťíkij, hoří jenom maťtal*. Uhoďilo tám!“ Já huťíkám dál... Dobjehla sem, íčko to tu viďím, mí vibiťí liďi vinášeli do storoli* a diš se to tám ešťe nezdálo dost jistí, nosili ti ven aš na sat*. Náši bъli voba leklí, taťík i matka. Přibjehla prij Berouśková a volála na ňe: „Pamatujte na Tonku, ajtjí neschoří poruški. Di hoří, každij pomatuje* na sví. Máma

potom řekla: Nebijt* Berouškoví, šecko by ťe to bъlo schořílo. Neschořílo mi ňic, jenom hrnečki se potloukli a velkí drcadlo* se rozbilo.

B. H a v r á n e k, ibid., str. 131

zmáčená *промокшая*
vorevřila (=otevřela) *открыла*
vibitĭ *приданое, надел*
h máji (=v květnu) *в мае*
houterij (=úterý) *вторник*
karak (=kterak) *как*
sъlňice (=silnice) *шоссе*
tekí=také
jen íčko neřvi *только не ори*
mařtal (=maštal) *конюшня*
storola (=stodola) *рига*
aš na sat *прямо в сад*
pomatuje=pamatuje
nebijt *не будь*
drcadlo (=zrcadlo) *зеркало*

Доудлебское наречие

(Доудлебы, южнее Чешских Будеёвиц)

В этом говоре колеблется употребление ł — l и y — ъ, i—ъ перед l.

Já som bъł* taki muzikant, choďil sem po hraňi, šestadvacet let sem choďil po hospodách.

Tak f Strupci strhla se rvačka*. Ňákej, Klabouch mu řikali, bъl chlapák sъlnej, celá vez ho musela poslouchat, bъł pánem fšem, mjel dva sini, ťi byli u muzik. Táta był doma. Nejčko*, diš tam nebъl táta, chťeli nabjít sinum. A ten druhí začel křičet, tak pro tátu. Táta přišel a hnet si poručil litr piva a přet stúl si stoupnoul a začel spívat a ta chasa* byla opstoupnutá vzadu a každej mjel neco v ruce a ten starej sedlák skočil potom k nám a povdal, vleste na láfku, bude zle a vlezli sme na láfku, a chitli ho. Hdibi mu bili nechali jednu ruku fraj*, tag bъlo zle, ale oňi ho chitli pozadu a tloukli tak, že mjel na krku natlučeno jako strňišťe tolik. A potom ho dali na láfku a on omdlel diš mu kref hodně ušla, bъl bej sebe*.

B. H a v r á n e k, ibid., str. 131

já som bъł=byl jsem
strhla se rvačka *завязалась драка*
nejčko (=nyní) *теперь*
chasa *парни, молодежь*
fraj *свободный*
bej sebe (=bez sebe) *без сознания*

Моравские говоры

Центральная ганацкая группа

(Розвадовице, под Литовлем)

Jednó se vracelo procestvi* z jedné ďeďinê do kostela. Starši bratr nesl v nárôčó* sochô svatiho Frôlêjánka. Ô kostela bêl takové vêsoké schodek; na ten starši bratr v dôšê zapomňel. Neďival se na cestô a dêž* mňel fcháze(d)-do kostela, tož zapackoval* o ten člôpek* a natahl se jag dlóhé tak šêroké*. Svaté Frôlêjánek hneď bêl na ťisic kôsu. — Starši bratr, celé dolekané*, skoči na nohê a povidá: „Dêckê mňe jakíhosê čerta strčijó*!“

B. H a v r á n e k, ibid., str. 160

procestvi *процессия*
v nárôčó (=v náručí) *в объятиях, в руках*
dêž (=když) *когда*
zapackoval *споткнулся*
člôpek *выступ*
jag dlóhé tak šêroké *во всю длину*
dolekané *перепуганный*
strčijó (3 л. мн. ч.)=strčí; strčiti *сунуть, подсунуть*

Западная ганацкая группа (летовицко-мезиржицкая)

(Новый Телечков, юго-западнее Велького Мезиржичья)

No, take sem si uš pomeslil, jak to negde bode. De(t)*-to je dluhu nejakéch! Deš se mňela vluňi* stavjet ta silňica, to se každé vokrčovál*: „Sto ťisic! Takové dluch! Gde pak to vobec zaplaťi? De(t)-to bodó ešče naše ďeťi plaťit!“ A sotva silňico postavili: „A to se to pjekňe jezďi, přece je ta silňica jenom véhoda — a nepříde nám to tak nejak zle; ešče pré aňi dvje leta nebodem muset ňic plaťit. — Škoda, že ta silňica néňi ešče dál, že jo nepostavili najednó naskrs*!“...

B. N a v r á n e k, ibid., str. 161

de(t) (=vždyť) *ведь*
vluňi (=vloni) *в прошлом году*
vokrčovál se *пожимал плечами, сомневался*
naskrs *наскозь*

Южная ганацкая группа (тип будеёвицко-зноемский)

(Нове Сыровице, юго-западнее Моравских Будеёвиц)

Votpoledne sem kóřel* veržinko*, ale fajfka* je mi némiléši... Večir si nacpo fajfko, seďim pře kucheňi a pokuřujo...

Vo(t)-toho kóřeňi se stane moc neščesťi — jak tenkrát ten voheň hu sóseda ... Staré vartoval* žito, lehl si na mlat*a kóřel — a belo to neš si pomeslel — a neš hasiči přejeli fšecko schořelo. Tepraf* druhé den to dodótlalo*. Človjek holt* muši bét vopatrné na te vjeci. No né? Coš mušel na tom mlaťe kóřet!

B. Havránek, ibid., str. 162

kóřel (=kouřil) *курил*
veržinka «*вергинка*», *трубка с соломинкой*
fajfka *трубка*
vartovat *караулить*
mlat *крытый ток, гумно*
tepraf (=teprv) *только*
dodótlalo *догорело, дотлело*
holt (из нем.) *разумеется, короче, в общем*

Чешско-моравские говоры

(Стржанов, Польницкий район)

Vo ďevece*, co se ňičeho nebála. Tag bila jedna ďevečka a založila se* s pacholkem, že se ňidá* ňičeho nebojí. Tak choďila vokolo krchova* na besedu večír a vo jedenásťi hoďinách šla dom*. A teď na vocaďňíku* u vrat seďel neboščík* a vona mu strhla čepicu z hlavi. Vona mislila, že to bъl pacholek; von dicki, že ju bude strašit. Teť tu čepicu diš-strhla, tak ju strčila za ňadra a přinesla ju za ňadri dom a skovala* ju do truhle. Ráno diš-sňídali, tak se ďívala, jesli bude mňet pacholek čepicu na hlavje. Von ju nemňel a vona se mu pořát smála. Až diž mňel jít pacholek k vobjedu, tak čepicu mňel na hlavje. A vona uš-se lekla a šla se poďíva(ď)-do truhle na tu čepicu a viďela, že je čepica neboščíka. Teťka* šla ke kňezovi a fšecko viznala. Von jí dal svjecení vjeci, abi se ňic nebála, ale tu pravou hoďinu, kerou mu to vzala, abi mu to dodala, že je mu zima*.

B. Havránek, ibid., str. 134

vo ďevece (=o děvečce); děvečka *батрачка*
založit se *побиться об заклад*
ňidá (=nikdy) *никогда*
krchof (=hřbitov) *кладбище*
dom (=domů) *домой*
vocaďňík *тумба, камень*
neboščík (=nebožtík) *покойник*
skovala (=schovala) *спрятала*
teťka (=teď) *тогда*
ale tu pravou hoďinu, kerou mu to vzala, abi mu to dodala, že je mu zima *но чтобы в тот же самый час, когда она у него это взяла, отдала ему это, (потому) что ему холодно*

Ляшские говоры

Среднеопавский говор

(село Штитино, восточнее Опавы)

у означает широкое открытое ï
ʒ — аффриката dz
ž' — мягкая аффриката dž'

Vyrostła sem u chudobnych luž'y. Mač'yč'ka umřeli přy mje a tač'yč'ek, jak sem mjeła sedym rokuf. Lude byli chudobňi, co sem u ňich była, pravjeła sem im* tač'yč'ku a mač'yč'ko. V ž'ymje mje moʒ do š'koly ňepoš'yłali, bo sem ňemjeła co obuč'. Prš'y butek* novy sem mjeła, jak sem mjeła š'trnast rokuf. Obec na mje płač'yła dva ryncke* za mješ'yc, ale od osmeho roku do desateho dycky s křykem. Jak sem mjeła desed let, obec přestała płač'yč', ž'e taka ž'evucha* se už' mož'e na sebe zarobič'. Tuž' mje přestali do š'koły poš'yłač'. Enem* dva roky sem do š'koły chož'yła, dva roky sem mezy tym była ňemocna.

Od deseč'y rokuf sem chož'yła na panske*, dy na mje obec přestała płač'yč'. Š'afař mje aňi ňechč'eł vzač', bo sem była taka mała. Potem se dał řeknuč'* a pravjeł, „tuž' ňech přyž'e“ ... Tag už' od deseč'y rokuf sem robovała* na panskym. Mjeła sem potem na ž'eň dvje šestky*.

Из книги A. Lamprecht. *Středoopavské nářečí*, Praha, 1953, str. 104

pravjeła sem im *я их называла*
butek *обувь, ботинки*
dva ryncke *два золотых*
ž'evucha *девушка, девица*
enem (=jenom) *только*
na panske *к господам, в поместье*
dał se řeknuč' *дал себя уговорить*
robovač' *гнуть спину, тяжело работать*
šestka *шесть геллеров* (мелкая монета)

Остравский говор

(дер. Грабова, к югу от Моравской Остравы)

у в данном тексте обозначает звук [ы]

A śaću* ňic ňebudźe. Buł sem se podźivać, pjekňe zešło. Enem aby trochu zaprchło*. Śena je mało. Koňam ňebudźe co dadź žhrać*. A co ten statek* v źimu vystoi*. Mi je teho ež luto*, ale pomodz mu ňelźa.

A tuš ten synek Franckulin už umřił. Na, synčisko take mlade; dyć to ešče mohło baj* žić. Stara temu po celý rok zeliny* vařila, ale ňic ňepomohło. Tuž rači* mje mjeł ten Pambu* zebrać. Co je tu po mje? Je sem na obćiš*. Fšecy čekaju, ež zgebnu*. A to muśeł jść taky mlady. Doma fšecy lamentyruju*, jaja, musime tam fšecy.

B. Havránek. *Nářečí česká.* Čsl. vl., díl III, str. 181

śaću *посевам*
zaprchlo *запорошило*
žhrać (=žráti) *есть* (о животных)
statek (ср. польский) *скот*
vystoi *вынесет, выдержит*
luto=líto
baj *да, конечно*
zeliny *травы*
rači (=raději) *лучше*
Pambu=pánbůh
na obćiš (=na obtíž) *в тягость*
zgebnu *умру* (ср. польск. zgibnąć)
lamentyruju *причитают*

Верхнеостравский говор

(Силезия)

В данном тексте ě обозначает йотацию предшествующих губных и мягкость n, t, d; **y** — звук [ы].

Ale zmuda člověk*, co o tych našich horach piše v tych Češinskych Novinach*! Jak to umi pěkně zebrać*, jaky že zme su dobry lud, a jak že tu je v horach krasně... Krasně je tu u nas — zdrave povětři a dobro, źimno voda! Ale jak śe pravi, začotek vody a kuněc chleba!.. A ći panove, co tu po našich kopcach łažo, dyby tak muśeli celý rok mezy nami žić v źimě v leće, to by křičeli na Maryju!

Из книги J. Loriš. *Rozbor podřečí hornoostravského ve Slezsku* (Rozpravy České Akademie, Tř. III, R. VII, № 1, 1899, str. 88)

zmuda člověk *удивительный человек*
v Češinskych Novinach *в Тешинской газете* (Těšín *Тешин* — город в Силезии)
zebrać *захватить, изобразить*

Восточноляшское наречие

(Лазы. Село Дол Сухе)

1. В данном отрывке, как и во всех восточноляшских говорах, много фонетических и морфологических черт, общих с польским языком и его говорами. Напр., наличие g, ʒ [dz]; переход ě, **e** перед твердыми нёбнозубными в **'a:** nejadła; изменение ā>'o: ukłodoł; ť>ć: oćec; отсутствие слогообразующих: barʒo; наличие ł, **y** и др.

2. Носовые гласные перед t, d, c, z, ʒ, č изменяются в ů+n, перед p, b, p', b' в ů+m: počůntek, takům babe, trůmba, pińůnʒe.

3. Гласный ů — ближе к u, чем к **o.**

A takům syn. Jedńi ojcov'e* mełi syna a učyli go barʒo gospodařić. I ńechćoł na ńiʒ dać ty pińůnʒe*, yny jiɣ do gorkuv* uk.odoł. Potym tyn oćec umřuł, matka go pytała, aš śe ožyńi. Un prav'uł, že by se vzůn* takům babe*, co by ńejadła.

Adolf Kellner. *Východolašská nářečí*, II, Brno, 1949, str. 97

ojcov'e *родители*
pińůnʒe (=peníze) *деньги*
gornek (-rka) = hrnec — *большой горшок для варки*
vzůn=vzal *взял*
takům babe (=вин. ед. takou bábu) *такую жену*; bába *жена*; *женщина*
vłúńí (=vloni) *в прошлом году*
nímłačí=nejmladší

Дольский говор

(Медловице)

Ja* te náš pán učitel je hodní! On je hodní človjek! Víte, om pochází* s Trúbelic. Já aňi nevím, gde to je. Fčerá dojét zaz uš učit. Jag d.úho on to tadi učí—no, tři roki. A taki tři roki už u náz bívá. Vłúńí* tadi sékł, aňi nebít doma, ale letoz bít doma... Tadi ťí dvá kluci, to sú mojí ceri. A potom ešče ďefčinu hrubú má, už má škol.u vijitú. Tento Franta je z ňiɣ nímłačí* a tá ďefčica, Rúženka, tá je nístarší... Ešče musím id mláťit, tak se nezlopte.

Из книги J. Bělič. *Dolská nářečí na Moravě*, Praha, 1954, str. 234

ja=jak
om pochází (=on pochází) *он родом*

ИСТОРИЯ ЧЕШСКОЙ ГРАФИКИ

Первые памятники славянской письменности в Чехии—старославянские памятники моравского извода IX—XIвв.—были написаны глаголицей. Однако не исключена возможность, что к концу данного периода писали и кириллицей, которой пользовались на Балканах и в России.

Памятники собственно чешской письменности написаны латиницей. Однако в латинском алфавите не хватало букв для обозначения всех чешских звуков. Так, отсутствовали буквы для обозначения мягких согласных (d', t', n' и др.), шипящих (ž, š, č), для обозначения долгих гласных и пр. Поэтому в древнейших чешских памятниках одна и та же буква латинского алфавита могла обозначать различные чешские звуки. Так, например, буква **c** обозначала звуки [k], [c], [č]. Ср. caſ = čas, uícupenie = vykúpenie. Буква **z** могла обозначать [s] и [z]: zveta = světa, nazuano = nazváno; знак ſ мог обозначать [s], [z], [š] и [ž] (ср. ieſt = jest и otneho ſe = ot něhože); ſſ чаще используется для [š]: naſſe = naše; буква **e** обозначала долгое и краткое **e**: dreue = dřéve (*совр.* dříve).

По мере развития чешской письменности появилась потребность в более точном обозначении звуков, что вскоре привело к употреблению двойных литер (т. наз. „spřežky") для обозначения собственно чешских звуков. Так cz, sz, rz стали употребляться для обозначения č, š, ř; ye, ie — для обозначения ě и т. д.

К началу XIV в. имелись уже две довольно установившиеся разновидности этой системы.

Первая разновидность строго различает на письме s—š, z—ž, c—č. Здесь обычной является следующая передача: z=z, s=ž (gdes=gdež), zz=s (zzie=sie), ſ, ſſ=š (geſ-chze=ješče), cz=c, ch=č, rs=ř, g перед гласным =j (gich=jich).

Вторая разновидность этой орфографической системы не всегда различает согласные s—š, z—ž и т. д., но довольно последовательно различает звонкие и глухие согласные s—z, š—ž. Здесь z=z=ž (Genz zeymene=jenž ze jmene), ſ=s=š (ſirdce=srdce, wſak=však), cz=c=č (wyecz=věc, wyczita=vyčítá), rz=ř (v morzi=v moři). (Ср. ниже отрывок из Александреиды.)

Кроме того, для обеих указанных разновидностей, а также для предыдущей и последующей орфографических систем характерны следующие передачи звуков, которые, однако, проводятся непоследовательно: w=v (w zemy), y=i, v=u (gednv=jednu) и др.

Огромная заслуга в создании новой орфографии принадлежит Яну Гусу, который ввел остроумную систему диакритических значков. Эта новая диакритическая система в принципе применяется и до настоящего времени. Сущность ее заключается в том, что для обозначения звуков, отсутствующих в латинском языке, Гус ввел надстрочные знаки. Так, для обозначения долготы гласных был введен знак ´ (čárka), для обозначения š, ž, č, ř использовалась точка: ṡ, ż, ċ, ṙ. Точка над i обозначала твердое, велярное ł.

Однако система диакритического письма, предложенная Гусом, была принята не сразу. Она получила широкое распространение лишь к концу XVI в. в несколько измененном виде в сочинениях «Чешских братьев». «Чешские братья» точку заменили вилочкой ˇ (háček): ž, ř, č. Однако для обозначения [š] еще долго употребляется ſſ. Долгое í передается посредством j, согласный j передается буквой g (gest). Стало обычным также написание y после c, s, z.

Диакритическая система правописания была до некоторой степени изменена в начале XIX в., в период Возрождения. По инициативе Добровского начали различать написание i, í и y, ý после согласных s, z в зависимости от формы слова и происхождения звука. Так, в им. пад. мн. ч. начали писать -i: hadi, kosi, а в вин. пад. мн. ч. -y: psy,

hady, внутри слов: síla, zisk, но syn, sýr и т. д. После согласного **c** последовательно пишется i. Начальное u перестали передавать буквой v, как это было принято раньше. По инициативе П. Шафарика [ī] начали изображать не j, а буквой í; вместо буквы g для передачи [j] стали употреблять букву j (její *вм.* gegj), вместо w начали писать v, вместо au — ou.

В 1902 году чешская орфография получила точную кодификацию в труде Гебауера „Pravidla českého pravopisu". За последующие 50 лет в правила чешской орфографии были внесены лишь незначительные изменения. В 1957 г. вышли новые правила чешской орфографии, в которых значительным изменениям подверглось главным образом правописание иностранных слов, а также обозначение количества.

ТЕКСТЫ ДЛЯ ЧТЕНИЯ

ДРЕВНЕЧЕШСКИЕ ТЕКСТЫ

Тексты XIII — XIV вв. даются в основном по двум изданиям: в первоначальном написании — по книге Václav Vážný a Jiří Daňhelka *Výbor textů staročeských*, Praha, 1948, в современной транскрипции — по книге *Výbor z české literatury od počátků po dobu Husovu*, Praha, 1957.

Островская песня. Píseň Ostrovská

XIII в.

(Z)louo do zveta ztworene
vbostui zhowano
ieſ pro euíno zreſſenie
nazuet pozlano

(S)lovo do světa stvořenie
v božství schováno,
jež pro Evino z(h)řešenie
na svět posláno;

Devcie dreue porozeníe
ieſt zveſtouano
zdauídoua pocoleníe
boſkí vzchouano

dievčě dřéve* porozenie
jest zvěstováno*,
z Davidova pokolenie
božsky vzchováno*.

Otnehoſe naſſe ckreníe
Imenem nazuano
prodrahe naſſe zpazenie
ſydom prodano

Ot ňehože naše krščenie*
jmenem nazváno,
pro drahé naše spasenie
Židóm prodáno.

I pro naſſe uícupeníe
nazmírt prodano
Iehos nam zlaune wzcreſſeníe
wezele dano

I pro naše vykúpenie*
na smrt prodáno,
jehož nám slavné vzkřiešenie*
vesele dáno.

dřéve (= dříve) *раньше, прежде, заранее*
zvěstovati *возвещать*
vzchovati (= vychovati) *воспитать*
krščenie *крещение*
vykúpenie *искупление*
vzkřiešenie *воскресение*

Кунгутина молитва. Kunhutina modlitba

(*отрывок*)

Конец XIII в.

Vítaj*, kráľu všemohúcí,
ve všěch miestiech* vševidúcí,
všěch kajúcích milujúcí,
věčný život dávajúcí;

všeho kvietie kráše ktvúcí*,
všěch světlostí* viece stvúcí*,
svým milým sě zjěvujúcí*
jě rozkošně kochajúcí*.

Vítaj, slavný stvořiteľu,
vítaj, milý spasiteľu,
vítaj, věrný náš přieteľu,
všie dobroty davateľu.

Vítaj, v núzi těšiteľu,
všeho hořě zbaviteľu,
vítaj divný slaviteľu*
i rozkošný krmiteľu*!

Děkujemy tobě z* tvého
z milovánie* velikého,
z potřěbného*, z radostného,
z vysokého i z ščedrého:

ež* si ráčil* ny stvořiti,
velmi drazě vykúpiti,
nebesa dens otvořiti
a svým tělem obdařiti*.

Chvála tobě, bože, z toho,
ježe* činíš divóv mnoho,

divnú mocú slova tvého
v rukú popa všelikého*:

tu své divy ty zjěvuješ,
když nás hřiešných navščěvuješ,
chléb v své tělo proměňuješ,
z vína svú krev učiňuješ.

vítaj (= лат. ave) *приветствуем тебя*
ve všěch miestiech *везде и всюду*
všeho kvietie kráše ktvúcí (= kvetoucí) *прекраснее всех цветов цветущий*
světlost *свет*
stvúcí (= skvoucí) *сверкающий*
zjěvujúcí sě *являющийся*
rozkošně kochajúcí *нежно любящий*
slaviteľ *прославивший*
rozkošný krmiteľ *щедрый кормилец*
děkujemy z = děkujeme za
milovánie *милость, любовь*
potřěbný *нужный*
ež (= že) *что; за то, что; потому что*
ráčiti si *изволить*
dens (= dnes) *сегодня*
obdařiti *наделить, подарить*
ježe = že
v rukú popa všelikého *в руках каждого священника*

Александреида. Alexandreis

(*отрывок*)

XIV в.

Hic incipitur Boemicalis Alexander.
Genz zeymene byl wyehlaſſ-ny,
gehoz rozum byl tak yaſny,
ze gmu bylo wſyeczko znamo
wzemy, vmorzi, whwyezdach tamo,
ten wſak tſſtweru wyecz wyczita,
gez przied geho ſmyſlem ſkrita
„Kak mam“, prawye, „ſirdcze radne,
wſak mam trzy wyeczi neſnadne,

Hic incipitur Boemicalis Alexander.
Jenž ze jmene* byl věhlasný,
jehož rozum byl tak jasný,
že jmu bylo všecko známo
v zemi, v moři, v hvězdách tamo,
ten však čtveru věc vyčítá*,
jěž před jeho smyslem* skryta:
„Kak* mám,“ pravě, „srdce radné*,
však mám tři věci nesnadné,

a pak owſyem cztwrte wyeczi
ſmyſlem nemohu doſſyeczi
kdez ſſye czlun v wodach
plazi,
akdez had poſkalach lazi,
kdez orel wſtupi woblaky.
Kto ma tako ſwyetla zraky,
by mohl ty czyeſti poznaty,
ande ſy kazda potraty?
Iakz ta trogye wyecz pomyne,
tako gye gich ſled pohyne.
Ty trzy czieſti znaty pylno;
ale ze owſſyem vſylno
czyeſtu czlowyeka mladeho
znaty wrozkoſſy chowaleho,
wtoho myſſly wezdy bluzi,
ny gye kdy czele poſuzy.“

a pak ovšem čtvrté věci
smyslem nemohu dosieci*:
kdež* sě člun u vodách*
plazi
a kdež had po skalách lazi,
kdež orel vstúpi v oblaky.
Kto má tako světlá zraky*,
by mohl ty cěsty poznati,
ande* sě každá potrati?
Jakž ta troję věc pomine,
tako jejich sled pohyne.
Ty tři cěsty znáti pílno*;
ale že ovšem úsilno*
cěstu člověka mladého
znáti v rozkoši chovalého*,
v toho mysli veždy* blúz'i*,
ni jie kdy cěle posúz'i*“.

ze jmene (=zejména) *особенно*
vyčítati *перечислять*
před smyslem *от ума*
kak — здесь имеет уступительное значение
radný *мудрый (знающий совет)*
smyslem dosieci *постичь умом*
kdež *как, каким образом*
u vodách=ve vodách
světlá zraky (*дв. ч.*) *светлый взор*

ande=kde
pílno *важно*
úsilno *трудно, нелегко*
chovalý (=vychovaný) *воспитанный, выросший*
veždy (=vždy) *всегда*
blúz'i — от гл. blúditi (=blouditi) *блуждать*
posúz'i — от гл. posúditi (=posouditi) *оценить*

Далимилова хроника. Dalimilova kronika

(*отрывок из Кембриджской рукописи*)

XIV в.

Kapitola 8

O walczye yeſto* diewky ſmuzmy gmyechu*

Skonczye ſwoy zywot líbuſſye
pohrzyebu* gyu wewſy* gyez dyechu* lybbuſſye—
ponyey gegye knyeznye boyg poczyechu*
aṕwye* podobnu kſmyechu

neb tomu zaṕwo* chtyechu —:
aby taktez dyewka zemy wladla —:
amuzye ſye drzyely radla —:
chtyecze ſwe rzyeczy uzyty*—:
gyechu ſye* hradu ſtawyty—:
dyewky hradu dyewy* wzdyechu*
awlaſtu zaknyeznu gmyechu—:
ta poſwey zemy poſla poſly—:
rzkucz podbymy podſyety* bradate kozly—:
neb*ſye tehdy popohanſku gmyechu —
muzye dluhe brady noſyechu...

yeſto [ješto] *которую*
gmyechu [jmiechu] — имперфект от jmieti (=míti) *иметь*
pohrzyebu [pohřěbu] — аорист от pohřbieti *похоронить*
wewſy [ve vsi]; ves *деревня, село*
dyechu [diechu]; dieti (komu) *называть (кого-л. как-л.)*
poczyechu [počěchu] — аорист от počieti *начать*
aṕwye [a právě] *прямо-таки*
zaṕwo=za právo
ſwe rzyeczy uzyty [své řeči užíti] *привести в исполнение свои слова*
gyechu ſye [jěchu sě] — аорист от jieti sě *браться (за что-л.)*
dyewy [dievi] — в прочих рукописях diewyn *девин, девичий*
wzdyechu; wzdyeti *назвать*
podbymy podſyety [podbimy pod sě ty]; podbiti *покорить*
neb (=neboť) *ибо*

Kapitola 10

O prwē dyewczyē* plenye

Adyz* ſye dyewky ſpolu ſwyku* —:
nakonych gyezdy ty* obyku* —:
gyechu ſye zemye plenyty —:
awſſe muzye porzad byty* —:
wdyw* ſye dyewczye* ſrdcze promyenychu —
proty muzom yako kamē* bychu —:
ygedna* przatel ne branyeſſe —:
dczy* na ſweho otczye wedyeſſe*...

o prwē dyewczyē [o prvém dievčiem]
adyz (=a když) *а когда*
ſwyku ſye; svyknúti sě *свыкнуться, привыкнуть*
gyezdy ty [jezditi]
obyku; obyknúti *привыкнуть, научиться*
byty=bíti
wdyw [v div] *на диво*
dyewczye [dievčie]
kamē [kámen]
ygedna [ijedna] (=žádná) *ни одна*
dczy [dci] *дочь*
wedyeſſe [vedieše]; vésti *вести*

О лисе и жбане. O liſcze a o czbanu

(*отрывок из Градецкой рукописи*)

2-я половина XIV в.

Liſka* iednu* biehagiczy
Gieſti ſobie hledagiczy
vbieze* dogednyech puſtek*
ano wnych iedyny chruſtek*
weczye* powyez my to chruſte
Czie gſu toto chyſſie* puſte
On giey tako otpowiedie
Rzka gazt ſam newiedie*
Teprw ſem yedno* prziſſel ſiem*
Neymam nycze czynyti ſtiem
Liſka poczie ſye tocziti*
By mohla czo uhonyty*
Tocziwſy ſye ſiemo itam*
Iubieze kpuſtym kamnam.
Adkdyz* ſye wnyeyſtiegi* wtoczy
Inhed* wkamnach czbana* zoczy*
weczie dobry weczer czbane
Kak ſye gmas moy myly pane
Czban liſczye nycze neweczye
aona wzemſy gey naplecze
potieſczi ſye* ſnym wen zpuſtek
Tu gi potka onē chruſtek.
weczye liſka czo to neſſes
ze nohamy iedwa pletes.
Ona weczye neſſu czbana.
Meho miloſtneho* pana.

liſka [liška] *лиса*
iednu [jednū] = jednou
vbieze [ubieže]; ubieženi *вбежать*
puſtky *пустое строение*
chruſtek *жучок*
weczye [večě]; věčěti *говорить*
chyſſie [chyšě] *хижина*; глагол gſu стоит во мн. числе, т. к. chyšě — собир. сущ. ср. рода
gazt ſam newiedie *я сам не знаю*; gazt [jázť]
teprw yedno *только что*
ſiem (= sem) *сюда*
tocziti ſye *вертеться*
uhonyty (= sehnati) *найти, достать, приобрести*
ſiemo itam *там и сям*
adkdyz = a když
wnyeyſtiegi [v niestěji] *в печь*
inhed (= ihned) *тотчас*
czban *кувшин, жбан*
zoczy [zoči]; zočiti *увидеть*
potieſczi ſye [potěšči sě] *потащилась*
miloſtneho = milostivého

Смиль Фляшка из Пардубиц. Smil Flaška z Pardubic

НОВЫЙ СОВЕТ. NOVÁ RADA

Конец XIV в.

Počíná se nová rada

Král lev, ten času jednoho
byl rozeslal poslóv mnoho
po všech krajích na vše strany,
po svá kniežata i pány,
po zvěř* veliký i malý,
aby všickni před ním stali.
Tak sě byl o to utázal*,
že také orlovi kázal,
aby, pojma* ptactvo všaké,
by(l) u jeho dvoru také,
neb ho bylo vše poslušno.
A to bieše dobře slušno,
by slyšeli jeho slovo
neb tehdy panstvie orlovo
k moci krále lva slušalo*
těch časóv, když sě to dálo*.
Tehdy orel bez meškánie,
slyšev královo kázanie*,
sta před králem (s) svými ptáky,
ano* již zvieřat hluk* taký
ani* sě před králem brojie*,
k jeho poslušenství stojie,
čakajíce rozkázanie.
Tehdy král bez meškánie
poctivě a velmi míle
orla přivíta té chvíle,
se ctí jej k sobě přivinu;
popatřiv na tu družinu,
děkova z toho orlovi,
že jest k službě tak hotový.
Když sě sebrali biechu,
což král káže, nevědiechu.
Tehdy král lev rukú kynu
chtě jim zjeviti příčinu,

proč sě jim (kázal) sebrati
a všem vuókol* sebe státi,
vece: „Slyšte, moji milí!
Viem, že jste vždy věrni byli
otci mému do skončenie.
Ve všech zemiech tajno nenie,
že vaší radú i pomocí
veš* svět byl pod jeho mocí.
Téhožť vám také úfaji*“
jakožť vás v téj vieřě znaji*;
kniežata, páni, rytieři
i vše obci, jakž vám věři!
Vidíte, žeť jsem král mladý,
protož prosím vašie rady.
Radiž každý, jakž kto stojí,
k řádu, k zemskému pokoji,
což jest mé ctné, také vaše*.“

По изданию: J. Daňhelka. *Smil Flaška z Pardubic. Nová rada.* Praha, 1950

po svá kniežata... po zvěř (= pro...) *за князьями...*
utázati sě o něco *постановить*
pojma — деепр. от гл. pojieti (= pojmouti) *взять*
k moci krále lva slušalo *относилось (принадлежало) к державе короля Льва*
dálo sě *происходило*
kázanie *приказание*
ano (= a to) *а то, а там*
hluk *толпа*
ani *и они (те)*
brojie sě *толпятся, кишат*
vuókol *кругом, вокруг*
veš *весь*
úfati (komu čeho) *ожидать (от кого-л. чего-л.)*
vás v téj vieřě znaji *я знаю вашу верность*
což jest mé ctné, také vaše *что для меня честь, то и для вас*

ПЕСНЯ О ПРАВДЕ. PÍSEŇ O PRAVDĚ

(отрывок)

Конец XIV в.

Pravdo milá, tiežiť* tebe,
pročs ot nás vstúpila v nebe?
Komu si nás poručila,
tiežiť tebe, Pravdo milá!
Pravda k tomu odpovědě:
„Milý synu, toť pověděm.
neviemť sě již kam podieti*
ižádnýť mne nechce přijieti*.

Kdež sem sě bydlu* nadála,
tam přijidech, ano přitáhla
Křivda vóbec všěcky sobě,
proto velmi steštěch sobě*.

I jidech tam ku papeži,
k němuž každý vóbec běží
i počěch na něm žádati,
by mi ráčil radu dáti,

kterak bych Křivdu zahnala
ještoť u mé věno* sáhla.
Papež otpověděl k tomu:
‚Jáť nemám prázdnosti* k tomu,

porúčiem tě kardinálóm,
ruče* beř sě* tam v jich dóm,
ať poradie k tomu i pomohú
tobě, což najlépe mohú.‘

Učinich jeho kázanie,
rúče brách sě tam mezi ně
mnieci*, bychť mohla prospěti,
proti Křivdě konec vzieti*.

A když tam před ně přijidech,
tepruv* tesknosti dojidech,
otázal mne jeden z nich,
sedě v červenéj kápi* jako mnich:

‚Pravdo, proč si sěm přišla, a co zde chceš?
Proč před ny cěstú nejdeš?
Chceš-li sobě konec vzieti,
musíš mnoho zlatých mieti.‘ “

tiežiť) (= táži se); tázati se *спрашивать*
podieti sě *деться*
přijieti (= přijmouti) *принять*
bydlo *жилье, приют*
steštěch sobě—stesknúti sobě *загрустить, затосковать*
věno *приданое, наследие*
nemám prázdnosti *мне некогда*
rúče *быстро*
beř sě — повел. накл. от bráti sě *отправляться*
mnieci — прич. от mnieti *думать, полагать*
konec vzieti *добиться решения*
tepruv (= teprv) *только тогда*
v červenéj kápi (= červené) *в красном клобуке*

Ян Гус. Jan Hus

ПОСТИЛЛА. POSTILLA

(*отрывок*)

По рукописному Гусовскому сборнику 1414

Tohoto ſlowa / nynieiſ í prelatowe*/ velmie ſie drżie/ anevmiegíce rozeznati mezi kukolem*/ ameżi pſenicí / czo geſt lepſíeho/ y viecze trhagi pſenici než kúkol/ tupíece* viece prawdu / než kŕíwdu / amagíce / pw̄du zależ / azaſie lez zaprawdu*/ tak że plní ſie nanich prorocztuíe *Yſai w. V. k.** *onich* Bieda kteŕíż ŕku tomu czo geſt zlé dobré / aczo geſt dobré ŕkú zlé / Adruží ſlepci / ŕku że neſkodí* / ale dobré geſt ſgedníem zlym mnoho dobrých lidí zahubiti / iakoż ſem odnich ſlychal / ani dawagí přiklad* że pro gednv tvnv heryńkow* zlych/ vpalugí niekomu giných mnoho dobrych / atéż poſtavow* ſukna / A giż zgewnie* ſú toho potwrdili / że ſú vpapeże *Jana XXIII* buly dobyli / naníż přikaziije zgewnie / aby y zlé y dobré knihy Místra Jana wiklefa* ſpálili /neb ge welmie hnietú / że pſano wnich / ogich ſwatokupecztui*/ o pýſe /o ſmilſtuí*/ a olakomſtuí* / anaivieće ſie hniewagí / że ge nazywa almvżníky*/ aże nemagí* iako ſvietſtí páni panowati/ ataké proto że piſe/ kdyż* ſu knieżíe* zle żivi / anechtíe* zloſti oſtati / tehdy ſvietſtí / ŕádem adobrym vmyſlem / aby nemieli nacz hŕieſiti / mohú gím ſbożíe* otgíeti*/ atake deſatkow* gím nedawati / Atyto rzeči potupiliſu niekteŕí doktorowe / ſkanowníky / ſfaráři /a ſmnichy vprazie wradnici / poniemeczku ŕkúcze narathaużie / Ale množí Míſtři / atakmieŕ* vieczčie ſtrana gích / Aobecz* bakalařow aſtudentow / ktomu potupení* ſu nepřiſtupili*/

prelatowe *высшее духовенство*
kukol *плевел*
tupíece — прич. от tupiti *преследовать, гнать, хулить*
amagíce pw̄du zależ azaſie lez zaprawdu *считая правду ложью, а ложь, напротив, правдой*; zaſie (=zase) *опять*
w. V. k. (v V. k.) *в V книге*
neſkodí *неплохо, неважно*
dawagí přiklad *приводят пример*
tvna heryńkow *бочка селедок*
poſtav *штука (материи)*
zgewnie *явно, открыто*
Místr Jan Wiklef — знаменитый английский реформатор церкви *Джон Виклиф* (John Wyclif, 1320—1384)
ſwatokupecztui *симония*
ſmilſtuí *разврат*
lakomſtuí *алчность, жадность*
almvżník *попрошайка, вымогатель*
aże nemagí *и что они не должны*
kdyż зд. *если*

knieżíe собир. *духовенство, священники*
nechtíe=nechtějí
ſbożíe *имущество*
otgíeti *отнять, отобрать*
deſatek *десятина*
a takmieŕ (=a téměř) *и почти*
obecz *общество, корпорация*
potupení *посрамление*
přiſtupiti *присоединиться*

IX. Кралицкая библия

1579—1593

Кн. I. от Моисея. Гл. 3.

O pádu člověka, uvinění ho z hříchа, a pokutách* vzložených

1. Had pak byl nejchytřejší ze všech živočichů polních, kteréž byl učinil Hospodin Bůh. A ten řekl k ženě: Tak-liž jest, že vám Bůh řekl: Nebudete jísti z každého stromu rajského?

2. I řekla žena k hadu: Ovoce stromů rajských jíme.

3. Ale o ovoci stromu, kterýž jest vprostřed Ráje, řekl Bůh: Nebudete ho jísti, aniž se ho dotknete*, abyste nezemřeli.

4. I řekl had k ženě: Nikoli nezemřete smrtí.

5. Ale ví Bůh, že v kterýkoli den z něho jísti budete, otevrou se oči vaše; a budete jako bohové, vědouce dobré a zlé.

6. Viduci* tedy žena, že dobrý jest strom k jídlu i příjemný očima a k nabytí rozumnosti strom žádostivý*, vzala z ovoce jeho a jedla. dala také i muži svému s sebou, a *on* jedl.

7. Tedy otevřiny jsou* oči obou dvou a poznali, že jsou nazí; i navázali listí fíkového a nadělali sobě věníků.

8. A *vtom* uslyšeli hlas Hospodina Boha, chodícího po Ráji, k větru dennímu; a skryl se Adam i žena jeho před tváří Hospodina Boha uprostřed stromoví rajského.

9. I povolal Hospodin Bůh Adama a řekl jemu: Kdež jsi?

10. Kterýžto* řekl? Hlas tvůj slyšel jsem v Ráji a bál jsem se, že jsem nahý, protož skryl jsem se.

11. I řekl Bůh: Kdože oznámil tobě, že jsi nahý? Nejedl-lis ale z toho stromu, z něhož jsem jísti zapověděl?

12. I řekl Adam: Žena, kterouž jsi dal, aby byla se mnou, ona dala mi z stromu toho, a jedl jsem.

13. I řekl Hospodin Bůh k ženě: Cožs to učinila? I řekla žena: Had podvedl mne, i jedla jsem.

Bible Kralická. Podle původního vydání kralického z let 1579—1593. Praha, 1952

pokuta *наказание (совр. «штраф»)*
aniž se ho dotknete *даже не дотронетесь до него*
viduci — прич. жен. рода от гл. viděti
k nabytí rozumnosti strom žádostivý *для приобретения познаний дерево любопытное*
otevřiny jsou (=otevřeli se) *открылись*
kterýžto *кто же это*

Ян Амос Коменский. Jan Amos Komenský

Из завещания умирающей матери Братской общины — *Z Kšaftu umírající matky Jednoty bratrské*

1650

Druhé, poraučím* tobě horlivau žádost k vyrozumívání vždy plnějšímu a jasnějšímu též pravdy boží, aby znajíc Hospodina hojněji jej poznávati se snažovala. A poněvádž Pán náš Písma svatá zpytovati poručil, odkazuji tobě za dědictví knihu boží, biblí* svatau, kterauž synové moji z původních jazyků (kterými je Bůh psáti byl poručil) do češtiny s pilností velikau (do patnácte* let na té práci strávivše několik učených mužů*) uvedli, a Pán Bůh tomu tak požehnal, že málo ještě jest národů, kteříž by tak pravdivě, vlastně*, jasně svaté proroky a apoštoly v svém jazyku mluvící slyšeli. Přijmiž to tedy za svůj vlastní klénot, vlasti milá, a užívej toho k slávě boží a svému v dobrém vzdělání; a ač knihy této boží exempláře popálili nepřátelé, kde které dostati mohli, že však milosrdenstvím toho Boha, kterýž pořezané a spálené od bezbožného Joakima knihy Jeremiášovy psáti znovu kázal a potrhaný i popálený od Antiocha tyrana Zákon boží brzy potom zbudiv pobožného Ptolomea v jazyk řecký uvésti a národům jiným v známost přivésti dal, i tobě kniha tato boží dochována bude, důvěř se* a nepochybuj!

Из книги B. Havránek. *Vývoj spisovného jazyka českého*, Československá vlastivěda, řada II., Praha, 1936

au везде читается как ou
bibli (= bible) *библия*
do patnácte = do patnácti
strávivše několik učených mužů — самостоятельный причастный оборот
vlastně зд. *подлинно; так, как в оригинале*
důvěř se *доверься, верь*

ТЕКСТЫ XIX И XX вв.

Карел Яромир Ербен. Karel Jaromír Erben

ЗОЛОТАЯ ПРЯЛКА. ZLATÝ KOLOVRAT

(*отрывок*)

Okolo lesa pole lán,
hoj, jede, jede z lesa pán,
na vraném bujném jede koni,
vesele podkovičky zvoní,
jede sám a sám.
A před chalupou s koně hop!
a na chalupu: klop, klop, klop!
„Hola hej! Otevřte mi dveře,
zbloudil jsem při lovení zvěře,
dejte vody pít!“

Vyšla dívčina jako květ,
neviděl také krásy svět;
přinesla vody ze studnice,
stydlivě sedla u přeslice,
předla, předla len.

Pán stojí, nevěda, co chtěl,
své velké žízně zapomněl;
diví se tenké, rovné niti,
nemůže očí odvrátiti
s pěkné přadleny.
„Svobodna-li jest ruka tvá,
ty musíš býti žena má!“

Dívčinu k boku svému vine —
„Ach pane, nemám vůle jiné,
než jak máti chce.“

„A kde je, děvče, máti tvá?
Nikohoť nevidím tu já“ —
„Ach pane, má nevlastní máti
zejtra se s dcerou domů vrátí,
vyšly do města.“

Из сборника поэм *Kytice*

Божена Немцова. Božena Němcová

БАБУШКА. BABIČKA

(*отрывок*)

1864

Viktorka je sedlákova dcera ze Žernova. Rodiče její jsou už dávno pochováni, ale bratr a sestra žijou podnes. Před patnácti lety byla Viktorka děvče jako malina; daleko široko nebylo jí rovně. Svižná jako srna, pracovitá jako včelka, nikdo nemohl by si byl lepší ženy přát. Takové děvče, a když má ještě podíl na statku k očekávání, nezůstane pod pokličkou, to se samo sebou rozumí. Také o Viktorce šla pověst po celém okolí, a námluvníci podávali si dveře. Tatíkovi a matce by se mnohý byl líbil, nejeden byl hospodář zámožný a dcera by byla přišla, jak se říká, do plného, ale ona tomu nechtěla rozumět, jen ten měl u ní dobré oko, kdo nejpěkněji tancoval, a to jen při muzice.

Někdy to přece vrtalo tátovi mozkem, že dcera ženichy jen tak ledabylo odbývá, spustil na ni zhurta, aby se pro jednoho rozhodla, sice že jí sám ženicha vybere a přinutí aby si ho vzala. Děvče ale pustilo se do pláče, prosila, aby ji z domu nevyháněli, že nemá zmeškáno, že jí teprv dvacet let, že neužila světa a Bůh že ví, komu se dostane a jak se jí povede. Tatík měl děvče velmi rád, a když slyšel takovou lamentaci, bylo mu jí líto, a vida její krásnou tvářičku, myslil si: „Na tebe je dost času, ty ženichů ještě dost najdeš.“ Lidé si to ale všecko jinak vykládali; povídali si, že je Viktorka hrda, že čeká, až pro ni přijedou v kočáře, prorokovali, že pýcha předchází pád, kdo dlouho vybírá, že přebere, a podobné pranostiky.

Toho času leželi ve vsi myslivci; jeden z nich začal chodit za Viktorkou. Šla-li do kostela, šel za ní, v kostele stál zajisté nedaleko ní, a místo co měl koukat na oltář, koukal na ni. Šla-li na trávu, zajisté se vyskytnul nablízku, zkrátka ať šla kam šla, všude ji následoval jako stín. Lidé si povídali o něm, že nemá dobrý rozum, a Viktorka, když vešla mezi kamarádky a stala se zmínka o něm, říkala: „Co ten voják za mnou chodí? Ani nemluví, jako ten morous. Já se ho bojím. Když ho nablízku cítím, jako by po mně lezlo, a z těch očí jde mi hlava kolem.“

Ян Неруда. Jan Neruda

Из космических песен. Z písní kosmických

* *
*

Vzhůru již hlavu, národe,
k nebi své zdvihni oči!
viz: jsou tam i malé hvězdičky,
kol nichž se velké točí!

Toť prostě tím: ty maličké
z jadrného jsou fládru,
ale ty velké a poslušné
jen z plynových jsou hadrů.

Troufám, že při té myšlénce
srdce ti povyskočí —
nuž — buďme tou malou hvězdičkou,
kol níž se velké točí!

Jde to, ach jde! jen každý hleď
k vlastnímu dobře jádru:
bude-li každý z nás z křemene,
je celý národ z kvádrů!

Карел Гавличек-Боровский. Karel Havlíček Borovský

ЭПИГРАММЫ. EPIGRAMY

Demokratský

Nechoď, Vašku, s pány na led,
mnohý příklad máme,

že pán sklouzne a sedlák si
za něj nohu zláme.

Originálnost

Není nad původnost
každý po ní touží,
lidé chodí přes most,
to já půjdu louží.

Rady zvířat

Zpíval lidem ostříž,
když si sedal na kříž:
„Raději velkého mít muže
nežli malé bůže!“
Vrabec také zpíval,
zase jiným slohem:
„Raději moudrým člověkem být
nežli hloupým bohem.“

Versus memoriales

Chceš-li v strachu, v nepokoji žít,
musíš k tomu vtip a rozum mít;
chceš-li dodělat se vezdějšího chleba,
bývej hloupým, kde je toho třeba.

Карел Чапек. Karel Čapek

ИСЧЕЗНОВЕНИЕ АКТЕРА БЕНДЫ

ZMIZENÍ HERCE BENDY

(*отрывок*)

1929

Druhého září zmizel herec Benda, mistr Jan Benda, jak se mu říkalo od té doby, co jediným rozběhem vystoupil na jednu z nejvyšších příčlí herecké slávy. Totiž druhého září se nestalo docela nic; posluhovačka, která v devět hodin ráno přišla poklidit Bendův byt, našla zválenou postel a celý ten kančí nepořádek, který obyčejně Bendu obklopoval, jenom pan mistr nebyl doma; ale jelikož na tom nebylo nic neobvyklého, dala byt svým sumárním způsobem do pořádku a šla zase po svém. Dobrá. Ale od té doby nebylo po herci Bendovi ani památky.

Paní Marešová (totiž ta posluhovačka) se nepodivila příliš ani tomu; prosím vás, tihle herci, to vám je jako cikáni; kdopak ví, kam zas jel hrát nebo flámovat. Ale desátého září se strhla po herci Bendovi shánka; měl přijít do divadla, kde se začínaly zkoušky na Krále Leara; když Benda nepřišel ani na třetí zkoušku, vzbudilo to přece jen nepokoj a z divadla telefonovali doktoru Goldbergovi, Bendovu příteli, neví-li, co se děje s Bendou.

Ten doktor Goldberg byl chirurg a vydělával ukrutné peníze na slepých střevech. Jinak to byl tlustý člověk s tlustými zlatými brýlemi a tlustým zlatým srdcem; hořel pro umění, měl byt od podlahy po strop ověšený samými obrazy a oddaně miloval herce Bendu, který k němu choval přátelské opovržení a s jistou blahosklonností mu dovoloval, aby za něj platil; což, mezi námi, nebyla zrovna maličkost. Tragická maska Bendova a zářící obličej doktora Goldberga (který pil jenom vodu), to už patřilo k sobě při všech těch sardanapalských flámech a divokých výtržnostech, které byly druhou stránkou proslulosti velkého mima.

Tedy tomu doktoru Goldbergovi telefonovali z divadla, co prý se děje s Bendou. Odpověděl, že nemá ponětí, ale že se po něm podívá; co neřekl, bylo, že už ho sám po celý týden shání po všech nočních lokálech a výletních hotelech s rostoucím znepokojením; měl tísnivou předtuchu, že se něco Bendovi stalo. To bylo totiž tak: doktor Goldberg byl, pokud mohl zjistit, poslední, kdo Jana Bendu viděl. Někdy koncem srpna s ním ještě podnikl triumfální taženi noční Prahou; ale pak už Benda nepřišel na žádnou obvyklou schůzku. Snad stůně, řekl si konečně doktor Goldberg, a zajel si jednou večer do Bendova bytu; bylo to právě prvního září. Zvonil u dveří; nikdo nešel otevřít, ale uvnitř bylo slyšet nějaký šramot. Tu drnčel doktor dobrých pět minut na zvonek; najednou zazněly kroky a dveře se otevřely; stál v nich Benda zahalený v županu, a doktor Goldberg se ho zděsil: tak zdivočele vypadal slavný herec s rozcuchanými a slepenými vlasy a vousy dobrý týden neholenými; zdál se přepadlý a špinavý.

„A to jste vy,“ řekl nevlídně, „co chcete?“

„Proboha, copak se s vámi stalo?“ vyhrkl doktor užasle.

„Nic,“ zavrčel Benda. „Nikam nepůjdu, rozumíte? Dejte mi pokoj!“ A zavřel dveře Goldbergovi před nosem. — Den na to tedy zmizel.

Doktor Goldberg brejlil ustaraně svými tlustými skly. Něco tu nebylo v pořádku. Od domovníka baráku, kde Benda bydlel, zvěděl jenom to, že onehdy v noci, snad to bylo zrovna na druhého září, zastavilo se asi ve tři hodiny ráno před domem auto; ale nikdo nevystoupil, jen troubil na houkačku, jako by dával někomu v domě znamení. Pak bylo slyšet, že někdo vychází z domu a zabouchl za sebou domovní vrata; potom auto odjelo. Jaké to bylo auto, kdepak, na to se domovník nešel podívat; ve tři hodiny ráno člověk neleze z postele, když nemusí. Ale ta houkačka troubila, jako by ti lidé měli hrozný kvalt a nemohli chvilku čekat.

Paní Marešová vypověděla, že pan mistr celej tejden nevyšel z bytu (leda snad v noci), neholil se a snad se ani nemyl, jak vypadal; jídlo si nechal nosit domů, chlastal koňak a válel se na sofa; to jako je všecko. Nyní, když se začali o Bendovo zmizení starat také jiní lidé, šel doktor Goldberg znovu za paní Marešovou.

„Poslouchejte, matko," řekl, „nevíte, jaké měl pan Benda na sobě šaty, když odešel ze svého bytu?"

„Žádný," pravila paní Marešová; „to je právě to, co se mně nelíbí. Neměl žádný šaty. Já znám všechny jeho vobleky a všecky visej' v bytě, — ani jedny katě nechyběj'."

„Že by byl odešel jenom v prádle?" mínil doktor Goldberg velmi zaražen.

„Ani v prádle ne," prohlásila paní Marešová, „ani v botách; to je to divný, pane. Viděj', já mám zapsanej každej jeho kousek prádla, protože to nosím do prádelny; teď to vyprali a já jsem mu to srovnala a spočítala; má tam vosmnáct košil, nechybí ani jedna, ani jeden kapesník, no dočista nic. Jenom jeden kufírek je pryč, co s sebou vždycky bere. Jestli vodešel, tak musel bejt krom tý drahý duše docela nahej."

Doktor Goldberg vypadal velmi povážlivě. „Matko," řekl, „když jste tam druhého září ráno přišla, nebyl tam nějaký zvláštní nepořádek? Víte, něco pokáceného nebo vylomené dveře — ?"

„Nepořádek," mínila paní Marešová, „to von tam nepořádek byl, jako vždycky. Von pan Benda byl takový čuně, pane. Ale jináč tam nebyl žádnej nepořádek, to zas ne. Ale řeknou mně, kam moh' jít, když neměl na těle ani tu kšandu?"

Doktor Goldberg to ovšem věděl tak málo jako ona; a s nejpochmurnějšími starostmi se obrátil tentokrát už na policii...

Юлиус Фучик. Julius Fučík

РЕПОРТАЖ С ПЕТЛЕЙ НА ШЕЕ

REPORTÁŽ PSANÁ NA OPRÁTCE

(отрывок)

Časné jitro Prvního máje.

Hodiny na věžičce trestnice odbíjejí třetí. Po prvé teď je tu jasně slyším. Po prvé od svého zatčení jsem teď při plném vědomí. Cítím svěží vzduch, který stéká otevřeným oknem dolů a oblévá můj slamník na podlaze, cítím stébla slámy, která pojednou tlačí do hrudi a do břicha, každá píď těla bolí tisíci bolestmi a těžko se mi dýchá. Náhle, jako bys otevřel okno, vidím jasně: toto je konec. Umírám.

Trvalo to dlouho, smrti, než jsi přišla. A přece jsem doufal, že se s tebou seznámím až za mnoho let. Že budu ještě žít životem svobodného člověka, že budu ještě mnoho pracovat a mnoho milovat a mnoho zpívat a světem vandrovat. Vždyť teprve teď jsem dozrával a měl jsem ještě mnoho, mnoho sil. Už nemám. Dodýchávají.

Miloval jsem život a pro jeho krásu šel jsem do pole. Miloval jsem vás, lidé, a byl jsem šťasten, když jste mou lásku opětovali, a trpěl jsem, když jste mi nerozuměli. Komu jsem ublížil, odpusťte mi, koho jsem potěšil, zapomeňte! Ať smutek nikdy nepatří k mému jménu. To je má závěť pro vás, táto a mámo a sestry moje, pro tebe, Gustino moje, pro vás, soudruzi, pro všecky, s nimiž jsem se měl rád. Myslíte-li, že pláč smyje smutný poprašek stesku, plačte chvíli. Ale nelitujte. Žil jsem pro radost, umírám pro radost a byla by to křivda, kdybyste mi na hrob postavili anděla žalu.

První máji! V těchto hodinách už jsme vstávali na okrajinách měst a připravovali svoje prapory. V těchto hodinách už na ulicích Moskvy nastupovaly první oddíly k májové přehlídce. A teď v těchto hodinách milióny lidí bojují poslední bitvu za svobodu člověka a tisíce padají v tomto boji. Jsem jeden z nich. A býti jedním z nich, jedním z bojovníků poslední bitvy, toť krásné.

СЛОВАРИК К ТЕКСТАМ

A a

ač хотя; несмотря на то, что
ale а, но
asi около, приблизительно

B b

barák (*разг.*) дом
báti se (bojím se) бояться
baviti se развлекаться; беседовать
běda горе, увы
bojovník боец, борец
bolest *ž.* боль; горе
bota ботинок
brada 1. подбородок; 2. борода
brániti защищать
brejliti смотреть сквозь очки
brýle (*только мн.*) очки
brzy скоро; рано
břicho живот
bůže *stř.* божок
byt квартира
býti (jsem, jsi, je, jsme, jste, jsou; *отрицат. форма 3 л. ед. ч.* není); **není nad** (co) нет ничего превыше (*чего*)

C c

celkem в общем
cesta дорога, путь
cikán цыган
cítiti чувствовать
což 1. *част.* разве; 2. *союз* что

Č č

čarování колдовство
čas время; **jednoho ~u** однажды, **toho ~u** в то время
časný ранний
čekati ждать
čepice *ž.* фуражка, кепка
čest *ž.* (cti) честь
čeština чешский язык
činiti делать, совершать
člun лодка, челн
čuně *stř.* поросенок; (*перен.*) свинтус, неряха

D d

daleko || dalece далеко; **daleko široko** повсюду, по всему краю, во все концы
dáti (dám...) дать; **~ do pořádku** привести в порядок
dcera (*дат. ед.* **dceři**) дочь
dědictví наследство
děkovati (komu) благодарить (*кого-л.*)
denní дневной; ежедневный
děvče *stř.* девушка
díti se происходить, случаться; **co se děje?** что происходит?
divadlo театр
dívati se смотреть
diviti se удивляться
dívka девушка
divný странный
divoký дикий
do в; до; **je mi do pláče** мне хочется плакать; **dáti se do pláče** (**smíchu** *и т. п.*) заплакать (засмеяться...)
doba время, эпоха, период
dobytek скот (*крупный рогатый*)
dobýti (čeho) завоевать, добиться
docela совсем, совершенно
dodělati se (čeho) заработать, добиться (*чего-л.*) трудом
dodýchávati подходить к концу
dochovati (se) сохранить(ся)
dolů вниз
domů домой
domovník дворник
dopadnouti окончиться; **jak to dopadne?** чем это кончится?
dostati (dostanu...) получить
dotknouti se дотронуться
doufati надеяться, верить
dovésti (dovedu...) 1. довести; 2. суметь, смочь
dovoliti позволить, разрешить
dozrávati созревать
drnčeti звонить, дребезжать
družina свита
drva (*разг., только мн.*) дрова
dříve раньше, прежде
dvířka (*только мн.*) дверца

F f

farář приходский священник
fládr жилки в камне, в дереве и т. п.
flám кутеж
flámovati кутить

H h

had змея; (*библ.*) змий
hadr тряпка, обрывок; **~y** лохмотья, тряпье
hasič пожарный
herec (herce) актер
hledati искать
hleděti смотреть; **~ k čemu** смотреть, обращать внимание на что-л.
hlídač сторож
hlídati сторожить
hned тотчас, сейчас же
hodina час
hodiny (*только мн.*) часы
hodně очень, много
hodný хороший, добрый
hola hej! ей!
holiti se бриться
holka *разг.* девушка, девчонка
horlivý усердный, ревностный
hospoda трактир
hospodář хозяин
hostinec постоялый двор, трактир
hotel *m.* гостиница, отель
houba гриб
houkačka клаксон, гудок
hrad зáмок
hráti (hraji...) играть
hrnec (hrnce) горшок
hrneček (hrnečku) чашка
hrob могила
hrozný страшный, ужасный
hvězda звезда

Ch ch

chlastati хлестать, пить
choditi ходить; **~ za kým** ухаживать
chtíti (chci, chceš..., chtějí; chtěl) хотеть
chyběti недоставать, не хватать
chudobný бедный, из бедной семьи
chytnouti поймать, схватить
chytrý умный, хитрый
chvíle минута (*перен.*)

J j

jadrný плотный, крепкий
jádro ядро; (*перен.*) сущность
jednou однажды
jelikož поскольку
jeti (jedu, jedeš...; jel) ехать
jídlo еда, блюдо
jináč (*лит.* **jinak**) а так, в остальном, в общем
jísti (jím, jíš..., jedí; jedl) есть

jíti (jdu, jdeš...; šel) идти; **to jde, jde to** это возможно, может быть; **to nejde** нельзя; **jde mi hlava kolem** у меня голова идет кругом; **jíti po svém** идти по своим делам
jméno имя
jmenovati se называться

K k

kam куда
kamarád товарищ, друг
kamna (*только мн.*) печь
kančí свинский
kanovník каноник
kapesník носовой платок
katě||gatě (*нар.-разг.*) штаны, подштанники
když когда; если
klenot драгоценность
kněz священник
kníže *m.* (knížete) князь
kočár карета
kol||kolem кругом, вокруг
kolovrat прялка
konec конец; ~ **konců** в конце концов
kopec *m.* (kopce) холм, горка
kostel *m.* церковь
košile *ž.* рубашка
koukati 1. смотреть; 2. (*диал.*) выглядывать
kousek кусок; немного (*о расстояниях*)
krájeti резать
krajíc ломоть
krásný прекрасный
kresba рисунок
krok шаг
krk шея
kříž *m.* крест
kšanda помочи, подтяжки
kterak как, каким образом
kterýkoli(v) какой угодно
kufírek (*уменьш. от* **kufr**) чемоданчик
kus кусок; штука
kůň лошадь, конь
kvádr гранитная плита
květ цветок
kvítí (*собир.*) цветы
kynouti махать (*рукой*), подавать знак

L l

lamentace жалоба, причитание
lán (*старая мера длины, ок. 15 га*); (*перен.*) простор, широкое поле
láska любовь
led лед
leda разве что
ledabylo кое-как, небрежно
leknouti se испугаться
líbiti se нравиться
lid народ
lidé (*мн. ч. к* **člověk**) люди
líto жаль, жалко
litovati жалеть, сожалеть
lokál *m* ночной ресторан
lov, ~ení охота

M m

maličkost пустяк, мелочь
matka мать
med мед
méně||míň меньше
měsíc 1. луна; 2. месяц
město город
meškání промедление
mezi между, среди; **přijíti** ~ **koho** (*мн. ч.*) прийти к кому-л.
milovati любить
míniti думать, полагать, судить
mírně мягко, тихо, слабо, спокойно
míti (mám, máš..., mají; měl) иметь; ~ **rád** любить; ~ **se rád (-i, -y)** любить друг друга; ~ **kvalt** спешить; ~ **někoho, něco za někoho, něco** считать кого-л., что-л. кем-л., чем-л.; ~ **na sobě** быть одетым во что-л.
mluviti говорить
mnich монах
moc 1. сила, власть; 2. *разг.* очень; много
moci (mohu, můžeš..., mohou; mohl) мочь, быть в состоянии

morous бука
museti||musiti долженствовать, быть должным
muzika (*разг.*) музыка (*сельская, танцевальная и т. п.*)
muž 1. мужчина; 2. муж
mužský 1. мужской; 2. (*разг.*) мужчина
mysliti (si) думать
myslivec (myslivce) охотник; егерь
myšlenka мысль, идея

N n

na на; zkoušky na Krále Leara репетиции „Короля Лира"
nablízku неподалеку
nacpati набить
nad над; превыше (*чего-л.*)
nádoba посудина, сосуд
ňadra (*только мн.*) грудь
náhle вдруг, внезапно
najednou вдруг
námluvník сват
národ народ, нация
náručí *stř.* объятия
následovati (koho) следовать (*за кем-л.*)
nastupovati отправляться в путь
natáhnouti se растянуться
navštíviti (*несов.* **navštěvovati**) посетить, навестить
nebe небо
neholený небритый
nechati оставить; ~ + инф. заставить, велеть
nějaký какой-то
někde где-то, где-нибудь
někdy когда-то
nemocný больной
není *см.* **býti**
neobvyklý необычный
nepokoj беспокойство
nepořádek беспорядок
nevlastní неродной
nevlídně нелюбезно
nežli чем
noc ночь; **v ~i** ночью

O o

o *с предл. пад.* о (*чём-л.*); **o svátcích** на праздники; *с вин. пад.* о, на: **opírati se o co**; *цель действия*: **starati se o koho** заботиться о ком-л; *мера*: **o pět let starší** на пять лет старше
obec *ž.* 1. населенный пункт; 2. общество, корпорация
obličej *m.* лицо
obklopovati окружать
oblek костюм
obočí *stř.* брови
obrátiti se (na koho, co) обратиться (*к кому-л., куда-л.*)
obraz картина
obvyklý обычный
ocas *m.* хвост
očekávání ожидание
odbíjeti отбивать, бить
odbývati (koho) отказывать (*кому-л.*), отделываться (*от кого-л.*)
oddaně преданно
oddíl отряд
odejíti уйти
odkazovati завещать
odpoledne *stř.* время после обеда
odpověděti ответить
odpustiti (komu) простить (*кого*)
odvrátiti отвернуть, отвести
okamžení мгновение
okamžitě моментально
oko глаз; **míti u koho dobré** ~ пользоваться чьей-л. благосклонностью
okolí *stř.* окрестности
omdleti потерять сознание
onehdy на днях, недавно
opatrný осторожный
opětovati (co) повторять; ~ **lásku** отвечать на любовь
opovržení презрение
oprátka петля (*виселицы*)
ostříž *m.* чеглок, кобчик
otevříti (otevřu||-vru) открыть
ověšený увешанный
ovoce *stř.* (*собир.*) фрукты
oznámiti сообщить

P p

pád падение
pacholek батрак; конюх
památk||a память, воспоминание; **nebylo po něm ani ~y** о нем не было ни слуху, ни духу
pamatovati помнить
pán господин, хозяин; человек, мужчина
panství имение, поместье
papež *m.* папа (*римский*)
patřiti (k čemu) принадлежать, быть связанным (*с чем-л.*); **~ k sobě** быть неразрывно связанными
pěkný красивый
peníze (*только мн.*) деньги
píď *ž.* пядь
pilnost прилежание
pivovar пивоваренный завод
plaziti se ползти, скользить
plniti se наполняться; (*перен.*) исполняться
plný полный; **přijíti do plného** вступить в дом, где полный достаток (полная чаша)
plynový газовый
po по; **jíti po svém** идти по своим делам; **dívati se po kom** искать, разыскивать кого-л.
poctivě честно; (*устар.*) с честью
počkati подождать
počíti (počnu...; počal) начать
podávati подавать; **~ si dveře** входить друг за другом
podíl *m.* доля, часть
podívati se (po kom) поискать (*кого-л.*)
podlaha пол
podnes до настоящего времени
podniknouti предпринять
podvésti обмануть
pochmurný мрачный, хмурый
pochovati похоронить
pochybovati (o čem) сомневаться (*в чем-л.*)
pojednou вдруг
pokáceti вырубить; переломать
pokličk||a крышка; **zůstati pod ~ou** остаться в тайне
pokliditi прибрать
pokoj 1. покой, спокойствие; 2. комната
pokud пока; насколько
pole поле; *зд.* поле боя
polekaný испуганный
polní полевой
pominouti пройти, миновать
pomysliti (si) подумать
poněvadž так как, потому что
poprašek налет
po prvé впервые
poroučeti приказывать
pořád (*разг.*) все время
poslouchati (si) слушать
posluhovačka уборщица, работница
postaviti построить
potěšiti порадовать
potkati встретить (*случайно*)
potrhaný оборванный
potlouci (se) побить(ся), разбить(ся)
poučiti наставить, вразумить
povážlivě серьезно, рассудительно; задумчиво
pověděti сказать, рассказать
povésti se (komu) удаться, повезти; **jak se jí (mu...) tam povede** как ей (ему...) там будет (житься)
povolati призвать; позвать
povyskočiti подпрыгнуть; *зд.* дрогнуть, ёкнуть
poznati узнать
pozorný внимательный
požehnati благословить
práce работа
pracovati работать
pracovitý трудолюбивый, работящий
prádelna прачечная
pranostiky предсказания, прогнозы
prapor знамя
právě как раз, именно
praviti говорить
pro для; за (*кем-л., чем-л.*); **rozhodnouti se pro co** решиться на что-л.
proč почему
prohlásiti заявить

proměňovati превращать
prorokovati предсказывать
proslulost известность, слава
provaz *m.* веревка
prý (*диал.* **prej**) де, дескать
pryč прочь, вон; **býti ~** отсутствовать; **je ~** его (ее) нет
přadlena пряха
přátelský дружеский
přáti (si) (přeji si) желать
přebrati перебрать; **kdo dlouho vybírá, ten přebere** кто долго выбирает, тот останется на бобах
přece всё же, всё-таки
předcházeti предшествовать
předtucha предчувствие
přehlídka смотр, парад
přepadlý осунувшийся
přeslice *ž.* прялка
převlékati se переодеваться
příčel *m.* || *ž.* ступенька (*приставной лестницы*); ступень (*перен.*)
příjemný приятный
příklad пример
příliš слишком
přinutiti заставить
připravovati приготавливать
přísti (předu ...; předl) прясть
přítel (*мн. ч.* **přátelé**) друг
přivinouti прижать, привлечь
přivítati встретить, приветствовать
psáti (píšu...; psal) писать
ptactvo (*собир.*) птицы
pták птица
ptáti se спрашивать
pustiti se (do čeho) взяться (*за какое-л. дело*), начать делать (*что-л.*)
původní первоначальный, исконный
původnost оригинальность
pýcha гордость, надменность

R r

ráčiti изволить, соизволить
rád охотно, с удовольствием; **míti ~** любить
rada совет
raději лучше, охотнее
raditi советовать
rádlo соха
radnice ратуша
ráno 1. утро; 2. утром
rodiče (*только мн.*) родители
rok год
rozcuchaný растрепанный
rozhlížeti se оглядываться, осматриваться
rozhodnouti se решиться
rozeznati различить, распознать
rozkoš наслаждение
rozum ум, разум
rozuměti (komu, čemu) понимать

Ř ř

řád строй, порядок
řecký греческий
řeknouti (řeknu...; řekl) сказать
říci (řeknu || řku...; řekl) сказать
říkati говорить; **~ komu, čemu nějak** называть кого, что как; **jak se říká** как говорится

S s

sám сам; один
sázeti сажать
sedlák крестьянин (*зажиточный*)
sednouti si сесть
seznámiti se познакомиться
sháněti искать, разыскивать
sháňka беготня, поиски
schodek ступенька
schovati спрятать
schůzka свидание, встреча
sice хотя
silnice *ž.* шоссе
sklo стекло
sklouznouti поскользнуться
skočiti подскочить, подбежать
skok прыжок, скачок; **na ~** на минутку
skrýti se (před kým) скрыться (*от кого-л.*)
skrz через
slamník соломенный тюфяк
sloh стиль
smáti se (komu) (směji se) смеяться (*над кем-л.*)

smažiti жарить
smutek печаль, траур
smutný печальный, грустный
smysl смысл; чувство; ~y чувства, органы чувств
snad вероятно
snadný легкий (не трудный)
snažiti se стремиться
snídati завтракать
sotva едва, еле-еле
soudruh товарищ
soused сосед
spáliti сжечь
spočítati пересчитать
spodnice, spodnička нижняя юбка
spustiti (na koho) наброситься, обрушится
srovnati сложить
srpen август
stačiti быть достаточным, хватать
starati se (o koho, co) заботиться, хлопотать (*о ком-л., чем-л.*)
starost забота, хлопоты
státi (stojím...) 1. стоять; 2. стоить
státi se (stane se...) 1. стать; 2. ~ **komu** случиться, произойти с кем-л.
stavěti строить
stéblo стебель
stesk тоска
stín *m.* тень
stodola рига
stonati (stůňu...) болеть, хворать
stoupnouti si před co стать перед чем-л.
stránka 1. сторона; 2. страница
strašiti пугать
strniště жнивье
strom дерево
stromoví (*собир.*) деревья
strop потолок
střevo кишка; **slepé** ~ аппендикс
studnice колодец
stýskati se (komu po kom, po čem) тосковать, грустить (*о ком-л., чем-л.*)
sumární комплексный
svěcený освященный
svěřiti se (s čím) довериться (*в чем-л.*), открыться
svět мир, свет
svižný быстрый, ловкий, проворный

Š š

šafář приказчик, эконом
šaty (*только мн.*) платье, одежда
škoda 1. вред, убыток; 2. жаль
špinavý грязный
šramot шум
šťastný счастливый
štěstí счастье

T t

tady тут, здесь
také||taky также
taký (*устар.*) такой
tam 1. там; 2. туда
tatík папа, отец
tažení поход, шествие
teď теперь, сейчас
tedy итак, следовательно, и вот
telecí телячий
tenkrát в тот раз, тогда
tentokrát на этот раз
tenký тонкий
teprv(e) только (*о времени*)
těžko тяжело
tím потому
tisíc тысяча
tísnivý тягостный, гнетущий
tlačiti жать, давить
tlouci бить, стучать
točiti se 1. вертеться, кружиться; 2. вращаться
totiž то есть, собственно
toužiti (po čem) мечтать (*о чем-л.*), страстно желать (*чего-л.*)
trám балка, поперечина
trhati дергать, рвать
trestnice тюрьма
troubiti гудеть
troufati надеяться, думать
trpěti страдать, терпеть
truhla сундук
trvati длиться, продолжаться
třeba нужно
tvář 1. лицо; 2. щека
týden неделя

U u

ublížiti (komu) оскорбить, обидеть (*кого-л.*)
učiniti сделать, свершить
udělati сделать
uhoditi ударить
ukrutný жестокий; (*перен.*) страшный, огромный
umění искусство
upalovati жечь, сжигать
uprostřed посередине
ustaraně озабоченно
úterý вторник
utíkati убегать
uvésti привести; (*устар.*) перевести
uvnitř внутрь
užasle изумленно
užívati (*сов.* užíti) (čeho) пользоваться (*чем-л.*)

V v

válka война
vandrovati бродить
včela пчела
vdávati se выходить замуж
věc 1. вещь; 2. дело
věděti (vím, víš..., vědí) знать
vědomí сознание
věhlasný знаменитый
veliký||velký большой; великий
velmi очень, весьма
věník ветка с цветами или плодами, букет из листьев
ves (vsi) деревня, село
vezdější насущный
věžička башенка
viděti (*повел.* viz) видеть
vinouti прижимать, привлекать
vládnouti владеть
vlast родина
vlastní собственный; родной
vlhko сыро
vloni в прошлом году
volati звать
vousy (*обычно мн.*) борода; усы; бакенбарды
vrabec воробей
vraceti se возвращаться
vrata (*только мн.*) ворота
vrátiti se возвратиться, вернуться
vrtati сверлить; ~ **hlavou** не выходить из головы
všimnouti si заметить, обратить внимание
všude всюду, повсюду
vtip острота, остроумие
vůbec вообще
vydělávati зарабатывать
vyhrknouti выпалить, выдавить из себя
vykládati излагать; объяснять
vykopávky раскопки
výletní загородный
vypadati выглядеть
vypověděti показать, рассказать
vyprati выстирать
vyprávěti рассказывать
výrobek продукт, изделие
vyskočiti вскочить
vyskytnouti se появиться, обнаружиться
výtržnost бесчинство
vyznati (co) признаться (*в чем-л.*)
vzdělání образование
vzhůru вверх
vzíti (vezmu...; vzal) взять; ~ **si koho** (*4. p.*) жениться на ком-л., выйти замуж за кого-л.
vždy||vždycky всегда

Z z

zabouchnouti захлопнуть
začínati начинать
zahalený закутанный
zahrada сад
zajisté конечно, непременно
zámožný зажиточный
zapomenouti||zapomněti (na koho, co) забыть (*о ком-л., чем-л.*)
zaraziti ошеломить
zarobiti заработать тяжелым трудом
září сентябрь
zářící сияющий, сверкающий
zase снова, опять
zastaviti (se) остановить(ся)
zatčení арест

závěť *ž.* завещание
zavříti закрыть, запереть
zazníti (zazněl) зазвучать, раздаться, послышаться
zázrak чудо
zblouditi заблудиться
zdáti se казаться
zděditi (po kom) унаследовать (*от кого-л.*)
zděsiti se ужаснуться, испугаться
zdivočelý одичавший
zdvihnouti поднять
zedník каменщик
zejtra (*разг.*) завтра
zelí капуста
zem *ž.* земля; страна
zemříti умереть
zeptati se спросить
zhurta резко, грубо; вдруг, ни с того ни с сего
zima 1. зима; 2. холодно
zjistiti установить
zkoumati изучать, исследовать
zkouška 1. экзамен; 2. репетиция
zkrátka короче говоря
zlobiti se сердиться
zlý плохой, дурной
zmeškati пропустить, не успеть
zmínka упоминание
zmizeti исчезнуть
známost знакомство
známý знакомый
znamení знак, сигнал
znepokojení тревога, беспокойство
znovu снова
zpívati петь
způsob способ, метод
zrovna как раз
zůstati остаться
zválený смятый
zvěděti узнать
zvěř *ž.* (*собир.*) звери, зверь
zvíře *stř.* животное
zvláštní особый

Ž ž

žádati (na kom) требовать, просить (*у кого-л.*)
žádost просьба, желание
žádný никакой, никто
žal *m.* скорбь
žíti (žiji...; žil) жить
žíti (žnu...; žal) жать
živočich животное, живое существо
život жизнь
žízeň *ž.* жажда
župan халат

СПИСОК ОСНОВНОЙ ИСПОЛЬЗОВАННОЙ И РЕКОМЕНДОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

I

1. B. Hála. Výslovnost spisovné češtiny. Praha 1953
2. F. Daneš, B. Hála, A. Jedlička, M. Romportl. O mluveném slově. Praha 1954
3. F. Daneš. Intonace a věta ve spisovné češtině. Praha 1957
4. M. Romportl. Stručná fonetika ruštiny (Učebné texty vysokých škol). Praha 1959 (Здесь дано сравнительное описание фонетики чешского и русского языков).
5. B. Hála. Úvod do fonetiky. Praha 1958

II

1. Fr. Trávníček. Mluvnice spisovné češtiny. Díl I, Hláskosloví — Tvoření slov — Tvarosloví. Praha 1958; díl II, Skladba, 1951 (В переводе: Фр. Травничек. Грамматика чешского литературного языка, ч. 1. Москва 1956)
2. B. Havránek, A. Jedlička. Stručná mluvnice česká. Praha 1958
3. A. Mazon. Grammaire de la langue tchèque. Paris 1952
4. J. Bauernöppel, H. Fritsch. Grammatik der tschechischen Sprache. Berlin 1957
5. B. Havránek, A. Jedlička. Česká mluvnice. Praha 1960
6. Fr. Kopečný. Základy české skladby. Praha 1958
7. А. Широкова. Очерк грамматики чешского языка. Москва 1952

III

1. Fr. Trávníček. Historická mluvnice československá. Úvod, hláskosloví, tvarosloví. Praha 1935
2. M. Komárek. Historická mluvnice česká. Díl I, Hláskosloví. Praha 1958
3. Fr. Trávníček. Historická mluvnice česká. Díl III, Skladba, Praha 1956

4. J. Gebauer. Historická mluvnice jazyka českého. Díl I, Hláskosloví, Vídeň 1894; díl III, Tvarosloví: 1. Skloňování, Vídeň 1896, 2. Časování, Vídeň 1898, 1909 и Praha 1958; díl IV, Skladba, Praha 1929
5. O. Hujer. Úvod do dějin jazyka českého. Praha 1914, 1924, 1946 (В переводе: О. Гуйер. Введение в историю чешского языка. Москва 1953)
6. O. Hujer. Vývoj jazyka československého. „Československá vlastivěda", díl III, Jazyk. Praha 1934
7. A. Dostál. Nástin dějin českého a slovenského jazyka (Úcební texty vysokých škol). Praha 1954
8. Tadeusz Lehr-Spławiński, Zdislaw Stieber. Gramatyka historiczna języka czeskiego, cz. I. Warszawa 1957
9. F. Liewehr. Einführung in die historische Grammatik der tschechischen Sprache. Brno 1933
10. Mann, Stuart Edward. Chech Historical Grammar. London 1957
11. А. М. Селищев. Славянское языкознание, т. 1, Западнославянские языки. Москва 1941

IV

1. B. Havránek. Nářečí česká. „Československá vlastivěda", díl III. Praha 1934
2. Fr. Trávníček. O českém jazyce. Praha 1924
3. Fr. Trávníček. Úvod do českého jazyka (kap. IV). Praha 1958
4. Fr. Trávníček. Moravská nářečí. Praha 1926
5. Fr. Bartoš. Dialektologie moravská. Díl I, II. Brno 1886, 1895
6. A. Kellner. Úvod do dialektologie. Praha 1954
7. A. Kellner. Východolašská nářečí. Díl I—Brno 1946, díl II—1949
8. J. Voráč. Česká nářečí jihozápadní. Praha 1955
9. J. Bělič. Dolská nářečí na Moravě. Praha 1954
10. A. Lamprecht. Středoopavské nářečí. Praha 1953
11. Sl. Utěšený. Nářečí přechodového pásu českomoravského. Praha 1960
12. V. Křístek. Ostravská hornická mluva. Praha 1956
13. J. Bělič. Sedm kapitol o češtině (kap. IV, V, VI). Praha 1955
14. M. Vey. Morphologie du tchèque parlé. Paris 1946
15. Z. Stieber. Zarys dialektologii języków zachodnioslowiańskich. Z wyborem textów gwarowych. Warszawa 1956
16. V. Vážný. Československá nářečí, I, Praha 1949

Подробную библиографию по диалектологии см.:
B. Havránek. Nářečí česká. „Československá vlastivěda", III, Praha 1934, str. 215—218; обзор работ с 1934 по 1950 гг. см.: J. Bělič, Časopis pro moderní filologii, čís. 34, 1951, приложение Philologica, str. 34—35

V

1. B. Havránek. Vývoj spisovného jazyka českého. „Československá vlastivěda". Praha 1936
2. J. Bělič. Sedm kapitol o češtině (kap. I, II, VII). Praha 1955
3. Fr. Trávníček. Úvod do českého jazyka (kap. IV, V, VI, VII). Praha 1958
4. V. Vondrák. Vývoj současného spisovného jazyka. Brno 1926
5. M. Cirklová. Vývoj jazyka českého. Praha 1955
6. M. Weingart. Český jazyk v přítomnosti. Praha 1934
7. V. Flajšhans. Nejstarší památky jazyka a písemnictví českého. Praha 1903
8. V. Flajšhans. Náš jazyk mateřský. Praha 1924
9. Spisovná čeština a jazyková kultura. Praha 1932

VI

1. Fr. Trávníček. Slovník jazyka českého. Praha 1952
2. Slovník spisovného jazyka českého. Sv. 1 (A—M), Praha 1960
3. Holub-Kopečný. Etymologický slovník jazyka českého. Praha 1952
4. V. Machek. Etymologický slovník jazyka českého a slovenského. Praha 1957
5. F. Šimek. Slovníček staré češtiny. Praha 1947
6. Velký rusko-český slovník. ČSAV, Praha 1952
7. Pravidla českého pravopisu. Praha 1957; školní vydání — 1958
8. А. И. Павлович. Чешско-русский словарь. Москва 1959
9. Příruční slovník jazyka českého (akademický). Praha 1935—1957